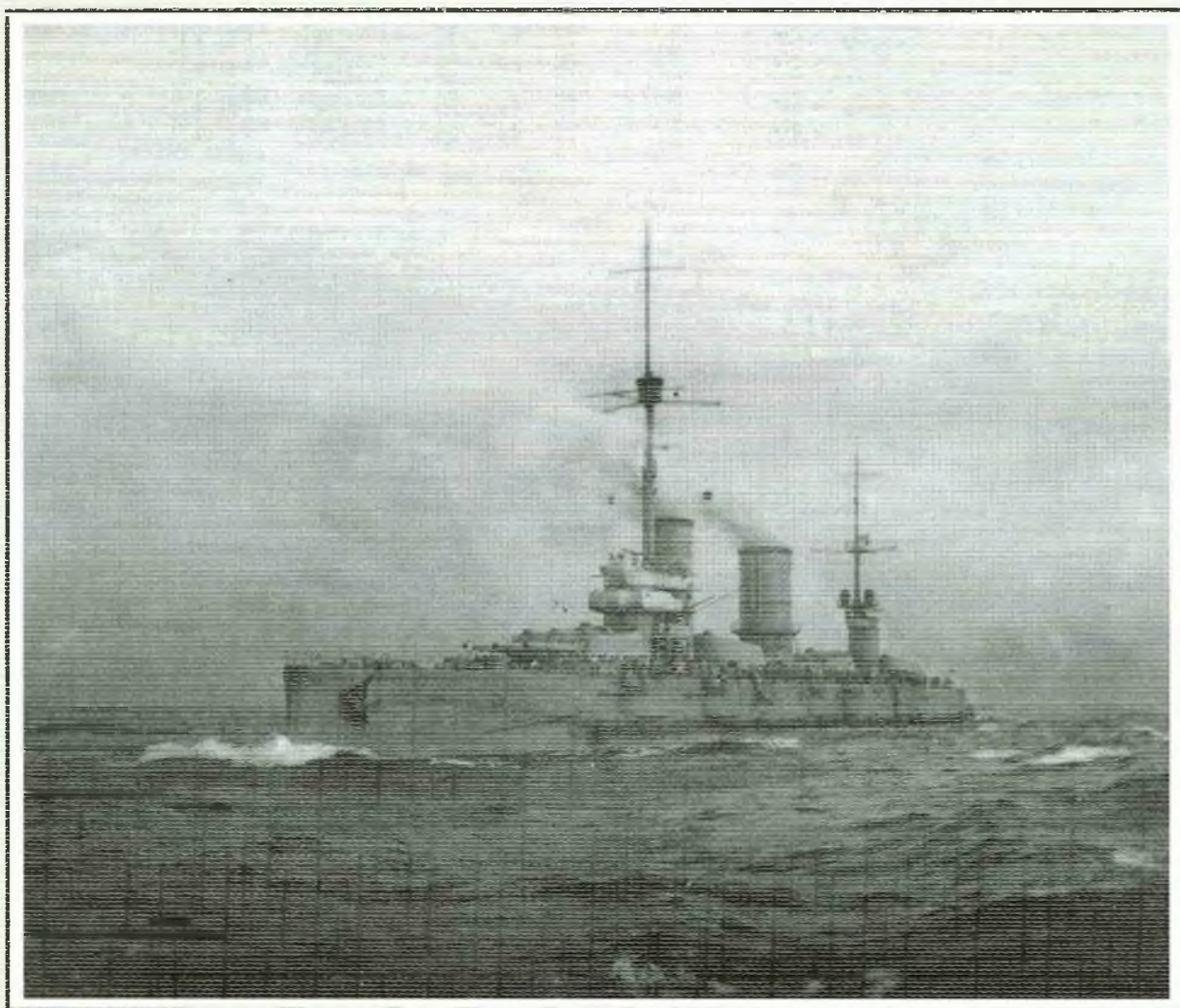

БОЕВЫЕ КОРАБЛИ МИРА

И.Ф. Цветков, Д.А. Бажанов

ДРЕДНОУТЫ БАЛТИКИ

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ ТИПА "СЕВАСТОПОЛЬ"
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ
(1914-1919 гг.)

«ИСТФЛОТ»

2009

И.Ф. Цветков, Д.А. Бажанов

ДРЕДНОУТЫ БАЛТИКИ

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ ТИПА "СЕВАСТОПОЛЬ"
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ
1914-1922 гг.

Историко-культурный центр
АНО «ИСТФЛОТ»
2009 г.

И.Ф. Цветков, Д.А. Бажанов Дредноуты Балтики. 1914-1922 гг.
Самара: Издатель Р.Р. Муниров, 2009. — 200 с.: илл.

Более 30 наименований книг из серии “Боевые корабли мира”
в магазинах **Москвы:**

1. “Техника Молодежи”, М. “Проспект Мира”, с/к “Олимпийский”, 7,9 и 9-а подъезды 5 этаж.
Тел. (495) 933-64-41, 505-40-37. С 10 до 20 ч. без перерывов и выходных, с доставкой книг по Москве
курьером. Интернет: <http://www.club-tm.ru>, E-mail: info@club-tm.ru

2. “Транспортная Книга”, М. “Красные Ворота”, ул. Каланчевская д. 1. Тел. (495) 262-25-13. С
09 до 21 ч. без перерывов и выходных.

в магазинах **Санкт-Петербурга:**

1. “Академкнига”, Литейный пр. д. 57.

2. “Варяг”, ул. Малая Морская, д. 8.

3. Центральный музей военно-морского флота, Биржевая пл. д. 4.

Издатель и автор выражают благодарность
Д.М. Васильеву, А.Ю. Емелину и Б.Я. Скобло,
за помощь, оказанную при издании этой книги

Глава I

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

В СОСТАВЕ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

19 июля (1 августа) Германия объявила войну России. Она явилась результатом обострения противоречий между империалистическими государствами, стремившимися к переделу уже поделенного мира, к захвату новых колоний, рынков сбыта и источников сырья.

Война велась между двумя враждебными группировками государств. Одна из них составляла так называемый Союз центральных держав во главе с Германией. В него входили также Австро-Венгрия, и первоначально Италия, позже к этому союзу примкнули Турция и Болгария. Этой группировке противостояло Тройственное соглашение — Антанта, куда вошли Англия, Франция и Россия. Впоследствии к ней присоединились Япония, Румыния и вышедшая из Союза центральных держав Италия.

В военных действиях на морских театрах первой мировой войны принимали участие со стороны России Балтийский и Черноморский флоты, а также флотилия Северного Ледовитого океана.

К началу войны русский Балтийский флот (командующий вице-адмирал Н.О. фон Эссен), кроме вступившего в строй в 1913 г. эскадренного миноносца “Новик”, практически не имел ни одного современного корабля. В его состав входили 4 устаревших линейных корабля, 6 броненосных крейсеров, 4 легких крейсера, 21 эскадренный миноносец, несколько десятков устаревших миноносцев, 6 минных заградителей, 6 канонерских лодок, 13 подводных лодок, несколько тральщиков и другие малые корабли. К этому времени германский флот на Балтике (командующий гросс-адмирал Генрих Прусский) располагал 9 крейсерами, 16 эскадренными миноносцами и 4 подводными лодками. Однако немцы могли в любое время перебросить туда из Северного моря через Кильский канал и главные силы “Флота открытого моря”.

Считая, что с началом войны флот противника попытается высадить на восточном побережье Финского залива морской десант с целью захвата русской столицы, верховное командование России ставило перед Балтийским флотом задачу не допустить немецкие корабли в этот район, надежно защитив подступы к Петрограду.

Так как Балтийскому флоту предстояло, как считало командование, иметь дело с более сильным противником, идея плана операций морских сил, утвержденная в 1912 г., сводилась к тому, чтобы боем на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции оказать упорное сопротивление германскому флоту при попытке его прорваться в восточную часть Финского залива. В качестве такой позиции, которая облегчила бы ведение боя, была выбрана Нарген-Порккалаудская, получившая название Центральной. Основой позиции должно было стать минное поле из нескольких линий якорных мин, рас-

положенное в самой узкой части Финского залива между островами Нарген (Найссар) и Макнлото (Мяки-луото). Южный фланг позиции прикрывали две артиллерийские батареи на о. Нарген и еще одна батарея на северном фланге позиции, на мысе Порккала-Удд.

Для постановки минного заграждения на Центральной позиции были выделены специальные силы — отряд минных заградителей. Главным силам Балтийского флота ставилась задача выйти в море и в случае обнаружения противника на подступах к Центральной позиции задержать его боем до окончания постановки минного заграждения. Затем основные силы флота должны были сосредоточиться для решительного боя за Центральной минно-артиллерийской позицией.

В ночь с 17 (30) на 18(31) июля по приказу командующего флотом Н.О. фон Эссена заградители “Амур”, “Енисей”, “Ладога”, “Нарова” выставили минное заграждение на Центральной позиции. Прикрывала их бригада линейных кораблей “Цесаревич”, “Слава”, “Император Павел I” (линейный корабль “Андрей Первозванный” находился в ремонте в Кронштадте). В последующем минное заграждение систематически возобновлялось и усиливалось.

Германское командование, получив сведения о Центральной минно-артиллерийской позиции, в начале войны не решилось предпринять наступательные действия в Финском заливе и поставило своему флоту в Балтийском море ограниченную задачу — выявить оборону русского флота, чтобы при благоприятных условиях осуществить прорыв в Финский залив.

Таким образом, русскому флоту, готовившемуся к борьбе против всего германского флота, в начале войны пришлось иметь дело с его второстепенными силами. В этой обстановке русское командование решило внести в оперативный план изменения.

В соответствии с новыми задачами флоту предписывалось наряду с обороной морских подступов к Петрограду вести активные действия на коммуникациях противника в южной части Балтийского моря. С этой целью отряды русских кораблей осуществляли активные минные постановки у Данцига, Свиномюнде и других военно-морских баз Германии. Эти постановки парализовали движение боевых кораблей и торговых судов противника, вынудили его использовать свой флот главным образом для борьбы с минной опасностью.

В результате активных действий русского флота в кампании 1914 г. германский флот на Балтийском море потерял броненосный крейсер, легкий крейсер, тральщик и девять транспортов, неоднократно прекращались морские сообщения со Швецией, что серьезно ухудшило снабжение германской промышленности стратегическим сырьем.

Снаряды орудий главного калибра
на палубе линкора "Гангут"

Общая обстановка на Балтийском море в 1914 г. изменилась в пользу русского флота. В конце 1914 г. - начале 1915 г. русский флот на Балтике значительно усилился за счет вступления в строй четырех новых линейных кораблей "Севастополь", "Гангут", "Полтава", "Петропавловск". Они составили 1-ю бригаду линейных кораблей Балтийского флота. В кампании 1915 г. флот пополнился также двумя новыми эскадренными миноносцами-"новиками" "Победителем", "Забиякой" и тремя большими подводными лодками.

В начале 1915 г. Ставка утвердила новое боевое расписание Балтийского флота. В нем был разработан план боя на Центральной минно-артиллерийской позиции, который оставался без существенных изменений до конца войны. По этому плану главные силы флота делились на шесть маневренных групп. Первая группа — линейные корабли "Петропавловск", "Гангут" и легкий крейсер "Олег"; вторая — линейные корабли "Севастополь", "Полтава" и броненосный крейсер "Россия"; третья — линейные корабли "Андрей Первозванный", "Император Павел I" и легкий крейсер "Богатырь"; четвертая — линейные корабли "Слава" и "Цесаревич"; пятая — броненосные крейсеры "Рюрик", "Адмирал Макаров" и

"Баян" и шестая группа — броненосный крейсер "Громобой" и легкие крейсера "Аврора" и "Диана".

"Общая задача, — указывалось в расписании, — не пропустить противника к востоку от Центральной позиции, для чего вступить в решительный бой при его намерении форсировать минное поле и уничтожить вступившие на него суда".

Линейные корабли первой — четвертой групп должны были орудиями главного калибра совместно с береговой артиллерией вести огонь по основным силам противника, форсирующим минные заграждения, а противоминной артиллерией совместно с крейсерами всех шести групп — по тральщикам.

Германское верховное командование планировало в 1915 г. развернуть широкое наступление на Восточном фронте, чтобы в кратчайший срок разбить русскую армию. Главный удар намечалось нанести со стороны Восточной Пруссии и из Галиции. Фланг германских сухопутных войск, наступавших вдоль побережья Прибалтики, должен был поддерживать отряд кораблей Балтийского моря, усиленный двумя броненосными крейсерами, четырьмя эскадренными миноносцами и семью подводными лодками.

Русский Балтийский флот в этой кампании продолжал активно действовать на морских сообщениях противника. По-прежнему минные заграждения, выставленные русскими кораблями, затрудняли боевые действия германского флота и перевозки на Балтике.

С выходом германских войск к побережью Рижского залива их левый фланг оказался в оперативной зоне русских кораблей. Поэтому германское морское командование решило провести в августе операцию по прорыву в Рижский залив, но она закончилась неудачей. Хотя германский флот понес несравненно большие потери, чем русский, эта операция показала слабость русских морских сил, выделенных для обороны Ирбенского пролива, в состав которых входили наряду с другими кораблями старые линейные корабли додредноутного типа "Цесаревич" и "Слава". Новые линкоры командующий флотом мог использовать только с разрешения Ставки. Обычно, когда это разрешение поступало, надобность в их использовании уже отпадала.

В ожидании новой попытки прорыва германских кораблей перед русским командованием встала задача усилить оборону Рижского залива. 21 августа командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский, которому оперативно подчинялся Балтийский флот, издал новую директиву, в которой главная задача флота оставалась без изменений, но указывалось на необходимость препятствовать прорыву противника в Рижский залив и прочно удерживать Моонзундскую позицию. При этом впервые командующему флотом по своему усмот-

рению разрешалось использовать два любых новых линейных корабля и 2-ю бригаду линкоров. К этому времени новые линкоры на практике отработали основные задачи. Линкор "Гангут" еще в начале мая 1915 г. успешно провел артиллерийские стрельбы. В течение лета он несколько раз выходил в море, маневрировал между Гельсингфорсом и Ревелем, отрабатывая задачи совместного плавания, уклонения от подводных лодок, постановку противоторпедных сетей.

Во исполнение директивы генерала Рузского командование флота решило усилить минные заграждения в Ирбенском проливе. В качестве сил прикрытия выделялись два новых линкора "Гангут" и "Севастополь", крейсера "Богатырь" и "Олег". 27 августа 1915 г. эскадренный миноносец "Новик" и восемь других эсминцев поставили 310 мин у входа в Ирбенский пролив со стороны моря. Прикрывавшие постановку линкоры держались к югу от 58-й параллели, а крейсера находились перед входом в пролив. Операция осуществлялась в условиях сильного шторма.

Глубокой осенью 1915 г. русское командование решило выполнить в темное время суток крупную минную постановку южнее о. Готланд в операционной зоне германского флота, чтобы затруднить использование его главных сил и нарушить морские сообщения между Килем, Данцигом и занятой в мае 1915 г. германскими войсками Либавой. Проведение этой минной постановки несколько задержалось по сравнению с первоначальными сроками по ряду причин, главной из которых было революционное выступление моряков линкора "Гангут" и крейсера "Рюрик", о чем будет рассказано ниже. Для выполнения этой операции выделялись броненосный крейсер "Рюрик", крейсера "Адмирал Макаров", "Баян" и "Олег", составившие отряд постановки. В отряд прикрытия были включены линейные корабли "Гангут" и "Петропавловск", эскадренный миноносец "Новик", шесть "угольных" эскадренных миноносцев и пять подводных лодок.

Оба отряда вышли на задание в 15 ч 30 мин 10 ноября. Корабли шли в кильватерной колонне. Впереди — дивизион эскадренных миноносцев, обеспечивающих противолодочную оборону, за эсминцами следовали крейсера "Баян" и "Адмирал Макаров", линейные корабли "Петропавловск" (под флагом командующего эскадрой контр-адмирала Л.Б. Кербера) и "Гангут", броненосный крейсер "Рюрик", на котором держал флаг начальник 1-й бригады крейсеров. Замыкал строй крейсер "Баян". Эскадренный миноносец "Новик" шел в охранении линкора "Петропавловск", с правого борта флагмана.

Фарватеры, через которые предполагалось движение кораблей, были тщательно протралены. По плану операции противолодочную оборону осуществляли два дивизиона эскадренных миноносцев. Эсминцы сильно качало и заливало водой, поэтому командующий эскадрой принял решение отправить их в базу. Эскадра прошла линию германского дозора и минные заграждения в

"Гангут" на Большом Кронштадтском рейде

темноте, не замеченной противником. Около 9 ч 11 ноября крейсера выстроились в строй двойного уступа, легли на курс 307° и начали минную постановку. В левой колонне находились "Баян" и "Рюрик", в правой — "Адмирал Макаров" и "Олег". Линейные корабли "Гангут" и "Петропавловск" в охранении эскадренного миноносца "Новик" заняли позицию мористее крейсеров. С 9 ч 12 мин до 11 ч 45 мин крейсера выставили 560 мин. По окончании операции корабли выстроились в походный ордер, в центре которого находились линкоры "Гангут" и "Петропавловск", и легли на обратный курс.

Корабли возвратились необнаруженными, несмотря на светлое время суток. Это объяснялось тем, что германские эсминцы не могли выйти в море из-за штормовой погоды, а дозорные крейсера по распоряжению командования в светлое время суток отстаивались в Виндаве, опасаясь атак подводных лодок. 12 ноября вся эскадра благополучно возвратилась в базу. В этот же день на выставленном минном заграждении подорвался германский крейсер "Данциг", получивший серьезные повреждения.

В конце ноября штаб Балтийского флота приступил к разработке и подготовке новой операции по постановке минного заграждения к юго-востоку от о. Готланд, чтобы окончательно перекрыть морские коммуникации из Кили и Данцига в Либаву. Для ее проведения выделялись отряд прикрытия в составе линкоров "Гангут" и "Петропавловск", эскадренного миноносца "Новик" и 6-го дивизиона эсминцев, отряд постановки в составе 1-й бригады крейсеров ("Рюрик", "Олег", "Баян", "Адмирал Макаров", "Богатырь").

Противоминное обеспечение возлагалось на дивизию траления, а противолодочное — на 7-й и 8-й дивизионы эскадренных миноносцев. Руководство этой операцией возлагалось на командующего эскадрой. Для ее выполнения выбрали период новолуния, начинавшийся с 3 декабря. Но 4 декабря 1915 г., когда выделенные силы были уже развернуты, командующий флотом задержал корабли в связи с обнаружением германских подводных лодок U 17 у Мариехамна (Аландские о-ва) и U 66 у входа в Финский залив. Как выяснилось позже, они охраняли германские корабли, которые в ночь с 4 на 5 декабря у Люзерпорта осуществляли минную постановку.

Линкор "Гангут" во время стрельбы из орудий главного калибра

5 декабря после проведения воздушной разведки отряды прикрытия и постановки вышли в море и в 15 ч 45 мин соединились на рейде о. Эре. Северо-западный ветер не превышал 4 баллов, море было спокойным, видимость средняя. Погода благоприятствовала минной постановке. С наступлением темноты эсминцы противолодочного обеспечения вернулись в базу. Как и в прошлой операции, корабли в полной темноте благополучно пересекли немецкие дозорные линии и спокойно миновали минные заграждения. Русские корабли следовали всего лишь в 20 милях от немецких крейсеров, возвращавшихся с минной постановки у Люзерорта, но от выполнения задачи не отказались. В 7 ч 55 мин 6 декабря отряды подошли к месту назначения.

Отряд прикрытия во главе с линкорами "Гангут" и "Петропавловск" занял позицию к западу от заданного района, а крейсера, образовав строй двойного уступа, в 8 ч 30 мин по сигналу командующего эскадрой начали ставить мины. В правой колонне следовали крейсера "Богатырь" и "Рюрик", а в левой — "Олег", "Баян" и "Адмирал Макаров". Поставив в две линии 700 мин, корабли в 10 ч 15 мин завершили операцию и 7 декабря 1915 г. благополучно прибыли в Ревель. 13 января 1916 г. на этом заграждении подорвался немецкий легкий крейсер "Любек", потеряв ход и управление.

Главная задача, стоявшая перед Балтийским флотом в кампании 1915 г., — не допустить германский флот в восточную часть Финского залива — была выполнена, несмотря на то что германское командование, пользуясь пассивностью английского флота, неоднократно перебрасывало с Северного моря основные силы своего флота для создания численного превосходства. Высокую доблесть и боевую выучку проявили экипажи русских кораблей. Однако морское командование не сумело полностью раскрыть возможности Балтийского флота. Новейшие

линейные корабли "Гангут", "Севастополь", "Петропавловск", "Полтава" практически бездействовали и использовались только для прикрытия минных постановок.

Неудачи германского флота в кампании 1915 г. во многом определили характер его действий в следующем году. Не планируя наступательных действий на приморском стратегическом направлении Восточного фронта, германское верховное командование в конце кампании 1915 г. отозвало с Балтики корабли "Флота открытого моря", чтобы усилить военно-морские силы, направленные против англичан. Поэтому штаб Балтийского флота считал маловероятным прорыв германского флота в Финский залив.

В начале 1916 г. Балтийский флот перешел в оперативное подчинение непосредственно Ставке, при которой был создан Морской штаб. На кампанию 1916 г. перед Балтийским флотом была поставлена задача не допустить проникновения противника к востоку от Центральной минно-артиллерийской позиции в Финском заливе. На основании этой директивы был разработан план, состоявший из двух частей; оборонительной и наступательной. Вторая часть плана сводилась "к уничтожению всякой более слабой части неприятельского флота и всех коммерческих его судов каждый раз по выходе их в море".

К решению этой задачи были привлечены эскадренные миноносцы типа "Новик". Линейные корабли в боевых операциях флота не участвовали, хотя теперь командующий флотом мог использовать их по своему усмотрению.

Почти весь 1916 г. линкор "Гангут" простоял на Гельсингфорском рейде. Командир линкора капитан 1 ранга М.А. Кедров (вступил в должность вместо капитана 1 ранга Н.М. Григорова 12 июня 1915 г.) получил чин контр-адмирала и был назначен начальником Минной

“Гангут” в боевом походе

дивизии. “Гангутом” стал командовать капитан 1 ранга П.П. Палецкий (1877- ? гг.). До этого он был старшим офицером на линкоре “Слава”, командиром эскадренных миноносцев “Расторопный”, “Финн”, в 1914-1915 гг. командовал эскадренным миноносцем “Новик”, сменив на этом посту капитана 1 ранга Д. Н. Вердеревского.

Наступила зима 1915/16 г. Линейный корабль “Гангут” вместе с другими линкорами вновь вмерз в лед Гельсингфорского рейда. Корабли замаскировали, побелив известью, установили телефонную связь с берегом. Начались строевые занятия, ремонт механизмов.

Молодые матросы под руководством офицеров изучали уставы, оружие и корабельную технику.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ МОРЯКОВ “ГАНГУТА”

Империалистическая война обнажила все противоречия самодержавного строя. Неудачи на фронте и хозяйственная разруха вызывали острое недовольство трудящихся. С самого начала войны царское правительство запретило деятельность большинства профсоюзов, часть рабочих перевели в разряд военнообязанных и установили для них воинские порядки. Тысячи большевиков были брошены в тюрьмы, отправлены на каторгу и в ссылку. Около 40 % кадровых рабочих, и прежде всего революционно настроенных, было мобилизовано в армию и на флот.

В 1914 г. на Балтийском и Адмиралтейском заводах в Петрограде еще достраивались линкоры “Петропавловск”, “Севастополь”, “Гангут” и “Полтава”. Экипажи этих кораблей вместе с рабочими устанавливали электродвигатели, трансформаторы и другое оборудование, прокладывали электрические и телефонные линии. “Вся наша команда, — вспоминает бывший матрос с “Гангута” Д. И. Иванов, — быстро сдружилась с электрика-

ми, слесарями, кузнецами Адмиралтейского судостроительного завода, прониклась их настроениями и мыслями. Рабочие стали приглашать матросов на митинги и сходки, где выступали представители Петербургского комитета партии”.

В июле, еще до начала войны, рабочие Адмиралтейского завода совместно с путиловцами, балтийцами и рабочими Франко-Русского завода провели политическую забастовку. Среди матросов “Гангута” и “Полтавы” вели пропаганду большевики В.В. Дубровин, С.А. Деменов и Т.П. Малютин.

Министр внутренних дел еще в начале 1914 г. с тревогой сообщал морскому министру о том, что “центры революционной пропаганды во флоте направляют все усилия к проникновению под видом рабочих на строящиеся военные суда партийных лиц и пропагандистов для того, чтобы они, как это было на судах “Севастополь”, “Полтава”, “Гангут” и “Петропавловск”, могли бы вести среди команды планомерную революционную пропаганду”.

Однако подъем революционного движения на флоте, наметившийся в 1914 г., с началом войны затормозился. Это явление отмечалось не только на Балтийском флоте, оно было характерно для России в целом. Значительная часть населения страны поддалась буржуазно-шовинистической пропаганде, развернутой аппаратом государственной власти, буржуазными и соглашательскими партиями.

На Балтийском флоте война вначале также вызвала национал-шовинистические настроения среди личного состава кораблей и частей. Приказ командующего флотом адмирала Н.О. фон Эссена о начале военных действий был встречен матросами и солдатами криками “ура!”. Матросские массы стремились идти в бой, выражали недовольство неудачами на фронтах и пассивнос-

тью флота, особенно больших кораблей — линкоров и крейсеров, которые почти не выходили за пределы Центральной минно-артиллерийской позиции.

Но империалистическая война не смогла надолго затормозить революционный процесс, наоборот, она привела к резкому обострению классовых противоречий и еще более ускорила созревание революционной ситуации.

На формирование настроений матросов большое влияние оказывали пришедшие на флот по мобилизации рабочие петроградских заводов и особенно призванные из запаса участники революционных событий 1905-1907 гг. и 1910-1912 гг., опытные и закаленные в борьбе члены РСДРП(б). В 1915 г. товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий писал в Ставку верховного главнокомандующего, что с объявлением войны в Балтийский флот поступило весьма значительное число запасных, принимавших участие в матросских беспорядках: “Этот неблагонадежный элемент растлевающее действует на всю массу чинов флота, но устранить этот элемент невозможно по двум причинам: во-первых, потому что флоту нужны обученные люди, и, во-вторых, потому что почти все запасные заражены революционной идеологией и выловить их невозможно, так как им сочувствуют и их укрывают многие другие матросы”. На кораблях стали появляться нелегальные революционные издания и листовки.

Командование флота и жандармерия принимали суровые меры по борьбе с распространением революционных идей среди матросов и солдат приморских крепостей. Революционно настроенных матросов списывали с кораблей за “неблагонадежность” во флотские экипажи и в сухопутные части, готовившиеся для отправки на фронт. Весной 1915 г. комендант Кронштадтской крепости генерал-лейтенант Н.С. Маниковский докладывал главнокомандующему 6-й армией, что в Кронштадте следственная тюрьма, все карцеры, блокив “Волхов”, превращенный в тюрьму, переполнены неблагонадежными матросами.

Поражение царских войск на фронтах и ухудшение внутриэкономического положения страны летом 1915 г. еще более обострили политическую обстановку на Балтийском флоте. Недовольство империалистической войной, военной службой, ненависть к офицерам постепенно перерастали в недовольство существующими порядками на флоте и государственным строем в стране. Настроения матросских масс приобретали подлинно революционный характер. Так на Балтийском флоте создались благоприятные условия для развертывания партийной работы и роста большевистских партийных организаций.

К осени 1915 г. партийные группы и ячейки возникли на многих кораблях и в береговых частях Балтийского флота. Наиболее сильные большевистские партийные организации в это время были на линейных кораблях “Император Павел I”, “Петропавловск”, “Цесаревич” и крейсерах “Адмирал Макаров”, “Аврора” и “Диана”.

Руководил партийной организацией на “Гангуте” В.Ф. Полухин, не новичок на Балтийском флоте. Ранее он служил на крейсере “Адмирал Макаров”, подписался на сверхсрочную службу, но был уволен с флота в 1913 г. “по неблагонадежности”. С началом войны его призва-

ли из запаса на флот и назначили гальванером на линейный корабль “Гангут”. Чуть раньше В.Ф. Полухина призыва во флот он работал на Константиновском железопркатном заводе и на рудниках Кривого Рога, принимал участие в рабочем движении. Полухин и Пронский развернули пропаганду большевистских идей на корабле, стали вовлекать в подпольную работу наиболее надежных матросов. Местом сбора стала гальваническая каюта. Частыми гостями были матрос Павел Куренков, кочегарный унтер-офицер Григорий Ваганов, матрос 1-й роты Ефим Фадеев, матрос 3-й роты Иван Исачкин, комендор Александр Санников, машинист Михаил Петров и гальванеры Питляк, Ерофеев, Талалаев, Мазуров. На “Гангуте” и других кораблях 1-й бригады линкоров были организованы кружки революционно настроенных матросов. Для большей конспирации они строились по пятеркам. В роте могло быть две-три такие пятерки, не связанные между собой, а иногда даже пять-шесть. Матросы знали только руководителя пятерки.

Однако партийные организации кораблей и береговых частей Гельсингфорса и Свеаборга не были связаны не только с руководящими органами партии, но и между собой. Это подтверждает в своих воспоминаниях один из старейших балтийских большевиков-подпольщиков Н.А. Ховрин, служивший в то время на линкоре “Император Павел I”. “К осени 1915 г. наша подпольная организация была уже довольно многочисленной, но нас беспокоило отсутствие связи с другими кораблями и базами”.

На флоте назревала революционная ситуация, и все острее вставал вопрос об объединении разрозненных ячеек на кораблях и в частях, об организации надежной связи с руководством большевистской партии в целях сплочения революционных сил и предотвращения стихийных выступлений матросов отдельных кораблей.

Первыми на Балтийском флоте против жестокого обращения и произвола офицеров, плохих условий быта и пищи в сентябре 1915 г. выступила команда броненосного крейсера “Россия”. С корабля списали 16 матросов, в том числе руководителя большевистской организации Т.И. Ульянцева. Но разгромить большевистскую организацию корабля не удалось. Вскоре ее возглавил Л.П. Чубунов.

Решающим событием в жизни Балтийского флота, еще раз показавшим необходимость объединения партийных организаций отдельных кораблей и береговых частей, установления надежной связи с Петроградским комитетом (ПК) РСДРП(б), явилось революционное выступление моряков линейного корабля “Гангут” в октябре 1915 г.

Из донесения командующего флотом Балтийского моря В.А. Канина главнокомандующему войсками Северного фронта Н.В. Рузскому о волнениях, на линейном корабле “Гангут” 22 октября 1915 г. Секретно

“Доношу Вашему Высокопревосходительству, что 19-го сего октября вечером на линейном корабле “Гангут” произошли беспорядки, предлогом для которых послужило недовольство команды пищей. Принятыми на корабле личным составом мерами беспорядки в тот же вечер были прекращены”.

Что же на самом деле скрывалось за скупыми строками донесения, в котором события на линкоре “Гангут” командующий флотом Балтийского моря В.А. Канин именовал “беспорядками”?

В сентябре и октябре 1915 г. линкор “Гангут” стоял на бочках на внутреннем Свеаборгском рейде Гельсингфорса. Команда корабля снимала защитные противоторпедные сети, которые оказались малоэффективными против современных торпед, значительно снижали скорость корабля и ухудшали его маневренность.

17 октября во второй половине дня строевой матрос 3-й роты И. Михайлов, неся вахту у корабельной рынды, вытащил из кармана бушлата какую-то бумажку и стал ее читать. Когда матрос закончил чтение и сунул бумажку за голенище сапога, к нему быстро подошел лейтенант Б.Г. Кньюфер, который все время наблюдал за ним. В этот же момент из боевой рубки вышел вахтенный офицер лейтенант А.Н. Королев. Быстро сообразив в чем дело, Михайлов строевым шагом подошел к вахтенному офицеру, вынул из-за голенища бумажку и четко доложил: “Ваше благородие, кто-то сунул мне в карман бушлата эту бумажку”. Королев взял бумажку, прочел ее, а затем показал лейтенанту Кньюферу. Оказалось, что это написанная печатными буквами листовка, в которой матросы 2-й бригады линейных кораблей призывали к забастовке 1-ю бригаду.

Посовещавшись, оба офицера быстро скрылись в соседнем люке. Через 15-20 минут Михайлова вызвали в каюту командира корабля капитала 1 ранга Кедрова. Там уж находились ревизор корабля, старший офицер и лейтенанты Королев и Кньюфер. На столе перед Кедровым лежала листовка. “Как попала к тебе эта листовка?” — сразу же последовал вопрос командира корабля. Михайлов повторил то же самое, что доложил вахтенному офицеру. Допрос продолжался более 2 часов, но матрос упорно стоял на своем. Утром следующего дня Михайлова в сопровождении двух конвоиров посадили в шлюпку и отправили на блокшив № 3, который служил плавучей тюрьмой.

О появлении листовок на линкоре показали также на следствии матрос Безруков, фельдфебель Понурин, боцман Комиссаров и унтер-офицер Хандриков. Но сами листовки следствию представлены не были, куда они исчезли так и не установили. Так как большевики выступали против неподготовленных стихийных действий, можно предположить, что листовки исходили от анархо-эсеровских элементов, которых в то время было много на линейных кораблях 1-й и 2-й бригад. По-видимому, листовок на корабле было немного и с ними не успели ознакомиться все матросы. Поэтому связывать выступление моряков, происшедшее через несколько дней, с появлением листовок, призывающих к открытому бунту, нет оснований.

В боевом походе

После этого случая офицеры корабля, встревоженные появлением прокламаций, стали проявлять еще большую жестокость по отношению к матросам, но добились совершенно противоположных результатов.

19 октября с утра на “Гангуте” началась погрузка угля. В предутреннем тумане к борту линкора пришвартовались баржи, груженные углем. Команда корабля поротно разошлась к отведенным расписанием местам погрузки. На кормовой башне заиграл духовой оркестр, начался аврал по погрузке. Часть матросов спустилась в трюмы баржи и засыпала уголь в большие шестипудовые мешки, окантованные тросом. Мешки с углем подтаскивали к огромным люкам в палубе баржи, в которые с линкора опускали специальный стальной трос с петлями. На трос нанизывали 15-20 таких мешков, а затем эту своеобразную гирлянду медленно выбирали корабельной электролебедкой. Мешки тяжело ложились на палубу, и матросы быстро опорожняли их в угольные ямы. Над кораблем и баржами стояло облако черной пыли. Она попадала в глаза, забивалась в нос и горло. Часть угля грузили вручную. Для этого с палубы корабля на тросах спускали специальные беседки, на них грузили мешки, и затем поднимали наверх.

Сменялись угольные баржи у борта линкора, надрывно гремел оркестр. Уставшим людям казалось, что авралу не будет конца. Уже закончилась погрузка на линкорах “Император Павел I” и “Петропавловск”, стоявших рядом. Наконец заполнились и угольные ямы “Гангута”, раздалась команда: “Закончить погрузку угля, начать большую приборку!”.

Бачковые, помывшись первыми, по сигналу: “Команде ужинать!” выстроились в очередь у камбуза за ужином. По традиции, давно установившейся на флоте, в день погрузки угля на ужин выдавали более вкусно приготовленную пищу. И в этот день уставшие, наглотавшиеся угольной пыли моряки ожидали, что на ужин приготовят макароны с мясом, но на камбузе была сварена надоевшая всем гречневая каша с постным маслом. Матросы, столпившиеся у камбуза, зашумели, раздались выкрики: “Не брать кашу!”.

Дежурный по камбузу унтер-офицер Солодянкин начал уговаривать матросов не шуметь и получать кашу. Тогда к нему подбежал матрос В. Лютов и, бросив под

Командирский катер у борта "Гангута"

ноги бачок с кашей, с раздражением заявил: "Ты, шкура, не уговаривай нас, а иди и докладывай: кашу есть никто не будет!". Остальные матросы с пустыми бачками разошлись по кубрикам, чтобы рассказать о случившемся своим товарищам.

Унтер-офицер Солодянкин немедленно доложил о происшествии вахтенному начальнику, а тот — старшему офицеру линкора старшему лейтенанту барону О.Б. Фитингофу, который срочно пришел на камбуз. К этому времени там уже столпилось около двухсот человек. Барон сам попробовал кашу и, обращаясь к окружающим его матросам, начал их убеждать: "Братцы, каша очень вкусная, берите и ужинайте!" В толпе вновь начался ропот, слышались выкрики: "Жри ее сам, дракон!". Барона О.Б. Фитингофа назначили на корабль вместо спокойного, уравновешенного капитана 2 ранга Д.Д. Тыртова, которого сразу невзлюбил новый командир корабля Кедров, и тот вынужден был подать рапорт о списании с линкора. С приходом барона служба матросов стала еще труднее. За малейшие нарушения сажали в карцер, ставили с винтовкой на башню на несколько часов, как говорили "стрелять рябчиков". Начало процветать рукоприкладство. Фитингоф постоянно рыскал по внутренним помещениям линкора, выискивая запрещенную литературу.

На этот раз поняв, что его уговоры не подействуют, старший офицер Фитингоф доложил об отказе от пищи командиру корабля. Капитан 1 ранга Кедров, собиравшийся к съезду на берег, не раздумывая, приказал: "Кашу выбросить за борт, на ужин ничего больше не выдавать!". Через несколько минут после доклада командирский катер лихо отвалил от правого трапа, и командир отбыл на берег.

Гудящая масса нехотя разбрелась по жилым палубам и кубрикам. Слышались возгласы: "Долой немцев с флота! Давай ужин!".

Ровно в 20 ч в соответствии с корабельным расписанием началась вечерняя молитва на церковной палубе. К огромному удивлению корабельного священника

отца Никодима на молитву собралась чуть ли не вся команда. Отец Никодим со страхом заметил, что собравшиеся необычайно возбуждены. Назревал стихийный взрыв, последствия которого было трудно предугадать. И без того взбудораженных матросов подогревали анархисты и эсеры, предлагавшие немедленно захватить корабль.

Большевики разясняли матросам всю бессмысленность такого необдуманного выступления и его пагубные последствия.

Когда вся команда ушла на молитву, в левом кормовом каземате противоминной артиллерии собрались члены большевистской организации линкора и актив из числа революционно настроенных матросов. В.Ф. Полухин, руководивший подпольной большевистской орга-

низацией "Гангута", всеми силами стремился сдержать стихийный порыв моряков и предотвратить их выступление. "Без определенного порядка, без конкретного плана действий мы не сможем ничего сделать, — говорил он, — захватим оружие, офицеров задраим в кают-компании, а дальше как?" Но договориться о конкретных действиях так и не удалось. Закончилась молитва, барон Фитингоф, отдав распоряжения, вышел. Раздалась команда, повторенная десятками боцманских дудок: "Разойдись! Койки брать!". Но матросы шумели и не расходились. Офицеры корабля, совещавшиеся в кают-компании, направились на церковную палубу.

В это время в каземат, где заседали большевики, с криком ворвался гальванер матрос Ерофеев: "С церковной палубы офицеры матросов по кубрикам разгоняют, а вы здесь баланду травите!". Все присутствующие вскочили и побежали за Ерофеевым на палубу. Но было уже поздно. Предотвратить стихийное выступление команды не удалось. В бурлящей матросской массе слышались возгласы: "Бей скорпионов! Долой немцев! Давай ужин!". Услышав крики, барон Фитингоф быстро возвратился и пригрозил команде карцером. Команда не выполнила приказание: "Койки брать!". Матросы с криками хлынули на верхнюю палубу.

Мичман П.Е. Шуляковский попытался задраить дверь на церковной палубе, но этим еще больше возбудил взбунтовавшихся. Едва он успел спрятаться за дверь, как разъяренная толпа уже промчалась мимо него по коридору с криками: "Долой немцев! Да здравствует Россия!".

Дежурный по низам доложил Фитингофу о новой вспышке недовольства и гнева среди матросов. Командирам рот и их помощникам было приказано любыми средствами задержать матросов и не выпускать их на верхнюю палубу. У пирамид с оружием был выставлен усиленный караул из числа надежных унтер-офицеров. Инженер-механик капитан 2 ранга А.К. Тон срочно отбыл на катере в штаб бригады линкоров. Когда офицеры приблизились к церковной палубе, матросы уже неслись ла-

виной по трапу, ведущему на верхнюю палубу. Их действиями никто не руководил. В столпившихся офицеров полетели куски угля, поленья дров, металлические предметы. Самым опасным был момент, когда группа матросов направилась к кают-компани, около которой находились пирамиды с винтовками. На верхнюю палубу уже прорвались около 400-500 человек.

Вахтенный начальник лейтенант Королев вызвал наверх караул, отдал приказание зарядить винтовки. Караул занял место на левом срезе у трапа. Но до открытых столкновений дело не дошло. Старший офицер барон Фитингоф в разгар волнений выхватил заряженный револьвер, однако перепуганные офицеры уговорили его убрать оружие. «Стоило ему выстрелить, — вспоминал участник событий В.С. Лемехов, — и у нас был бы второй «Потемкин»».

Офицеры корабля, оправившись от первого испуга, прибегли к испытанной тактике — вступили в переговоры с матросами. Им нужно было выиграть время, заставить команду повиноваться и отделить зачинщиков беспорядков от общей массы. Накал постепенно спадал.

В 23 ч на корабль вернулся командир линкора капитан 1 ранга Кедров. Фитингоф встретил его у командирского трапа и подробно доложил о событиях, происшедших в его отсутствие. Не заходя в каюту, Кедров приказал свистать всех наверх и построить команду во фронт по большому сбору. Послышались залихватские свистки боцманских дудок, привычные окрики фельдфебелей. Матросы выстроились вдоль бортов линкора. Кедров обошел строй, а затем много говорил об измене, долге перед царем и отечеством, трудностях военного времени. В этот момент к линкору подошел катер с командующим эскадрой вице-адмиралом Л.Б. Кербером. Вот что записал по этому поводу в свой дневник начальник разведки штаба командующего Балтийским флотом И.И. Ренгартен: «Приезжает на «Гангут» Кербер. Вбежав на трап, дает в морду фалрепному, орет что-то непонятное и гневное команде, стоящей во фронте, и уезжает». Наконец командир линкора приказал распустить команду и выдать матросам на ужин чай, мясные консервы и хлеб. После ужина матросы разобрали койки и разошлись по своим кубрикам. Волнения прекратились».

В ночь на 20 октября В.Ф. Полухин вновь собрал большевиков «Гангута». Он еще раз настойчиво разъяснял матросам, что условия для восстания не созрели, что выступление было преждевременным, поэтому нужно сохранить революционные силы и партийную организацию линкора. На случай предполагаемых допросов и арестов выработали четкую тактику — отказываться от дачи показаний, на все вопросы отвечать: «Спал, ничего не знаю».

Экипажи кораблей, стоявших на рейде рядом с «Гангутом», хотели поддержать гангутцев, но большевики, понимая преждевременность восстания, сумели удержать их от выступлений. Решающая роль в этом принадлежала партийной организации линкора «Император Павел I».

На следующий день 20 октября линкор «Гангут» продолжал стоять на внутреннем Свеаборгском рейде. На корабле проводились обычные работы и занятия в соответствии с распорядком дня. Здесь же на рейде на штат-

ных местах якорных стоянок (как и 19 октября 1915 г.) находились броненосный крейсер «Рюрик» под флагом командующего флотом, линейные корабли «Петропавловск», «Полтава», «Андрей Первозванный», «Император Павел I», крейсер «Аврора» и минный заградитель «Амур».

В этот же день на «Гангут» прибыл командующий флотом вице-адмирал В.А. Канин. Команда линкора вновь выстроилась по большому сбору и выслушала речь о верности присяге, о чести русского воина, о войне. Затем роты развели по кубрикам и приказали офицерам — командирам рот — находиться с матросами. Началось разбирательство.

Приказом командующего флотом была создана следственная комиссия в составе контр-адмирала А.К. Небольсина (председатель), капитана 1 ранга А.Г. Бутакова, капитана 2 ранга А.П. Зеленого, капитана 2 ранга В.И. Руднева и полковника А.А. Мартыанова, которая 21 октября 1915 г. прибыла на линкор «Гангут» и приступила к дознанию. После допросов по указанию комиссии 22 октября 1915 г. было арестовано 95 матросов команды линкора «Гангут». Всех под конвоем взвода матросов с броненосного крейсера «Рюрик» на катерах отвезли в Свеаборгскую крепость.

При отправке конвоиров с «Рюрика» часть команды собралась на юте и криками пыталась воспрепятствовать посадке десантного взвода в катера. После этого выступления 28 матросов крейсера «Рюрик» также были арестованы и впоследствии преданы суду.

Катера с арестованными гангутцами направились к Свеаборгской крепости и ошвартовались у Комендантской пристани. Здесь их ожидали солдаты караула, наряженного от гарнизона крепости. Под их конвоем моряков с «Гангута» отвели в казематы Северной батареи № 1 ожидать отправки в Кронштадт. Наиболее активные участники выступления (29 матросов) содержались в отдельном каземате.

На случай возможных беспорядков на батарее № 1 находилась постоянная тройная смена караула с двумя пулеметами, установленными у дамбы и на правом фланге батареи. В числе арестованных находились и руководители большевистской организации линкора «Гангут» В.Ф. Лопухин и К.И. Пронский.

Опыт подпольной работы и тщательная конспирация помогли В.Ф. Полухину избежать суда. Командование флота и следственная комиссия не смогли доказать его принадлежность к большевистской партии, но как неблагонадежный он был разжалован из унтер-офицеров в матросы и переведен вместе с другими участниками выступления в Архангельский дисциплинарный полуэки-

Капитан 1 ранга А.М. Кедров

Линкор "Гангут" перед съемкой с якоря

паж. На севере он продолжал свою революционную деятельность. Унтер-офицера 1-й статьи артиллерийского электрика К.И. Пронского тоже разжаловали в матросы и перевели в Архангельский дисциплинарный полуэкипаж. По подозрению в революционной деятельности с линкора "Гангут" был списан еще один большевик-подпольщик М.А. Афанасьев. Впоследствии он принял активное участие в Февральской и Октябрьской революциях, в ночь с 25 октября 1917 г. штурмовал Зимний дворец, а затем участвовал в подавлении мятежей юнкеров в Петрограде, сражался на фронтах гражданской войны.

Но раскрыть большевистскую организацию линкора "Гангут" царской охранке так и не удалось. В 1916 г. ее возглавил большевик комендор А. Санников.

Вот что писалось в заключении следственной комиссии под председательством командира 2-й бригады, линейных кораблей контр-адмирала А.К. Небольсина по делу о беспорядках на линейном корабле "Гангут" 24 октября 1915 г.

"... Обращаясь к вопросу о причинах возникновения 19 октября беспорядков на линейном корабле "Гангут" комиссия считает, что расследование дела не установило, чтобы беспорядки были результатом выполнения выступления, задуманного какой-нибудь организацией..."

25 октября 1915 г. арестованных на эсминцах доставили в Кронштадт для предания военному суду. Прибытие арестованных гангутцев в Кронштадт крайне взволновало гарнизон крепости и команды стоявших там кораблей.

Из донесения начальника Кронштадтского жандармского управления В.В. Тржецяка главному командиру Кронштадтского порта Р. Н. Вирену от 3 ноября 1915 г. о настроении матросов Балтийского флота в связи с волнениями на линейном корабле "Гангут". № 5570.

"Совершенно секретно"

По поводу ареста матросов с линейного корабля "Гангут" среди матросов идут нескончаемые разговоры, ибо событие это весьма волнует как судовые, так и береговые команды. Матросы высказывают крайнее недовольство за осуществление этих арестов, считая матросов с "Гангута" невиновными... На судах Балтийского флота судовые команды готовы предъявить те же требования, и таковые решено было осуществить в то время, когда суда станут на зимние стоянки, а если таковые не будут удовлетворены, то объявить общую забастовку...

Выступление это произойдет, безусловно, ранее зимы, если арестованные матросы будут судимы и осуждены, если же по отношению к судовым командам будут приняты какие-либо репрессии, то задуманная забастовка может превратиться в настоящий бунт".

Жандармский полковник В.В. Тржецяк был настолько напуган накалившейся обстановкой в Кронштадте и бессилием своего аппарата, что через несколько дней направил еще одно паническое донесение исполняющему обязанности коменданта Кронштадтской крепости А.В. Данилову, в котором повторил: "... Среди матросов циркулируют слухи о том, что если арестованные на линейном корабле "Гангут" матросы не будут освобождены, то стоящие в Кронштадте суда откроют огонь по городу... Общее настроение матросов приподнятое и ненадежное...". Осенью 1915 г. стихийные выступления и массовые протесты имели место и на линкорах "Петропавловск", "Император Павел I", "Цесаревич", учебном судне "Рига", крейсерах "Громобой" и "Баян". Подавление выступлений моряков на крейсере "Россия", линейном корабле "Гангут", броненосном крейсере "Рюрик" и других кораблях Балтийского флота показало бесполезность и пагубность разрозненных действий и необходимость объединения и организации всех революционных сил.

Большевики Балтийского флота после событий на линкоре "Гангут" усилили агитационно-пропагандистскую работу среди экипажей кораблей и активизировали поиски контактов между партийными организациями судов и береговых частей с руководящими органами РСДРП(б) в Петрограде, Гельсингфорсе и других базах флота. Один из видных деятелей большевистской партии на Балтийском флоте Н.А. Ховрин в своих воспоминаниях пишет: "События на "Гангуте" убедительно показывают, что разрозненные выступления не только беспредельны, но даже опасны для общего дела, потому что позволяют властям расправляться с недовольными поодиночке. Это подстегнуло нас. С новой энергией мы начали искать контакты с другими большевистскими организациями..."

В результате усилий большевиков к концу 1915 г. начали налаживаться связи между партийными организациями кораблей. Первыми установили связь между собой большевики кораблей и береговых воинских частей Кронштадта. Представители партийных организаций — судовых коллективов РСДРП(б) образовали в Кронштадте руководящий коллектив, который возглавили большевики И.Д. Сладков, Ф.С. Кузнецов-Ломакин и Г.И. Ульяновцев. Но царская охранка, многочисленные шпики и

провокаторы, напуганные событиями на “Гангуте”, внимательно следили за обстановкой на флоте.

Вот что указывалось в донесении начальника Петроградского охранного отделения в департамент полиции от 3 декабря 1915 г. № 20895 “... За последнее время агентурой вверенного мне отделения отмечено существование военной организации Российской социал-демократической рабочей партии среди нижних чинов Балтийского флота в следующем виде. На каждом корабле функционируют социал-демократические ячейки, избирающие свой коллектив, коллектив каждого корабля имеет своего представителя в руководящем коллективе...”.

26 ноября 1915 г. линейный корабль “Император Павел I” пришел на ремонт в Кронштадт. Большевики руководящего судового коллектива Кронштадта решили воспользоваться этим для установления связи с судовыми партийными организациями кораблей, базировавшихся в Гельсингфорсе. В Кронштадте и состоялась первая встреча представителей партийной организации “Императора Павел I” с членами руководящего кронштадтского судового коллектива, Н.А. Ховриным и И.Д. Сладковым. На этой встрече для переписки по партийным вопросам и связи между судовыми коллективами и главным коллективом был выработан специальный шифр, в частности всем кораблям и береговым частям были присвоены условные наименования. Например, линейный корабль “Гангут” условно называли — Гавриил, “Петропавловск” — Поля, “Полтава” — Паня, “Севастополь” — Сеня; “Император Павел I” — Паша, “Андрей Первозванный” — Афанасий, “Цесаревич” — Коля, “Слава” — Мотя, “Император Александр II” — Клара. Условные наименования получили и 28 партийных организаций кораблей и береговых частей, в том числе и большевистская организация линкора “Гангут”.

Примерно в это же время морякам Кронштадта через матроса 1-го Балтийского экипажа И.И. Писарева удалось установить долгожданную связь с комитетом РСДРП(б) Выборгского района Петрограда. Ее стал поддерживать большевик И.Н. Егоров. Таким образом, с конца 1915 г. судовые большевистские организации на кораблях и в частях Балтийского флота работали уже в контакте с ПК РСДРП(б).

Судовой руководящий коллектив проводил большую агитационно-пропагандистскую и организационную работу в Кронштадте и распространил свое влияние на корабли, базировавшиеся в Гельсингфорсе. Но окончательно оформиться в организационном отношении руководящий коллектив не успел. Его название окончательно в то время не установилось. Так член этого коллектива Ф. С. Кузнецов-Ломакин в 1920-х гг. называл его центральной инициативной группой.

В конце декабря 1915 г. царской охранкой были арестованы И.Д. Сладкое и С.С. Ерохин, и в январе-феврале 1916 г. — Н.А. Ховрин, Н.И. Писарев, Т.И. Ульянов, Ф.С. Кузнецов-Ломакин, В.М. Марусев и др. В конце 1915 г. и в начале 1916 г. состоялся суд над участниками выступлений на линейном корабле “Гангут” и броненосном крейсере “Рюрик”. На основе выводов следственной комиссии моряки обвинялись в том, что “19 октября 1915 г. в военное время на военном корабле “Гангут”, в коман-

де коего состояли они, согласившись предварительно между собой добиться у высшего начальства удаления с корабля старшего офицера старшего лейтенанта барона Фитингофа, стали для приведения такового своего намерения в исполнение возбуждать команду к открытому неповиновению названному обер-офицеру”. В обвинительном акте суд, перечислив “преступные деяния” каждого подсудимого, квалифицировал выступление моряков “Гангута” как восстание.

В приговоре Кронштадтского военно-морского суда от 17-22 декабря 1915 г. по делу о матросах — участниках волнений на линейном корабле “Гангут” говорилось: “... Обращаясь к определению ответственности подсудимых по закону, суд находит, что признаки преступных деяний, совершенных каждым из подсудимых, вполне соответствует понятию явного восстания, предусмотренного ст. 74, 1096 военно-морского устава о наказаниях. На основании этого суд приговорил кочегарных унтер-офицеров Г. Ваганова и Ф. Яцкевича к смертной казни “через расстреляние”, а остальных — к ссылке на каторжные работы до 15 лет.

При сравнении документов следственной комиссии под председательством контр-адмирала Небольсина в Гельсингфорсе и Кронштадтского военно-морского суда, вызывает удивление различная квалификация событий на “Гангуте” в октябре 1915 г. Определение волнений на “Гангуте” как восстание впервые встречается в обвинительном заключении прокурора, а затем в документах Кронштадтского военно-морского суда. Вопреки заключению следственной комиссии и первоначальному мнению командования в них утверждается, что подсудимые матросы будто бы “по предварительному соглашению между собой” решили добиваться увольнения с корабля барона Фитингофа и для приведения этого замысла в исполнение призывали команду к открытому неповиновению. Такая квалификация действий гангутцев, по-видимому, была необходима, чтобы иметь формальное основание для жестокой расправы с революционными матросами.

Однако, учитывая общее недовольство матросов, вызванное арестами на “Гангуте” и опасаясь новых волнений при утверждении приговора, командующий флотом заменил смертную казнь ссылкой на каторгу на восемь лет каждого, а остальным осужденным несколько снизил сроки каторжных работ.

29-30 марта 1916 г. состоялся суд над участниками выступления на броненосном крейсере “Рюрик”, который приговорил трех человек П. Куксова, В. Вырвича, М. Можайко к “лишению всех прав состояния и смертной казни расстрелянием каждого”. Остальных моряков сослали на каторжные работы и в дисциплинарные батальоны на различные сроки. Но, как и первый приговор, он не был полностью приведен в исполнение.

10 апреля 1917 г. на основании общей политической амнистии Временного правительства Временный военно-морской суд в Петрограде вынес определение: “Всех вышеперечисленных воинских чинов команды линейного корабля “Гангут” считать свободными от дальнейшего наказания со всеми оною последствиями”. По той же амнистии были освобождены участники революционного выступления на крейсере “Рюрик”.

Значение революционного выступления гангутцев трудно переоценить. Оно наглядно показало, что в царском флоте зреют революционные силы, что славные дела потемкинцев, солдат и матросов Кронштадта, Свеаборга и Владивостока в годы русской революции не забыты. В то же время выступление моряков “Гангута” ярко продемонстрировало, что с восстанием шутить нельзя, “что всякое несвоевременное, неподготовленное выступление ведет к поражению.

“После события на “Гангуте” неизмеримо вырос авторитет большевиков. Им верили, их слушали, за ними шли. Благодаря разъяснительной работе, проведенной большевиками, ни в 1915 г., ни в 1916 г. стихийных выступлений на флоте уже не было, хотя революционные настроения матросских масс усиливались с каждым днем. Моряки Балтики организованно готовились к решительным событиям Октября 1917 г.

В ОГНЕ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Активную роль сыграли в Февральской буржуазно-демократической революции моряки Балтики. Одной из первых в поддержку восставшего в Петрограде народа выступила команда крейсера “Аврора”, стоявшего в ремонте на Франко-Русском заводе. К ней присоединились команды других кораблей.

В соответствии с боевым расписанием на 1917 г. в Гельсингфорсе находились 1-я и 2-я бригады линейных кораблей (“Севастополь”, “Гангут”, “Полтава”, “Петропавловск”, “Цесаревич”, “Андрей Первозванный”, “Император Павел I” и “Слава”); 2-я бригада крейсеров; отряд надводных минных заградителей; дивизия сторожевых кораблей; 1-й отряд дивизии траления; отряд сетевых заградителей; транспортная флотилия и отряд транспортных судов.

В Ревеле находились 1-я бригада крейсеров, минная дивизия, дивизия подводных лодок (в том числе флотилия английских подводных лодок в составе восьми единиц), 2-й отряд дивизии траления, минные заградители “Волга” и “Урал”. Отряд шхерных судов и минный заградитель “Ильмень” базировались в Або.

Большевистские организации кораблей, стоявших в Гельсингфорсе, получив известие о событиях в Петрограде, договорились с рабочими мастерских Свеаборгского порта о совместном выступлении. В то время партийную работу среди моряков и рабочих порта проводил большевик И.И. Кондратьев, командированный Обуховским заводом для ремонта артиллерийского вооружения.

3 марта в Свеаборге состоялось совещание большевиков армии и флота, на котором “было достигнуто соглашение о совместных действиях команд флота и солдат крепости”. К вечеру этого же дня на кораблях главной базы Балтийского флота началось восстание. Около 20 ч на линейном корабле “Император Павел I” раздался сигнал боевой тревоги, зазвонили колокола громкого боя. Матросы стремительно выбегали на верхнюю палубу с возгласами: “Долой самодержавие!”, “Да здравствует революция!”. Несмотря на многочисленные аресты, партийная организация на этом корабле была наиболее сильной, ею руководили большевики комендор И.Г. Чистяков, унтер-офицер Г.А. Светличный и матрос

В.Н. Алпатов. Офицеры, пытавшиеся оказать сопротивление и остановить матросов, были убиты на месте. Над кораблем, на мачте взвился красный флаг — сигнал к общему восстанию (красный флаг “Н” — “НАШ”, обозначает “Веду артиллерийский огонь” и входит в комплект сигнальных флагов). По этому сигналу выступила команда линкора “Андрей Первозванный”, большевистская организация которого, руководимая матросом А.П. Зариным, уже давно готовила команду к революционному выступлению. Вахтенный офицер линкора лейтенант Г.А. Бубнов, вызвав наверх караул, пытался разогнать моряков, но был убит. Другие офицеры, запершись в кают-компании и арт-погребах, начали отстреливаться, но также были убиты.

С линейного корабля “Император Павел I”, руководившего восстанием, передали сигнал: “Всем кораблям. Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы”. Вскоре на мачтах большинства кораблей взвились красные флаги революции, зажглись красные сигнальные огни на клотиках.

На линкоре “Гангут”, чтобы предупредить самосуд над офицерами, перед командой выступил командир корабля капитан 1 ранга П.П. Палецкий, к которому экипаж относился благожелательно. Он заявил морякам: “Матросы! Вся власть сейчас сосредоточена в руках Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Эти два временных органа власти наводят в столице порядок. Предлагаю команде разойтись в жилые помещения и приступить к выборам ротных и судового комитетов, на которые возлагается наведение дисциплины и порядка на корабле”.

Палецкий и офицеры, с которыми командир корабля предварительно обсудил свое выступление, надеялись, что в ходе выборов в судовую комитет они смогут провести угодных им людей.

В ночь с 3 на 4 марта восстание победило на всех кораблях, стоявших в Гельсингфорсе. Командующий Балтийским флотом А.И. Непенин, пытаясь приостановить события, развивавшиеся в нежелательном ему направлении, демонстративно заявил о переходе на сторону Государственной думы и назначенного ею Временного правительства и решил начать переговоры с восставшими.

Но матросы не доверяли Непенину, чьи приказы о жестокоем поддержании дисциплины на флоте были свежи в памяти. Утром 4 марта с линкора “Император Павел I” была передана радиограмма на все корабли: “Не верьте командующему и не исполняйте его приказаний”. Одновременно в адрес штаба командующего поступила телефограмма: “Все команды судов, потерявшие к вам доверие, требуют временного прекращения издания ваших приказов и телефограмм, которые будут только ухудшать создавшееся положение. У команды временно организуется комитет, который и будет управлять впредь до установления полного порядка”.

Тем временем большевики развернули работу по созданию судовых комитетов — новых органов власти. На многих кораблях матросы отстраняли неугодных командиров и назначали других. На линкоре “Гангут” в состав судового комитета вошел лейтенант Королев, а председателем стал меньшевик унтер-офицер Шадров. Представители соглашательских партий проникли в су-

довые комитеты других кораблей. Это снижало их значение в демократизации флота и тормозило развитие революции.

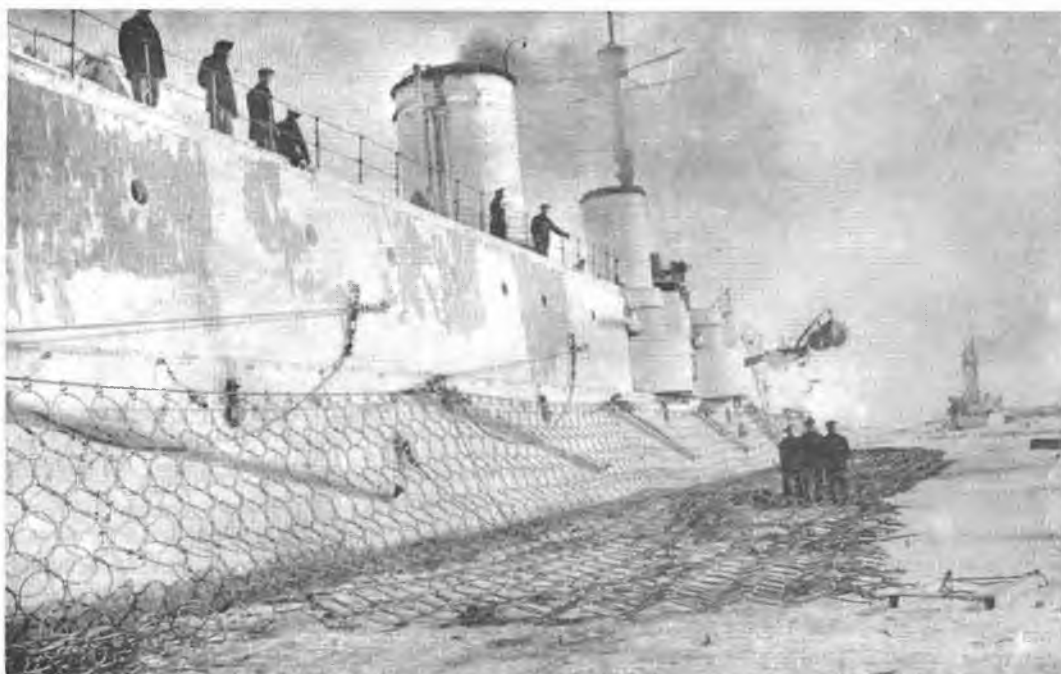
С первых же дней Февральской революции большевики начали работу по освобождению матросских масс из-под влияния соглашательских партий. В нее включилась и большевистская организация линкора "Гангут", объединявшая в своем составе около 50 человек и возглавляемая матросом П. Расторгуевым. Вскоре на "Гангуте" был переизбран меньшевистско-эсеровский судовой комитет и избран новый, большевистский.

По его указанию офицеры "Гангута", отличавшиеся особой жестокостью обращения с матросами, были арестованы и отправлены в Свеаборгскую крепость. 4 марта судовые комитеты выбрали депутатов в Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих. Весь этот день в Гельсингфорсе шли многолюдные собрания, митинги и демонстрации, на которых восставшие заявляли о своем присоединении к рабочим Петрограда. На одном из заседаний Гельсингфорского Совета по предложению П.Е. Дыбенко делегаты объявили об отстранении А.И. Непенина от командования флотом и избрании нового командующего Балтийским флотом начальника минной обороны вице-адмирала А.С. Максимова, пользовавшегося большим доверием матросов.

Непенин, распространявший провокационные слухи о движении войск на Гельсингфорс для подавления восставших и сам веривший в них, отказался сдать дела без приказа Временного правительства и был арестован. Когда его под конвоем выводили с территории Гельсингфорского порта, собралась враждебно настроенная группа матросов. Из толпы раздался выстрел, и адмирал упал. Несколько раньше, 4 марта, был убит контр-адмирал Небольсин, не так давно председательствовавший на "судилище", организованном над моряками "Гангута".

После избрания Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих на Балтийском флоте, как и во всей стране, установилось двоевластие. Одну власть представляло собой командование флота, подчинявшееся приказам Временного правительства, другую — Гельсингфорсский Совет и судовые комитеты на местах.

В первые дни марта произошли революционные перевороты и в других базах Балтийского флота — Ревеле, Або, Аренсбурге, на береговых батареях приморских крепостей. В конце апреля 1917 г. по инициативе матросов-большевиков был создан Центральный комитет Бал-

На зимней стоянке в Гельсингфорсе

тийского флота (Центробалт) — выборный революционно-демократический орган флота. Председателем Центробалта 1-го созыва избрали матроса-большевика П.Е. Дыбенко. В первом Уставе Центробалта четко указывалось, что без "одобрения ЦКБФ ни один приказ, касающийся внутренней и административной жизни всего Балтийского флота, не будет иметь силы".

По требованию революционных матросских масс в апреле-мае 1917 г. корабли, носившие названия в честь членов царской фамилии, были переименованы. "Цесаревич" с 13 мая 1917 г. стал называться "Гражданин", "Император Павел I" с 29 мая "Республика", "Император Александр II" с 22 мая "Заря Свободы".

Февральская революция позволила большевистским организациям выйти из подполья. При активном участии освобожденных из тюрьмы Т.И. Ульянцева, И.Д. Сладкова и других большевиков в Кронштадт был создан легальный комитет РСДРП (б). Кронштадтский комитет направил в Гельсингфорс для организации партийной работы Б.А. Жемчужина, С.Г. Пелихова, Е.Ф. Зинченко. В результате их действий, направленных на сплочение судовых большевистских организаций, партийные ячейки кораблей и береговых частей главной базы флота объединились. Это позволило создать 27 марта 1917 г. Свеаборгский матросский коллектив РСДРП(б), а с апреля — Гельсингфорсский Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(б) оказывали постоянную помощь большевикам Гельсингфорса.

"Пламенные речи В.А. Антонова-Овсеевского были для нас, матросов, солдат гарнизона школой большевистского воспитания, — вспоминал бывший матрос "Гангута" Д.И. Иванов — На "Гангут" часто приезжали Б. Жемчужин, В. Залезский, Н. Ховрин, С. Рошаль". В этот период В.А. Антонов-Овсеевский был член Петроградского комитета РСДРП (б), С.Г. Рошаль секретарем Гель-

Линкоры "Полтава" и "Петропавловск" выходят в море

сингфорского комитета РСДРП (б), Б.А. Жемчужин, В.Н. Залеский, Н.А. Ховрин — члены Гельсингфорского комитета РСДРП (б).

Большевики-балтийцы в это время вели организационную и пропагандистскую работу среди матросов кораблей и солдат гарнизона, мобилизуя их на развитие и углубление Февральской революции, на осуществление ленинского плана перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. Постепенно большевики заняли руководящие позиции в Центробалте, который сыграл огромную роль в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания.

Февральская революция в России, несмотря на ее буржуазно-демократический характер, оказала большое влияние на дальнейший ход военных действий. План кампании 1917 г., разработанный штабом Балтийского флота и утвержденный морским министром Временного правительства, не был реализован, так как не отвечал требованиям сложившейся военно-политической обстановки в стране и на Балтийском театре.

К началу кампании на Балтийском море русским флотом было оборудовано четыре минно-артиллерийские позиции: Центральная, Передовая, Моонзундская и Або-Аландская, которые составляли единый рубеж обороны. Боевые действия русского флота весной и летом 1917 г. ограничивались в основном обновлением ранее выставленных минных заграждений и тралением фарватеров. Линейные корабли к боевым операциям не привлекались.

На сухопутном театре военных действий, на Юго-Западном фронте, Временное правительство решило организовать наступление русских войск. В случае успеха буржуазия надеялась укрепить власть Временного правительства и поднять его авторитет в массах, а в случае неудачи — свалить все на большевиков, обвинив их в нежелании защищать отечество от германских империалистов и разложении армии и флота.

Наступление, начавшееся 18 июня 1917 г., провалилось. Эта весть всколыхнула всю столицу. К вечеру 3 июля улицы заполнились народом, а утром 4 июля началась 500-тысячная демонстрация петроградских рабочих, солдат и матросов-балтийцев под лозунгами: "Долой войну!", "Вся власть Советам!". Разгромом июльской демонстрации в стране закончился период двоевластия.

Начались массовые аресты в тылу и на фронте. Большевики были вынуждены вновь перейти на нелегальное положение. Мирный период развития революции закончился.

В этой тяжелой обстановке с 26 июля по 3 августа 1917 г. в Петрограде проходил VI съезд РСДРП(б), определивший курс партии на вооруженное восстание. Большая группа делегатов прямо со съезда направилась на корабли Балтийского флота для разъяснения матросским массам решений съезда. Партия уделяла огромное внимание большевизации флота и рассматривала его как ударную силу революции.

Между тем контрреволюция готовила новый заговор, намереваясь установить в стране военную диктатуру. В качестве диктатора был выбран главнокомандующий Северным фронтом генерал Л.Г. Корнилов. Не принимая никаких мер для организации обороны рижского плацдарма, имевшего важное стратегическое значение, он снял войска с фронта и двинул их на Петроград якобы для защиты столицы от немцев.

В августе 1917 г. моряки-балтийцы приняли активное участие в разгроме корниловщины, дружно встав на защиту Петрограда. Видя в лице революционных моряков Балтийского флота одного из своих главных противников, Временное правительство решило распустить Центробалт.

19 сентября состоялось пленарное заседание Центробалта. Судовые комитеты и матросская фракция Гельсингфорского Совета совместно постановили: "Флот больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает". Вот поэтому, когда буржуазное Временное правительство вступило в тайный сговор с иностранными империалистами, намереваясь сдать Петроград немецким войскам, на его защиту вновь встали моряки-балтийцы, а вместе с ними и моряки линкора "Гангут".

Оценивая события тех дней, В.И. Ленин писал: "Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Временного правительства переселиться из Питера в Москву! вызывают сильнейшее подозрение в том, что правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ним русские империалисты) составило заговор с англо-французскими империалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции таким способом".

Осенью 1917 г. германское командование впервые за всю войну сосредоточило в восточной части Балтийского моря свыше 60% своего флота. Всего на стороне немцев в операции, которая получила название “Альбион”, участвовало свыше 300 боевых кораблей и вспомогательных судов, в том числе 10 линейных кораблей, линейный крейсер “Мольте” (флагманский корабль морского отряда особого назначения, объединявшего все морские силы, выделенные для проведения операции), 9 легких крейсеров, 56 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок. Действия флота поддерживали 6 дирижаблей, 102 самолета, базировавшихся на авиатранспортах, и 25 тыс. человек десантного корпуса. Они намеревались высадить десант и захватить Моонзундские острова (Моон и Эзель), уничтожить русские силы в Рижском заливе и таким образом подготовить путь для широкого наступления на революционный Петроград.

Морские силы Рижского залива включали 2 устаревших линейных корабля “Гражданин” (бывш. “Цесаревич”) и “Слава”, 3 крейсера (“Адмирал Макаров”, “Баян”, “Диана”), 3 канонерские лодки (“Грозный”, “Хивинец”, “Храбрый”), 34 эскадренных миноносца (в том числе 12 типа “Новик”), 5 минных заградителей, тральщики, сторожевые корабли и катера. Эти корабли базировались на необорудованный порт Рогекюль и рейд Куйвасто в южной части пролива Моонзунд (Муху-Вяйн).

Моонзундская минно-артиллерийская позиция состояла из двух участков. Первый проходил по линии пролив Моонзунд-пролив Созлазунд (Созла-Вяйн) — район к западу от островов Эзель (Сарема) и Даго (Хиума). Второй участок включал в себя Рижский залив и Ирбенский пролив, обороняемый морскими силами Рижского залива. В 1917 г. в Ирбенском проливе было поставлено 1974 мины у Риги и еще 850 мин у восточного побережья Рижского залива. На Моонзундской позиции было 9 основных береговых батарей (37 орудий) и 12 запасных (38 орудий). Гарнизон островов состоял из одной дивизии неполного состава, насчитывавшей около 12 тыс. человек. Оборонительные сооружения были еще недостроены.

Оборону Моонзунда возглавили большевистские организации Балтийского флота. Комиссары Центробалта совместно с судовыми комитетами осуществляли непосредственное руководство боевыми действиями.

Операция “Альбион” началась 30 сентября 1917 г. высадкой германского десанта в бухте Тага-Лахт на о. Эзель. Острова Моонзундского архипелага были заняты противником, но, благодаря самоотверженным действиям русских моряков, дальнейшие планы германского командования были сорваны. Из-за больших потерь оно отказалось от продолжения операции “Альбион” и приказало 7 октября отвести свои линейные корабли из Рижского залива. В ходе Моонзундской операции революционный Балтийский флот потерял линейный корабль “Слава” и эскадренный миноносец “Гром”, было повреждено 7 кораблей, в том числе линейный корабль “Гражданин”, 1 крейсер, 2 канонерские лодки и 3 эсминца. Кроме того, при отходе из Моонзунда балтийцы затопили 4 транспорта и несколько вспомогательных судов для заграждения канала и подходов к Передовой минно-арти-

ллерийской позиции. Линейный корабль “Гангут”, как и другие новейшие линкоры, во время Моонзундской операции находился в Гельсингфорсе в состоянии боевой готовности.

Так, попытка мирового империализма с помощью кайзеровского флота захватить Петроград не удалась.

Временное правительство и контрреволюционная военщина не собирались оставлять своих попыток сдать Петроград немцам и таким образом задушить пролетарскую революцию. В.И. Ленин требовал, не теряя времени, усиленно готовить вооруженное восстание, при этом особую роль он отводил Балтийскому флоту, который фактически находился в распоряжении партии большевиков.

Днем 24 октября радиостанция крейсера “Аврора” передала обращение Военно-революционного комитета (ВРК) к рабочим, солдатам и матросам с призывом выступить в поддержку революции. Вечером этого же дня председатель Центробалта П.Е. Дыбенко получил от ВРК телеграмму с условным текстом “Высылай устав”, означавшим немедленное направление боевых кораблей и отряда революционных матросов в Петроград.

В тот же день на “Гангуте” состоялся большой митинг. На нем выступившие говорили о необходимости сбросить власть Керенского. Гангутцы выработали и приняли резолюцию, в которой было записано: “Мы заявляем, что единственную в свете власть мы будем признавать и ей подчиняться — это власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”. На митинге были избраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов и сформированы отряды для участия в восстании, желающих ехать в Петроград было больше половины команды. С линкора отправилось несколько экспедиционных отрядов численностью до 450 человек. Первый из них ушел на эскадренном миноносце “Забияка”.

В ночь с 24 на 25 октября 1917 г. из Гельсингфорса должен был выехать в Петроград по железной дороге сводный отряд матросов с линкоров “Гангут”, “Полтава”, “Севастополь”, “Петропавловск”, крейсера “Баян”, эсминца “Азарт” и других кораблей. Но из-за саботажа железнодорожной администрации первый эшелон балтийцев задержался в пути. Основными силами флота в решающий день восстания были корабли и матросы Кронштадта, части столичного гарнизона.

Около 19 ч 25 октября пришедшие из Гельсингфорса эскадренные миноносцы “Забияка” и “Самсон” вошли в Неву. Над ними развевались огромные полотнища с революционными призывами: “Вся власть Советам!”, “Долой министров-капиталистов!”. На палубе выстроились матросы. Рабочие и солдаты Петроградского гарнизона бурно приветствовали балтийцев. Корабли стали на якорь у Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта) рядом с “Авророй”. Здесь уже находились сторожевой корабль “Ястреб”, минные заградители “Хопер” и “Амур”, учебное судно “Верный”, госпитальное судно “Зарница”, тральщики № 14 и № 15.

Отряд матросов с “Самсона” первым влился в ряды восставших петроградских рабочих. Вслед за ним отряды матросов из экипажей других кораблей, получив оружие из корабельных арсеналов, отправлялись на боевые задания.

В 21 ч 40 мин 25 октября (7 ноября) 1917 г. по сигналу с Петропавловской крепости комендор “Авроры” Е.П. Огнев по команде комиссара корабля А.В. Бельшева произвел холостой выстрел из носового 6-дм орудия, послуживший сигналом к началу общего штурма Зимнего дворца. Вечером 25 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд провозгласил Советскую власть, принял исторические Декреты о земле и мире, сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным.

Команда “Гангута” с нетерпением ждала вестей из Петрограда. Наконец радист линкора И.П. Угольников принял радиограмму Центробалта: “Власть перешла в руки Советов. Временное правительство арестовано. Керенский сбежал. Все постановления Центробалта исполнять точно, немедленно, соблюдать спокойствие, помня, что Центробалт стоит на страже революции. Дыбенко”. Это сообщение вызвало всеобщее ликование на линкоре, как и на всех кораблях эскадры. Команда линейного корабля послала телеграмму II Всероссийскому съезду Советов, в которой она заверила, что будет зорко стоять на страже революции и не покинет корабль до полной победы пролетариата.

26 октября Керенский вместе с генералом Красновым организовали поход контрреволюционных войск на Петроград. Одновременно в столице вспыхнул мятеж юнкеров. В этот же день Центробалт обратился ко всем морякам с призывом выступить на борьбу с контрреволюцией.

В Петроград из Гельсингфорса прибыли крейсер “Олег” и эскадренный миноносец “Победитель”, которые заняли боевые позиции в Морском канале. 1 ноября эскадренные миноносцы “Меткий”, “Деятельный”, “Победитель” и “Забияка”, которые находились у Николаевского моста, пошли вверх по Неве и стали на якорь у села Рыбацкое, в ожидании подхода контрреволюционных частей. Ближайшие железнодорожные станции оказались в зоне обстрела артиллерии эсминцев. Накануне, 31 октября, революционные войска заняли Царское Село, а 1 ноября вступили в Гатчину, где захватили генерала Краснова вместе с его штабом.

Все эти дни линейный корабль “Гангут” стоял под парами в Гельсингфорсе, готовый по первому зову партии выйти в море для артиллерийской поддержки революционных войск под Гатчиной. Но его помощь не потребовалась. Красногвардейскими рабочими отрядами, матросами — посланцами Центробалта — и солдатами первый поход контрреволюции против Советской власти был разгромлен.

В ноябре 1917 г. Советское правительство, стремясь быстрее покончить с ненавистной империалистической войной и дать народу долгожданный мир, начало мирные переговоры с кайзеровской Германией. Однако, воспользовавшись предательской линией главы советской делегации на переговорах в Брест-Литовске Л.Д. Троцкого, германское правительство решило в середине февраля 1918 г. возобновить военные действия против Советской России по всему фронту от Балтики до Черного моря.

18 февраля 1918 г. немецкие войска, нарушив перемирие, начали наступление на Ревель. В их планы входил также захват зимовавших там крейсеров и подводных лодок. Благодаря мерам, принятым местным ревкомом, и самоотверженности экипажей, оставшихся верными Советской власти, корабли удалось вывести из порта. С колоссальным трудом 55 кораблей и транспортов при помощи ледокола “Ермак” пробилось через льды Финского залива к Свеаборгскому рейду.

К концу февраля основные части Балтийского флота сосредоточились в Гельсингфорсе. Скованные льдами стояли тяжелые бронированные громады линейных кораблей “Гангут”, “Полтава”, “Севастополь”, “Петропавловск”, “Андрей Первозванный”, “Гражданин”, “Республика”. Вместе с боевыми кораблями ожидали дальнейшего развития событий более 70 транспортов и вспомогательных судов. Но долго оставаться в Гельсингфорсе корабли не могли. По условиям Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 г., Советская Россия должна была перебазировать из Эстонии и Финляндии свои корабли в советские порты или же немедленно их разоружить.

Советское правительство приняло решение немедленно перевести корабли в Кронштадт с помощью всех имевшихся в наличии ледоколов. Это была трудная задача. Ледовая обстановка в Финском заливе сложилась чрезвычайно тяжелая: сплошной лед распространялся далеко от Гельсингфорса.

В один из последних дней февраля 1918 г. на “Гангуте” сыграли “Большой сбор”. Вся команда собралась в носовой части жилой палубы. На корабль прибыл комиссар Балтийского флота Б.А. Жемчужин — начался митинг. Жемчужин рассказал команде о готовившемся захвате Балтийского флота немцами, о трудностях перевода кораблей в Кронштадт. Собрание приняло резолюцию: “Мы все как один останемся на своих местах до тех пор, пока враг окончательно не будет сломлен. А тех товарищей, которые бессознательно бегут, бросая корабли, клеймим позором и выкидываем из своих революционных матросских рядов”. “Требовалось, не покладая рук, — вспоминал один из активных участников похода Н.А. Ховрин, — в кубриках, в кочегарках, электростанциях — везде, где только собирались моряки, вести большую политическую работу, ежедневно собирать общие собрания, разбивать демобилизационные настроения, которые пытались посеять среди моряков наши враги. И большевики эту задачу выполнили с честью. Днем и ночью кипела работа. Проверяли механизмы, грузили топливо, наливали пресную воду, разгружали все запасы, находившиеся в порту, и погружали их на корабли. Дредноуты, линкоры нагружались до отказа”.

На помощь морякам пришли рабочие портовых мастерских и гельсингфорского отделения Балтийского завода. Их возглавил старейший большевик, рабочий Балтийского завода А.А. Ингельман, ставший потом первым председателем заводского комитета. По его инициативе были мобилизованы высококвалифицированные рабочие, они не уходили из цехов до тех пор, пока заказы для кораблей не были выполнены.

Интенсивно велась подготовка на “Гангуте”. Нужно было не только отремонтировать корабль, но и погрузить на него большое количество угля, ящиков с винтовками и патронами, всевозможное судовое иму-

щество, продовольствие. На линкоре предстояло еще срочно ликвидировать последствия пожара, происшедшего зимой 1918 г. в носовом котельном отделении. Там загорелись уголь и мазут. Температура в кочегарке поднялась до предела, грозившего взрывом пороха в соседнем артиллерийском погребе. Благодаря энергичным и решительным действиям комиссара линкора А. Санникова взрыв был предотвращен, но пожар нанес значительные повреждения котельной установке.

Германское командование, обеспокоенное активной подготовкой Балтийского флота к перебазированию в Кронштадт, потребовало от диктатора Финляндии генерала Маннергейма ускорить наступление на Гельсингфорс. Одновременно планировалась высадка дополнительных отрядов белофиннов на острова Гогланд, Лавенсаари, Соммерс, лежащих на пути к Кронштадту. Германские агенты и белофинны активизировали подрывную деятельность в самом Гельсингфорсе.

4 марта 1918 г. в городе было объявлено военное положение, а 12 марта 1918 г. ледоколы “Ермак” и “Волынец” взломали лед внутреннего Свеаборгского рейда и вывели из порта первый отряд кораблей в составе линкоров “Гангут”, “Полтава”, “Петропавловск”, “Севастополь” и крейсеров “Рюрик”, “Богатырь”, “Адмирал Макаров”. С наступлением темноты в 19 ч 15 мин отряд стал на ночевку.

За ночь корабли вмерзли в лед, и утром без помощи ледоколов не могли дать ход. В 6 ч 13 марта ледокол “Ермак”, обойдя вокруг эскадры, взломал лед и повел отряд за собой. Лед был сплошным, без разводий, его толщина в ряде мест достигала 3 м. “Ермаку”, наибольшая ширина которого составляла 22, а линкоров 26 м, не удавалось сразу пробить во льдах канал достаточной ширины и приходилось повторно обламывать кромку льда. Концевые корабли кильватерной колонны часто застревали, так как льды ко времени их прохода успевали сомкнуться. Ледоколы должны были возвращаться в конец колонны и снова пробивать каналы во льдах. Непосредственно за ледоколом “Ермак” двигался линкор “Петропавловск”, успевая пройти по чистой воде до всплытия огромных глыб льда, которые представляли для него большую опасность. Корабль имел повреждение в носовой части, лишь временно зацементированное.

За несколько дней до выхода первого отряда белофинны заняли о. Гогланд, а затем о-ва Соммерс и Лавенсаари, расположенные справа и слева по курсу, которым следовал отряд. На них была установлена артиллерия, наведенная на корабли отряда. Артиллеристы линкоров и крейсеров могли уничтожить белофинские батареи, но открывать огонь было нельзя, чтобы не дать повода германскому правительству обвинить Советскую Республику в нарушении Брестского договора.

Линкор “Гангут” во время “ледового” перехода. Март 1918 г.

К 19 ч 30 мин 13 марта отряд миновал траверз маяка Южный Гогландский и встал на вторую ночевку на восточном Гогландском плесе. За два дня удалось пройти лишь половину пути, до Кронштадта оставалось около 90 миль. Утром 14 марта ледоколы “Ермак” и “Волынец” около двух часов освобождали корабли отряда от ледового плена. Один за другим уходили по пробитому во льду каналу крейсер “Рюрик”, линкоры “Полтава”, “Гангут”, “Петропавловск”. Около 12 ч дня из-за начавшейся подвижки льда застрял линкор “Гангут” и поднял сигнал о помощи. Только к 15 ч 30 мин его удалось высвободить из льдов. Ледоколы заняли свое место в голове колонны, и отряд двинулся в путь. По мере приближения к Кронштадту ледовая обстановка осложнялась. Пройдя всего 30 миль, отряд встал на ночевку у маяка Нерва.

В 7 ч утра 15 марта отряд продолжил переход. Вскоре застрял во льдах и сам флагман ледокольного флота “Ермак”. Вахтенный начальник ледокола записал в журнале: “Вследствие очень тяжелого льда взяли “Волынец” носом в свой кормовой вырез, подтянули буксиром с кормовой лебедки вплотную и, работая машинами обоих ледоколов, стали пробиваться”. Весь этот день путь отряду прокладывали спаренные ледоколы. Но полоса густого тумана, в которую вошли корабли, заставила приостановить движение почти на пять часов. Пройдя за день не более 25 миль, отряд остановился у о. Сескар в 35 милях от Кронштадта. Последний участок пути оказался самым трудным, на него ушло почти два дня. В 11 ч 30 мин 17 марта первый отряд вошел на Большой Кронштадтский рейд, а к вечеру все корабли втянулись в гавань и стали на отведенные места.

Поход длился 5 суток, за это время было пройдено 180 миль в очень тяжелой ледовой обстановке. Корабли не получили за время похода серьезных повреждений. Команды линкоров, особенно котельные машинисты, проявили выносливость и стойкость. Они поддерживали под парами все котлы, несмотря на отсутствие половины штатного экипажа. Кочегарам помогли рабочие порта и

верфей Гельсингфорса, эвакуировавшиеся с отрядом. Ночью на стоянках вблизи островов, занятых белофиннами, приходилось выставить усиленную охрану во избежание возможных диверсий, так что матросам отдыхать не удавалось. Это была первая большая победа моряков-балтийцев, вселявшая уверенность в то, что вся операция по перебазированию флота будет успешно доведена до конца.

Второй отряд в составе линкоров “Андрей Первозванный” и “Республика”, крейсеров “Олег” и “Баян”, подводных лодок “Рысь”, “Тур”, “Тигр” вышел из Гельсингфорса 5 апреля 1918 г. К этому моменту обстановка на Балтийском театре еще более осложнилась. Германское командование, воспользовавшись тем, что Советское правительство в соответствии с условиями Брестского договора уже к 15 марта вывело все свои сухопутные войска из Финляндии, высадило 3 апреля десант на Финском побережье у п-ова Гангэ (Ханко). Отсюда было рукой подать до Гельсингфорса. Белофинны при содействии офицеров, предавших интересы революционной России, захватили ледоколы “Волынец”, “Тармо” и “Черноморский № I”, которые затем были переведены в Ревель и переданы немцам. Ледокол “Ермак”, возвращавшийся из Кронштадта за вторым отрядом кораблей, 29 марта был обстрелян береговой артиллерией белофиннов с о. Лавенсаари и вынужден вернуться обратно. Поэтому отряд вели маломощные ледоколы “Силач” и “Город Ревель”, которые зачастую сами не могли преодолеть ледяные торосы. Только 10 апреля 1918 г. корабли отряда достигли Большого Кронштадтского рейда.

Переход третьего отряда, который насчитывал 167 боевых кораблей и транспортов, осложняло отсутствие части экипажей. Кроме того, корабли, входившие в этот отряд — эскадренные миноносцы, подводные лодки, сторожевики, тральщики — имели относительно слабые корпуса и были мало приспособлены к плаванию в ледовых условиях. Поэтому для их следования был выбран так называемый стратегический фарватер, проходивший вблизи северного побережья Финского залива, в шхерном районе, хотя он был сложнее в навигационном отношении. Корабли выходили из Гельсингфорсской гавани по мере готовности: первый эшелон — 7 апреля, последний 10 апреля. Переход третьего отряда проходил в первой половине апреля, однако весь фарватер был еще покрыт крепким льдом, места встречались торосы высотой до 5 м. Лишь через 16 суток, 22 апреля 1918 г., корабли пришли в Кронштадт.

Всего из Гельсингфорса в Кронштадт было переведено 233 боевых корабля и вспомогательных судна. Ледовый поход имел огромное стратегическое значение. Благодаря его успешному завершению удалось сохранить Балтийский флот как ударную силу для защиты пролетарской революции и основу для возрождения Красного Балтийского флота, пополнения Черноморского и создания Северного и Тихоокеанского флотов.

В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В 1918 г. Республика Советов переживала тяжелое время. Ей одновременно пришлось вести войну с внутренней контрреволюцией, развязавшей гражданскую войну, и иностранной интервенцией.

Летом 1918 г. моряки-балтийцы сформировали несколько отрядов для борьбы с белогвардейцами и интервентами на сухопутных фронтах. 12 августа отряд моряков-добровольцев, в число которых вошли и гангутцы, отбыл на фронт. 16 августа моряки прибыли в Котлас и сразу перешли в наступление против английских интервентов, которые были отброшены на несколько километров. В этом бою героически погибли гангутцы Рудольф Страдеманн, Николай Петров, Александр Семенов и др.

Вскоре моряки линкора “Гангут” сформировали еще один отряд для отправки на фронт, который принял резолюцию: “Во всякую минуту готовы выступить с оружием в руках для защиты дорогой нам свободы”. Оставшиеся на линкоре члены экипажа выполняли свои повседневные обязанности и, кроме того, ежедневно занимались на фортах Кронштадта упаковкой и отправкой на фронт боевого снаряжения и боеприпасов.

9 ноября 1918 г. из-за отсутствия топлива и части личного состава линейный корабль “Гангут” был переведен в Петроград и сдан на длительное хранение на завод. 22 ноября с борта линкора сошла группа моряков для пополнения экипажа находившегося в строю линкора “Петропавловск”. К стенке завода перешел также из Кронштадта и линкор “Полтава”.

В 1919 г. вооруженные англо-американскими империалистами войска генерала Юденича вместе с частями белофинских и бело-эстонских добровольцев при поддержке английских войск и эскадры английских кораблей начали наступление на Петроград. 22 мая было опубликовано обращение ЦК РКП (б) “На защиту Петрограда”. ЦК партии принял 10 июня постановление, в котором Питерский фронт определялся “первым по важности”. Подступы к городу обороняли 7-я армия и взаимодействовавший с ней Балтийский флот.

После оккупации интервентами Севера и Приморья и гибели Черноморского флота Балтийский флот остался единственным флотом Советского государства. Положение его было чрезвычайно тяжелым: многие корабли нуждались в ремонте, часть их пришлось консервировать из-за отсутствия специалистов, не хватало топлива и боеприпасов. Из исправных кораблей командование сформировало Действующий отряд судов (ДОТ). В него были включены три линкора (“Петропавловск”, “Севастополь”, “Андрей Первозванный”), крейсер “Олег”, 6 эскадренных миноносцев типа “Новик” (“Азарт”, “Гавриил”, “Константин”, “Свобода”, “Капитан Изыльметьев”, “Лейтенант Ильин”), 4 угольных миноносца и другие суда (всего 51 единица) г. На все суда ДОТа были назначены комиссары — стойкие революционеры, коммунисты.

Флот интервентов на Балтийском море (английская эскадра и белоэстонский флот), насчитывавший 150 боевых кораблей и вспомогательных судов, значительно превышал силы ДОТ. Ядро белоэстонского флота составили бывшие русские корабли: канонерская лодка “Лембит” (бывш. “Бобр”) и два сторожевых корабля, оставшиеся в Ревеле после эвакуации флота в Гельсингфорс в феврале 1918 г. В 1919 г. в состав белоэстонского флота были включены эскадренные миноносцы “Леннук” (“Автроил”) и “Вамбола” (“Спартак”), захваченные интервентами.

В середине мая Северный корпус генерала Родзянко перешел в наступление, прорвав оборону частей Красной Армии на левом фланге Нарвского участка. ДОТ был приведен в полную боевую готовность. 16 мая отряд кораблей в составе линейного корабля "Андрей Первозванный", эскадренного миноносца "Гавриил", четырех тральщиков и двух сторожевых судов получил приказ обстрелять побережье в Лужской и Копорской губах, чтобы уничтожить десанты противника.

В конце мая части Красной Армии перешли в контрнаступление. Кораблям ДОТ было предписано прикрывать от огня неприятельских судов приморский фланг наступающих войск. 30 мая по приказу командующего 7-й армией корабли ДОТа провели операцию с целью предупреждения возможной высадки десанта противника в тыл наступающим войскам на побережье Копорского залива.

В 11 ч 30 мин линейный корабль "Петропавловск" и эсминец "Азард" вышли из Кронштадта. При подходе к Шепелевскому маяку "Азард" был послан в разведку в Копорский залив, а "Петропавловск" остался с застопоренными машинами. В 13 ч 15 мин "Азард" обнаружил неприятельский миноносец и вступил с ним в бой. В этот же момент корабль был атакован подводной лодкой, которая выпустила по нему одну за другой три торпеды. Резко меняя курс и скорость, советский эсминец, которым командовал Н.Н. Несвицкий, сумел уклониться от торпед. На горизонте показалось еще девять вражеских эсминцев. Ведя интенсивный огонь из кормовых орудий, "Азард" отошел под защиту "Петропавловска", который открыл огонь из 305-мм орудий по английским миноносцам, и они сразу уменьшили свой ход. В тот же день советские корабли благополучно вернулись в Кронштадт.

В период подготовки советских войск к контрнаступлению под Петроградом вспыхнул антисоветский мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. 13 июня 1919 г. мятежники захватили форты и стали обстреливать Кронштадт из 305-мм орудий. Вместе с частями Красной Армии в разгроме контрреволюционного мятежа принимали активное участие и корабли ДОТа Балтийского флота. Орудия главного калибра линкоров "Андрей Первозванный", "Петропавловск" и крейсера "Олег" обрушивали на мятежников тонны смертоносного металла. Несущие дозор эскадренные миноносцы "Гавриил" и "Свобода" обстреливали занятое противником побережье.

К 16 июня мятежники капитулировали. Разгром белогвардейцев в районе фортов Красная Горка и Серая Лошадь обеспечил успешное продвижение советских войск вдоль побережья Финского залива.

15 октября в 9 ч с линейного корабля "Гангут" сошел последний отряд моряков на борьбу с Юденичем, наступавшим на Петроград и уже занявшим Ямбург, Красное Село и Гатчину. Они влились в состав 7-й армии, оборонявшей подступы к Петрограду. Опустевший линкор, безжизненный и холодный, стоял у стенки завода. Линкоры "Петропавловск" и "Севастополь" после подавления мятежа на фортах Красная Горка и Серая Лошадь были оставлены на длительное хранение в Кронштадте.

В середине ноября 1919 г. завершился разгром белогвардейцев и иностранных интервентов на подступах к Петрограду. В декабре последний корабль английских интервентов был вынужден покинуть воды Финского залива.

Балтийский флот до конца выполнил свой революционный долг перед страной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Балтийский судостроительный. 1856-1917 гг. Л., Судостроение. 1970; с. 516. 2. Боевой путь Советского Военно-морского флота. М., Воениздат, 1974, с. 40. 3. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., Воениздат, 1978, с. 99. 4. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., Воениздат, 1978, с. 142. 5. Доклад "О боевых действиях Краснознаменного линейного корабля "Октябрьская революция" в годы Великой Отечественной войны" Совета ветеранов эскадры ДКБФ. Л., 1980, с. 47. 6. Иванов Д. И. Это было на Балтике. Львов, Кн.-журн. изд-во, 1963, с. 102. 7. Иванов Д.И. "Гангут" идет в шторм, с. 135. 8. Измаилов Н.Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., Воениздат, 1963, с. 33. 9. Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 402. 10. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 348. 11. Морской сборник, 1953, № 3, с. 58. 12. Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. 1885-1917, М.-Л., Изд-во АН СССР, с. 501. 13. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. М., Наука, 1966, с. 437. 14. Столяренко М.А. Сыны партии — балтийцы. Лениздат, 1969, с. 177. 15. Соловьев И., Федорова Т. К истории возникновения большевистских организаций на Балтийском флоте. Военно-исторический журнал 1966, № 11, с. 10-19. 16. Тюрин В.М., Яковлев И.И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., Политиздат, 1976, с. 29. 17. Флот в первой мировой войне, т. 1. М., Воениздат, 1964, с. 90-93. 18. Ховрин Н.А. Балтийцы идут на шторм, с. 201.

ЦВММ. Ф. р-2883, л. 23, инв. № 7427, л. 2.

РГАВМФ. Ф. 102, оп. 2, д. 130, л. 126. ф. 479, оп. 1, д. 146, л. 1-40, ф. 479. оп. 1, д. 202. л. 11, ф. р-55, оп. 1, д. 54, л. 59-60, ф. р-95, оп. 1, д. 27, ф. р-92, оп. 1, д. 132, л. 51, 178, ф. 407, оп. 1, д. 293, л. 11, ф. 716, оп. 2, д. 36, л. 231-232, ф. 417, оп. 1, д. 45 404, л. 14-18, ф. 716, оп. 2, д. 107, л. 1, ф. 716, оп. 2, д. 107. л. 52, ф. 736, оп. 2, д. 379, л. 211-221 (Сведения о нахождении судов на рейдах, в гаванях портов, у постов и якорных стоянок Балтийского моря), ф. 407, оп. 1, д. 8141, л. 90-90 а, ф. р-1340, оп. 1, д. 537, л. 29-30, ф. 870, оп. 1, д. 56954, л. 59.

ЦГАОР. Ф. 102, оп. 245, д. 293, ч. 57, л. 7-8, д. 288-БФ, т. 2, л. 26.

ЛПА. Ф. 4000, оп. 5, д. 1452, л. 1.

Глава II

ЩИТ ПЕТРОГРАДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всей истории своего развития русский флот представлял собой объект неустанныго внимания и забот государства. Военно-морские силы, как правило, совершенствовались и укреплялись в тех регионах, которые становились приоритетными во внешней политике России. Так было на Балтике во время Северной войны, на Черном море – в конце XVIII в., на Дальнем Востоке – в период попыток утвердить влияние в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. В годы первой мировой войны, особенно в самом её начале, когда ожидалось нападение немецкого флота на столицу, и затем в 1915 г., когда противник развил стремительное наступление в Прибалтике, важную роль играл Балтийский флот. Главным соединением, предназначенным для отражения возможных атак главных сил неприятеля, были новейшие линейные корабли типа “Севастополь”.

В ходе войны с Японией в 1904–1905 гг. Россия потеряла практически полностью военно-морские силы, предназначавшиеся для Балтийского моря и Тихого океана. На Балтике к 1906 г. в строю находились три броненосца: “Император Александр II”, “Цесаревич” и “Слава”. Заложенные в 1902 г. “Андрей Первозванный” и “Император Павел I” находились на стапелях. Многочисленные изменения, внесённые в проекты на основании боевого опыта, задержали их введение в строй до 1912 г.

Опыт закончившейся войны внимательно изучали ведущими мировыми державами. Наиболее быстро отреагировала Великобритания. Летом 1905 г. специально созданная комиссия под председательством первого лорда Адмиралтейства Д. Фишера разработала технические требования к новому кораблю. В октябре 1905 г. на Королевской верфи в Портсмуте новый корабль был заложен, а уже через год прошли испытания линейного корабля, принципиально отличавшегося от предшественников. Он получил название “Дредноут”, которое сразу стало нарицательным. С этого времени морская гонка вооружений вышла на новый уровень, мощь флота страны стала определяться количеством подобных кораблей.¹

Для России, утратившей значительную часть военного флота, а вместе с ним и престижа на международной арене, строительство линейных кораблей означало нечто большее. Министр иностранных дел А.П. Извольский заявил на заседании Совета государствен-

ной обороны 9 апреля 1907 г.: “Линейный флот нужен России вне всякой зависимости от забот по обороне наших берегов... для участия в разрешении представляющихся мировых вопросов, в которых Россия отсутствовать не может”.² Т.е., как показал еще К.Ф. Шацлло, новейшие корабли являлись общеполитическим и международным фактором.³

В апреле 1907 г. Николай II одобрил судостроительную программу, основной целью которой являлось возрождение военно-морских сил на Балтике. В соответствии с ней предполагалось строительство четырёх кораблей дредноутного типа. В течение последующих трёх с половиной месяцев сначала в Морском Генеральном Штабе (МГШ), а затем в Морском Техническом Комитете (МТК) разрабатывались требования к тактико-техническим характеристикам. 18 августа они были представлены морскому министру адмиралу И.М. Дикову. После согласования с ним материалы о новых кораблях поступили в Адмиралтейств – Совет, который утвердил их 17 декабря 1907 г.⁴

22 декабря морское министерство разослало русским и иностранным судостроительным компаниям приглашения к участию в конкурсе и технические характеристики будущих кораблей. Всего участвовало 27 фирм, в том числе 6 отечественных. Проекты кораблей и механизмов необходимо было представить к 28 февраля 1908 г.⁵ На конкурс к установленному сроку поступил 51 проект. Каждый из них рассматривался отдельно в МГШ и МТК.

9 июня и 17 июля 1908 г. состоялись объединённые заседания под председательством И.М. Дикова. На них, в результате длительных обсуждений, лучшим признали проект германской фирмы “Blohm & Voss”. Второе и третье места соответственно заняли варианты, предложенные Балтийским заводом и итальянским инженером В. Куниберти. Впоследствии план Куниберти был исключён, поскольку по ряду параметров не соответствовал заданным требованиям. На заседании 9 августа морской министр победителем признал проект немецких судостроителей.⁶ Однако под давлением Франции, не желавшей оказывать финансовую поддержку своему противнику, морское министерство выкупило чертежи фирмы “Blohm & Voss”. Для постройки было решено использовать проект Балтийского завода. Он был создан группой инженеров под руководством профессора Морской академии И.Г. Бубнова.

С осени 1908 г. в предварительный эскиз вносились многочисленные коррективы, связанные с изменениями первоначальных требований. Так, потребовалось увели-

* Автор выражает искреннюю признательность своему учителю д.и.н. А.Б. Николаеву за высказанные им ценные критические замечания и другую помощь при подготовке рукописи.

Отдельное спасибо автор говорит своей супруге Виктории за теплоту, понимание и поддержку, а также своим родителям, близким и друзьям.

чить скорость хода, делались попытки пересмотреть состав механизмов, вооружения. Поэтому технический проект был готов к 9 апреля 1909 г. Спустя месяц чертежи утвердили специалисты МТК.⁷

3 июня 1909 г. на Балтийском заводе прошла церемония торжественной закладки линейных кораблей “Севастополь” и “Петропавловск”, а на Адмиралтейском — “Гангут” и “Полтава”. Однако из-за недостаточного финансирования стапельный период их постройки затянулся практически на два года. Правительство получило одобрение на кредиты для достройки линкоров. Для этого оно отправило в отставку не сумевшего наладить взаимоотношений с Государственной думой тогдашнего морского министра вице-адмирала С.А. Воеводского. Также пришлось согласиться на финансовую ревизию деятельности министерства. 19 мая 1911 г. закон об ассигновании средств утвердил Николай II. 16 и 27 июня, 27 августа и 24 сентября линейные корабли “Севастополь”, “Полтава”, “Петропавловск” и “Гангут” были спущены на воду.⁸

Основная часть корпусных работ была проведена в 1912-1913 гг. Окончательно все системы и устройства, в том числе и артиллерийское вооружение, были смонтированы к лету 1914 г. Проверка большинства устройств и механизмов, швартовые испытания значительно ускорились из-за начавшейся 18 июля 1914 г. войны с Германией. В течение сентября-декабря 1914 г. проводились ходовые испытания, после чего линейные корабли были приняты в казну.

Оценивая боевые возможности линкоров типа “Севастополь”, исследователи расходятся во мнениях. Так, в работах, изданных до начала 1990-х гг., высказывалось мнение, что “русский флот на Балтике значительно усилился за счет вступления в строй четырех новых линейных кораблей”.⁹ Наличие их в составе действующего флота “позволило значительно расширить объем боевых задач”.¹⁰ В новейшей работе А.В. Скворцова преувеличивает точка зрения о том, что они морально устарели “относительно вступавших в строй в тот же период линейных кораблей второго поколения ведущих морских держав”.¹¹ При этом автор отмечает такие недостатки, как плохая мореходность, несоответствие боевых возможностей орудий главного калибра и снарядов, появившихся позднее. Самым серьезным изъяном он считает “недостаток их боевой защищенности”¹², т.е. систему бронирования. Действительно, летом 1912 г. на Черном море проводились соответствующие артиллерийские опыты. Их главной целью было установление эффективности брони строившихся дредноутов. На бывшем эскадренном броненосце “Чесма” установили отсек, копировавший часть корпуса линкоров типа “Севастополь”.

Произведённый обстрел показал, что эти корабли будут иметь недостаточную защиту от снарядов крупного калибра.¹³ Впрочем, мы полагаем, что, помимо стратегической, существовала ещё морально-психологическая сторона вопроса. Русский Балтийский флот был слабее немецкого Hochseeflotte и с новыми кораблями, но без них это соотношение ещё усугублялось. Поэтому, с точки зрения личного состава, их вступление в строй имело, безусловно, позитивное значение, что, в свою очередь, поднимало боевой дух, а значит, и боеспособность флота.

Однако история этих кораблей — не только история достижений научно-технической мысли. Неотъемлемую ее часть составляют люди, служившие на них.

Вооруженные силы являются и по сей день особым государственно-общественным институтом. Он характеризует и военную мощь страны, и функционирование всей системы её институтов, психологию масс, ценностей, ориентиров и потребностей общества.

Реконструкция истории отдельной боевой единицы в условиях возрождения и модернизации военно-морского флота в начале XX в. необходима в связи с аналогичными процессами рубежа XX-XXI вв. Боеспособность вооруженных сил в целом и военно-морского флота в частности является одним из ведущих показателей военной мощи страны, а также потенциала и стабильности государства, его веса в системе международных отношений.

Уровень боевого духа и боеготовности армии находятся в прямой зависимости от настроений личного состава, на которые, в свою очередь, оказывают воздействие особенности службы, быта и проведения досуга. По нашему мнению, все вышеперечисленное, а также комплекс действий, совершаемых внутри этой привычной реальности, и их мотивы, составляют понятие повседневности. Сравнение условий службы и быта личного состава до революции и в ходе революционного процесса позволяет реконструировать изменения, произошедшие в настроениях моряков и повлиявшие на победу большевиков в октябре 1917 г.

Сегодня, как и 90 лет назад, во время Второй русской революции, этот механизм сохраняется, и от условий военной повседневности во многом зависит боеспособность вооруженных сил, а значит, и боевая мощь страны.

Военные и технические аспекты истории кораблей Балтийского флота периода 1914-1917 гг. и раньше попадали в поле зрения исследователей. Некоторые аспекты отдельных проблем получили освещение с середины 1920-х гг. Важную роль при этом сыграла деятельность Морской Исторической Комиссии при Военно-Морской Академии (Мористком). В её фонде, находящемся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГАВМФ), хранятся наиболее ранние исследования, посвященные событиям на кораблях Балтийского флота в 1917 году. В работе, основанной на большом количестве документов, бывшего матроса с линкора “Севастополь” и депутата Центрального Комитета Балтийского флота (ЦКБФ, Центробалта) А.С. Штарева “История революционного движения во флоте за 1917 г.”¹⁴ в первую очередь получили отражение волнения на линейном корабле “Петропавловск” 2-3 июня. Связаны они были с отставкой вице-адмирала А.С. Максимова и назначением Д.Н. Вердеревского.

Несмотря на резко отрицательное отношение автора к личности Вердеревского (так, в оперативном требовании командующего прекратить открытое телеграфирование, он увидел провокацию), он скрупулезно перечислял все события, подкрепляя их документами.¹⁵ Его выводы об отсутствии поддержки требований “Петропавловска” позволили нам чётче определить настроения экипажей в те дни.

В монографии М.Э. Зингера “1917 год в Балтийском флоте”¹⁶ впервые намечены основные этапы революционного процесса на Балтике. Подробно обрисованы происшествия первых послереволюционных, августовских и предоктябрьских дней. Особую ценность представляли данные о начале функционирования на кораблях судовых комитетов, в частности упоминание об их хозяйственной активности.

Впервые подробно состояние Балтийского флота к октябрю 1917 г. анализировал в своей статье М.А. Петров.¹⁷ В частности он разделил его на три части. Боеспособность каждой из них, по мнению автора, определялась удаленностью мест базирования от передовых позиций и активностью политической жизни. Будучи непосредственным очевидцем событий, автор весьма скептически отнёсся к деятельности комитетов. Благодаря им, по его мнению, к осени 1917 г. “аппарат управления был значительно надломлен, посеяна вражда между командным и некомандным составом”.¹⁸

В сборнике “На вахте революции” вышла первая работа, посвященная непосредственно линейным кораблям типа “Севастополь”, — статья Ю. Ралля “Два линкора — частица истории Красного Флота”.¹⁹ Впервые автор сформулировал тезис, ставший затем хрестоматийным: новейшие линкоры весьма усилили Балтийский флот, который по мощности стал едва ли не сопоставим с германским.²⁰ Во второй части сборника И. Лудри опубликовал отрывки из воспоминаний Анти-Наутикуса и В. Дитмана под общим заголовком “Германские революционные матросы”. В этой подборке, помимо описания собственно восстаний на немецких кораблях, имевших место в 1917 г., особую важность представляет выявление связи между изменением качества снабжения и “революционностью” немецких матросов.²¹

А.К. Дрезен в своих работах²² впервые бегло рассмотрел условия жизни матросов, отметив, что они являлись стимулом для “создания и выращивания определенных элементов крайнего недовольства”, а затем и для “революционизирования матросской массы”. Выражением этого процесса он считал выступления 1915 г., которые понимал исключительно как антивоенные.²³ Весьма полезным оказался вывод А.К. Дрезена об “установлении на флоте фактически выборного порядка”²⁴ летом 1917 г., поскольку это позволило глубже осмыслить причину июньского выступления экипажа “Петропавловска” и классифицировать эти действия как незаконные. Кроме того, автор отметил такое последствие митингов на “Петропавловске” в июне 1917 г., как срыв учебных стрельб.²⁵

В эти же годы издается ряд переводных работ немецких авторов.²⁶ Их воспоминания и монографии дают возможность взглянуть на некоторые проблемы с точки зрения наших противников в войне. Кроме того, они позволяют сравнить пути решения этих проблем. Это относится, например, к поднятию морального духа личного состава.

В 1940-х гг. начался новый этап в изучении событий 1914–1917 гг. на Балтике. Основное внимание уделялось вопросам партийной борьбы в контексте политической жизни, причем акцент делался на возрастании влияния большевиков в матросской среде. В полной мере

вышесказанное относится к монографиям П.З. Сивкова “Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов”²⁷, А.В. Богданова “Моряки-балтийцы в 1917 году”²⁸ и М.А. Столяренко “Сыны партии — балтийцы”²⁹. В этих работах впервые приводились данные о численности социал-демократических ячеек на дредноутах к концу весны 1917 г. Правда, авторы относили их исключительно на счет большевиков, что представляется нам не совсем верным, т.к. при расколе партии на большевиков и меньшевиков, окончательно оформившемся в это время³⁰, какая-то часть образовала меньшевистские ячейки. Более подробные сведения об оформлении других партий и их деятельности на кораблях, стоявших в Гельсингфорсе, изложил С.С. Хесин в своей работе “Октябрьская революция и флот”³¹.

Авторы вышеперечисленных исследований рассмотрели образование и деятельность флотских организаций, главным образом Центрального Комитета Балтийского флота (ЦКБФ, Центробалт). Эту же линию продолжили Н.Ф. Измайлов и А.С. Пухов в работе “Центробалт”.³² Это позволило выявить депутатов от 1-й бригады линейных кораблей и их партийную принадлежность. Хотя встречались и ошибки. Например, машинист “Севастополя” Э.А. Берг, являвшийся летом 1917 года анархистом, в монографии П.З. Сивкова назван большевиком.³³ Эту же оплошность повторил и С.С. Хесин.³⁴

Полностью выявить делегатов от бригады в Центробалте всех четырех созывов, идентифицировать их партийную принадлежность позволила работа Н.Ф. Измайлова и А.С. Пухова “Центробалт”.³⁵ Полезным для освещения темы монографии явилась речь матроса “Петропавловска” П. Хайминова, иллюстрировавшая тезис о том, что Временным правительством не были решены основные проблемы, и это стало главной причиной падения его авторитета в сентябре 1917 г. среди экипажей бригады. Произнес он её на заседании ЦКБФ 3 сентября по случаю несанкционированного поднятия боевых флагов линкорами.

Однако в сферу внимания этих авторов попали сюжеты, имеющие более тесное отношение к исследуемой теме. В работе П.З. Сивкова анализировались истоки противостояния офицерского состава и нижних чинов. Поэтому в своём труде он бегло рассмотрел положение тех и других в период войны. При этом автор выделил “особые флотские условия”, состоявшие в наличии “классового антагонизма между матросами и командным составом, который “во флоте был обнажён как нигде”.³⁶ Этот вывод, как и замечание о господстве “палочной дисциплине” на кораблях, представляется нам необоснованным.

А.В. Богданов, развивая эти наблюдения, изучил вопрос о взаимоотношениях на кораблях Балтийского флота через призму деятельности судовых комитетов и их полномочий. Он подчеркнул переход большинства полномочий к этим организациям, заметив, что “в руках офицеров практически оставались лишь техническое и оперативное управление, однако солдатские и матросские массы стремились установить свой контроль и здесь”.³⁷ Однако за рамками исследования осталась “обратная связь”, т.е. деятельность офицеров в рамках судовых организаций всех уровней.

Монография В.В. Петраша “Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября”³⁸ ознаменовала корректировку подхода к рассмотрению и анализу революционного процесса, протекавшего в 1917 г. Автор впервые уделит внимание офицерским флотским организациям и их деятельности, в частности Союзу офицеров-республиканцев, Союзу военно-морских врачей. С другой стороны, автор описал, хотя и довольно бегло, материальное положение нижних чинов к марту 1917 г. Ценность представляют подсчеты автора, связанные с расходами на ежедневное питание для матросов. Такой подход был продолжен Д.А. Гаркавенко.³⁹ Он подробно проанализировал первые мартовские дни на Балтике, рассмотрел процесс создания судовых комитетов. На примере сравнения с Кронштадтом, где с 14 марта в такие организации избирались лишь низшие чины, автор доказал, что в Гельсингфорсе недоверие к командному составу было в это время преодолено. Более подробно хозяйственная работа комитетов получила отражение в исследовании С.С. Хесина.⁴⁰ В своих работах автор анализирует положение личного состава флота, придя в результате к выводам, сформулированным ещё А.К. Дрезеном и П.З. Сивковым о противостоянии двух основных групп: матросов и офицеров.⁴¹ Ему удалось исследовать психологическую проблему падения авторитета офицеров у подчиненных через падение царского режима.⁴² Однако при этом автор, перейдя к изложению событий лета-осени 1917 г., сделал акцент исключительно на партийной борьбе.

Интерес к истории корабельной техники вызвал с начала 1980-х гг. появление ряда монографий о строительстве и службе отдельных судов. К ним относится работа И.Ф. Цветкова “Линкор “Октябрьская революция””.⁴³ Автор детально раскрыл процесс строительства и службы линейных кораблей-дредноутов российского флота. Он перечислил основные этапы испытаний, скрупулезно изучил подробности всех операций, в которых приняли участие эти корабли. Нами были установлены некоторые технические параметры линейных кораблей типа “Севастополь”, использованные при раскрытии темы нашего исследования. В частности, углубление этих дредноутов для более полного освещения эпизода с посадкой “Петропавловска” на мель в октябре 1917 г.

Существенным явлением в западной историографии этого периода стала статья Х. Остертага.⁴⁴ В ней он рассмотрел проблему состояния библиотек и круга литературных интересов германской армии и флота и их влияния на уровень образованности. Исследовав каталоги различных библиотек, в том числе и Морской школы в Киле, автор показал, что начитанность имела прямую зависимость от наличия широкого ассортимента книг. Учитывая подробную разработку каталогов и перечисление многих наименований, данная работа дала возможность провести сравнение с состоянием офицерских судовых библиотек на исследуемой бригаде.

В 1990-е гг. спектр выходивших работ значительно расширился. Из вышедших работ следует выделить монографию Е.Ю. Дубровской “Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март-октябрь)”.⁴⁵ В ней подробно исследуется процесс образования и становления, деятельность Совета. Помимо

политической деятельности, в исследовании отражены многочисленные хозяйственные мероприятия, взаимодействие с другими выборными организациями, в том числе с ЦКБФ и судовыми комитетами. Наибольшую помощь материалы монографии оказали при изучении функционирования комитетов на линейных кораблях 1-й бригады, направлявшегося постановлениями Совета, постепенного втягивания матросов в культурную жизнь посредством Матросского клуба, открытого при помощи Совета. Вывод автора о том, что большевики никогда не преобладали в большинстве выборных организаций численно, но успех их агитации всё возрастал, оказался справедлив и для изучаемой бригады. Е.Ю. Дубровская перечислила на страницах своей книги представителей социалистических партий на линкорах бригады, что также помогло нам исследовать политические симпатии экипажей на разных этапах революционного процесса.

Технические аспекты проблем, связанных со строительством и эксплуатацией дредноутов, вслед за И.Ф. Цветковым, получили отражение в работе А.В. Скворцова.⁴⁶ Подробно рассматривая процесс создания линейных кораблей типа “Севастополь”, автор сделал вывод об их серьезных технических недостатках. Большое внимание он уделит и значительной отсталости по сравнению с новейшими кораблями аналогичного класса, строившимися ведущими мировыми державами. Причины он усматривал в медленном принятии решений, а также в значительном влиянии артиллерийских специалистов, что свело их боевые возможности “лишь к возможностям артиллерийской поддержки сухопутных войск”.⁴⁷ Также обзору подверглись операции, в которых русские дредноуты приняли участие, причем автор подчеркнул их вспомогательную роль. Таким образом, по его мнению, линкоры “Петропавловск”, “Севастополь”, “Полтава” и “Гангут” стали исходной точкой в развитии строительства тяжелых артиллерийских кораблей. Однако “к сожалению, ход истории нашей страны сложился так, что четыре балтийских и являющихся их модификацией три черноморских дредноута так и остались единственными”.⁴⁸

Многие элементы, составляющие основу военной повседневности и быта, получили отражение в работах Е.С. Сенявской.⁴⁹ Несмотря на широту поставленных проблем (психология военных конфликтов на протяжении XX столетия, человек в этих условиях), автору удалось проанализировать и выявить специфические черты первой мировой войны. Важную роль имели выводы Е.С. Сенявской о кастовом духе в армии и на флоте до февраля 1917 г. и механизмах их разрушения, о роли “коллективных настроений в этот период”.⁵⁰ Весьма ценным следует признать раскрытие параметров, по которым возможно проводить изучение военного духа.⁵¹

Чрезвычайно ценные размышления об особенностях психологии и столкновений в период переломных для России событий 1917 г. содержатся в работах Б.И. Колоницкого.⁵² Автор анализирует такой аспект проблемы, как роль символов. Через конфликты вокруг старых и новых революционных символов (военных знамен и флагов, наград и форм одежды) показано, как символы организовывали представления людей в это время. В дру-

гой работе Б.И. Колоницкий очерчивает роль такого символа на флоте и в армии, как погоны, рассматривает изменение статуса этого элемента формы и вместе с ним его носителей — офицеров. При анализе взаимоотношений офицеров и нижних чинов флота, причин их конфликтов, дисциплинарного аспекта, эти наблюдения помогают взглянуть на события под углом зрения, отличным от подхода многих советских исследователей.

Духовным составляющим флотской повседневности — обычаям, ритуалам, поверьям посвящены исследования М.Ю. Горденева и В.В. Дыгало.⁵³ Благодаря их наблюдениям, становится более ясным значение некоторых элементов революционной моды в форме экипажей кораблей (клёшей), особенности взаимоотношений офицеров на корабле, роль традиций в поддержании дисциплины. Данные работы позволяют ответить на вопросы о роли и значении обычая и ритуала в жизни моряка, о происхождении и истории множества традиций и особенностей быта в море и на берегу.

Из новейших статей западных исследователей помощь оказала работа А. Хардинг Ганца “*“Альбион” — операция по захвату Балтийских островов*”.⁵⁴ Помимо собственно военных действий, автор, отмечая снижение боевого духа германских матросов, выделил и обосновал факторы, наиболее негативно влиявшие на ситуацию. Тем самым он позволил сравнить их с аналогичными для русского флота.

Некоторые работы содержат лишь отрывочные упоминания об объекте и предмете настоящего исследования.⁵⁵ Для раскрытия заявленной темы они играют важную роль в фоновой реконструкции событий 1917 г. В частности, исследование М.Х. Киуру отражает степень взаимодействия русских матросов и финских рабочих в Гельсингфорсе в 1917 г.

К работе нами привлечены как опубликованные, давно вошедшие в научный оборот источники, так и не издававшиеся ранее архивные материалы. Опубликованные источники можно условно разделить на три основные группы: (а) актовые материалы, содержащиеся в сборниках документов, (б) периодическая печать, вышедшая в Гельсингфорсе, и (в) мемуарная литература.

В первую группу вошли документы, изданные в сборниках “Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции”, “Революционное движение в армии и на флоте: 1914-февраль 1917”.⁵⁶ Первый из них вышел к 40-летней годовщине Октябрьской революции. В этой связи составители предприняли попытку документально осветить ход событий на Балтике с конца февраля по октябрь 1917 г. Из-за широты охвата лишь отдельные документы касались нашего объекта исследования. Тем не менее, сборник позволил подробнее рассмотреть некоторые аспекты проблемы. Например, вопрос о жаловании осенью 1917 г. изучался нами в контексте взаимодействия и взаимодополнения требований матросов, служивших на Черноморском и Балтийском флотах. Это продемонстрировало гораздо большее влияние проблемы на настроения экипажей, чем предполагалось раньше. В сборнике “Революционное движение в армии и на флоте: 1914-февраль 1917” опубликованы агентурные сводки Кронштадтского жандармского управления о настроениях матро-

сов, в том числе и на исследуемой бригаде. Также здесь помещены фрагменты дознания, проводимого в связи с волнениями 19 октября 1915 г. на “Гангуте”. В частности, подробно изложены выкрики и действия каждого из обвиняемых. Упомянуты в различных донесениях некоторые имена матросов с линкоров, замеченные в подозрительной деятельности.

Периодическая печать охватывала, в основном, бытовые, социальные стороны. Печатным органом, освещавшим жизнь Гельсингфорса до падения царского режима, являлась “Финляндская газета”. Она затрагивала такие проблемы, как культурная жизнь, материальное обеспечение горожан. В газете рассматривались криминальные проблемы, связанные с пьянством и самогонварением. В “Известиях Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта” (с 22 апреля 1917 г. — “Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих”) существовал большой раздел, где публиковались письма читателей. Многие проблемы (преступность, подделка документов для проезда по железной дороге, пьянство, недостаток продовольствия) нашли в них свое отражение. Весной 1917 г. в газете печатались постановления судовых комитетов, сообщения о всевозможных пожертвованиях. Выходили статьи о функционировании политических и культурных организаций. Отдельный раздел отводился пропажам и находкам документов, что тоже давало материал для изучения участия экипажей дредноутов в общественной и политической жизни. С конца лета, из-за увеличения масштабов пьянства, в газете публиковались списки задержанных в нетрезвом виде. Подобные цифры также характеризовали изменения в отношении к службе, в том числе и на 1-й бригаде линейных кораблей.

Другие газетные издания больше сообщали о политических событиях, зачастую в рамках всей России, что снижало возможности их использования при раскрытии заявленной темы. Это характерно для большевистских газет “Волна” и, особенно, “Прибой”.

В мемуарной литературе нельзя не выделить книгу Г.К. Графа “На “Новике””.⁵⁷ Написана она человеком, служившим долгое время на флоте и хорошо знакомым с его жизнью и традициями. Им полно изложены события, первых послереволюционных дней, однако приходится учитывать неприязнь автора к Временному правительству и Советской власти. Следствием была предвзятость в отношении к деятельности судовых комитетов или к офицерам, которые перешли на службу в Красный Флот. Кроме того, Г.К. Граф является единственным автором, подробно описавшим убийство офицеров на “Петропавловске”.

Важную информацию предоставили мемуары С.Н. Тимирёва “Воспоминания морского офицера”.⁵⁸ Он занимал должность флаг-капитана штаба Балтийского флота по распорядительной части, позднее, в исследуемый период, находился в Ревеле и командовал крейсером “Баян”. По роду службы ему приходилось общаться со многими офицерами, служившими на дредноутах. Наблюдения С.Н. Тимирева дали ему возможность сделать точные обобщения о вреде уничтожения старой атрибутики морской службы, о влиянии этого на падение дисциплины. В частности, о реформе офицерской формы он

написал так: “Наши команды отнеслись к этой реформе довольно безразлично; однако со стороны старых матросов чувствовалось некоторое невысказанное недоумение — почему это офицеры так легко и безропотно отказываются от всех своих привилегий?”⁵⁹

Д.И. Иванов писал о революционном процессе довольно схематично, зато очень детально изобразил бытовую сторону жизни на линкорах 1-й бригады, а также охарактеризовал досуг на берегу. Это является преимуществом его книг.⁶⁰ Он подробно рассмотрел ход волнений 19 октября 1917 г. на “Гангуте”. Другим достоинством можно назвать информацию о социал-демократическом кружке на линкоре. обстоятельно автор повествовал о деятельности судового комитета “Гангута” весной и осенью 1917 г., но практически не уделял внимания летним месяцам.

Мемуары Д.И. Иванова дополняет книга воспоминаний бывшего матроса линейного корабля “Император Павел I” Н.А. Ховрина “Балтийцы идут на штурм”.⁶¹ Особое внимание он сконцентрировал на партийной борьбе в Гельсингфорсе, хотя упомянул об образовании судовых комитетов, принципах их формирования, начале деятельности. Однако возможности использования этих воспоминаний более ограничены, поскольку автор был арестован в Петрограде в июле 1917 г.

подавляющее большинство такого рода литературы, изданной в СССР, посвящалось политическим аспектам ситуации. Это характерно и для воспоминаний П.Е. Дыбенко, и мемуаров В.Н. Залезского, и А.Ф. Ильина-Женевского.⁶² Тем не менее, П.Е. Дыбенко сообщил некоторые важные подробности июльских выступлений на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы, в том числе и на линейных кораблях 1-й бригады (например, сообщения об изгнании следственной комиссии правительства, направленной для выявления зачинщиков).

Ряд мемуаров послужили для реконструкции общеисторического фона событий, происходивших на линкорах бригады в 1917 г. Среди них, например, “В революции: Воспоминания” В.А. Антонова-Овсеенко⁶³, “Кронштадт и Питер в 1917 году” Ф.Ф. Раскольников из сборника его произведений под общим заголовком “О времени и о себе”.⁶⁴

Значительную помощь оказали документальные источники, выявленные в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (далее — РГАВМФ). Прежде всего, необходимо выделить материалы фонда 870, содержащие вахтенные журналы. Достоинства данного вида делопроизводственных источников для раскрытия темы состоят в точной фиксации всего происходившего на корабле за день, в перечислении всех судовых работ и занятий. Отмечались в них и особо важные, либо необычные происшествия, визиты делегаций. В 1916 г. вахтенные журналы несколько изменили свой формуляр. Это позволило составить более полное представление о видах судовых работ. Однако с лета 1917 г. записи в них делались гораздо менее подробно, перестали указываться занятия, содержалась лишь их констатация.

В качестве примера приведем запись из вахтенного журнала линкора “Севастополь” от 27 июля 1917 г.:

“7.45 - С “Петропавловска” сигналы... Рапорт 9.15 - ЭМ “Эмир Бухарский” ушел в море

9.30 - Команду развели на работы

10.10 - Матрос I статьи Кравченко заявил, что у него снесло привязанную койку с бака

10.30 - Окончили работы

14.00 - Команду развели по судовым работам”.⁶⁵

Таким образом, мы видим, что стали возможны пробелы в записях, их неполнота. К тому же, до октября 1917 г. в РГАВМФ сохранились журналы лишь “Севастополя” и “Гангута”. По двум другим дредноутам за 1917 год в наличии имеются журналы, доведенные до 3 сентября (“Петропавловск”) и до 24 июня (“Полтава”). Это несколько ограничило возможности их использования.

Большинство использованных журналов вводятся в научный оборот впервые.

Важный историко-бытовой материал содержится в корабельных фондах (Ф.743. “Петропавловск”, Ф.747. “Полтава”, Ф.751. “Гангут”, Ф.878. “Севастополь”). В них можно выделить несколько групп дел. Для анализа проступков, совершавшихся членами экипажей линкоров, важны материалы, готовившиеся для корабельных судов.⁶⁶ Они состоят из опросов, проводившихся во время следствия, рапортов с описанием происшествия, протоколов заседания суда. Благодаря этим документам становится возможным сделать вывод о наиболее неблагоприятных явлениях в судовой повседневности, о взаимоотношениях рядового состава с унтер-офицерами и офицерами кораблей, некоторые представления о роли группового единства в среде моряков.

На некоторых кораблях все судебные постановления обобщались в специальных “Книгах корабельного суда”.⁶⁷ Их удобство заключается в краткой фиксации всех дел, прошедших через корабельный суд, включая те, данные о которых в описях фондов отсутствуют. Сведения о менее значительных проступках, совершенных членами команд дредноутов, отложились в приказах по судной части или “Тетрадах для записи взысканий”.⁶⁸ В них освещены в основном нарушения в области дисциплины и приказы, вынесенные командирами. Ценность как для реконструкции этой сферы, так и других, касающихся личного состава, представляют книги приказов.⁶⁹ В них отразились проблемы, связанные с комплектацией и перемещениями личного состава, а также со снабжением.

Более подробное освещение хозяйственные вопросы получили в документах, объединенных в “Приказах по хозяйственной части”⁷⁰ или “Переписке по финансовым и хозяйственным вопросам”⁷¹. Благодаря им удалось установить размеры лазаретного содержания матросов, стоимость ежесуточного питания и обмундирования.

Многие проблемы, вставшие перед корабельными начальниками после февральских событий (взаимоотношения с экипажем и судовыми комитетами, снижение дисциплинарного уровня), получили отражение в “Книгах приказов по личному составу” за 1917 г.⁷² В фонде линкора “Гангут” была обнаружена также “Копийная книга записок, рапортов, командировок по личному составу”. Она во многом дублирует “Книгу приказов”, но содержит заверенные копии и других типов делопроизводственных документов, выходивших по кораблю: удостоверений, рапортов командиру корабля. Названные дела обладают одним существенным недостатком: все они

были закончены в апреле-июне 1917 г. За более поздний срок подобные документы отсутствуют. Информацию о численности, структуре, составе судового комитета удалось обнаружить в двух делах фонда 878 - №№ 141, 151. Несмотря на разные заголовки ("Переписка судового комитета" и "Протоколы заседаний судового комитета"), они представляют собой одно и то же. Такого количества документов, являвшихся плодом деятельности этих организаций, ни в одном другом изученном фонде обнаружено не было. Нужно отметить, что характерной чертой разбиравшихся в протоколах вопросов являлся их исключительно хозяйственный характер.

В основном эти материалы до сих пор исследователям не использовались и вводятся в научный оборот впервые.

Данные по бригаде дредноутов в общем, в том числе списки личного состава "Петропавловска" и "Полтавы", циркуляры штаба, протоколы медицинского освидетельствования содержатся в делах фонда 477 ("Штаб 1-й бригады линейных кораблей"). Особо выделим "Флагманский исторический журнал".⁷³ Такие журналы велись при штабе каждого соединения, для чего специально назначался офицер. В них ежедневно заносились все события и происшествия, имевшие место на бригаде, указывался дежурный по бригаде линейный корабль, отдельно цитировались все приказы и радиogramмы начальника бригады и командующего флотом. Именно во "Флагманском историческом журнале" ежемесячно сообщалось о количестве списанных и переведённых с бригады матросов и офицеров, там же содержались многие сведения о деятельности судовых комитетов в марте 1917 г. Журнал был доведен до 7 июня поручиком по Адмиралтейству Е. Максимовым.

Вторая часть "Флагманского исторического журнала" содержится в фонде р-852.⁷⁴ Данное дело, дошедшее в подлиннике, ранее не вводилось в исторический оборот. Хронологически оно охватывает начало июня-октябрь 1917 г. Принципы ведения не изменились по сравнению с предыдущей, более известной, частью, охватывающей январь-май. Здесь отложились свидетельства о срыве учений и боевых стрельб по причине проведения политических манифестаций на берегу. Так было, например, 21 июня "из-за обсуждения на кораблях вопроса о недоверии Временному правительству".⁷⁵ Подробно освещена проблема гибели четырех офицеров с линейного корабля "Петропавловск", что позволило дополнить характеристику этих событий, изложенную в мемуарах Г.К. Графа. В частности, уточнены детали резолюции, принятой командой, её реакция на отказ лейтенанта Б.П. Тизенко, мичманов М.В. Кондратьева, Д.А. Кандыбы и К.М. Михайлова.⁷⁶ Присутствие комиссара ЦКБФ Е.С. Блохина при допросе офицеров заставляет усомниться в истинности более поздних утверждений депутатов этой организации, что в Центробалте не были посвящены в это дело.

Документы фонда р-30 представляют интерес с точки зрения выяснения окончательных наказаний, понесённых участниками выступления на линейном корабле "Гангут" и по делу Главного судового коллектива РСДРП. Представляют интерес именные карточки с указанием всех лиц, привлечённых к делу Главного судово-

го коллектива РСДРП.⁷⁷ С их помощью появилась возможность установить персональный список тех, кто привлекался не только как обвиняемые, но и как свидетели. Также здесь содержатся приговоры подозреваемым. Мы располагаем именными карточками подозревавшихся в активном участии и, возможно, организации беспорядков на "Гангуте" 19 октября 1915 г.⁷⁸ Благодаря этим карточкам, стало возможным поимённо установить тех, кто был оправдан на суде и, тем самым, несколько развенчать традиционный взгляд на приговор как на весьма суровый.

Материалы фонда дополняются документами судной части Главного Морского Штаба.⁷⁹ Некоторые из них⁸⁰ представляют собой списки осуждённых за революционную пропаганду. В них подробно изложены сведения о положении обвиняемых, месте их службы, суть обвинений и приговор. В дальнейшем отслеживалось отправление их в тюрьму или на фронт. Здесь же обнаружены материалы о наказаниях за уголовные преступления, что помогает более детально представить себе как картину самих правонарушений, так и мотивацию людей, шедших на это.

В другой группе дел⁸¹ нами обнаружены сведения о тех, кто попал в категорию "политически неблагонадёжных" и, вследствие этого, был отправлен служить на Север или в действующую армию. Большой интерес представляют критерии, согласно которым нижний чин попадал под подозрение. Такой подход позволяет объективно реконструировать данный своего рода защитный механизм правящего режима для предохранения боевых частей от антивоенной и антиправительственной агитации.

Такой немаловажный вопрос как просвещение и обучение личного состава затрагивается в хозяйственной документации этого фонда.⁸² Здесь отложились данные о денежных суммах, необходимых для проведения лекций по состоянию на 1915 г.⁸³ и на 1916 г.⁸⁴ Особо стоит выделить документы по составлению, финансированию судовых библиотек.⁸⁵

Одной из серьезных сложностей этой войны, как показывал опыт, становилось разъяснение её целей и оправдание самой её необходимости. Тем более это было актуально для России, в которой отсутствовали морские общества, подобные германскому Marine Rundschau. В таких условиях содержание читаемого матросам в судовой библиотеке могло оказать серьёзное воздействие на их настроение и отношение к войне. С другой стороны, библиотеки играли не последнюю роль в организации офицерского досуга и отношении этой группы военных к войне. Их настроения в совокупности позволяют осмыслить психологический климат на кораблях русского флота, более полно понять систему взглядов, уровень образованности моряков, сравнить их с аналогичными у противника.

Материалы, содержащиеся в фонде 479 ("Штаб командующего флотом Балтийского моря"), позволяют, во-первых, реконструировать обстановку в Гельсингфорсе в целом и, во-вторых, дополнять общую картину ранее не известными подробностями. Большую часть материалов составили следующие типы делопроизводственных документов: приказы (Оп.1. Д.879, Оп.2. Д.1254.

1258), отчеты (Оп.1. Д.879, Оп.2. Д.1258), записи разговоров (Оп.1. Д.878, 879, Оп.2. Д.1258), протоколы (Оп.1. Д.879, 880, Оп.2. Д.1258), журналы входящих и исходящих телеграмм и телефонограмм. Так, вошедшие в дела 879 и 880 документы позволяют более детально раскрыть значение событий лета 1917 г. на дредноутах 1-й бригады. В деле присутствуют некоторые материалы, иллюстрирующие положение на судах Гельсингфорсской базы после корниловского мятежа. Среди них: юзограмма от 1 сентября 1917 г. морского министра Д.Н. Вердеревскому командующему флотом А.В. Развозову и ЦКБФ с требованием не допустить арестов и, тем более, убийств офицеров, подобных тем, что имели место на “Петропавловске”; требование командующего флотом А.В. Развозова в Гельсингфорсский Исполнительный комитет об отмене распоряжения о взятии расписок с офицеров в том, что они считают Л.Г. Корнилова мятежником и изменником.⁸⁶ Там же получил отражение вопрос о выборности командного состава.

Документы дела 1254 описи 2 освещают вопросы, касающиеся изменения формы и знаков отличия на Балтийском флоте. Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что командование флота с первых же дней упустило инициативу в этом вопросе. В дальнейшем же оно просто “пошло на поводу” у матросов. К лету 1917 г. командующий флотом сам точно не знал, какие изменения в форме произведены официально, а какие – самовольно.

Сведения о выборных организациях были выявлены в фондах р-95 (“Центральный Комитет Балтийского флота”) и р-2063 (“Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих”). Множество материалов по судовым комитетам 1-й бригады, их структуре, организации, выборам в них, содержат протоколы и постановления 1-го съезда Соединённого комитета 2-й бригады линкоров.⁸⁷ Этими постановлениями будут руководствоваться и судовые комитеты 1-й бригады, о чем говорят соответствующие резолюции, имеющиеся в этом деле.

Важную роль играют документы о претензиях экипажей, возбуждённых судовыми комитетами, к унтер-офицерам и офицерам и переданных затем для дальнейшего рассмотрения в Центробалт.⁸⁸ В протоколах заседаний Гельсингфорсского Совета отложились не пе-

чатавшиеся в “Известиях...” выступления тех, кто обращался с просьбами, в том числе и от имени экипажей 1-й бригады линейных кораблей. Например, обращение капитана I ранга М.А. Беренса по поводу отсутствия материалов для ремонтных работ.⁸⁹

Дополняют имеющиеся сведения материалы фондов 759 (“Начальник оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря Черкасский М.Б.”), 760 (“Довконт Ф.Ю.”) и р-29 (“Морская историческая комиссия при Военно-Морской Академии”). Первые два фонда содержат личную переписку и черновые заметки о планах на текущий день. В фонде р-29 отложилась неопубликованная часть “Дневника I мировой войны на Балтийском морском театре” И.И. Ренгартена.⁹⁰ Их субъективные наблюдения позволили выявить отдельные штрихи многих явлений, не попавшие в официальные делопроизводственные документы.

В делах фонда 9618 (“Редакция “Истории Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов””) Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) отложились личные источники очевидцев событий: воспоминания о наиболее памятных эпизодах революционного процесса 1917 г., автобиографии, отдельные рукописи работ. Важные дополнения к имеющейся картине восстания матросов в ночь с 3 на 4 марта в Гельсингфорсе содержатся в воспоминаниях А.С. Штарёва. Он, в частности, сообщил об участии некоторых офицеров в изъятии оружия у своих сослуживцев, а также подчеркнул популярность отдельных командиров у нижних чинов в первые послереволюционные месяцы.⁹¹ Некоторые детали гибели офицеров на “Петропавловске” в августе 1917 г. добавляет рукопись работы С.П. Лукашевича “История Центрофлота и его борьба с корниловщиной”. В частности, он привел полный текст резолюции команды, содержавшейся во “Флагманском историческом журнале” бригады в урезанном виде. Это указывает на предварительную подготовку последовавшей расправы.⁹²

В рукописно-документальном фонде Центрального Военно-морского музея (ЦВММ) нами обнаружены воспоминания моряка, благодаря которым удалось более полно представить изменения, происходившие во внешнем облике. Кроме того, он описал и способы времяпрепровождения в часы досуга.⁹³

Часть I

В ГОДЫ ВОЙНЫ

(1914 г.-ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

§1. ВОЙНА И СЛУЖБА

Лето 1914 г. линейные корабли типа “Севастополь” встретили в достройке. После убийства 15 (28) июня в Сараево австро-венгерского эрцгерцога Франца-Фердинанда завершение работ было значительно ускорено. В наибольшей степени готовности находились линкоры “Севастополь” и “Гангут”. Поэтому, на основании приказа командира Санкт-Петербургского порта №225 от 28 июня и командующего морскими силами Балтийского моря №364 от 30 июня, эти дредноуты подняли флаг и гюйс, вступив в вооруженный резерв.⁹⁴ 5 августа к ним присоединилась “Полтава”, а 11 октября – “Петропавловск”.⁹⁵ Начальником 2-й бригады линейных кораблей Высочайшим приказом по морскому ведомству №1279 от 21 июля назначался контр-адмирал А.С. Максимов.⁹⁶ 24 июля он поднял свой флаг на “Гангуте”.⁹⁷

Однако интенсивная корабельная жизнь началась на дредноутах раньше. Из-за замедления в мае-июне темпов достроечных работ к ним стали привлекать команды кораблей. Так, 1 июля на линейный корабль “Севастополь” с этой целью было направлено 178 нижних чинов, а на “Гангут” — 206.⁹⁸ Работы начинались в разное время: от 7 до 8 ч. утра. Из казарм к этому времени приходила первая партия матросов. Во второй половине дня, к 13.30-15.00, – вторая.⁹⁹ 14 июля часть команды с вещами перешла на “Севастополь”, а 15-го – на “Гангут”,¹⁰⁰ что позволяло начинать рабочий день с 6.30.

8 июля стоявшие на Неве суда расцвелились флагами приветствия. На мачтах дредноутов были подняты андреевский и государственный французский флаги: прибывал президент Французской республики Р. Пуанкаре. В 12.30 он на яхте “Александрия” прошел мимо “Гангута” и в 12.45 был на “Севастополе”. Для встречи по борту была выстроена команда. Р. Пуанкаре в течение 15 мин. осмотрел новейший корабль русского флота и отбыл.¹⁰¹ Так дредноуты впервые сыграли роль участников важных политических событий, продемонстрировав наличие у России, по меткому замечанию К.Ф. Шацилло, “союзоспособности”.¹⁰²

20 июля в 10 ч. на “Севастополе” и “Гангуте” был сыгран большой сбор. Выстроенным командам зачитали манифест о начале военных действий с Германией. После этого отслужили молебны, во время которых торжественно освятили кормовые флаги. Ровно в полдень оба корабля, согласно приказу командира порта №255 от 18 июля, вступили в кампанию. В тот же день дредноуты посетили морской министр адмирал И.К. Григорович, начальник Главного Морского Штаба (ГМШ) вице-адмирал К.В. Стеценко и его помощник генерал-майор С.И. Зилоти.¹⁰³

После объявления войны ускорилось комплектование линкоров личным составом и проведение испыта-

ний механизмов. К 28 июля минимально укомплектованными считались “Севастополь” и “Гангут”. В тот же день была сформирована рота из 189 чел. для “Полтавы”.¹⁰⁴ Всего за август-сентябрь на “Севастополь” направили дополнительно 206, на “Гангут” – 200, на “Полтаву” – 66, на “Петропавловск” – 76 нижних чинов.¹⁰⁵ В октябре-ноябре активнее пополнялись экипажи двух последних кораблей. На “Полтаву” прибыло 387, на “Петропавловск” – 448, на “Гангут” – 112, на “Севастополь” – ни одного. Большая часть нижних чинов прибывала из 1 Балтийского флотского экипажа и Кронштадтского флотского полужипажа. Кроме того, часть матросов прибывала с кораблей, базировавшихся в Кронштадте: учебных судов “Верный”, “Воин”, “Океан”, “Петр Великий”, линейного корабля “Император Александр II”.

Некоторые члены экипажей прибывали с судов действующего флота. Например, 23 октября на линейный корабль “Петропавловск” прибыло 11 чел. с крейсера “Рюрик”. В то же время из запаса флота на линейные корабли призывалось небольшое количество нижних чинов. Зафиксировано 4 случая, имевших место 26 ноября – 1 декабря 1914 г. Всего на линейный корабль “Полтава” прибыло 21 запасной, на “Гангут” – 1.¹⁰⁶ Объясняется это, видимо, тем, что механизмы на дредноутах являлись более сложными по сравнению с теми, с которыми имели дело призванные из запаса. Поэтому на корабли поступали уже обученные специалисты, а не те, кого необходимо было переучивать.

29 июля на “Севастополе” и “Гангуте” прошли испытания элеваторов подачи 120- и 305-мм снарядов, 7 августа были проверены холодильники “Севастополя”. 9 августа – носовые дизеля “Гангута”.¹⁰⁷ Кроме того, на “Гангуте” 19 августа испытывались трубы парового отопления, турбины и пожарные трубопроводы, 25 августа – турбо-динамоустановки, а 28 августа – кормовое электрическое шпильное устройство.¹⁰⁸

В течение августа-сентября также были приняты: телефонная система, машинные вентиляторы и ряд других механизмов.¹⁰⁹

В это же время в Главном Управлении Кораблестроения (ГУК) решался вопрос о проведении ходовых испытаний. 16 августа на совещании в механическом отделе ГУК приняли решение о сокращении объема испытаний. Измененную программу 30 августа утвердил морской министр И.К. Григорович.¹¹⁰

20 августа в 10.00 на “Гангут” в сопровождении морского министра, начальника Морского Генерального Штаба (МГШ) вице-адмирала А.И. Русина и начальника МГШ вице-адмирала К.В. Стеценко прибыл Николай II. В течение часа, по данным вахтенного журнала, он осматривал корабль. Потом он отправился на “Сева-

стополь". Там он также провел около часа, производя "осмотр внутренних помещений, башни №2, среднего турбинного отделения".¹¹¹ Неделю спустя этот линкор стал готовиться к переходу в Кронштадт. 27 августа проводилась угольная погрузка, 28, 30 августа и 1 сентября экипаж грузил провизию. Это, впрочем, не влияло на ставший обычным судовой распорядок: все работы завершались к 18 ч.¹¹² 3 сентября в 9 ч. буксиры начали разворачивать дредноут и выводить его из Невы. Спустя 3 часа "Севастополь" под флагом начальника бригады контр-адмирала А.С. Максимова отдал якоря на Малом Кронштадтском рейде.¹¹³

Пребывание в Кронштадте началось для экипажа с интенсивных тренировок, чего до этого в вахтенном журнале не отмечалось. 4 и 5 сентября помимо обычных судовых работ проводились учебные боевые тревоги.¹¹⁴ 9 сентября провели первые ходовые испытания, в течение двух следующих дней – стрельбы главным и противоминным калибром артиллерии.¹¹⁵ Последние ходовые испытания этого корабля успешно завершились 27 сентября.¹¹⁶ После их окончания экипажу "Севастополя" предстояли многочисленные тренировки и пробы. Главными, безусловно, являлись артиллерийские стрельбы. 8 октября линкор выходил на испытания 305-мм артиллерии. 11-го и 12-го они продолжились в Биоркэ. Затем линкор перешел южнее, к форту Красная Горка, проведя артиллерийское учение для орудий всех калибров. 14 октября он вернулся в Кронштадт, после чего продолжились учения на якоре.¹¹⁷ Ежедневно с 16 октября, согласно приказу А.С. Максимова №82, с 14 до 15 ч. тренировались во флажном сигналопроизводстве, а с 21.25 до 22 ч. – фонарём Ратьера.¹¹⁸ С 24 октября по 2 ноября головной корабль серии находился в доке Цесаревича Алексея для очистки и покраски подводной части.¹¹⁹ 8 ноября он начал переход в главную базу Балтийского флота – Гельсингфорс, куда прибыл на следующий день.¹²⁰

В это время на "Гангуте" и "Полтаве" заканчивались достроечные работы. 3 и 6 сентября команда "Гангута" проводила шлюпочные учения. 4 сентября были испытаны поворотные механизмы башен главного калибра.¹²¹ К 21 сентября на этот дредноут погрузили уголь и продовольствие, и он также отправился в Кронштадт.¹²² Работы на "Полтаве" также значительно ускорили. В течение августа-сентября экипаж задерживался на борту нередко до 20-22 ч., лишь затем возвращаясь в казармы.¹²³ В августе, кроме этого, были заняты ещё и воскресенья.¹²⁴ Сдача корабельных механизмов началась с конца сентября. 26 сентября прошла приемка в казну элеваторов подачи боезапаса к 120-мм орудиям, а 3 октября – аналогичных устройств артиллерии главного калибра.¹²⁵ 18 октября испытывались крановые и шпильевые устройства корабля, а 22 октября – баня и камбуз.¹²⁶ В эти же сроки на "Полтаву" из береговых казарм перешла команда. 14 октября прибыли 1-6 роты, 23 октября – 7 рота, 29 октября – 8 рота.¹²⁷ Помимо обычных работ, 17 и 18 октября была проведена угольная погрузка.¹²⁸ Кроме того, две роты грузили уголь утром 30 октября с 4.20 до 7.00.¹²⁹ После этого "Полтава", поднявшая 15 октября боевой флаг и вступившая в кампанию, начала переход в Кронштадт. В полдень она отдала якорь в Средней гавани.¹³⁰

Линкор "Петропавловск".
Залп из орудий главного калибра

В Кронштадте первоначально этим двум дредноутам была уготована программа, аналогичная той, что проделал "Севастополь". Однако пришлось вносить определенные коррективы. "Гангут", в течение первой недели грузивший топливо, боеприпасы, вышел 28 сентября вместе с "Севастополем" в море на первые ходовые испытания.¹³¹ Однако выявленная техническая неисправность привела к выходу из строя турбины низкого давления.¹³² Поэтому пробу машин отложили до окончания ремонта.

В конце ноября на корабле участились учения. 20 ноября была проведена артиллерийская тревога. 25 ноября "Гангут" ушел на стрельбы в Биоркэ. Одновременно экипаж тренировался в репетиции боевой тревоги.¹³³ На другой день линкор возвратился. 28 ноября и 8 декабря артиллерийские учения продолжались.¹³⁴ С 10 по 17 декабря "Гангут" провёл в сухом доке Цесаревича Алексея. Там экипаж проводил очистку и покраску подводной части. 15 декабря корабль посетил И.К. Григорович. После выхода из дока в течение 19 декабря шла погрузка угля. Окончилась она на следующий день, и 21 декабря "Гангут" в 8.40 начал выход в море. В 14.50 начали проверку боевого расписания, а, спустя час, сыграли боевую тревогу. С 21 до 24 ч. линкор прошёл ходовые испытания, а затем – сразу направился в Гельсингфорс. Туда он прибыл 23 декабря утром.¹³⁵

"Полтава" прошла испытания гораздо успешнее. 5 и 6 ноября на корабль грузили боезапас и 12-го прошли

первые стрельбы, продолженные на другой день.¹³⁶ 18 ноября со второй половины дня и 19-го весь день – новый аврал: вновь экипаж принимал снаряды и топливо. 22 ноября погрузка угля снова являлась основным занятием команды.¹³⁷ И не случайно: 23-24 ноября дредноут выходил в море, проводя полностью испытания механизмов и стрельбу вспомогательным калибром.¹³⁸ После этого экипаж продолжил обучение на Кронштадтском рейде: 28 и 29 ноября проходили “учения у орудий”.¹³⁹ Погрузив 2 декабря 800 т. угля, запасшись провизией, “Полтава” 5 декабря так же начала переход в Гельсингфорс.¹⁴⁰

Что касается “Петропавловска”, то для ускорения его сдачи флоту проверка основных систем проводилась не в Петрограде, а непосредственно в Кронштадте. Достройка проходила ускоренными темпами. В середине октября рабочие Балтийского завода приходили на корабль в 6 часов утра. К 8 ч. приходила часть команды. Работы продолжались до 12 ч., после чего 2 часа давалось и тем, и другим на отдых. Матросы работали затем до 17.30, а рабочие – до 21 ч.¹⁴¹ 15 октября линейный корабль “Петропавловск”, в один с день “Полтавой”, поднял боевой флаг, вступив в кампанию.¹⁴²

Благодаря отсутствию сдаточных испытаний и приемок, линкор 29-го перешел в Кронштадт.¹⁴³ 6 ноября на “Петропавловске” были проверены турбо-динамо, спустя неделю – вентиляторы, 17-го – краны и шпилевые механизмы, 20-го – паровое отопление, 22-го – водопровод, прачечная и сушильня.¹⁴⁴ 27 ноября линкор вошел в док для приведения в порядок подводной части. Там он пробыл до 3 декабря.¹⁴⁵ После возвращения в гавань жизнь на корабле потекла ещё активнее. Одновременно продолжались испытания судовых систем и механизмов, шли погрузки снаряжения и боеприпасов и продолжали, по крайней мере, до 15 декабря работать представители с завода-строителя.¹⁴⁶ 10 декабря были сданы операционный пункт и машинный телеграф, 13-го – электрические угольные лебедки и сигнальные прожектора, 14-го – носовые и кормовые дизеля.¹⁴⁷

7, 10 и 14 декабря проходили погрузки снарядов главного и вспомогательного калибров, а 16-го с 7.30 до 17.45 – угля и нефти.¹⁴⁸ 18 декабря “Петропавловск” вышел в море для стрельб. В Кронштадт он не возвратился, проведя ночь у Толбухина маяка. На другой день продолжились стрельбы. Кроме того, было проведено устранение девиации магнитных компасов. 20 декабря – в третий день испытаний – вновь прошли стрельбы, а затем с 10 до 13 ч. линкор испытывался на предельную скорость. Успешно преодолев последние испытания, корабль в тот же день отправился в Гельсингфорс, к месту постоянной дислокации.¹⁴⁹

В течение зимы 1914–1915 гг. на дредноутах окончательно сложился распорядок дня. На разных этапах революционной истории бригады он после этого менялся, но, в целом, незначительно. В 6 ч. 30 мин. утра раздавался сигнал побудки.¹⁵⁰ Матросы должны были за считанные минуты подняться, одеться, умыться, убрать койку. Затем экипажи кораблей выстраивались поротно на верхних палубах на утреннюю молитву. Раздавалась команда: “На молитву – шапки долой!”¹⁵¹ После молитвы, ровно в 7 ч. матросы завтракали. Питались в это вре-

мя сухарями или ржаным хлебом со сливочным маслом, запивая чаем.¹⁵²

После завтрака раздавался сигнал горна – команда к утренней приборке. После приборки проводился так называемый “большой сбор”. Матросы вновь по ротам выстраивались вдоль бортов. Офицеры становились впереди рот, которыми командовали. Всё проходило почти по тому же сценарию, что и “малый сбор” на молитву, однако в этом случае присутствовал командир корабля.¹⁵³ Он принимал рапорты от офицеров разных служб, затем здоровался с командой. Затем под барабанную дробь поднимался кормовой Андреевский флаг и носовой – гюйс.

Далее команда разводилась “по судовым работам и занятиям”.¹⁵⁴ Несмотря на отсутствие зимой боевых действий на Балтике, поддержание кораблей в состоянии постоянной боевой готовности оставалось первостепенной задачей. Команда в этих условиях делилась пополам: одна половина обучалась грамоте и Морскому уставу, проходила строевую подготовку, другая – занималась непосредственно судовыми работами.¹⁵⁵ Наиболее часто в это время, по данным вахтенных журналов, проходила расчистка от снега и льда верхних палуб, велись работы по покраске некоторых помещений, приведению в порядок устройств и механизмов, по уборке мусора и прокладке дорог от одного корабля к другому на льду. Не менее раза в неделю проходили погрузки на линейные корабли угля. В день в это время года грузилось не менее 450-500 т. Угольный аврал начинался с утра и длился примерно до 18 ч. (с перерывом на обед и послеобеденный отдых).¹⁵⁶ До обеда на погрузке была занята одна половина команды, после обеда, чтобы сохранить темп, – другая.

С периодичностью раз в три-четыре дня командование флотом проводило занятия по отработке передачи и приема сигналов и радиотелеграфирования. Часто подобные “переговоры” проходили между одним или двумя линкорами и флагманским кораблём командующего флотом. Реже переговоры шли между каким-либо линейным кораблём бригады и “Петропавловском” – кораблём начальника бригады.¹⁵⁷ Другим способом проверки боевого состояния кораблей являлись учебные пожарные и боевые тревоги. Зимой они проводились не часто, не более 2-х раз в месяц, и лишь со второй половины февраля они участились. Это было связано с приближением начала кампании.

Обычно судовые работы заканчивались в 11.30. После этого наступало время для особой традиции, практиковавшейся исключительно на дредноутах, а именно – для гимнастики. Ни в одном вахтенном журнале других линейных кораблей, бригад крейсеров, 1-й минной дивизии ничего подобного не встречалось. А на новейших дредноутах уделяли внимание здоровью матросов и офицеров, гимнастика для многих из которых являлась фактически обязательной. Длилась она 20 мин. Быть может, поэтому и заболевших матросов на этой бригаде было меньше, чем в других соединениях.

В это же время проходила и традиционная проба обеда командиром корабля, старшим офицером и судовым врачом.¹⁵⁸ Только при признании всеми троими удовлетворительного качества обеда он мог быть подан команде.¹⁵⁹ После обеда команде предоставлялось время для отдыха, приблизительно по половине второго дня.

Затем происходило увольнение на берег части команды (в это время увольнялись до 19.30 этого же дня). Остальные получали послеобеденный чай, и с 14 ч. снова начиналось выполнение судовых работ.¹⁶⁰

Обычно эти работы являлись продолжением ранее проводившихся. В 17.30 начиналась приборка и подготовка к ужину. В случае же угольного аврала работы продолжались не позднее, чем до 17 ч., а после перерыва на чай примерно до 18.30 длилась приборка.¹⁶¹

По четвергам проводилась подготовка матросов к выходным. Во второй половине дня открывались судовые парикмахерские, матросы могли побриться, постричься, привести себя в порядок. Такая же возможность у команд дредноутов была и по субботам.¹⁶² Главной же обязанностью матросов по четвергам был осмотр и чистка своего “рабочего платья”. По субботам, в дополнение к парикмахерским, открывались и судовые бани, где можно было помыться и постирать. Обычно стирка осуществлялась с помощью обычных водяных шлангов, которыми окатывали верхнюю палубу при проведении приборок. Зимой эта процедура была особенно сложной. Бани открывались и после угольных авралов, но только на тридцать минут. За это время матрос успевал лишь окатиться водой, после чего приходилось бежать на ужин.¹⁶³

После окончания работ, в 18 ч. наступало время ужина. Ужин на кораблях был событием более значимым, чем обед. Он был наиболее сытной частью рациона команды, поскольку включал в себя первое блюдо и чай (а для унтер-офицеров – какао).¹⁶⁴ Как и во многих сферах жизни, здесь существовали свои неписанные традиции. Между бачковыми каждой роты (матрос, в обязанности которого входила доставка с камбуза завтрака, обеда и ужина) за ужин разгорались настоящие сражения. Не случайно в бачковые каждая рота выбирала самого физически крепкого сильного своего представителя, по этой же причине для бачкового никогда не жалели лишней порции супа.

Свободное время длилось до 8 ч. вечера, после чего жизнь на дредноутах начинала затихать. В 8 ч. матросы сигналом горна созывались на вечернюю молитву. Проходила она, в отличие от утренней, в так называемой церковной палубе (корабельной церкви).¹⁶⁵ После окончания вечерней службы матросы шли к раздаче коек. Затем они должны были отправляться в жилую палубу. С этого момента хождение по кораблю кого-либо кроме вахтенных воспрещалось. Жизнь окончательно замирала, когда на корабле гасили огонь на камбузе (около 23 ч.).

Несколько иначе выглядело воскресенье. Подъём в этот день игрался гораздо позднее обычного, в 9 ч.¹⁶⁶ До 9 ч. 30 мин. матросам давалось время для приборки и переодевания в выходную форму, отличавшуюся от повседневной чёрным цветом. В 10 ч. раздавался сигнал

В боевом походе

малого сбора. В это время, как и в будние дни, проводилась проверка опрятности команды вахтенным офицером корабля.¹⁶⁷ После этого в половине одиннадцатого начиналось богослужение, которое длилось час, до половины двенадцатого. Затем – сигнал к “большому сбору”, где сам командир корабля проводил смотр экипажу. На “Петропавловске” нередко вместе с ним в смотре участвовал и начальник бригады.¹⁶⁸ Затем матросам предоставлялось немного свободного времени до обеда. Из судовых работ выполнялись только самые важные, например, приёмка пресной воды с особых транспортно-водолеев. По воскресеньям обед был лучше: к первому блюду полагалось обязательное второе. Раньше времени освободиться с корабля могли члены спортивных лыжной и хоккейной команд – их отпускали тренироваться почти на весь день. При этом пищевое довольствие они могли получить на камбузе в виде сухого пайка.¹⁶⁹

В 14 ч., как в обычные дни, матросов ждал обычный дневной чай. Затем вторая партия желающих увольнялась на берег. По воскресеньям матрос мог быть уволен до 19 ч. 30 мин., до 22 ч., до 23 ч. 30 мин. и, наконец, до утра следующего дня.¹⁷⁰ Так, к примеру, на линейном корабле “Петропавловск” 26 февраля 1917 г. до половины восьмого было уволено 98 чел., а позднее (т. е. до 22 ч., до 23 ч. 30 мин. и до утра) – ещё 157 чел.¹⁷¹ Таким образом, число увольнений в конце зимы резко сокращалось в связи с тем, что дредноуты требовалось привести в полную боевую готовность. К тому же надо добавить, что в этот день до 17 ч. на “Петропавловске” как раз производилась приёмка воды, так что свободных членов экипажа было гораздо меньше, чем обычно по выходным.¹⁷²

С 19 ч. 30 мин. начинали возвращаться отпущенные в город, они могли принести какие-либо новости, поэтому их возвращения ожидали с нетерпением. И, когда раздавался сигнал “Койки брать!”, матросы шли не торопясь, чтобы потянуть ещё время, когда можно было свободно поговорить. Вероятно, по этой причине, раздача коек затягивалась порой и на три четверти часа.¹⁷³

С 22 ч. на корабли возвращалась вторая половина уволенных на берег. Примерно в это же время возвращались из города и отпущенные офицеры. В половине двенадцатого прибывали на свои корабли последние отпу-

щенные. Затем всё стихало. Привычную тишину нарушали лишь корабельные склянки, да запоздавшие матросы, которые во всех документах именовались “нетчиками”.¹⁷⁴

С наступлением весенних месяцев распорядок дня изменился мало. Лишь побудка проводилась на час раньше, т.е. в 5 ч. 30 м.¹⁷⁵ Несколько участилось проведение учебных тревог и тренировок по передаче сигналов. Так, на линейном корабле “Полтава” в течение марта 1915 г., по данным вахтенных журналов, тревоги игрались 5 раз: 3, 12, 17, 26 и 31-го.¹⁷⁶ Кроме того, по разу проводился обмен флажными семафорами с флагманским кораблем бригады “Петропавловском” и крейсером “Россия”, где размещался командующий флотом.¹⁷⁷

3, 7, 11, 17, 18, 26 и 30 марта в темное время суток по часу отрабатывали прием и передачу сообщений фонарем Ратьера.¹⁷⁸ 11 марта состоялось состязание учеников, а 30 марта и 1 апреля – опытных сигнальщиков. В той части соревнований, где определяли победителя в чтении команд, подаваемых фонарем Ратьера, победу одержали представители штаба бригады (64,3% правильных слов). Далее шли члены экипажей “Полтавы” (30,7%), “Гангута” (20,7%), “Севастополя” (20,3%) и “Петропавловска” (11,6%). В разборе флажных семафоров вновь первыми оказались “штабисты” (84,8%), далее – “гангутцы” (64,2%), “полтавцы” (54,8%), “севастопольцы” (51,8%) и “петропавловцы” (28,6%).¹⁷⁹ Лучшие получили награды: унтер-офицеры – от 15 до 5 руб., а рядовые – от 10 до 3 руб.¹⁸⁰

1 и 2 апреля на дредноутах начали смывать с бортов и надстроек белила, которыми они были окрашены для маскировки с воздуха.¹⁸¹ К середине месяца эта работа, как и приведение в порядок артиллерии и шлюпок, была закончена.¹⁸²

Также подходил к завершению ряд достроечных работ на линейных кораблях бригады. Отчасти они являлись следствием поспешной сдачи в казну, отчасти – изменениями, выявившимися во время пребывания в строю. Так, на линкоре “Петропавловск” в течение зимы были испытаны электрические угольные лебедки, сигнальные прожектора.¹⁸³ В марте состоялась приемка фановой системы и мусорных лебедок.¹⁸⁴ 4 мая завод-строитель сдал приспособления для продувания 120-мм орудий.¹⁸⁵ На “Гангуте” перестилался линолеум в артиллерийских погребах, производилась частичная замена изоляции водяных труб, проходивших в жилых помещениях, были закончены тормоза лебедок зарядников 305-мм орудий.¹⁸⁶

На всех дредноутах производилась переделка кают из-за увеличения численности экипажей. По сравнению с проектировавшейся численностью, в командах “Севастополя” и “Полтавы” прибавилось по 111 чел., “Петропавловска” и “Гангута” – по 146. На “Петропавловске”, как флагманском корабле, разместился штаб начальника бригады в количестве 61 чел.¹⁸⁷ В середине марта были приведены в порядок хлебопекарни и рефрижераторы линейных кораблей 2-й бригады.¹⁸⁸

22 апреля “Петропавловск” и “Севастополь” перешли на внешний рейд. На другой день первый линкор выходил в море. Спустя два дня оба отправились в бухту Кашпервик для отработки совместного маневрирования и на стрельбы.¹⁸⁹ С этого времени для дредноутов нача-

лись интенсивные тренировки. Причины лежали в отсутствии опыта у экипажей в эскадренном плавании, а также в необходимости практики как для имевших за плечами срок службы матросов и офицеров, так и для прибывавших пополнений.

Процесс изменения личного состава был неизбежен и протекал на линейных кораблях постоянно. Однако особенно много молодых прибывало к новому году. Экипаж “Петропавловска” в последних числах декабря 1914 г. пополнили 258 матросов призыва следующего года.¹⁹⁰ В начале января 1915 г. в личный состав бригады вошли ещё 290 чел.¹⁹¹ В течение остального года перемены происходили плавно. Если на “Севастополь”, согласно “Сведениям о перемене с нижними чинами”, с 1 февраля по 1 марта прибыл 41 специалист и убыли 50, то на “Гангуте” с 12 июля по 15 августа эти цифры составили соответственно 3 и 10 чел.¹⁹² Это объяснялось тем, что июль – август входили в период активизации деятельности военного флота и, как следствие, невозможностью переводить специалистов и опытных матросов. В противном случае боеспособность кораблей могла понизиться. Готовить эти кадры и приходилось в конце весны – начале лета.

Год спустя ситуация изменилась мало. Только новобранцев на линкоры присылали несколькими партиями. Так, на “Полтаве” 15 февраля 1916 г. присягу приняли 52 чел., 50 молодых матросов прибыло в начале февраля на “Петропавловск”.¹⁹³ Вторая группа включилась в состав экипажей тех же кораблей в мае. На “Полтаве” начали службу ещё 51, а на “Петропавловске” – 81 чел.¹⁹⁴

В соответствии с приказом командующего флотом адмирала Н.О. Эссена от 15 апреля 1915 г. №405, с 1 мая бригада дредноутов стала считаться 1-й бригадой линейных кораблей Балтийского флота.¹⁹⁵ После его смерти, последовавшей 8 мая, обе бригады линкоров объединили в эскадру. Общее командование ею с 27 июня осуществлял вице-адмирал Л.Б. Кербер, занимавший до этого должность начальника штаба флота.¹⁹⁶

В течение мая линкоры 1-й бригады несколько раз выходили в море. 6 мая “Петропавловск” и “Севастополь” выполняли маневрирование и репетировали отражение атаки миноносцев. Через два дня к ним присоединился “Гангут”. Три линейных корабля провели стрельбы главным калибром по буксировавшемуся щиту. 10 мая проверяли 120-мм артиллерию.¹⁹⁷ С этого времени на дредноутах проводились усиленные тренировки. На линейном корабле “Севастополь” 14 и 20 мая проводились отражения боевых тревог, а 16-го артиллеристы тренировались в стрельбе. Для экономии снарядов стреляли через вставленные в орудия стволы ружейными пулями.¹⁹⁸ 21 мая впервые рейд покинула “Полтава” – её, как и всех, ожидали испытания 305-мм орудий.¹⁹⁹ Через два дня 1-я бригада линейных кораблей ушла на эволюции. Вернулись корабли в тот же день. Учения повторились 29 мая.²⁰⁰

В начале июня линкоры 1-й бригады на практические стрельбы выходили сначала поодиночке. 5 июня их провела “Полтава”, а 8-го – “Севастополь”.²⁰¹ 16 июня бригада последний раз под флагом контр-адмирала А.С. Максимова отправилась на эволюции. При этом “Петропавловск” и “Гангут” проверяли организо-

ванность управления артиллерийским огнем при полубригадном маневрировании.²⁰² 30 июня аналогичные упражнения проделывали “Севастополь” и “Полтава”.²⁰³

Л.Б. Кербер, начальник эскадры линейных кораблей, по характеристике С.Н. Тимирёва, “образованный и способный морской офицер. прекрасно разрабатывавший планы операций и с присущей ему лихостью и храбростью выполнявший эти операции”²⁰⁴, энергично приступил к отработке совместного плавания дредноутов на более значительные расстояния. В течение июля – августа линкоры в полном составе совершили три плавания в Ревель (7-9, 21-26 июля, 9-17 августа).²⁰⁵

13 августа бригада разделилась после маневров: “Севастополь” и “Гангут” отправились к Ирбенскому проливу. Их задача состояла в прикрытии минных постановок. Незадолго перед этим немецкой эскадре удалось прорваться в Рижский залив, и Балтийский флот восстанавливал вытравленные противником заграждения. 14 августа 9 миноносцев выставили 310 мин.²⁰⁶ Затем, разделившись на группы, участники операции отправились в Гельсингфорс. 16 августа сначала “Севастополь”, а потом и “Гангут”, идя фарватером, задели мели и ударились о грунт.²⁰⁷ В результате полученных повреждений “Севастополь” 28 августа ушел на ремонт в Кронштадт.²⁰⁸

Кроме того, дредноуты 30 июля и 7 августа выходили на маневры в шхеры, а во время переходов в Ревель 23 июля и 9 августа проводили эволюции в ночное время суток.²⁰⁹ 29 июля “Петропавловск” и “Севастополь” провели стрельбы из орудий главного калибра.²¹⁰ Немудрено поэтому, что С.Н. Тимирёв, описывая маневры флота летом 1915 г., отметил: “Из отдельных частей флота лучше всех маневрировали дредноуты, что следует приписать энергии и распорядительности Кербера и прекрасным качествам командиров...”²¹¹

Осенью, в течение сентября – октября, оставшиеся в строю “Петропавловск”, “Полтава” и “Гангут” ещё 5 раз ходили в Ревель. Это происходило 4-5, 9-11, 22-25 сентября и 5-7, 13-15 октября.²¹² По пути туда и обратно дредноуты отрабатывали боевое маневрирование, как 4 сентября, 5, 7, 13 и 15 октября.²¹³ 9 сентября, следуя в Ревель, корабли бригады провели стрельбы главным калибром по буксируемому щиту. 10 сентября “Полтава”, а 23-го “Петропавловск” и “Гангут”, в рамках учебного отражения атак миноносцев, испытывали 120-мм орудия. На другой день “Гангут” и “Полтава” вышли на последние в 1915 г. артиллерийские учения.²¹⁴

23 октября линейные корабли 1-й бригады вновь взяли курс на Ревель. Однако этот выход не являлся обычным. 27 октября в 15.30 “Петропавловск” и “Гангут” снялись с якоря и вместе с крейсерами “Рюрик”, “Адмирал Макаров”, “Баян” и “Олег”, 7 эсминцами и 5 подводными лодками вышли в море. Задачей дредноутов, мино-

Спуск водолаза на линкоре “Петропавловск”

носцев и подводных лодок являлоськрытие минной постановки. Её должны были осуществить крейсера южнее о. Готланд. План был рассчитан на более ранние сроки, но реализация задержалась “по ряду причин. Важнейшей из них являлись революционные выступления личного состава линейного корабля “Гангут” и броненосного крейсера “Рюрик””.²¹⁵ 28 октября с 9 ч. до 11 ч. 45 м. заграждение было выставлено. На другой день весь отряд вернулся в Ревель, и 31 октября дредноуты ушли в Гельсингфорс.²¹⁶ Вторая аналогичная операция прошла 21-24 ноября. Линейные корабли “Петропавловск” и “Гангут” вновь составляли отряд прикрытия. И на этот раз минная постановка юго-восточнее Готланда прошла удачно.²¹⁷ Эта операция стала последним боевым походом балтийских линкоров-дредноутов в годы войны.

В это время на находившемся в доке Цесаревича Алексея в Кронштадте “Севастополе” устранили повреждения. 17 октября этот линейный корабль вышел в Среднюю гавань. В течение следующих 10 дней на него грузили боеприпасы, уголь и продовольствие. 27 октября дредноут вышел на устранение девиации магнитного компаса и ходовые испытания. На следующий день “Севастополь” ушел в Гельсингфорс.²¹⁸ 30 октября в Кронштадт отправилась “Полтава”. Туда она прибыла 1 ноября. С 5 по 18 ноября линкор находился в доке, где происходил ремонт пробойины, полученной 30 октября при переходе из Ревеля в Гельсингфорс. Кроме того, были проведены работы по очистке корпуса и замене винтов. 20 ноября “Полтава” ушла в обратный путь, причем развила максимальную для этого типа кораблей скорость в 24,1 узла.²¹⁹

26 ноября “Севастополь” и “Полтава” вышли на эволюции, которые продолжались менее часа. Этим и закончилась кампания 1915 г. для 1-й бригады линейных кораблей. 29 декабря вице-адмирал Л.Б. Кербер, назначенный в Адмиралтейств-Совет, сдал командование. Новым начальником бригады стал контр-адмирал М.К. Бахирев.²²⁰

На шкафуте линкора "Гангут"

1916 г. начался для экипажей дредноутов так же, как и предыдущий. До конца апреля линкоры простояли на внутреннем Свеаборгском рейде. Учения по отражению атак, боевые тревоги, артиллерийские занятия стали проводиться активно, по данным вахтенных журналов, со второй половины апреля. Так, на "Гангуте" учебную тревогу сыграли 15 апреля. Затем они повторились 20 и 28 апреля. 23-го было сделано несколько выстрелов из минных аппаратов болванками, а 25-го прошло артиллерийское учение.²²¹

3 мая "Петропавловск" и "Гангут" ходили на отработку маневров. На следующий день вышли "Севастополь" и "Полтава".²²²

8 и 10 мая дредноуты по полубригадам выходили на стрельбы. Кроме этого, проводились тренировки отражения атак миноносцев и подводных лодок.²²³

21 мая 1-я бригада линейных кораблей в полном составе отрабатывала взаимодействие на маневрах, а спустя три дня "Петропавловск", "Гангут" и "Полтава" отправились на практические стрельбы, по пути проводя перестроения на полном ходу.²²⁴

31 мая дредноуты отправились в Ревель. По сравнению с прошлогодней кампанией отметим большую интенсивность таких плаваний. За июнь они состоялись трижды: 31 мая – 5 июня, 11 – 15 и 23 – 30 июня, т.е. столько же, сколько за всё лето 1915 г.²²⁵

Изменился и принцип учений. Если раньше линейные корабли типа "Севастополь" на все эволюции или артиллерийские упражнения выходили вместе, то теперь

контр-адмирал М.К. Бахирев стал требовать высокой слаженности каждого дредноута отдельно. Для этого линкоры стали выходить полубригадно. Обычно это были "Петропавловск" и "Гангут", "Севастополь" и "Полтава".

В частности, 14 июня в 8 ч. с якоря снялась первая пара, в 12 ч. – вторая. В этот день прошла стрельба по буксируемому щиту из 305-мм орудий. 24 июня на учения ходили "Севастополь" и "Полтава". Они тренировались в отражении минных атак. Неприятельские корабли изображал эскадренный миноносец "Расторопный". 25 июня аналогичными упражнениями занимались обе полубригады, каждую из которых сопровождал миноносец. Вместе с "Севастополем" и "Полтавой" действовал "Расторопный", а с "Петропавловском" и "Гангутом" – "Сторожевой". 27 июня последняя пара линкоров и тот же эсминец выходили повторно.²²⁶

В июле дредноуты ходили в Ревель ещё раз: с 10 по 17 июля. На следующий день после прибытия вся бригада на рейде отрабатывала возможность нанесения артиллерийского удара при достижении крена в 5°. 12 и 13 июля линкоры по полубригадам выходили на стрельбы 120-мм артиллерии. Затем порядок несколько изменился. 14 июля Ревельский рейд покидали для маневрирования "Гангут" и "Севастополь", а днем позже – "Петропавловск" и "Полтава".²²⁷ Вероятно, начальник бригады добивался того, чтобы любой дредноут мог взаимодействовать с любым дредноутом своего соединения в бою. В ночь с 16 на 17 июля дредноуты отправились в Гельсингфорс, проведя совместное ночное плавание и эволюции.²²⁸

Во время второго похода линейные корабли 1-й бригады 29 и 30 июля по полубригадам выходили на проверку артиллерии в действии. Вернулись линкоры в Гельсингфорс опять ночью. Выйдя в 19 ч. 30 мин. 30 июля из Ревеля, в 6 ч. 15 мин. 31-го они встали на якорях на внутреннем Свеаборгском рейде.²²⁹

В дальнейшем активность подготовки заметно снизилась. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за весь остаток 1916 г. 1-я бригада линейных кораблей больше ни разу не проводила стрельб. Из Гельсингфорса дредноуты уходили ещё 2 раза, и оба – в пустынную бухту Лапвик, расположенную в шхерах. Первый раз бригада ушла туда 3 августа и пробыла там 3,5 недели, до 28-го.²³⁰ За это время были проведены лишь 2 артиллерийских учения, инсценировавшие отражение минных атак. Всё остальное время протекало в выполнении судовых работ.²³¹ Словом, пребывание в Лапвике напоминало зимнюю стоянку.

Вторично линейные корабли отправились в Лапвик 25 сентября. В 12 ч. 30 мин. они снялись с якоря и пошли стратегическим фарватером. "Севастополю", как и в августе 1915 г., опять не повезло: ударившись днищем о грунт мели, не обозначенной на карте, он "прикнулся к банке".²³² Попытки сойти самостоятельно ни к чему не привели. Остальные линкоры ушли, оставив своего товарища под охраной 6-го дивизиона эскадренных миноносцев. 26-28 сентября происходила выгрузка снарядов из погребов носовой 305-мм башни, выкачали 150 т нефти и начали выгружать уголь. Только с помощью подошедших буксира "Силач" и ледокола "Ермак" 29

сентября линкор удалось снять. Он самостоятельно перешел на рейд Поркалаудд, а 1 октября своим ходом отправился на ремонт в Кронштадт. Прибыл он туда на другой день.²³³

“Петропавловск”, “Гангут” и “Полтава” без помех добрались до Лапвика. Дни проходили в чередовании шлюпочных и артиллерийских тренировок. Так, на “Петропавловске” 27 сентября, 4, 6, 7, 11, 13 и 17 октября состоялись учения гребных команд различных рот. Учения орудийной прислуги прошли 28 сентября, 4, 12, 14 и 15 октября.²³⁴ С приближением ноября и такая подготовка замерла. В течение ноября дредноуты стояли без движения. 18 ноября 3 линкора вернулись в Гельсингфорс.²³⁵ “Севастополь” тем временем с 8 октября по 6 ноября находился в доке Цесаревича Алексея. 2 декабря, из Кронштадта, в сопровождении крейсера “Баян” он отправился к месту основного базирования, куда прибыл спустя 2 дня.²³⁶

Начиная с 1916 г. на линкорах бригады стало ощущаться разрушительное действие войны на экономику и хозяйство страны. Оно отразилось на снабжении линейных кораблей. Кризисные явления возникали постепенно в разных сферах. 10 марта 1916 г., например, командир “Полтавы” капитан 1 ранга барон В.Е. Гревениц рапортом сообщил начальнику бригады о претензии месячной давности двух матросов своего корабля. Матросы 1 статьи Н. Новиков и Л. Сенцов не получили в комплекте обмундирования носки. Далее В.Е. Гревениц докладывал: “Носки не были выданы за неимением их в порту, почему претензия Новикова и Сенцова справедлива, но не удовлетворима, так как до сего времени носков в порту не было и не предвидится”.²³⁷ Любопытен и показателен в этом смысле рапорт, отправленный на имя командира линейного корабля “Петропавловск” капитана 1 ранга В.К. Пилкина инженер-механиком того же корабля мичманом Яковлевым: “Доношу Вашему Высокоблагородию, что при выдаче мною нижним чинам вверенной мне роты денег за кальсоны, некоторые нижние чины заявляли мне, что денег 2 рубля 55 копеек при современной дороговизне на три пары кальсон слишком мало, и что кальсоны им крайне нужны, так как старые пришли в негодность”.²³⁸ Рапорт был отправлен 18 августа 1916 г. Около недели он пролежал без движения у командира, а затем был передан в штаб бригады, где было решено обратиться с ходатайством к командующему флотом об увеличении средств, отпускаемых на содержание команд ежемесячно. Ответа непосредственно на рапорт не последовало.

В начале 1917 г. произошла задержка с поставкой сукна на дредноуты. Как сообщалось в рапорте, в магазин поступило по 40 аршин вместо положенных 54 на корабль. К тому же, были обнаружены дефекты: отсутствовала белая нитка по краям, в отдельных кусках имелись потертости и прорехи.²³⁹ В конце января на дредноуты из штаба бригады разослали отношение управления Свеаборгским портом от 26 января, где говорилось о прекращении снабжения дровами семей офицеров и нижних чинов, живших на квартирах в Гельсингфорсе.²⁴⁰

Говоря о недостаточности денежных сумм, следует, по всей видимости, остановиться и ещё на нескольких показателях, характеризующих остроту этой пробле-

“Гангут” во время якорной стоянки на рейде. Для защиты от торпед на корабле опущены противоторпедные сети.

мы. Таких, например, как нехватка стиральных и моющих средств на кораблях и ухудшение качества питания.

Дело в том, что с началом войны цены начали расти. Из-за этого сокращалось количество мыла и соды, употреблявшееся для стирки, не только в частных хозяйствах, но и в казённых, по всей видимости, флотских, прачечных Гельсингфорса. На линейном же корабле “Гангут” можно наблюдать несколько большее (приблизительно на 0,3 фунта) количество мыла, использовавшееся матросами, по сравнению с береговыми прачечными, но зато гораздо меньшее (на 1 фунт) количество соды. При сложении же этих цифр получается, что на берегу мыла и соды в общем использовали значительно больше, чем на кораблях.

Произошли в 1916 г. и изменения в питании. Основные из них коснулись мяса и хлеба. Согласно новому рациону, вступившему в силу с 1 июня, по вторникам и пятницам у экипажей были постные дни. Т.е. в их меню отсутствовали блюда, в которые входило мясо. Кроме того, в некоторых блюдах этот продукт либо исчез полностью, либо его количество уменьшилось. Так, если по раскладке января в рисовую кашу надо было класть 12 фунтов свинины на 100 чел., то во втором полугодии каша стала постной. В макаронный и гороховый суп вместо 12 фунтов мяса на 100 чел. стали добавлять 10,4. Также в суп макаронный перестали добавлять специи. Осенью, согласно “Годовому отчету” судового врача с “Севастополя”, “прекратили, за отсутствием муки, выпечку белого хлеба, который раньше давали 4 раза в неделю”.²⁴¹ Прямые последствия выразились в потере веса моряками.

Старший врач “Севастополя” И.И. Тржемесский продолжал в “Отчете”: “Взвешивание команды, произведенное осенью, показало, что за исключением матросов срока службы 1916 года, то есть в этом году прибывших на корабль, большинство прочих нижних чинов убыло в весе, что безусловно необходимо приписать вышеуказанной мере [т.е. уменьшению количества мяса и хлеба – Д.Б.], так как в 1915 году такого падения в весе при одинаковых условиях жизни и службы не наблюдалось”.²⁴²

На “Гангуте” из взвешенных 1135 чел. прибавили в весе 447, потеряли – 642, остались с прежним – 46 чел.²⁴³

Также ухудшилось общее медицинское состояние. В документах за февраль 1917 г. из 9 чел., нуждавшихся в серьёзном обследовании (ещё 10 чел. были обследованы ранее, поэтому точных данных об их диагнозах не имеется), четверо заболели “при упадке питания”. У коцегара линейного корабля “Полтава” П. Панова был обнаружен связанный с этим катар дыхательных путей. Ещё у 3 чел.: санитар с “Петропавловска” Г. Комарова, электрика с того же корабля И. Нагорнюка и комендора с “Севастополя” П. Мищенко диагноз был одинаков – осложнение после сделанных операций после заворота кишок, вызванного некачественным питанием. Подобного в течение месяца ранее не наблюдалось.²⁴⁴ На фоне этих цифр нет ничего удивительного, что если за январь 1917 г. списано, переведено и уволено в отпуск 18 нижних чинов (в том числе только 2 вообще освобождены от службы по состоянию здоровья и 6 отправлены в отпуск по той же причине), то в феврале эти цифры возросли так: 59 чел. списаны, переведены и уволены в отпуск (по состоянию здоровья уволены от службы 3 чел. и в отпуске отправлено 16).²⁴⁵

§2. ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА

Повседневная жизнь личного состава бригады включала в себя не только исполнение служебных обязанностей, но и свободное время, т.е. то время, когда моряки были предоставлены сами себе.²⁴⁶ Несомненно, от способов времяпрепровождения зависело моральное состояние, а значит, и боеспособность экипажей. На наш взгляд, можно выделить два основных способа организации досуга. Первый способ полностью зависел от командования и состоял в тех мероприятиях и занятиях, которые оно могло предложить нижним чинам. Второй способ – самоорганизация свободного времени – полностью зависел от самих моряков. При этом мы полагаем, что для поддержания воинской дисциплины необходимым является разумное сочетание того и другого.

В меньшей степени это касалось офицерского состава, т.к. офицеры были вольны в выборе своих занятий в свободное время и организовывали свой досуг сами. Особое внимание в данной работе уделяется времяпровождению именно нижних чинов. Сосредоточение ответственности за свой досуг в руках самих матросов способствовало постепенному разрушению их связи с офицерством, формированию отчужденного отношения.

Немаловажную роль в смысле организации досуга командованием играли матросские кружки. Они создавались на дредноутах в первую военную зиму, после прибытия в Гельсингфорс. Приоритет отдавался спортив-

ным занятиям. За кормой линкоров расчищались площадки, огороженные срубленными елками.²⁴⁷ Там сооружались катки. Об их размерах можно судить по размерам ограды. Она, согласно приказу начальника штаба командующего флотом, должна была отступать от бортов на 20-30 саженей, т.е. на 40-60 м.²⁴⁸ Кататься на них могли, предъявив соответствующий пропуск, независимо от того, были они отпущены на берег или нет, только матросы того линкора, около которого каток находился. Иногда воскресными вечерами проводились хоккейные матчи между командами линейных кораблей бригады. Во время этих матчей ужин мог надолго задержаться. Большинство команд всех линкоров наблюдало за игрой с верхних палуб, некоторые матросы забирались на марсы. Интересы и продолжительности поединкам добавляла игра не на время, а на счёт.²⁴⁹

Проходили соревнования между кораблями бригады и по лыжному спорту. Команды лыжников (по 10 чел. от каждого дредноута) также были созданы зимой 1914-1915 гг. Тренироваться, однако, матросы могли лишь по воскресеньям, поскольку для этого приходилось уезжать за город, на что требовалось много времени.²⁵⁰ На “Гангуте”, по воспоминаниям Д.И. Иванова, корабельный священник о. Никодим “сам лично хлопотал перед командиром о приобретении лыж”.²⁵¹

Летом проходили футбольные матчи. Согласно мемуарам Б.П. Дудорова, инициативу по покупке экипировки для этого вида спорта, проявил командир “Полтавы” капитан I ранга В.Е. Гревениц.²⁵² 23 февраля 1915 г. командующий флотом утвердил “Положение о переходящем футбольном призе линейного корабля “Цесаревич””. Сражаться за него могли “все судовые футбольные команды”.²⁵³ При этом, разумеется, военная жизнь не могла не внести свои коррективы. Поэтому матчи могли и срывать. Так, первый же матч команды “Петропавловска” в розыгрыше 1916 г. сорвался по причине “срочных работ на корабле”.²⁵⁴

Крупные спортивные состязания становились зрелищем и для горожан. Так, “Финляндская газета” 1 октября 1915 г. разместила на своих страницах приглашение всем желающим посетить спортивный плац в предместье Дьюргорден. Там проходили в этот день состязания по легкой атлетике и футбольный матч сборных морских команд и артиллеристов Свеаборгской крепости.²⁵⁵ На катке в Северной гавани 27-28 февраля 1916 г. прошли конькобежные соревнования, в которых участвовали как военные, так и гражданские спортсмены. Кроме того, 27 февраля проходили выступления на дистанциях в 500 и 5000 м, 28 февраля – в 1500 и 10000 м. Газета отметила, что “несмотря на снежную погоду, народу на катке было довольно много”.²⁵⁶

Из других видов спорта на линейных кораблях бригады популяризовалась классическая борьба и “поднятие тяжестей”.²⁵⁷ С февраля 1915 г. начался чемпионат флота по классической борьбе.²⁵⁸ На “Гангуте” юнга Е. Лиман, работавший ранее в цирке, организовал занятия акробатикой. Д.И. Иванов сообщает, что акробаты “часто выступали”.²⁵⁹

Вообще, спорт был средством отвлечения личного состава от однообразия будней не только в Российском флоте. Официальный представитель русского флота

при Grand Fleet капитан I ранга Г.К. фон Шульц вспоминал, что на основной базе в Скапа-Флоу, "правительство арендовало часть острова Флотта, где были устроены футбольные площадки... Здесь в хорошую погоду состязались команды различных кораблей, в скверную же погоду работали над ремонтом площадок".²⁶⁰

Другими распространенными видами спорта у англичан Шульц называет парусный и гребной. В отличие от русских кораблей, тренировки и состязания проходили именно летом.²⁶¹ Не оставались в стороне и офицеры. Парусный спорт, например, был "излюбленным занятием молодых офицеров и гардемарин".²⁶² В июне 1915 г. на о. Флотта прошел финальный матч по боксу на большой приз флота. Он разыгрывался между эскадрой линейных крейсеров Д. Битти и линейными кораблями, составившими ядро английских военно-морских сил. Проведение предварительных поединков заняло около двух месяцев. Участвовать могли и нижние чины, и офицеры.²⁶³ Помимо этого, увлекался командный состав и игрой в гольф. К весне 1915 г. на острове образовался "настоящий спортивный центр".²⁶⁴ Зимой проходили состязания конькобежцев.²⁶⁵

Наряду со спортом, внимание уделялось музыкально-творческой деятельности. Циркуляр №185 об организации хоров на дредноутах за подписью начальника бригады контр-адмирала А.С. Максимова вышел 9 марта 1915 г. Предполагалось, что они будут организованы за счет прибывающего молодого пополнения. Однако уже спустя 19 дней с линкоров отправили по 13 чел. для обучения на 2 Балтийский флотский экипаж.²⁶⁶

Что касается театральных представлений, то упоминания о них встречаются с осени 1915 г. Так, 1 октября матросы с дредноутов дали благотворительный спектакль для больных и раненых в зале морского госпиталя.²⁶⁷ К празднованию нового года и Рождества на кораблях бригады готовилась целая театральная программа. При этом на спектаклях, по-видимому, присутствовали не только экипажи, но и представители других кораблей и гарнизона Свеаборгской крепости. Так, 19 декабря в штаб бригады пришла телефонограмма от прапорщика Монтина, просившего выслать один экземпляр репертуара.²⁶⁸ Кроме того, некоторые номера должны были демонстрироваться в манеже Гвардейских казарм, поскольку моряки присылали туда материалы для украшения и свои декорации.²⁶⁹ Иногда спектакли устраивались во время корабельных праздников, как 21 февраля 1916 г. на "Гангуте". Там по особому разрешению также могли присутствовать гости.²⁷⁰

Английские моряки также ставили любительские постановки. Однако в них, наряду с матросами, принимали участие и офицеры. Именно театральные представления играли, по мнению Г.К. фон Шульца, роль основного оружия в борьбе со скукой, являющейся "главным врагом дисциплины". В частности, он упоминает о спектакле офицеров и гардемарин с линейного корабля "Queen Elizabeth", представленном в апреле 1916 г. в специально оборудованном трюме транспортного корабля. Декорации изготовлялись, как и на русских кораблях, своими силами. Через несколько дней пантомима, где участвовали офицеры и матросы, была показана на дредноуте "Hercules".²⁷¹ О частых представлениях, проходив-

Одинъ изъ антракціоновъ судового "ЛІА ПАРКА".

Конечный пунктъ бѣга съ препятствіями. Врѣвно шевелится, пройдешь первымъ - призовой, а упадешь, то все потеряешь да и искупаешься.

ших на разных линкорах в ноябре-декабре 1916 г., упомянул в дневнике и другой представитель, капитан II ранга С.А. Изенбек.²⁷²

Экипажам линейных кораблей предлагались и готовые зрелища - кинематограф и библиотеки. Киносеансы организовывались по вечерам, в основном, по субботам и воскресеньям.

Показывались в основном военные хроники. Так, в марте 1915 г. на линейных кораблях бригады демонстрировалась лента "Его Императорское Величество Государь Император Николай II в действующей армии", а в декабре 1916 г. - "Из французских побед в Шампани".²⁷³ Однако демонстрировались и комедии. В марте 1915 г., по воспоминаниям Д.И. Иванова, можно было видеть фильмы "Жена с того света" и "Приключения Глупышкина".²⁷⁴ Таким образом, киносеансы служили, с одной

стороны, пропагандой и демонстрацией военных успехов, с другой – были призваны дать отдых от службы.

Вопрос о судовых библиотеках решался к началу войны следующим образом: при участии корабля в заграничном плавании, на офицерскую и командную библиотеки выделялось от 350 до 500 руб., в зависимости от численности экипажа, во внутреннем плавании – рассчитывать можно было только на береговые. В марте 1915 г. начальник МГШ вице-адмирал А.И. Русин подготовил доклад на имя адмирала И.К. Григоровича, в котором отстаивал необходимость создания постоянных судовых библиотек. 23 марта морской министр наложил резолюцию: “Принципиально согласен, передать в Канцелярию Министерства для разработки законопроекта”.²⁷⁵ В результате, в июне свет увидело “Временное положение о судовых и береговых командных библиотеках”. Библиотеки должны были “способствовать воинскому воспитанию и укреплению в нижних чинах верности и преданности Государю и Отечеству, давать знания, расширяющие подготовку по всем специальностям и отраслям военноморского дела, способствовать просвещению и самообразованию в возможно широких размерах и доставлять разумное и полезное препровождение свободного от службы времени...”.

В состав библиотек должны были входить “книги по всем отделам знания”. На строящиеся суда, в соответствии с п.18, “для сформирования библиотек единовременно отпускается по 50 копеек на каждого нижнего чина по числу полного комплекта судовой команды”.²⁷⁶ Книжные пополнения могли поступать из

трех источников: передаваться морским министерством, приобретаться на особые суммы или поступать от различных лиц и учреждений.²⁷⁷

Офицерские и командные библиотеки на линейных кораблях отсутствовали. И если Адмиралтейский завод – строитель “Полтавы” и “Гангута” отпустил по 1000 руб. для покупки книг, то Балтийский завод этого не сделал, что послужило поводом к длительной переписке.²⁷⁸

В 1915 г. на эти цели было выделено по 400 руб. на корабль. “В 1916 году”, – докладывал в рапорте от 23 января 1917 г. начальнику 1-й бригады линейных кораблей исполнявший обязанности командира “Петропавловска” капитан II ранга Л.И. Буткевич, – “были поданы требовательные ведомости Свеаборгскому порту на 100 рублей..., но до сего времени денег не отпущено и, как сказали в порту, не будет отпущено совсем...”.²⁷⁹ В дальнейшем он был направлен в штаб флота. Спустя 5 дней начальник штаба контр-адмирал Н.М. Григоров послал в ГМШ ходатайство о выделении денег.²⁸⁰

Структурно библиотеки на линкорах, как это было общепринято, делились на 7 отделов: книги по военным и морским вопросам, исторические, по артиллерии, электротехнике, машинному делу, кораблестроению, справочные издания.²⁸¹ Некоторое представление об ассортименте даёт каталог офицерской библиотеки 1 дивизиона эскадренных миноносцев Балтийского флота.

Первые книжные пополнения на линейные корабли бригады поступили в июле 1914 г. В ознаменование 200-летнего юбилея Гангутской битвы 8 июля дредноуты получили 500 экземпляров брошюры лейтенанта Н. Гон-

Каталог офицерской библиотеки 1 дивизиона эскадренных миноносцев флота Балтийского моря (РГАВМФ. Ф.417. Оп.3. Д.3733. ЛЛ.7-12.)

Отдел 1. Стратегия, тактика, книги по военным и морским вопросам.

Андрэ. Очерк развития всемирной торговли. Апухтин. Подчинение и самодеятельность начальников. Атальямайер. Война на море. 1881. Беклемишев. О Командорских островах. Бебридж-Хаф. Примеры, выводы и заключения по современной морской практике. Бернгафли. Современная война. 2 т. Бубнов. Записки по морской тактике. Бутаков Г.И. Новые основания пароходной тактики. Вандам. Наше положение. Вильсон. Броненосцы в бою. 2 т. Всемирная война. 1906 г. Гершельман. Нравственный элемент в руках Суворова. Гершельман. Нравственный элемент Скобелева. Фон дер Гольц. Вооруженный народ. Фон дер Гольц. Солдат в бою. Гранмезон. Идея обеспечения успеха и бой крупных войсковых соединений. Давелюи. Борьба за обладание морем. Давелюи. Исследование по морской стратегии. Давелюи. О морском бое. Дегу. Исследование и совокупность действий армии и флота. Договорная и разведочная служба. Драгомиров. Подготовка войск в мирное время. Дуглас. Морская война при помощи пара. Золотарев. Военно-географический очерк окраин России. Карцов. За кулисами дипломатии. Кирхгоф. Морская сила в Балтийском море. 2 т. Кладо. Введение в курс военно-морского искусства. Кудрявцева. Так говорил Наполеон. Куропаткин. Россия для русских. 3 т. Лебон. Психология воспитания. Леер. Стратегия. 3 ч. Ливен. Дух и дисциплина нашего флота. Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. Макаров С.О. Без парусов. Макаров С.О. Броненосцы и безбронные суда. Мехен. Влияние морской силы на историю. Михневич. Стратегия. 2 ч. Михневич. Основы русского военного искусства. Морозов. Воспитание генералов и офицеров как залог побед и поражений. Морозов. Прусская армия в эпоху Иенского погрома. “Наука побеждать” генералиссимуса Суворова. Орлов. Суворов как представитель славянства. Суворов и флот. Орлов. Тактика Суворова. Приказы М.Д. Скобелева. Райковский. Военное воспитание. Секи. Оборона побережья. Скрыгин. Сборник приказов и инструкций адмиралов. Чихачев. Технический обзор морских сражений последнего периода. Щеглов. История военно-морского искусства. Энгельман. Воспитание современного солдата и матроса. Яблонский. Человек и корабль.

Отдел 2. Книги исторического содержания.

Адмирал И.Ф. Крузенштерн. 1869 г. Бойтон Ч. История американского флота во время восстания 1868-1870 гг. Беломор. Памятка для моряков. Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. Ч.1. Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Вып. I, II. Веселаго Ф. сведения о ботике. “Дедушка русского флота” за 200 лет, Веселаго Ф. Список русских военных судов с 1668-1850 г. Висковатов. Краткий обзор морских походов русских до XVII столетия. Воскресенский. Описание военных действий в 37-38 гг. Мэйдзи. Врангель. Вице-адмирал С.О. Макаров. 2 т. Елагин. История Русского флота. Елагин. Материалы для истории Русского флота, извлеченные из журналов Петра Великого. Елагин. Материалы для истории Русского флота. Ильинский. Адмирал Ушаков в Средиземном море. Ковалевский. История России с национальной точки зрения. Ковалевский. Психиатрические эскизы из истории. Коргуев. Обзор преобразования Морского Кадетского Корпуса. Кротков. Взятие шведской крепости Нотебург. Кротков. Морской Кадетский Корпус. Кротков. Начало Морского Кадетского Корпуса. Кротков. Повседневная запись событий в Русском флоте. Мамонтов. С болгарскими войсками от Балкан до Чатаджи. Мельников. Дневные морские записки, веденные на корабле “Уриил” Мертвого. Описание крушений. Мягзовский. История Черноморского флота. Сборник военно-исторических материалов. Вып. IV. Орлов. Поход Суворова в 1799 г. Орлов. Штурм Праги Суворовым. Орлов. Суворов на Третьей в 1799 г. Поливанов. На каждый день. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. Семенов. Расплата. Семенов. Бой при Цусиме. Семенов. Цена крови. Страхов. Кампания 1854 г. в Балтийском море.

чарова “Гангутский бой”.²⁸² В октябре комиссия по управлению процентами с капитала, пожертвованного графом С.А. Строгановым, передала в матросские библиотеки сборники рассказов “Гангутская победа и другие подвиги моряков и судов родного флота”, “В Севастополе”, работы В.П. Ильинского “Адмирал Ф.Ф. Ушаков в Средиземном море. 1799 год” и Е.А. Мязговского “История Черноморского флота, 1696-1912 гг.”.²⁸³ 22 декабря штаб бригады расплатился за 200 экземпляров брошюры “Петропавловский бой”.²⁸⁴

19 января 1915 г. из штаба флота переслали в офицерские библиотеки I и II книги “Описание русско-японской войны 1904-1905 гг.”, 3 февраля – 350 экземпляров брошюры “Великая победа славян над немцами при Грюнвальде, 15 июля 1410 года”, а 13 апреля – “Раненые офицеры и нижние чины, их эвакуация, денежное, а также другое довольствие, пенсионные права, а также обеспечение семей лиц, призванных на войну” (составитель – Г.В. Северин) и “Наставление семьям лиц, привлеченных на войну, а также раненых и павших бойцов” (составитель – Н.А. Павловский).²⁸⁵ В апреле на свои средства комиссия по управлению процентами капитала имени графа С.А. Строганова приобрела 21 альбом “Его Императорское Величество Государь Император в Действующей армии”, а лейтенант Н.Г. Милашевич пожертвовал 8 экземпляров своей книги “Подвиг лейтенанта Малеева”.²⁸⁶ На свои средства библиотеки закупили в феврале 1916 г. брошюру А.С. Резанова “Солдатская памятка о немецких зверствах”.²⁸⁷ Таким образом, основная часть книг поступала в судовые библиотеки либо от морского министерства, либо от жертвователей. Собственные возможности были, по-видимому, ограничены.

На этом фоне заметно отсутствие упоминаний о художественной литературе. Положение дел на иностранных кораблях выгодно отличалось. Так, на германском флоте корабельные библиотеки были невелики, зато экипажи располагали широкими возможностями использования береговых. Они были несравнимо богаче. Х. Остертаг упоминает, что в каталоге Морской школы в Киле из 147 страниц 28 были посвящены разделу “Искусство и культура”. Несмотря на большое число историй из солдатской жизни, “военных юморесок”, в перечне авторов немецкий историк назвал таких писателей, как Г.-Х. Андерсен, Дж. Фенимор Купер, А. Дюма, Ч. Диккенс. Большой популярностью пользовались современные французские авторы: А. Доде, Г. де Мопассан, П. Мериме, Э. Золя.²⁸⁸

Что касается периодических изданий, то судовые библиотеки бригады, вплоть до 1917 г., снабжались “Летописью военных действий” и журналом “Морской сборник”.²⁸⁹ Газеты необходимо было выписывать за свой счет, как это делали, например, машинисты “Гангута”.²⁹⁰ Всё это вместе взятое приводило к отсутствию заинтересованности экипажей в посещении библиотек. Обновления там происходили нечасто, художественная литература отсутствовала, периодические издания были редкостью, в отличие от английского флота.²⁹¹

Ситуация с организацией досуга на линкорах бригады, таким образом, не являлась удовлетворительной, т.к. в кружках и секциях были заняты далеко не все члены экипажа. Это приводило к самоорганизации своего

Въ дырку съ этого конца надо пролѣзть, а съ противоположнаго вылѣзть, познакомившись по-средины пути съ основательнымъ кранцомъ.

свободного времени. Одним из способов являлись карточные игры.²⁹² Бывали и другие виды азартных игр. Так, 14 февраля 1915 г. матрос II статьи И. Привалов решил устроить лотерею, призами в которой должны были выступить его вещи.²⁹³ На “Полтаве” заведовавший судовой фотографией унтер-офицер I статьи электрик С. Овчинников осенью 1915 г. “распространял среди команды фотографии неприличного содержания”.²⁹⁴

Однако важнейшим местом проведения свободного времени для членов экипажей дредноутов являлся порт базирования. В основном это был Гельсингфорс. Туда новые линейные корабли прибыли 10 ноября, 7 декабря и 22 декабря 1914 г. В город экипажи впервые попали после новогодних праздников, в январе 1915 г.²⁹⁵

Нельзя сказать, что флотское командование ничего не сделало для организации отдыха нижних чинов на берегу. По праздникам у матросов была возможность посмотреть спектакль в театре. Специально для этой цели закупалось до 150 билетов, которыми премировались наиболее отличившиеся.²⁹⁶ Впервые 20 билетов в Александровский театр для экипажей были переданы 3 января 1915 г., второй случай зафиксирован 25 февраля. Весной 1915 г. перед первым выходом в море матросы с дредноутов смотрели в Александровском театре спектакль “Петербургские трущобы”.²⁹⁷ Впрочем, надо сказать, что походы в театр не пользовались особой популярностью, что объясняется, скорее всего, тем, что уровень начитанности большинства матросов не соответствовал уровню показываемого на театральной сцене.

Не увенчались особым успехом и попытки привлечь моряков музыкальными вечерами. Дважды, 19 апреля и 3 мая 1915 г., они организовывались в Студенческом доме и зале “Пайвеля”, однако из нижних чинов туда почти никто не дошёл.²⁹⁸ Однако всё же внимание командования более сосредотачивалось на организации досуга на самих кораблях, или около них. Лишь в последних числах января 1917 г. командующим флотом вице-адмиралом А.И. Непениным был одобрен проект инженер-механика “Полтавы” старшего лейтенанта В.П. Волхонского по созданию так называемого “Морского дома”. Он должен был являться “центром всякого рода деятельности, имеющей задачу предоставить командам культурный отдых от тесной корабельной жизни”. На эти цели был даже выделен кредит в 30 тыс. финских марок, отведён участок земли в предместье Гельсингфорса Тёлё.²⁹⁹ Начавшаяся революция помешала реализации этих планов. Поэтому матросы вынуждены были искать себе развлечения сами.

Современнику Гельсингфорс представлялся как “большой оживлённый город, считавший себя наполовину “заграничным”, в котором “жизнь продолжала кипеть ключом”.³⁰⁰ Другой видел, как “громады многоэтажных домов разместились между скалистыми горами. На главной улице – Эспланаде – сплошной поток людей: разных фасонов шляпы, шубы, манто, дохи движутся в двух направлениях”.³⁰¹ Действительно, к концу 1916 г. в Гельсингфорсе проживало около 200 тыс. чел.³⁰² Он являлся столицей Великого княжества Финляндского и центром Нюландской губернии. На улицах, наравне с русской, также звучала финская и шведская речь. Это проявилось в культурной жизни города. Так, на шведском языке давал спектакли театр “Аполло”, на финском и русском – Финский театр, только на русском – Александровский русский театр. Репертуар мог удовлетворить самые разнообразные вкусы.

По традиции в первые дни наступившего года проводилось большое количество концертов и культурных мероприятий. В 1915 г. они начались с 6 января, когда в Народном доме прошёл концерт при участии номеров,

демонстрируемых индийскими факирами.³⁰³ Четырьмя днями позднее там же состоялась “решительная борьба” между известными спортсменами А. Ярвиненом и И. Саарела.³⁰⁴ 14 января в Гельсингфорсском Морском собрании был проведен благотворительный вечер, а 28-го – в Александровском театре.³⁰⁵ В дальнейшем подобные вечера проводились, как правило, в связи с гастролями известных артистов. Так, 27 и 28 февраля в здании Финского театра прошли выступления М.Ф. Кшесинской, 8 апреля на сцене Александровского театра можно было видеть певицу Л.Ф. Травину, 21 апреля – Е.И. Збруевой и Н.В. Андреева, а 17 ноября – М.Э. Троякову и Н.В. Дулькевича.³⁰⁶

Однако основную роль с середины января играли театральные постановки. Театральный сезон в Гельсингфорсе продолжался в 1915 г. до конца апреля, после чего, передав на два месяца эстафету Летнему театру в Брунспарке, прервался до сентября.

Александровский русский театр являлся весьма разноплановым в театральных постановках. Однако основная часть новинок приходилась на вторую половину года, после открытия нового театрального сезона. В январе – марте 1915 г. на сцене прошло две премьеры. 10 января была представлена пьеса С. Гарина “Богатыри”, носившая подзаголовок “Из современной войны”, а 15-го – “Трильби” Г. Ге.³⁰⁷ Из новинок театр не представил более ничего, а эти произведения и составили основу репертуара. По окончании сезона, в апреле, эстафету подхватили Финский театр и театр “Аполло”. В течение месяца первый показал “Женитьбу Фигаро”, фарс “Морячок”, “Кармен”, оперу “Марта” и “Пигмалиона”. Любители оперетты могли увидеть на сцене второго “Позолоченный глиняный петушок”, “Мадам Сан-Жен”, “Дети пустыни”, “Девушка-счастливица” и “Летучая любовь”.³⁰⁸ Но при этом необходимо было владеть финским или шведским языком, т.к. все оперетты звучали именно на них.

В течение мая оперетты шли также в Летнем театре в Брунспарке – излюбленном месте отдыха. Так, в 1915 г. представлялись 16 мая фарс на шведском языке “Сквозняк”, 19 мая – комедия “Польская кровь” и 3 июня – “Весёлая вдова”.³⁰⁹ После этого сезон окончательно закрылся до сентября.

Осенью 1915 г. театральные постановки возобновились. Именно это время являлось наиболее насыщенным. Александровский театр представил в сентябре – ноябре “Ромео и Джульетту” В. Шекспира, “Таланты и поклонники” А.Н. Островского, “Кин или гений беспутства” А. Дюма, “Цену жизни” В.И. Немировича-Данченко, “Змейку” и “Прохожих” В. Рышкова, “Веру Мирцову” Л. Урванцева, “Маленькую женщину” О. Миртова.³¹⁰ Труппа Финского театра начала выступления с октября. Творчество А.Н. Островского нашло своё отражение на этих подмостках в постановке его драмы “Лес”, премьера которой прошла 21 октября. Она имела большой успех и неоднократно повторялась. Её перемежали драма “Моряки”, опера Х. Глюка “Орфей” и балет “Кармен” Ж. Бизе.³¹¹ “Аполло” из новинок представил лишь оперетту “Морской кадет”, исполнявшуюся на шведском языке.³¹² Кроме того, с осени 1915 г. регулярными стали концерты музыки в исполнении городского симфоничес-

кого оркестра. Первый был дан 13 сентября в Народном доме. В дальнейшем они проходили раз в неделю.³¹³ 29 сентября там же состоялся концерт скрипачки А. Актэ.³¹⁴

Сезон 1916 г., в сравнении с предыдущим, имел ряд особенностей. Выросло число концертных программ. По-прежнему в Народном доме проходили симфонические концерты. Последний, двадцатый, был дан 27 марта.³¹⁵ Участились гастролы приезжих знаменитостей. На сцене Финского театра 21 и 22 января состоялись выступления М.Ф. Кшесинской, чьим партнером был П.Н. Владимиров, а 25, 26 и 27 февраля – прима-балерины Императорского балета Е. Смирновой.³¹⁶

15 марта в Народном доме прошел вечер “знаменитой исполнительницы русских военных песен” М.А. Лидарской. Спустя месяц в Александровском университете выступила “бывшая артистка Императорских театров” Н. Лежен.³¹⁷ На сцене Летнего театра Брунспарка 8 августа прошли гастролы артистов столичного балета во главе с Э. Вилль.³¹⁸

Осенний сезон начался с двух концертов классической музыки в исполнении Р. Сударской, прошедших 8 и 9 сентября в актовом зале университета. Их основой стали произведения Л. ван Бетховена, Ф. Шопена. Р. Шумана.³¹⁹ Остальные гастролеры выступали исключительно на сцене Народного дома. 29 сентября состоялся концерт цыганского хора Ю. Морфесси, 27 октября – исполнительницы испанских песен М.Н. Кузнецовой, 15 декабря – вечер примы-балерины Императорского балета Ю. Седовой, а 29 декабря – Л. Собинова.³²⁰

Театры работали со второй декады января до середины апреля, однако число новинок, представленных зрителям, возросло. В первую очередь, это относилось к Александровскому театру, помимо благотворительного спектакля для Финляндского окружного отделения Красного Креста 21 января, 6 премьер в течение двух недель. Пьесы вновь были весьма разноплановы: от “Женитьбы” Н.В. Гоголя до “На дне” А.М. Горького. Новыми спектаклями были комедия “Дама из Торжка” С. Юшкевича и драма “Власть тьмы” Л.Н. Толстого.³²¹

1 марта сезон постоянной группы прервался. На полтора месяца Александровский театр превратился в опереточный. За это время было показано 12 оперетт, спектакли менялись через 3 – 4 дня. При этом произведениями, исполнявшимися летом 1915 г. на сцене Летнего театра Брунспарка, были как малоизвестные пьесы, например, “Польская кровь”, так и более известные “Прекрасная Елена” и “Орфей в саду” Ж. Оффенбаха.³²² Мы полагаем, что предоставление сцены такого театра, как Александровский, для гастролей косвенно отражало наметившиеся материальные затруднения. Действительно, в условиях жесткой критики, которой местная русскоязычная пресса подвергала большинство новых пьес, и далеко не полного зала³²³, проще было получать прибыль от такого сравнительно редкого в Гельсингфорсе зрелища, как русская оперетта.

На этом фоне мало изменилась направленность деятельности Финского театра. В течение января – середины апреля 1916 г. там шло небольшое количество спектаклей, пользовавшихся, однако, популярностью. Стоит отметить оперу “Пер Гюнт” Э. Грига, пьесы “Вишневый сад” А.П. Чехова и “Дама с камелиями” А. Дюма. 9 ап-

Во время велосипедной прогулки

реля театр отметил 300-летнюю годовщину со дня смерти В. Шекспира, дав сразу два его произведения “Как вам это понравится” и “Гамлет”.³²⁴ Репертуар театра “Аполло” пополнился за этот период двумя опереттами на шведском языке: “Дочь полка” и “Круглая Шарлотта”.³²⁵ В отличие от 1915 г., театральные перерывы были длиннее, т.к. Летний театр так и не открыл своих дверей.

Осенью ситуация повторилась. Александровский театр в сентябре, а Финский – в конце ноября – начале декабря предоставили свои сцены Финской опере. 14 сентября была представлена опера “Сказки Гофмана”, а с 30 ноября – “Севильский цирюльник” и “Аида”, прошедшие очень удачно.³²⁶ Труппа основного русского театра в Гельсингфорсе открыла сезон с 1 октября, т.е. на месяц позднее, чем за год до этого. Однако количество пьес оставалось значительным. Преимущество отдавалось произведениям А.Н. Островского. В течение полутора месяцев, с середины ноября, они ставились 5 раз: трижды “Гроза” и дважды “Василиса Мелентьевна”.³²⁷ 5 октября на суд зрителей был вынесен “Ревизор” Н.В. Гоголя. Из новых пьес представили: “Летний роман”, “Девушка XX века”, “Грешницы”, “Что иногда нужно женщине” О. Уайльда. Наибольшей популярностью пользовалась пьеса “Вова приспособился”, которую давали 4 раза. Сезон завершался 21 декабря “Дамой с камелиями” и 22 декабря драмой “Дитя Парижа”.³²⁸ На этом фоне репертуар Финского театра и “Аполло” выглядел более скромно. Первый не отметился новыми постановками, дав несколько раз в сентябре “Гамлета”. В “Аполло” часто

можно было послушать “Короля скрипачей” И. Кальмана и очередную новинку на шведском языке “Кукла”.³²⁹

Таким образом, театры Гельсингфорса в течение 1915-1916 гг. несколько сократили количество новых постановок, уменьшили сроки театральных сезонов. Это говорит, по нашему мнению, о некоторых затруднениях, обусловленных подорожанием жизни, связанным с войной. Об этом же свидетельствует и постепенное увеличение сроков гастролей на сценах Александровского и Финского театров.

Тем не менее, не только театры и концерты пользовались популярностью в Гельсингфорсе. “Все кинематографы и рестораны были полны разношерстной публикой...”, - свидетельствует С.Н. Тимирёв.³³⁰ Согласно данным “Путеводителя по Гельсингфорсу”, в 1914 г. в городе функционировали 7 кинотеатров.³³¹ В течение 1915-1916 гг. на страницах “Финляндской газеты” упоминались ещё 5 новых названий. Последний новый кинематограф открылся, по данным газеты, 3 сентября 1916 г. Владелицей была Х. Саурола, жившая на Вильгельмской улице, 9. Зал был рассчитан на 166 мест.³³²

Иногда между хозяевами залов разыгрывалась серьезная конкурентная борьба. Даже разместить свои заведения они старались рядом. Так было в случаях с кинотеатрами “Казино” и “Талия”, располагавшимися на Большой Робертской улице, 17-19 и 21 соответственно, или с “Олимпией” и “Эльдорадо” на Глуской улице в домах 1 и 2.³³³ Видимо, следует предполагать, что кино было делом доходным.

Из отечественных на экране наиболее часто демонстрировались ленты московской фирмы А. Ханжонкова, например, “Тени греха и честь дома, или соединившиеся смертью”, “Небесный огонь”.³³⁴ В них снялись В. Холодная, Г. Агазаров, А. Вырубов. Сценарии для фильмов часто писали известные писатели и драматурги, как в случае с “Днями нашей жизни”, создававшимися при помощи Л. Андреева.³³⁵

Из зарубежных в большом количестве показывались американские фильмы. Спросом пользовались комедии (“В летнем отпуску”, “Урок любви”, “Дядя Эльзы”) и драмы (“Калькутта”, “Пожар Рима”, “Под гипнозом миллионов или чудовищные приключения Паулины”, “Во власти индейцев”, “Лицом к смерти”).³³⁶ Главные роли исполняли такие артисты, как М. Линдер, П. Уайт, С. Уилбур, Ч. Конкин. Иногда можно было видеть картины из других стран. Так, 10 сентября 1915 г. в кинотеатре “Калева” зрителям была представлена английская лента по мотивам рассказов А. Конан Дойла о Ш. Холмсе “Тайна долины Боскомб”.³³⁷ 23 ноября 1916 г. в “Олимпии” шел фильм “Дочь контрабандиста, или Зельма с рыбацкого острова” с “самыми известными артистами Дании” Э. Санном и Э. Грегорсом, а 4 декабря – итальянский фильм “Сердце женщины”.³³⁸

Постепенно, однако, внимание горожан всё более привлекалось к проблемам дефицита товаров в Гельсингфорсе. Это относилось, в равной степени, как к промышленной продукции, так и к съестным припасам. Одна из первых подобных заметок в “Финляндской газете” появилась 7 марта 1915 г. В ней говорилось о нехватке сахара на прилавках. Для улучшения положения его срочно стали завозить из Котки и Або. Одной из

возможных причин авторы считали слишком низкие максимальные цены.³³⁹

Действительно, к маю эти цены на сахар составляли 1,2 марки за килограмм. На некоторые виды продовольственных товаров они стали даже ниже, чем были в довоенное время. Так, 20 яиц оценивались в 1,8 – 2,2 марки, а в марте 1914 г. они стоили 2,6; на 1 кг овса была установлена цена в 0,5 марки, а в январе 1914 г. он оценивался в 0,48 марки.³⁴⁰ Поэтому мы вправе предположить, что максимальные цены, установленные Нюландским губернатором, в ряде случаев не соответствовали их розничной цене. Об этом также косвенно свидетельствуют официальные разрешения на подорожание сахара. В частности, к середине августа 1915 г. оно составило 10 пенни за кг для пилёного и 8 пенни за кг для голов и песка. 5 октября все виды сахара подорожали ещё на 15 пенни, а 26-го – снова на 10. 14 ноября цены вновь выросли. Таким образом, к концу 1915 г. 1 кг пилёного сахара стоил 1 марку 60 пенни, а головы или песок – 1 марку 58 пенни.³⁴¹

Что касается яиц, то их стоимость в марте 1915 г. составляла, по подсчетам “Финляндской газеты”, 3 марки 18 пенни за 20 штук, а к концу года – 3 марки 70 пенни, что ещё дальше от максимальных цен этого периода.³⁴²

На этом фоне дорожали не так заметно лишь картофель – на 5%, и некоторые сорта рыбы, такие как щука и салака, что объясняется географическим положением Гельсингфорса. В среднем, к концу 1915 г. подорожание составило 55,6%.

В 1916 г. рост дороговизны продовольствия неуклонно продолжался. В марте вновь поднялись цены на сахар: на 4-7 пенни за 1 кг кускового сахара, на 3-6 – всех остальных видов. К июню его можно было приобрести за 1,89-1,9 марок за 1 кг.³⁴³

Наметилось подорожание табачных изделий. После того, как в декабре 1915 г. производители увеличили цены на 15-20%, в марте они подняли их ещё на 10%.³⁴⁴

В начале лета в лавках Гельсингфорса нельзя было купить молоко дешевле, чем по 30 пенни за литр.³⁴⁵

Но ещё более тревожным являлось то обстоятельство, что многие товары начали исчезать из магазинов. Недостаток мяса стал ощущаться с января, причем из-за низких максимальных цен перебои с поставками продолжались в течение всего года. В ноябре крестьяне продавали говядину за 2,4 марки за 1 кг, баранину – за 3, свинину – за 4. При этом в городе их требовалось реализовывать по 1,6, 1,65 и 2,65 марки за 1 кг.³⁴⁶ В таком случае закупочные цены были ещё ниже.

Наиболее трудным было положение с маслом и молоком. Летом пресса начала сообщать о перебоях в масляной торговле, у лавок стали выстраиваться очереди. 13 сентября “Финляндская газета” описала такой случай: в очереди за билетами в Финский театр стояли две старушки, обсуждавшие цены на продукты. Как выяснилось, они пребывали в абсолютной уверенности, что стоят за маслом, и очень удивились, что в городе могут быть очереди за чем-то ещё.³⁴⁷

6 октября вопрос о масляной торговле обсуждался специальной комиссией городских уполномоченных. Перед ними выступил председатель продовольственной комиссии финляндского сената М.М. Боровитинов. Он

предлагал либо повысить максимальные цены, либо совсем отказаться от них. Комиссия предпочла первый вариант. С 9 октября масло I сорта можно было продавать по 5 марок за 1 кг, II сорта – по 4,5, III – по 3,7.³⁴⁸ Однако ожидаемого оживления поставок достигнуто не было. Газетные заметки всё больше напоминали сводку боевых действий: “За последнюю неделю сентября “Валио” не продала частным потребителям ни 1 кг масла”; “В понедельник фирма “Валио” получила 35 бочонков масла, которое было распродано в течение нескольких часов привилегированным покупателям”.³⁴⁹ В конце октября и ноябре положение не изменилось, а 19 ноября продовольственная комиссия постановила ввести карточную систему на масло, сохраняя при этом и свободную торговлю им.³⁵⁰

К началу ноября исчезло из продажи молоко. Поэтому в лавках его стали выдавать по 0,5-1 литру на семью в день.³⁵¹ Две недели спустя газета вновь отметила недостаток молока, сливок и сыра в городе³⁵², а 2 декабря в заметке прозвучали такие строки: “Вопрос о молоке становится всё более критическим...”.³⁵³ Примерно в это же время появились слухи о скором введении молочных карточек.³⁵⁴ Впрочем, они так и не подтвердились.

18 октября сахарные заводы из-за недостатка сырья поставили магистрат Гельсингфорса в известность о том, что до 1 ноября сахар будет отпускаться “лишь тем учреждениям, кои не могут обойтись без него”. Также заговорили о карточках на сахар.³⁵⁵ Неделью спустя стали появляться новые слухи о возможных нормах распределения. В Гельсингфорсе они составляли 1 кг, в остальных городах Финляндии – 800 г, в деревнях – 500 г на человека. В ноябре было помещено официальное объявление, что 25 октября сенатом образован Центральный Сахарный комитет во главе с Г.Р. Снельманом, который и будет заниматься распределением сахара.³⁵⁶

На остальные продукты карточная система и централизованное распределение не распространились. Однако уровень цен вырос по сравнению с 1915 г. Это коснулось даже картофеля и рыбы – сказались продолжающаяся морская война и холодное с заморозками лето.

Что касается промышленной продукции, то здесь наиболее стремительно дорожало мыло, ткани, табачные изделия и керосин. Летом мыло за месяц подорожало на 18 пенни за 1 кг и стоило 1,3 марки. Через год эта сумма составляла 2,4 марки.³⁵⁷ Черное сукно увеличилось в цене в более чем 4 раза, полотно – на 44%. Хлопчатобумажные ткани возросли в цене на 62,5%, причем только в июле 1915 г. их стоимость повысилась на 20%, а в мае 1916 г. – ещё на 7,5%.³⁵⁸ Цена табачных изделий возросла к октяб-

На “Петропавловске” в минуты отдыха

рю 1916 г., по сравнению с довоенной, на 90%. Цена керосина – на 55% к январю того же года.³⁵⁹

Дороговизну ощутили на себе и нижние чины, и офицеры. Так в письме жене от 25 сентября 1915 г. вахтенный офицер крейсера “Рюрик”, стоявшего в Гельсингфорсе, лейтенант А.И. Рогозин упомянул: “Вчера был в городе, все страшно дорого, на всё цены ужасно поднялись. Ограничился одним зубным порошком”.³⁶⁰

Таким образом, столица Финляндского княжества представляла противоречивую картину высокой культурной активности на фоне прогрессирующего ухудшения социально-экономической ситуации, что и могли наблюдать экипажи бригады, сходя на берег.

Возможностей попасть в Гельсингфорс у матросов бригады было не так много. В будние дни зимой увольнение на берег происходило в 13.30, т.е. после обеда. Часть команды, сходившая в это время, убывала до половины восьмого вечера этого же дня. Остальные получали послеобеденный чай и с 14 ч. снова начинали выполнение судовых работ.³⁶¹ Перед ужином с линейных кораблей отправлялись те матросы, которые должны были вернуться до половины двенадцатого ночи того же дня или к 8 ч. утра дня следующего. Вообще, полагалось увольнять в день не более трети команды, при этом никто из несущих вахту в этот или следующий день уволенным на берег быть не мог.³⁶² Летом, в период боевой кампании, возможностей съехать было ещё меньше, поскольку корабли находились в учебных и боевых плаваниях, на них проводились ремонтные работы, погрузки топлива и боеприпасов. Увольняли на берег раз в 7-10 дней.³⁶³

В выходные дни первая партия матросов отпускалась на берег перед обедом. Была и ещё одна возможность покинуть свой корабль до срока. Членов лыжной и хоккейной команд часто отпускали для тренировки почти на весь день. Пищевое довольствие они могли получить на камбузе в виде сухого пайка.³⁶⁴ Вторая партия желающих увольнялась с 14 ч. Необходимо отметить, что

Плавание под парусом баркаса с "Петропавловска"
на Большом Кронштадтском рейде

в выходной день разрешалось отпускать на берег до 40% всего экипажа. Тем же, кто остался, предлагались традиционные занятия: библиотека, кружки.

По воскресеньям матрос мог быть уволен до половины восьмого вечера (с 13 ч.), до 10 ч. вечера, чего не делалось в обычные дни, до половины двенадцатого и, наконец, до утра следующего дня.³⁶⁵ Это правило подкреплялось приказом №1 начальника бригады от 7 января 1915 г. Согласно ему, увольнять на берег нельзя было

более 8% судового состава, не считая женатых и сверхсрочнослужащих. Женатые должны были списываться 3 раза в неделю с 17 ч. до утра, а сверхсрочнослужащие – столько же, но до 22 ч.³⁶⁶ Женатых на дредноутах, однако, было не столь много. На линкоре "Севастополь", например, к началу 1915 г. насчитывалось 33 чел., жены которых жили "с командой", т.е. в Гельсингфорсе.³⁶⁷ Именно они и имели право на трехразовое увольнение. Приблизительно так же обстояло дело у англичан. При стоянке в порту женатый матрос мог списаться "через ночь", т.е. 3-4 раза в неделю.³⁶⁸ К некоторым в Гельсингфорс приезжали семьи. В подобных случаях им либо приходилось снимать комнату в городе, либо они могли рассчитывать на получение квартиры. Последние, впрочем, было прерогативой унтер-офицеров и старослужащих. Так, в январе 1917 г. в новом доме при Свеаборгском порту квартиры получили: боцман "Петропавловска" Ф. Гадалов, унтер-офицеры "Полтавы" и "Гангута" И. Усков и Н. Тындриков, санитарный кондуктор "Севастополя" П. Баранов.³⁶⁹ Офицеры в этом смысле не являлись исключением. Те, чьи семьи жили в Гельсингфорсе, снимали квартиры, могли ночевать на берегу, но только при условии отсутствия вахты в ночное время. Из-за дороговизны жизни и их число не было столь значительно. Так, осенью 1916 г. только 6 офицеров "Петропавловска" проживало в городе с семьями.³⁷⁰

Внеочередным отпуском на берег могли премировать. Так, Д.И. Иванов вспоминал, что гальванер В. Полухин после того, как во время похода в штормовую погоду закрепил край противоторпедной сети, запутавшейся в винтах "Гангута", "с первой партией отправился на берег".³⁷¹ Могли и наказать лишением права отправиться в увольнение. Так произошло на "Гангуте" в июле 1915 г. с комендором И. Сусаковым за неповиновение патрулю, боцманом М. Соколовым за неявку вовремя или фельдфебелем П. Глазуновым за удар подчиненного.³⁷²

Гельсингфорс для экипажей кораблей являлся самым желанным местом. Матрос "Гангута" Д.И. Иванов так вспоминал об этом: "...Никак не могли дожидаться обеда, ведь после обеда команду отпускали до 7 вечера на прогулку". Получив долгожданный отпуск, матросы направлялись в город. "В направлении к Свеаборгу и Гельсингфорсу от каждого корабля утоптаны дорожки. По ним спешат матросы – радостные, весёлые... Каждому хочется побыстрее пройти ледяное поле, побывать в городе, посмотреть, как там живут люди...".³⁷³ Добравшись до берега, уволенные попадали в порт. Там находилось место встречи со знакомыми и друзьями, а также своего рода информационный пункт, где происходил обмен всевозможными новостями. "На берегу возле портовых сооружений, - свидетельствует Д.И. Иванов, - можно было наблюдать интересную картину: матросы обнимались, хлопали по плечам, до боли сжимали друг друга руки..., завязывались оживлённые разговоры...".³⁷⁴ В порту матросы и офицеры могли отдать вещи в стирку – там размещались прачечные, обслуживавшие нужды флота. Одна из наиболее крупных находилась возле Северной гавани, на Северной набережной, 4. Её хозяйкой являлась жена матроса I статьи линейного корабля "Полтава" Ф. Кушина.³⁷⁵

Выйдя из порта, матросы расходились по знакомым им в городе местам. Чаще всего матросов с кораблей, стоящих в Гельсингфорсе можно было видеть в парке развлечений, называвшемся Брунспарк. Расположенный в юго-восточной части города, он имел неоспоримое преимущество: в 10-15 мин. ходьбы находился порт. Спектр развлечений был широк: от посиделок в увеселительных заведениях, до знакомств с девицами лёгкого поведения.³⁷⁶

Конечно, встречались моряки и на главной улице Гельсингфорса – Эспланадной, или, в просторечии, Эспланаде. Более всего их внимание привлекали кухмистерские – небольшие кафе, где можно было перекусить и поговорить со знакомыми. Там, где “было полным-полно народа, в финский говор вплетались русские слова”, матросы отдыхали от однообразия служебных будней.³⁷⁷ Одной из самых популярных была кухмистерская возле Исторического музея. Но, чтобы добраться до неё, нужно было ехать на трамвае через всю Эспланаду. В противном случае времени на дорогу уходило слишком много.³⁷⁸

Городской кинематограф, наоборот, популярностью не пользовался. Это объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, большим количеством офицеров, ходивших туда. Возможно, что такой вид развлечений в городе выглядел слишком “господским”. К тому же, существовала вероятность наткнуться на офицеров своего корабля, что лишний раз напоминало о службе. Во-вторых, на линкорах 1-й бригады с зимы 1915 г. оборудовались собственные кинозалы.

При отбытии в город необходимо было быть одетым по форме. Даже в случае отправки с кораблей матроса на суда, стоявшие в Южной гавани, с поручением, требовалось переодеваться в выходную форму. Зимой обязательным условием являлась шинель.³⁷⁹ На улицах категорически запрещалось курить.

Накладывался ряд серьезных ограничений и на места пребывания в городе. В частности, в январе 1915 г. начальник Гельсингфорсского гарнизона генерал-майор М.В. Лобановский выпустил приказ №16, в котором говорилось: “...3. Раненные нижние чины в театрах и цирках могут занимать места не ниже 2-го яруса лож и совсем не могут быть в партере, местах за креслами, а во время антракта – в фойе... Не упомянутые здесь театры [Александровский русский, Шведский и Финский – Д.Б.] и прочие увеселительные заведения [кроме цирка – Д.Б.] нижним чинам всех категорий и званий посещать безусловно запрещается. 4. Увольнение нижних чинов в кинематографы допускается только днем...”³⁸⁰ Запрещалось матросам посещать и кофейни в центре города. В начале октября 1915 г. по вопросу о допуске в некоторые из них была создана специальная комиссия под председательством командира линейного корабля “Андрей Первозванный” капитана I ранга Г.О. Гадда. От дредноутов туда вошли старший офицер “Петропавловска” старший лейтенант Л.И. Буткевич и старший лейтенант А.Д. Кира-Динжан с “Гангута”.³⁸¹ В результате работы комиссии нижним чинам было разрешено посещать 15 кофеен на окраинах и в порту.

Судя по сохранившейся выписке из письма командира “Полтавы” капитана I ранга барона В.Е. Гревени-

Соревнования по бегу на “Гангута”

ца, датированного апрелем 1916 г., матросам запрещалось посещать некоторые сады. Летом для них был также закрыт проход по центральному бульвару – Эспланаде – и по улицам Северным и Южным Эспланадным по обе стороны.³⁸² Ненормальность подобной ситуации осознавали офицеры. В.Е. Гревениц возмущенно писал: “им... ничего нельзя, везде их хватают, сажают, не пускают. Одна дорога им открыта: в тайные притоны, где торгуют ханжой и ведут пропаганду”.³⁸³

Легально раздобыть водку и водочные изделия в Гельсингфорсе с середины января 1915 г. было невозможно. 14 января свет увидело постановление Финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Ф.А. Зейна о запрете торговли алкогольными напитками. Нарушение каралось штрафом до 8 тыс. финских марок или тюремным заключением до 3 месяцев.³⁸⁴ Однако стала процветать нелегальная продажа. Использовались всевозможные заменители. Так, в апреле 1915 г. “Финляндская газета” отметила появление большого количества лиц, опьяневших от принятия одеколона. 10 апреля в полицейские участки было доставлено 11 чел., несколькими днями раньше – 20.³⁸⁵ Пили также денатурат и древесный спирт. В течение года в городские больницы было доставлено 9 горожан с тяжелыми отравлениями, из них 7 – от денатурата и 1 – от древесного спирта скончались.³⁸⁶ Пик подобных происшествий пришелся на июль – начало сентября. В это время имели место 3 случая с летальным исходом, а в полицейские участки попало свыше 30

Гимнастические упражнения на "Севастополе"

пьяных. Во время попойки в пекарне 27 августа применялся столярный лак, от отравления которым скончались ещё 2 чел., а один погиб после употребления лампового спирта 16 июля.³⁸⁷

В матросской среде также отмечались случаи отравления различными заменителями. Так, 28 декабря 1914 г. произошло массовое отравление денатурированным спиртом членов экипажа минного заградителя "Амур". Пострадало 10 чел., из них умерло двое. 30 декабря список пополнился двумя матросами с эскадренного миноносца "Эмир Бухарский" (скончался один) и одним – с линейного корабля "Слава". В этой связи 24 января 1915 г. в штаб бригады дредноутов был направлен циркуляр №40 от имени командующего флотом с приказанием прочитать его при команде. Там самым, очевидно, экипажам хотели обрисовать существующую опасность и предостеречь от неё.³⁸⁸ Однако похожие случаи продолжались. 30 января от отравления денатуратом скончался машинист с транспорта "Како".³⁸⁹

Матросы с изучаемой нами бригады тоже не стали исключением. 14 февраля в Гельсингфорсском морском госпитале умер боцманмат "Петропавловска" А. Туманов. Он выпил политуру. 18 мая, в тот же день после употребления древесного спирта, в госпиталь по-

пала группа моряков с "Севастополя". Гальванер С. Кудряшов был в особенно тяжелом состоянии, поэтому на корабль врачи даже сообщили о его смерти. Однако он выжил. 24 октября от отравления денатуратом скончался моторист II статьи "Гангута" Ф. Шихов.³⁹⁰

Постепенно различные алкогольные смеси начали уступать место самогону. 9 июля 1915 г. "Финляндская газета" поместила заметку: "За невозможностью достать в настоящее время какие-либо крепкие напитки, в разных местах... предместий города Гельсингфорса началась фабрикация особого рода напитка, названного местными алкоголиками непереводаемым финским словом "килью", крепость которого больше настоящего пива... Зоркий глаз полиции "накрыл" и привлек к ответственности уже несколько такого рода "фабрикантов".³⁹¹ Этот напиток фигурирует и в воспоминаниях Д.И. Иванова. Он деликатно именует его "финским пивом", хотя дает и название "кале".³⁹² "Кале" или "килью", судя по воспоминаниям, являлось непременно атрибутом кухмистерских, названных автором однажды более прозрачно харчевнями.³⁹³ В течение второй половины 1915 г. в городе было закрыто 2 "кильварни": на Западной Брагесской ул., 8 и Вазаской, 11.³⁹⁴ В январе – июне 1916 г. полиция уничтожила тайную винокурню на Магистратской ул., 5. Всего за этот срок в Нюландской губернии прекратили существование 4 аналогичных заведения. Лидировала по этому показателю Або-Бьернеборгская губерния с 42 случаями.³⁹⁵ Во втором полугодии удалось разоблачить ещё одну "подпольную" мастерскую.³⁹⁶

Однако, судя по количеству конфискованного "килью", с уничтожением названных винокурен проблема отнюдь не разрешилась. Если в 1915 г. "Финляндская газета" ни разу не упомянула о конфискации самогона, то в следующем такие происшествия не были в диковинку. 8 марта 20 л напитка полиция изъяла на Вазаской ул., 3 и ещё 15 л – на Гельсингенской, 7. 18 марта 40 л "финского пива" было обнаружено на Седервикской ул., 5 и ушат – на Мальмской, 22. 24 июля крупную партию "килью" нашли у Т. Мерилуото, изготовлявшей его, по её словам, "для собственной надобности". 2 августа 100 л самогона полицейские конфисковали на Валлинской, 2, 25-го – 30 ящиков напитков, состоявших из смеси денатурата и "килью" на Восточном шоссе, 30, а 14 сентября – партию "килью" на Тавастской, 2. Возможно, что именно активное распространение самогона повлияло на уменьшение числа отравлений. За 1916 г. среди горожан "Финляндская газета" зафиксировала 2 случая.³⁹⁷

От смерти самогон спас, вероятно, многих, а от опьянения – нет, о чем свидетельствует постепенное увеличение взысканий. Флотские офицеры не являлись исключением. Циркуляр командующего Балтийским флотом вице-адмирала В.А. Канина от 22 марта 1916 г. констатировал: "За последнее время чрезвычайно участились случаи появления в нетрезвом виде и вообще неопозволительного поведения офицеров флота в ресторанах и других общественных местах...". Вывод командующий сделал однозначный: "Совершенно запрещаю офицерам вверенного мне флота посещать частные маскарады и низкопробные рестораны и кофейни, вроде "Cafe de Paris" в Гельсингфорсе". 1 апреля было объяв-

лено об аресте 4 офицеров за появление в нетрезвом виде и заявлялось, что впредь такая практика будет продолжена.³⁹⁸ Частым стал съём квартир на берегу, которые назывались береговыми кают-компаниями. О характере досуга в них косвенно свидетельствует циркуляр штаба флота №877 от 4 сентября 1916 г. В нем командующий приказывал прекратить подобную практику. Показательно, что следом шло требование “не допускать своза с кораблей запаса крепких напитков”.³⁹⁹ Иногда офицеры являлись далеко за полночь. Так, 31 мая 1916 г. мичман А. Казицын с “Петропавловска” прибыл так поздно и в таком состоянии, что “не мог встать к подъему флага и не мог выйти на артиллерийское учение”, за что, согласно приказу командира №307 от 1 июня, он был наказан.⁴⁰⁰

Массу забот доставляли также матросы, не явившиеся вовремя из увольнения – так называемые “нетчики”. В приказах командиров кораблей, циркулярах штаба бригады за декабрь 1914 – 1915 гг. упоминаются 43 случая. 25 из них пришлись на декабрь 1914 – январь 1915 гг., т.е. на первые месяцы пребывания дредноутов в Гельсингфорсе.⁴⁰¹ Время они проводили примерно одинаково – “в кухмистерских и в номерах” или “гуляя по Гельсингфорсу” и ночуя “на частной квартире”.⁴⁰² Таким образом, в Гельсингфорсе были возможности для длительного нелегального пребывания.

Досуг на берегу являлся также причиной ряда заболеваний. В первую очередь, это относилось к венерическим болезням. Гельсингфорс являлся в этом отношении городом не очень благополучным (см. Приложение 2. Таблица 2). С 18 февраля 1915 г., согласно циркуляру штаба бригады №85, всех нижних чинов, возвращавшихся с берега, следовало отправлять на опрос к судовым врачам. Пьяные обследовались автоматически, а их фамилии заносились в особые списки. При выявлении новых случаев старшие врачи должны были установить, “использовалось ли предупредительное лечение”. Если нет, то заболевший подвергался дисциплинарному взысканию.⁴⁰³ Однако проблема, видимо, не решалась, в связи с чем 18 апреля начальник бригады направил повторный циркуляр №130.⁴⁰⁴ Тем не менее, согласно рапорту флагманского врача бригады статского советника В.П. Ковалевского, только за октябрь венерическим заболеваниями подверглось 18 чел. с обеих бригад линейных кораблей, из них 13 – с дредноутов. “Предохранительным лечением” не пользовались 14 чел., 11 – с дредноутов. На рапорте начальник эскадры линейных кораблей вице-адмирал Л.Б. Кербер наложил резолюцию: “Всех, кто не пользовался предохранительными мерами, наказать по усмотрению командира”.⁴⁰⁵

Следили и за такой болезнью, как брюшной тиф, тем более, что определенные основания для этого имелись. 1 сентября 1915 г. “Финляндская газета” писала, что в течение августа 3 чел. умерли от этого заболевания и что “возможно, мы стоим на пороге эпидемии”.⁴⁰⁶ Однако до октября новых заболевших не выявлялось. В октябре, по данным той же газеты, отмечалось 2 заболевания тифом и 4 – дизентерией.⁴⁰⁷ 2 октября циркуляром штаба бригады №587 было приказано изъять из корабельных лавок “молоко, шипучие напитки и сырье – огурцы, яблоки и т.п.”.⁴⁰⁸ И всё же в течение сентября – октября

на “Полтаве” заболели 4 матроса. 17 ноября во время пребывания этого корабля в Кронштадтском доке заболел ещё один.⁴⁰⁹ На других линкорах данное заболевание не было обнаружено.

Иногда берег для экипажей служил возможностью дополнительного источника дохода, причём часто незаконного. За январь 1917 г. подобных проступков было совершено два. Боцманмат “Севастополя” фельдфебель А. Тарасевич пытался провезти 300 пачек папирос, купленных на базарах Гельсингфорса, в Кронштадт.⁴¹⁰ А дежуривший по камбузу унтер-офицер Ф. Таначёв украл 27 фунтов сахара, чтобы продать его в городе.⁴¹¹ На этом фоне повышались расходы матросов на питание, доставляемое извне, с берега, что, скорее всего, и служило одной из главных причин увеличения числа рапортов на имя командиров линейных кораблей о выплате дополнительных пособий самим матросам или их семьям.

Таким образом, часы отдыха экипажей являлись важнейшим элементом повседневности. Специфика войны на море состояла, по нашему мнению, в отсутствии постоянного прямого контакта с противником. К тому же, частота соприкосновений с кораблями неприятеля зависела от роли, придававшейся командованием тому или иному соединению, и места базирования. В этом смысле очень верную характеристику Балтийского флота дал в своей статье М.А. Петров. В целом, он выделил три его части: “служба на передовых районах моря, где не прекращалась война..., флот в его главных базах – в Ревеле и Гельсингфорсе..., которые были значительно удалены от передовых позиций, и, наконец, Кронштадт и части флота, на него базирующиеся”.⁴¹² Чем дальше располагались морские соединения от передовых позиций, тем более изменялось для них представление о фронте и тыле. Линейные корабли проводили большую часть времени в базах. При таких условиях сами понятия “фронт”, “боевые действия” становятся более размытыми, нечёткими. С войной у моряков начинает ассоциироваться судно, на котором они служат. Именно там вся жизнь подчиняется неумолимой логике, направленной на достижение успеха в бою. Выходом из этого “фронтного” быта служит возможность сойти на берег.

Гельсингфорс в годы войны являлся существенным фактором, дававшим рядовому составу линейных кораблей 1-й бригады определённую психологическую разрядку от служебно-боевых будней. Росту его привлекательности способствовала его слабая доступность для матросов и непохожесть на обычные русские города. Гельсингфорс часто становился единственным источником информации о происходящем вокруг, что играло более негативную, чем позитивную роль. Свой досуг экипажи организовывали в основном сами. Круг развлечений определялся доступностью, как в материальном, так и в географическом плане, а также наличием их на кораблях. Поэтому, на наш взгляд игнорировался кинематограф, а предпочтение отдавалось кухмистерским и парку развлечений. Командование осознало всю важность организации досуга на берегу слишком поздно, что способствовало повышению роли города как криминального фактора в жизни военных моряков. С другой стороны, возможность съезда на берег дисциплинировала матросов и поощряла их за хорошую службу.

На "Гангуте" во время большой приборки

§3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОСТУПКИ

Ранее мы характеризовали обычную, так или иначе предусмотренную правилами службы и различными распоряжениями, жизнь. Но существовали случаи, являвшиеся нарушениями установленного порядка. Они помогают понять, насколько прочной была дисциплина – порядок поведения, основанный на строгом подчинении нижестоящих лиц приказам вышестоящих, а также инструкциям, обязательным для исполнения всеми. Кроме того, проступки и преступления также являются неотъемлемой частью жизни.

Наиболее частыми и наименее тяжелыми являлись дисциплинарные проступки, т.е. нарушения, не представлявшие опасности для окружающих. Их рассмотрение и наказание находилось в компетенции командира корабля. Проступки мы условно разделили на те, что были свя-

заны с нарушениями корабельного распорядка и с пребыванием на берегу. Внутри первой группы выделялись те, которые затрагивали отношения с командным составом и те, которые касались выполнения различных обязанностей и проведения свободного времени.

Отдельные случаи стали появляться в период достройки линейных кораблей. Так, на "Севастополе" впервые дисциплинарные наказания были применены в августе 1914 г. Приказом №17 от 5 августа матрос II статьи Ф. Степанов за опоздание с берега был поставлен на 6 часов в полном обмундировании с винтовкой на бак. В течение месяца те же взыскания были наложены на матроса II статьи И. Долинина, электриков Н. Казакова, Н. Круглова и Е. Синегуба за аналогичные происшествия.⁴¹³ Более значительный размах это явление приобрело после ухода из Петрограда в Кронштадт и затем в Гельсингфорс. Психологически это явление объясняется желанием взглянуть на новый, ранее не виданный город, мало напоминавший русские. Видимо, желание съехать бывало иногда настолько сильным, что нижние чины самовольно отлучались с кораблей. На том же "Севастополе" в ноябре – декабре отмечено 12 проступков, связанных с отъездом или пребыванием на берегу. Из них трижды нижние чины покидали корабль без разрешения и 9 раз отсутствовали на борту в положенное время.⁴¹⁴

Возможностей для этого у матросов с линкоров бригады существовало несколько. Можно было после проведения переклички спрятаться в катере или шлюпке, уходив-

шей в город, уйти, смешавшись с толпой отпущенных на берег. Комендор С. Зарубицкий с "Петропавловска" 18 декабря и вовсе пропуск написал себе сам, подписав фамилию ротного командира. Печать роты приложил, "воспользовавшись минутой, когда фельдфебель, штемпелевавший его письма, отвернулся".⁴¹⁵

В 5 случаях на "Севастополе" отмечалось недисциплинированное поведение по отношению к начальникам и в 7 – нарушения правил поведения (3 случая драки и 4 - картежных игр).⁴¹⁶ 27 сентября за азартные игры были наказаны коचेгары I статьи П. Чечень и Е. Титаев, машинист II статьи Н. Голованов и матросы II статьи В. Корчагин, И. Свиридов, И. Мазаев, И. Домнин, А. Иванов. 11 ноября в помещении хлебопекарни застали кочегара I статьи И. Чистоплюева, матросов II статьи П. Павлова и Я. Ерышева, причем уже во второй раз.

19 декабря наказали ещё одну группу: боцманмат А. Мякишева, электрика унтер-офицера II статьи М. Кривцова, электрика С. Мышляева, А. Смирнова, Ф. Горгикова, С. Белоусова и вновь И. Чистоплюева, П. Павлова и Я. Ерышева. В приказе командира №644 предупреждалось: «всех же уличенных в таковой [игре в карты – Д.Б.] в будущем я буду предавать Военно-Морскому суду».⁴¹⁷ Видимо, похожим образом дела обстояли и на «Гангуте». Минный машинист Д. Лагуткин, прибывший на корабль в октябре 1914 г., за какую-то провинность был отправлен в карцер. Далее он вспоминал, что «караульный начальник отказался меня принять, так как накануне накрыли картёжников, и все карцеры были заняты ими».⁴¹⁸

При этом взыскания ужесточились. Так, кочегар I статьи И. Дедов с «Севастополя» за «неисполнение приказа фельдфебеля» был арестован на 8, а карточные игроки получили наказания 18 декабря от 8 до 14 суток.⁴¹⁹ Иногда тяжесть вины, на взгляд командира, зависела от звания. За упомянутые выше азартные игры сверхсрочнослужащий боцманмат А. Мякишев и электрик унтер-офицер II статьи М. Кривцов лишились свободы на 14 дней, а электрики С. Мышляев, А. Смирнов, Ф. Горгинов и С. Белоусов – на 8.⁴²⁰ Вероятно, здесь играл роль воспитательный момент – на корабле начальник должен быть примером для подчиненного. На «Петропавловске» взыскания изначально были строже. 13 декабря матросы I статьи Н. Васильев и II статьи С. Болдырев и И. Соловьев команды «Севастополя» за «недисциплинированное обращение к унтер-офицеру» получили 8 суток ареста, замененных постановкой под ружье. 17 декабря матрос I статьи «Петропавловска» за схожий проступок был наказан 5 сутками ареста.⁴²¹ Вероятно, это являлось одной из причин меньшего числа нарушений на «Петропавловске», чем на «Севастополе».

В 1915 г. соотношение проступков на «Петропавловске» выглядело почти так же, как и в конце 1914 г. Из 35 происшествий, отмеченных в приказах капитана I ранга В.К. Пилкина, 12 относилось к времяпрепровождению на берегу, столько же – к нарушению обязанностей, выполняемых на корабле, и 11 – к конфликтам начальников и подчиненных. В первой группе участились случаи нарушения правил поведения нижних чинов в городе. Так, 26 февраля матрос II статьи Е. Тарунтаев был арестован на 3 суток за пьянство на берегу. Аналогичный проступок совершили 7 сентября кондуктора А. Баринов и И. Тулынин.⁴²² Всего за 1915 г. нижние чины с линейных кораблей «Петропавловск», «Севастополь», «Полтава» и «Гангут» 18 раз наказывались различными способами за пьянство. Такое небольшое число объясняется, на наш взгляд, тем, что далеко не все случаи остались выявленными.

В приказах командиров кораблей, начальника бригады рассматривались наиболее вопиющие происшествия. Так, например, 17 февраля на гауптвахту был доставлен кондуктор «Гангута» И. Прохоров, который «в сильно-пьяном виде лежал на Бульварной улице», а через 5 дней патрулем был задержан артиллерийский кондуктор С. Прокофьев, также имевший «сильно пьяный вид».⁴²³ 7 марта «за безобразное поведение в пьяном виде на берегу» приказом начальника бригады контр-адмирала А.С. Максимова машинист II статьи И. Корнилов с

Линкор «Петропавловск»
Тренировки заряжающих

«Полтавы» был разжалован в матросы II статьи. 15 марта, по представлению коменданта города, наказали задержанного им матроса I статьи «Севастополя» Г. Малышева.⁴²⁴ В дальнейшем эти происшествия продолжались. Так, 31 мая артельщик I роты экипажа «Полтавы» матрос I статьи В. Сенькин, посланный в город за провизией, оказался в результате за пьянство на гауптвахте.⁴²⁵ 16 сентября сверхсрочнослужащий минный унтер-офицер I статьи с «Петропавловска» К. Сюсюра, будучи пьян, был задержан за рулем чужого автомобиля, а 3 декабря матросы того же корабля Д. Емельянов, М. Мазур и И. Москалев устроили драку в порту.⁴²⁶

Рост проступков в этой сфере связан, по нашему мнению, привыканием к городу. Если сначала финляндская столица представлялась чем-то незнакомым, ранее невиданным, то впоследствии ощущение новизны пропало. Нижние чины ознакомились с городом, узнавая не только его хорошие, но и сомнительные места. Отчасти тем же фактором – привыканием – мы объясняем и нарушения, возникавшие при исполнении своих обязанностей. Например, поддержание чистоты в помещениях, как в случае с фельдшером I статьи А.П. Скуевым с «Петропавловска», наказанным 5 сутками карцера. Сюда же относится несение караульной и вахтенной службы, как произошло с электриком М. Островским, машинистами I статьи Д. Ахапкиным и II статьи С. Безчетновым с того же корабля, которых арестовали на 4 и 8 суток и понизили в окладе до уровня матросов II статьи на 2 месяца каждого.⁴²⁷ С этим же связано почти полное отсутствие любых проступков в течение первых полутора месяцев летней кампании. С 20 апреля по 5 июня лишь однажды имело место опоздание с берега – 21 мая кочегарный унтер-офицер II статьи Е. Семенов.

Аналогичная тенденция прослеживалась и на «Гангуте», где с 2 мая по 14 июля отмечен 1 «нетчик»: 1 июня матрос I статьи Ф.Ф. Василенко.⁴²⁸ Что же касается конфликтных ситуаций, то в наибольшей степени они возникали при взаимодействии унтер-офицерского и рядового состава линейных кораблей. На «Петропавловске» из 11 случаев, включенных в эту категорию, к офицерам отношение имели 3. Из них наибольший интерес представляет происшествие, случившееся 2 января. Мичман

Горе Вахтенного Начальника
при налете шивала.

"Сила" съ провизией.

"Петропавловск" на Гельсингфорском рейде

Г.М. Веселаго позволил себе ударить сигнальщика С. Шварца за несвоевременный доклад о семафоре, переданном с флагманской "России". За это он получил от контр-адмирала А.С. Максимова 5 суток ареста в каюте с приставлением часового.⁴²⁹ На линкорах изучаемой бригады подобного больше не повторялось. Спустя месяц мичман выбыл на эсминцы 1 минной дивизии. Такое сравнительно небольшое число столкновений матросов и офицеров может быть объяснено относительной редкостью контактов между ними. А.К. Дрезен отмечал, что они общались "только распоряжениями и приказами".⁴³⁰ Следить за выполнением приходилось унтер-офицерам,

что и приводило к большему количеству происшествий между ними. Иными словами, офицеры и рядовые члены экипажа были значительно обособлены друг от друга, а своеобразным "передаточным звеном" служили кондуктора и унтер-офицеры. Если же смотреть на количественный показатель, то он сохранился на уровне 1914 г.: тогда - дважды за 2 месяца, теперь - 11 раз за год.

Однако в следующем году появились отличия. Прежде всего, это относилось к количеству проступков. На "Петропавловске" было зафиксировано 89 случаев, т.е. более чем в 2,5 раза по сравнению с 1915 г. Вероятно, это может быть объяснено снижением активности подготовки линейных кораблей бригады. Как следствие, происходило нарастание протеста против однообразной будничной службы.

По-прежнему, много происшествий - 31 - так или иначе, связывалось с отъездом или пребыванием в городе. При этом их характер становился агрессивнее. В частности, 22 января матрос II статьи Д. Николаев был задержан за оскорбление городского. 30 марта писарь III статьи И. Григорьев, будучи пьян, "гонялся за мастеровым Кронштадтского порта, при задержании его обходом оказал сопротивление, а, поняв тщетность своих попыток, пытался уговорить задержавшего его унтер-офицера дать ему бежать".⁴³¹ 26 марта в штаб 1-й бригады линейных кораблей из Финляндского жандармского управления пришел рапорт ротмистра В. Патрикеева. В нем сообщалось о поведении матроса I статьи В. Дорогобужева. Он был пьян, без увольнительного билета и "приставал с непристойными предложениями к даме". Отправленный на корабль, он вернулся и стал приставать к другой женщине. Когда Патрикеев вызвал двух полицейских, и те повели матроса, "он стал кричать: "Товарищи, отбивайте, спасайте меня!" Не успели констебли пройти с ним и двух домов, как были окружены толпой человек в 100, которые оттащили констеблей от Дорогобужева, а он пустился бежать по середине улицы, после чего эта толпа матросов с визгом и шумом разбежалась".⁴³²

Больше стало нарушений правил порядка на корабле. За 1916 г. их количество достигло 40. Очень часто члены экипажа стали небрежно относиться к несению обязанностей вахтенных или дневальных, позволяя себе спать в это время. Таких проступков отмечено 17. Ещё дважды матросы уходили с вахты, не дожидаясь смены, и столько же - с дневальства. В ряде случаев сон в неурочное время приобретал массовый характер. Так, 13 июня на 8 суток с заменой постановкой под ружье были арестованы 7, 6 июля - 3 и 23 июля - 5 чел. сразу.⁴³³ Возможно, что одной из причин являлось нарастание усталости от распорядка. Косвенным подтверждением служит то обстоятельство, что из 15 наказанных 10 являлись матросами II статьи, прослужившими меньше года, а, значит, не успевшими ещё приспособиться. Дневальство потому не пользовалось популярностью, что приходилось исполнять обязанности по уборке жилых помещений и ещё следить за порядком и чистотой.

Трижды за год происходили драки с дневальными тех, кто, по-видимому, был недоволен их требовательностью. Во всех случаях виновные, матросы II статьи П. Сидоренков и А. Бородин и машинист I статьи

Дисциплинарные проступки нижних чинов линейного корабля «Петропавловск»

(ноябрь 1914 г. – ноябрь 1916 г.) Ф.743. Оп.1. Д.7

Дата	ФИО, звание	Проступок
8 ноября 1914 г.	Матрос I статьи В. Васильев	Не встал во фронт перед главным командиром Кронштадтского порта
8 ноября 1914 г.	Машинист I статьи Н. Пиголёв	Нетчик
11 ноября 1914 г.	Матрос I статьи С. Егоров	Дерзкий ответ унтер-офицеру из фронта
24 ноября 1914 г.	Машинист II статьи В. Мадисон	Нетчик
24 ноября 1914 г.	Машинист II статьи Н. Суханов	Сон во время дежурства
17 декабря 1914 г.	Матрос I статьи В. Куткович	Недисциплинированное отношение к начальнику
30 декабря 1914 г.	Электрик – унтер-офицер II статьи П. Яшин	Курение в присутствии подчинённых
3 января 1915 г.	Унтер-офицер К. Мазин	Курение в жилом помещении
16 января 1915 г.	Электрик М. Островский, машинист I статьи Д. Охапкин	Сон на вахте
22 января 1915 г.	Сигнальщик В. Ёлкин, сигнальные унтер-офицеры А. Басаев, Д. Козлов	Неисполнение приказа унтер-офицера
3 февраля 1915 г.	Охотник флота матрос II статьи К. Куликовский	Нетчик
5 февраля 1915 г.	Унтер-офицер I статьи П. Якимов	Сон на вахте
21 февраля	Машинист I статьи В. Лихачев	Курение на улице
26 февраля 1915 г.	Матрос II статьи Е. Тарунтаев	Пьянство на берегу
11 марта 1915 г.	Матрос I статьи К. Трофимов	Попытка обмануть офицера (уклонение от поручения)
21 марта 1915 г.	Телеграфист Г. Зельский	Уход с вахты, неисполнение приказа унтер-офицера
29 марта 1915 г.	Сигнальный боцманмат И. Лялицев, сигнальщик А. Федоров Матрос I статьи Ф. Смирнов	Курение на улице, неисполнение приказа офицера Открыл буфет и выпил 0,5 бутылки вина
5 апреля 1915 г.	Охотник флота матрос II статьи К. Куликовский, охотник флота матрос I статьи Ф. Яковлев	Недисциплинированное поведение, грубый ответ унтер-офицеру
8 апреля 1915 г.	Матрос II статьи Ф. Малецкий	Пронёс на корабль бутылку пива
16 апреля 1915 г.	Марсовый унтер-офицер И. Назаров, артиллерийский унтер-офицер А. Литвинов	Курение в жилом помещении
20 апреля 1915 г.	Матрос I статьи Е. Демидов	Недисциплинированное поведение
21 мая 1915 г.	Кочегарный унтер-офицер II статьи Е. Семенов	Нетчик
5 июня 1915 г.	Унтер-офицер I статьи Н. Пичугин Матрос I статьи И. Сергеев	Опоздал к шлюпке – нетчик Нетчик
17 июня 1915 г.	Кочегар II статьи А. Беляев	Недисциплинированное поведение
29 июня 1915 г.	Писарь В. Зверев	Нетчик второй раз
10 июля 1915 г.	Кочегар II статьи Л. Дригин	Недисциплинированное поведение
11 июля 1915 г.	Старший минер Т. Филиппов	Недисциплинированное поведение
13 июля 1915 г.	Машинист II статьи С. Беззетнов	Небрежное стояние в карауле
1 августа 1915 г.	Матрос I статьи К. Антонов	Недисциплинированное поведение
16 августа 1915 г.	Артиллерийский унтер-офицер Е. Малышев	Недисциплинированное поведение
28 августа 1915 г.	Кочегар I статьи И. Кирил	Не отдал чести офицеру
7 сентября 1915 г.	Кондукторы А. Баранов, И. Тулынин	Опоздание с берега, пьянство
11 сентября 1915 г.	Матрос II статьи Я. Азаренков	Попытка без разрешения съехать на берег
16 сентября 1915 г.	Минный унтер-офицер I статьи К. Сюсюра	Пьянство на берегу, езда на автомобиле
17 сентября 1915 г.	Минный унтер-офицер I статьи И. Кучин	Пьянство
17 сентября 1915 г.	Матрос I статьи А. Митрофанов	Самовольный съезд на берег
12 октября 1915 г.	Фельдшер II статьи А. Скуев Он же. Унтер-офицер Ф. Невзоров	Грязь в лазарете Курение в карцере Невнимательность в карауле
3 декабря 1915 г.	Матрос I статьи Д. Емельянов Матрос I статьи М. Мазур Матрос I статьи И. Москалёв	Пьянство, дебош на берегу
8 декабря 1915 г.	Охотник флота матрос I статьи А. Ойдерман	Попытка самовольно съехать на берег
4 января 1916 г.	Кочегар I статьи С. Федосов, марсовый И. Завьялов, кочегарный унтер-офицер П. Савельев, кочегар I статьи С. Алтухов	Пьянство и скандал в манеже Уход с вахты Пьянство, нетчики
15 января 1916 г.	Машинист I статьи С. Забродский	Недисциплинированное поведение по отношению к старшему офицеру
22 января 1916 г.	Матрос II статьи Д. Смирнов	Сон на дневальстве
22 января 1916 г.	Матрос II статьи Д. Николаев	Оскорбление городского
25 января 1916 г.	Минно-машинный кондуктор М. Ренке Комендор И. Киселев	Возвращение с берега в нетрезвом виде Самовольный уход с корабля
13 февраля 1916 г.	Кочегар II статьи Г. Остроумко	Недисциплинированное отношение к фельдфебелю
13 февраля 1916 г.	Сверхсрочнослужащий машинный унтер-офицер I статьи Ф. Стратулат	Противозаконное обращение с подчиненным
14 февраля 1916 г.	Трюмный С. Сергеев Комендор В. Зойкин	Неисполнение приказа офицера Нетчик, с берега вернулся в нетрезвом виде
14 февраля 1916 г.	Гальванер И. Власов Кочегар II статьи Я. Алексеев	Возвращение с берега в пьяном виде
24 февраля 1916 г.	Матрос I статьи Д. Добров Кочегар I статьи С. Микогкин, матрос II статьи Е. Тесемкин,	Опоздание из отпуска С берега вернулись пьяные

24 февраля 1916 г.	Матрос I статьи Я. Николаев	Опоздание из отпуска
26 февраля 1916 г.	Сверхсрочнослужащий боцманмат А. Петрик	Самовольный уход с вахты
28 февраля 1916 г.	Комендор Г. Бычков	Опоздание из отпуска
6 марта 1916 г.	Артиллерийский унтер-офицер II статьи Е. Мальцев	В пьяном виде доставлен на гауптвахту
6 марта 1916 г.	Кочегарный унтер-офицер I статьи Я. Смирнов Матрос II статьи П. Сидоренков	Пьянство, безобразное поведение на берегу Драка с дневальным
6 марта 1916 г.	Матрос II статьи П. Бретков Кок И. Федоров Трюмный А. Фатеев, Машинист II статьи И. Сипягин	Недисциплинированное поведение по отношению к унтер-офицеру Самовольная отлучка Доставлены на корабль в мертвецки пьяном виде
13 марта 1916 г.	Матрос I статьи И. Москалев	Самовольный уход с корабля
21 марта 1916 г.	Матрос I статьи В. Красанов	Нетчик
26 марта 1916 г.	Электрик А. Турекин	Пререкание с унтер-офицером
30 марта 1916 г.	Писарь III статьи И. Григорьев	Пьяный пристал ночью к мастеровому Кронштадтского порта, гонялся за ним, при задержании сделал попытку бежать
30 марта 1916 г.	Кочегары II статьи Б. Воцинин, В. Ульянов	Пьянство на корабле
13 апреля 1916 г.	Кочегар II статьи А. Беляев Машинисты II статьи С. Безчетнов, И. Шаталов, кочегар I статьи С. Алтухов, кочегар II статьи Ф. Козлов	Самовольный уход по подложному билету Пьянство, нетчики
16 апреля 1916 г.	Машинист II статьи В. Аниханов	На берегу не отдал честь офицеру, грубость по отношению к офицеру
22 апреля 1916 г.	Кочегар I статьи Л. Ушаков	Отлынивание от работ
26 апреля 1916 г.	Минный машинист I статьи Н. Вознесенский	Дерзкий ответ офицеру
5 мая 1916 г.	Матрос II статьи Н. Петров	Недисциплинированное поведение по отношению к фельдфебелю
13 мая 1916 г.	Матрос II статьи А. Бородкин	Ударил дневального
16 мая 1916 г.	Машинист I статьи С. Безчетнов, матросы I статьи М. Мазур, В. Яковенко, машинист I статьи И. Круглов	Нетчики
16 мая 1916 г.	Матрос I статьи Ф. Терешкин	Неисполнение приказа
20 мая 1916 г.	Матрос I статьи Г. Гусаров	Курение в жилом помещении
29 мая 1916 г.	Матрос II статьи М. Христофоров	Нетчик
29 мая 1916 г.	Старший гальванер Е. Блохин	Курение в центральном посту
6 июня 1916 г.	Матрос II статьи А. Иванов	Сон на дневальстве
13 июня 1916 г.	Машинист I статьи В. Лихачев Матрос I статьи Н. Парфенов, матрос II статьи А. Полканов	Из города вернулся пьяным Уход с дневальства
13 июня 1916 г.	Матросы II статьи М. Березовец, С. Платонов, Я. Свиныяков, И. Мишин, И. Леонтьев, А. Соболев, матрос I статьи Ф. Липский Электрик унтер-офицер II статьи М. Будницкий	Сон на дневальстве Курение в жилом помещении
17 июня 1916 г.	Матрос II статьи И. Курин Матрос II статьи Т. Янохин	Споры с унтер-офицером Сон на дневальстве
17 июня 1916 г.	Электрик М. Крылов	Самовольный уход на берег
28 июня 1916 г.	Матрос I статьи В. Михайлов Матрос I статьи А. Митрофанов Комендор К. Кокин	Неисполнение приказа офицера Нетчик Нетчик
1 июля 1916 г.	Матрос I статьи Д. Добров	Самовольный съезд на берег
3 июля 1916 г.	Фельдфебель В. Личиков Матрос II статьи Г. Беляев	Ударил нижнего чина по лицу Неисполнение приказа фельдфебеля
6 июля 1916 г.	Музыкант П. Иванов Машинист II статьи И. Беседкин Матрос II статьи М. Харитонцев	Сон на дневальстве
8 июля 1916 г.	Матрос I статьи И. Крашенинников	Сон на дневальстве
18 июля 1916 г.	Матрос II статьи П. Лебедев	Попытка увезти на берег казенную простыню для продажи Нетчик
18 июля 1916 г.	Горнист В. Беяр Матрос I статьи И. Корнаков Кочегар II статьи И. Полканин	Сон на дневальстве
18 июля 1916 г.	Артиллерийский унтер-офицер II статьи К. Новиков Кочегар II статьи Б. Воцинин	Пьянство на берегу, побег от обхода Самовольный съезд на берег, нетчик
18 июля 1916 г.	Комендор И. Маликов	Неисполнение приказаний и пререкания с унтер-офицером
18 июля 1916 г.	Унтер-офицер А. Шарыхалин	Незаконное обращение с подчиненным
20 июля 1916 г.	Комендор Г. Бычков	Самовольная отлучка, нетчик
23 июля 1916 г.	Матросы II статьи Н. Троицкий, И. Черков, И. Литвинов, моторист Н. Якимов, машинист I статьи Г. Седенков	Сон на дневальстве
29 июля 1916 г.	Электрик А. Юферов	Курение в жилом помещении
2 августа 1916 г.	Кочегар I статьи Ф. Вальстер	Курение на посту
5 августа 1916 г.	Подшхипер II статьи И. Ключников	Курение в жилом помещении
17 августа 1916 г.	Матрос II статьи В. Яковенко	Сон на дневальстве
19 августа 1916 г.	Электрик А. Вагин	Отлынивание от работы
20 августа 1916 г.	Матрос II статьи А. Мейнарт	Курение на дневальстве
25 августа 1916 г.	Электрик И. Мокрынин	Курение на дневальстве
3 сентября 1916 г.	Матрос II статьи И. Крашенинников	Сон на дневальстве
10 сентября 1916 г.	Кочегар I статьи Г. Денисов	Недисциплинированное поведение
11 сентября 1916 г.	Матрос II статьи М. Христофоров	Нетчик, с берега вернулся в пьяном виде

14 сентября 1916 г.	Машинист I статьи П. Коншин	Неисполнение приказа офицера
14 сентября 1916 г.	Матрос I статьи И. Каплаков	Сон на дневальстве
19 сентября 1916 г.	Кочегар I статьи А. Попичев	Недисциплинированное поведение
21 сентября 1916 г.	Комендор П. Бенько, матрос II статьи С. Самусевич	Сон на дневальстве
30 сентября 1916 г.	Матрос II статьи С. Усков	Драка с дневальным
7 октября 1916 г.	Машинист I статьи А. Гарасько	Сон на дневальстве
19 октября 1916 г.	Электрик И. Кузнецов	Небрежное исполнение приказа офицера
25 октября 1916 г.	Матрос II статьи Ф. Афанасьев	Сон на дневальстве
25 октября 1916 г.	Кочегар II статьи Я. Алексеев	Недисциплинированное поведение по отношению к фельдфебелю
27 октября 1916 г.	Комендор М. Соловьев	Недисциплинированное поведение по отношению к унтер-офицеру
28 октября 1916 г.	Электрик Р. Сидорук	Сон на дневальстве
3 ноября 1916 г.	Машинист II статьи Е. Морозов	Сон на вахте
3 ноября 1916 г.	Электрик К. Храмов	Сон на дневальстве
5 ноября 1916 г.	Матрос II статьи И. Литвинов, трюмный К. Лукьянов	Сон на дневальстве
7 ноября 1916 г.	Матрос II статьи А. Беляев	Неисполнение приказа унтер-офицера, брань по его адресу
10 ноября 1916 г.	Баталер II статьи Ф. Дикашев Матрос I статьи Л. Лотоцкий	Недисциплинированный разговор со старшим офицером Курение в недозволённое время в каземате
15 ноября 1916 г.	Кочегарный унтер-офицер II статьи П. Залетнев Матрос II статьи М. Бабков	Сон на вахте Кража компота с камбуза

А. Гарасько, приказами командира арестовывались на 5 суток.⁴³⁴ Довольно распространенными стали случаи курения в не разрешенных для этого местах. Такие проступки совершались 10 раз. Как правило, за курение в жилых помещениях провинившиеся наказывались арестом на 4-5 суток с заменой постановкой под ружье.⁴³⁵ Старший гальванер Е.С. Блохин, куривший во время вахты в центральном посту, был вынужден приказом командира №298 от 29 мая провести в карцере 5 дней.⁴³⁶

Однако и командование шло иногда навстречу нижним чинам. Приказом от 29 сентября №505 командир «Петропавловска» капитан I ранга В.К. Пилкин «из-за холодов» разрешил курить в казематах и жилых помещениях, а по ночам – в гальюнах. Обязательными условиями при этом являлись отсутствие мусора и сброс окурков и спичек в специальные ведра с водой.⁴³⁷

Появился и новый тип проступков. В феврале матросы I статьи Д. Добров, Я. Николаев и комендор Г. Бычков опоздали из отпуска, за что попали под арест на 7 суток с понижением оклада до уровня матроса II статьи на 5 месяцев.⁴³⁸

Произошло за этот период 18 конфликтов рядовых матросов и их начальников. При этом в трети случаев фиксировалось недисциплинированное поведение по отношению к офицерам, из них 2 раза – к старшему офицеру корабля. Взыскания за такие проступки были строже – 8 суток ареста. Кроме того, матрос I статьи В. Михайлов 28 июня, машинист I статьи П. Коншин 14 сентября и баталер II статьи Ф. Дикашев 10 ноября были понижены в званиях на одну степень.⁴³⁹ Трижды наказывались обе стороны. 13 февраля сверхсрочнослужащий машинный унтер-офицер I статьи Ф. Стратулат ударил по щеке за резкое замечание, сделанное кочегаром II статьи Г. Остроумко. За это приказом командира №95 он был взят под стражу на 3 суток, а кочегар «за недисциплинированное отношение к фельдфебелю» – на 5.⁴⁴⁰ 3 июля боцманмат В. Личиков ударил по лицу матроса II статьи Г. Беляева, за что оба были наказаны на 1 и 20 дней соответственно.⁴⁴¹ Аналогичные взыскания были наложены 19 июля на комендора И. Маликова и унтер-офицера I

статьи А. Шарыхалина.⁴⁴² На линейном корабле «Полтава» также зафиксированы 3 случая. Приказами №№223, 440 и 441 командира отмечены 6 марта машинист I статьи П. Комонов и кондуктор В. Щёкин, 19 мая фельдфебель М. Бурлаков и машинист I статьи Я. Песков. Показательно, что все унтер-офицеры отделались выговорами.⁴⁴³ Поэтому закономерным итогом оказался приказ командира, капитана I ранга С.В. Зарубаева, №593 от 13 июля: «К сожалению вторично обнаружено, что фельдфебеля нарушают статьи устава и позволяют себе кулачную расправу...». Речь шла о В. Мураховском, повторно ударившем матроса своей роты. На этот раз он получил строгий выговор и остался на 3 недели без возможности попасть на берег.⁴⁴⁴

Увеличение числа стычек являлось, на наш взгляд, следствием нарастания усталости от службы. Командный состав, в свою очередь, пытался заставить выполнять существовавшие правила. Это, в конечном счете, приводило к росту противостояния между ними. В некоторых случаях нижним чинам делались уступки, как в случае с курением.

Определенные нарушения рассматривались корабельными судами. В их компетенцию входили дела, в которых страдали члены экипажа корабля. Иногда также рассматривались случаи вопиющего нарушения воинской дисциплины, либо рецидивы.

Одними из наиболее распространенных являлись происшествия, связанные с оскорблениями матросами унтер-офицеров и, реже, офицеров, а также неподчинение их приказаниям. Согласно имеющимся данным по линейным кораблям бригады за 1915 г., таких случаев произошло 8. Чаше других на «Гангуте» – 3 раза⁴⁴⁵, на «Петропавловске» и «Полтаве» – по 2⁴⁴⁶, на «Севастополе» – 1.⁴⁴⁷ Более подробное представление мы можем составить о 5 делах, материалы о которых сохранились наиболее полно. Каждое из них сугубо индивидуально, однако они являются отражением схожих конфликтов. Нижний чин, выполняя какую-либо работу, с точки зрения вышестоящего лица, делал её не по правилам или неаккуратно. Так, матрос I статьи с «Гангута» Ф.Ф. Васи-

ленко красил стрелу, будучи одет не по форме – без фуражки.⁴⁴⁸ Моторист I статьи “Севастополя” В. Киров, проводя уборку в церковной палубе, плохо её окатывал водой.⁴⁴⁹ Начальник реагировал на нарушения предупреждением, как это сделали в первом и втором случаях унтер-офицер II статьи И. Бараблин и фельдфебель роты боцманмат М. Козлов.⁴⁵⁰ Однако И. Бараблин был повышен в звании за неделю до происшествия.⁴⁵¹ Возможно, отчасти по этой причине, матрос и не спешил реагировать на замечание.

Для Ф.Ф. Василенко унтер-офицер остался ещё равным по статусу и положению. Когда позднее ротный командир лейтенант Б.И. Христофоров за курение решил поставить матроса под ружье на 1 час и заметил отсутствие фуражки, И. Бараблин сообщил о своем приказании и реакции Ф.Ф. Василенко.⁴⁵² При этом в показаниях унтер-офицера заметно стремление выгородить себя. В протоколе, описывая свой разговор с матросом, он говорил, что сделал “замечание”, т.е. указание рекомендательного характера. Однако, передавая далее беседу с ротным командиром, Бараблин утверждал, что он отдал приказ, т.е. указание, обязательное к выполнению.⁴⁵³ Последняя часть была подтверждена показаниями Б.И. Христофорова.⁴⁵⁴ За такой тройной проступок: одежда не по форме, неисполнение приказа и курение на палубе, лейтенант увеличил срок наказания до 6 ч. С точки зрения Ф.Ф. Василенко, унтер-офицер являлся предателем его интересов. Поэтому вечером за ужином и состоялась ссора между ними, во время которой И. Бараблину были нанесены оскорбления.⁴⁵⁵

М. Козлов так же недавно занимал свою должность, будучи переведенным с другого корабля. Вообще, показания обоих участников сильно различаются. Если по версии фельдфебеля, матрос В. Киров, со словами “Проваливай!”, толкнул его, а на замечание толкнул снова и ударил по лицу, то сам виновный утверждал, что боцманмат первым выругал его. А когда он взял того за рукав, то М. Козлов набросился с кулаками.⁴⁵⁶ Здесь весьма интересны показания свидетелей. Фельдфебель 3 роты И. Тарасевич, шедший вместе с М. Козловым, заявил, что “В. Киров наткнулся на М. Козлова и толкнул его. На сделанное ему замечание он ударил М. Козлова”.⁴⁵⁷ Однако матрос I статьи С. Афанасьев, работавший вместе с В. Кировым, отметил, что унтер-офицеры мешали производить уборку и на просьбы уйти не отреагировали.⁴⁵⁸ Таким образом, можно наблюдать проявление солидарности. Т.е., помимо выделения командного состава в отдельную группу, чем ограничилась в своих исследованиях Е.С. Сенявская⁴⁵⁹, отметим, что рядовые и унтер-офицеры также ощущали свою обособленность, стараясь отстаивать свои интересы.

Нечто похожее наблюдается в другом случае. 8 ноября машинисты I статьи “Петропавловска” А. Анишкин и А. Мюльберг поругались друг с другом. Причиной ссоры послужила дождевая накидка А. Анишкина, которую А. Мюльберг не отдал, т.к. не закончил свою часть работы. Унтер-офицер I статьи Б. Кондрацкий пытался их разнять, за что, по его словам, Анишкин обругал его “площадными словами”. Однако показания свидетелей, т.е. матроса I статьи А. Старшинова, машинистов I статьи Н. Деднёва и II статьи Ю. Барховского, изменили

картину происшествия. Они отметили, что накидку унтер-офицеры, “не разобрав, в чем дело”, хотел отдать А. Мюльбергу. При этом все заявили, что никакой ругани со стороны А. Анишкина они не слышали. В результате, дело из области оскорбления начальника перешло в сферу дисциплинарную, т.е. конфликт между Анишкиным и Мюльбергом. Возможно, судьи не совсем поверили свидетелям, поскольку приговор был очень суров: 6 месяцев военно-исправительной тюрьмы.⁴⁶⁰ Похожий случай, произошедший 13 декабря 1914 г. на “Севастополе”, когда матрос II статьи Ф. Лапотников устроил драку, был “оценен” командиром в 5 суток ареста.⁴⁶¹

Стремление отстаивать свои интересы касалось и случаев, касающихся отношений с офицерами. Кочегары “Петропавловска” 24 июля 1915 г. выстроились во время сбора, не переодев рабочую одежду. Старший офицер старший лейтенант Л.И. Буткевич решил наказать кочегаров, поставив их под ружье. Однако кочегары не подчинились приказу разойтись, потребовав вызвать своего ротного командира лейтенанта Н. Тимофеева и старшего инженер-механика капитана II ранга Г. Константинова. От имени всех наказанных действовали их непосредственные начальники, кочегарные унтер-офицеры II статьи Т. Фридрих и М. Вавилов. В данном случае, когда интересы рядовых кочегаров и их унтер-офицеров совпали, они действовали сообща. Старший офицер не пожелал слушать оправданий, приказав арестовать не подчинившихся. Впоследствии такие действия были квалифицированы командиром капитаном I ранга В.К. Пилкиным как “недостаточно продуманные”. Тем не менее, случай был передан так называемому суду Особой комиссией, назначенной командующим флотом. Её председателем стал командир “Полтавы” капитан I ранга барон В.Е. Гревениц. Суровый приговор, вынесенный 10 августа, смягчил В.К. Пилкин, отметив в приказе №397 возможность предотвращения инцидента “более умелыми распоряжениями и более продуманными действиями” со стороны старшего офицера. В том же приказе старшему лейтенанту Л.И. Буткевичу был вынесен выговор.⁴⁶²

При наиболее несправедливых, с их точки зрения, поступках рядовой состав действовал и более решительно. 4 апреля лейтенант В.Я. Ясинский с “Гангута” разорвал и вернул письмо матроса II статьи С. Ясюкевича. По его мнению, оно “заключало в себе приписку условного характера”. Спустя некоторое время, офицер вскрыл ещё одно письмо. Там другой рукой был написан текст, содержащий оскорбления в его адрес. После сличения почерков удалось установить, что автором являлся матрос II статьи А. Балашов, приятель С. Ясюкевича. Конверт, по его просьбе, подписал кочегар I статьи М. Марченков.⁴⁶³

Корабельные суды в 1915 г. разобрали также 8 случаев краж. Из них 5 пришлось на “Петропавловск”, 2 – на “Полтаву” и 1 – на “Севастополь”.⁴⁶⁴ Кражи в основном принадлежавшие членам экипажа ценные вещи и обмундирование. На “Полтаве” матрос II статьи И. Гаврилов украл 30 августа портсигар и цепь, а 23 октября корабельный суд приговорил кочегара I статьи Н. Дроздика к 5 месяцам военно-исправительной тюрьмы за воровство двух бушлатов.⁴⁶⁵ На “Петропавловске” 3 октября матрос II статьи И. Ракицкий похитил 2 бушлата,

форменные брюки, рубаху, перочинный нож, портсигар и чайную серебряную ложку. Матрос II статьи того же корабля И. Яковлев присвоил три пары сапог, стельки. Затем он перепродавал их другим матросам.⁴⁶⁶ 8 декабря у матроса I статьи П. Государева с «Севастополя» были украдены «с необычайной наглостью» часы. За небрежность дневальных корабельный суд постановил отправить их на две недели под арест на берег.⁴⁶⁷

В двух случаях были похищены деньги. Матрос I статьи Д. Ушаков с «Петропавловска» 22 января выгащил 2 рубля у матроса II статьи И. Егорова, а 12 мая у кочегара I статьи того же корабля В. Тесёмкина исчезли 10 рублей. Подозревавшегося матроса II статьи В. Близнякова суд оправдал за недоказанностью обвинения, однако «за залезание в чужие вещи» постановил арестовать на 2 суток.⁴⁶⁸ Кражи единодушно порицались и осуждались всеми нижними чинами. Такие поступки имели, вероятно, двойную негативную оценку. Вор, во-первых, украл, и, во-вторых, у своего. Служить дальше на этом же корабле было им, вне всякого сомнения, очень трудно. Спустя месяц, В. Близняков подрался с матросом I статьи В. Сергеевым, а ещё через 2 недели – с кочегаром II статьи А. Беляевым.⁴⁶⁹ Мы полагаем, что это могло быть формой мести за имевшее место ранее воровство. Другой особенностью этого типа преступлений был срок службы совершавших их людей. В пяти случаях виновные являлись матросами II статьи нового призыва. Кроме того, упоминавшийся выше В. Близняков также относился к этой категории. Для них корабль, где они служили, и его экипаж не стали ещё «своими», т.е. преступники не чувствовали себя неотъемлемой частью команды.

Следующую группу дел, находящихся в ведении корабельных судов, составляли дела о побегех и так называемых самовольных отлучках. В 1914 г. именно они преобладали в делопроизводстве судов. 2 случая было рассмотрено на «Петропавловске», столько же – на «Гангуте».⁴⁷⁰ В следующем году за аналогичные преступления осудили 5 чел.: по 2 на «Петропавловске» и «Гангуте» и 1 – на «Севастополе».⁴⁷¹ Однако картина была не полной, поскольку речь в этих случаях шла только о наказанных, т.е. пойманных или вернувшихся членах команд. Гораздо большее количество продолжало оставаться «в бегах». С их учетом данный тип нарушений выходил на абсолютное первое место. В 1914 г. ещё один побег произошел на «Петропавловске».⁴⁷² За 1915 г. оставили свои линкоры, согласно данным приказов командиров кораблей и циркуляров штаба бригады, 1 человек с «Петропавловска», 2 – с «Полтавы», 5 – с «Гангута» и 4 – с «Севастополя».⁴⁷³

Причины самовольных уходов условно можно разделить на две группы. В первую вошли неумное желание или острая необходимость попасть на берег в то время, когда возможность сделать это отсутствовала. Например, на другой день после прибытия линейного корабля «Петропавловск» в Гельсингфорс с него ушли машинист II статьи Н. Крутиков и кочегар I статьи В. Григорьев. Первый объяснил свой поступок приездом любимой девушки, которую он давно не видел, второй – желанием погулять. На четвертый день оба возвратились.⁴⁷⁴ 4 января 1915 г. корабельный суд приговорил их к 5 месяцам военно-исправительной тюрьмы.⁴⁷⁵

Тенть шьютъ.

Тухнуть изъ огнетушителя.

Неводъ чинять.

Линкор «Петропавловск».
Корабельные будни

Машинист II статьи с «Гангута» В. Алексеев 7 октября 1914 г., когда линкор стоял в Кронштадте, получил письмо от матери. В нем она сообщала, что один его брат погиб на фронте, а другого забирают в армию. По его словам, В. Алексеев трижды пытался отпроситься у фельдфебеля и ротного командира. Потерпев неудачу, 12 октября, в воскресенье, «вместе с гуляющими без разрешения уехал», прибыв обратно на следующий день к 11 ч.

Линкор "Петропавловск".
Авральные работы

утра.⁴⁷⁶ 18 октября он был осужден на 2 месяца военно-исправительной тюрьмы.⁴⁷⁷

Тем не менее, нам известны примеры, когда линейные корабли бригады оставляли с целью попасть в армию для более активного участия в боевых действиях. 30 ноября 1914 г. гальванер "Петропавловска" В. Федотов бежал, оставив своему приятелю записку, где сообщал, что он отправился в действующую армию.⁴⁷⁸ 8 июня 1915 г. охотник флота, матрос II статьи того же корабля В. Юргенс съехал на берег, сел на поезд и отправился на фронт. Своё решение на суде он мотивировал так: "Пошел я служить по собственному желанию, а пришлось стоять на якоре... Сначала я думал, что во флоте попаду скорее в бой, но ошибся в своих надеждах и решился на побег...". Однако с поезда В. Юргенс был снят, т.к. ехал без документов, и 10 июня он явился на линкор. 1 октября суд Особой комиссии наказал его 1,5 годами штрафных батальонов.⁴⁷⁹ В. Юргенса можно было бы обвинить в рисовке перед судьями. Тем не менее, мы склонны доверять его показаниям, поскольку есть пример участия в военных действиях комендора "Севастополя" Н. Постовалова. Ему повезло больше, чем Юргенсу. 14 сентября 1915 г. он покинул свой дредноут и 5 октября прибыл в 10 стрелковый полк "на укомплектование полка", как это следовало из отношения командира, полковника П. Тираховского. Обнаружили беглеца случайно. Он заявил командиру, что не получил на корабле жалование за сентябрь. 14 ноября на "Севастополь" пришло отношение с просьбой выслать деньги. 9 декабря был послан ответ с просьбой отправить Н. Постовалова обратно.

Наиболее примечателен рапорт полковника Тираховского, прибывший 4 января 1916 г. Он, в частности, так отзывался о комендоре с "Севастополя": "состоя в 10-й роте вверенного мне полка, Постовалов отличается своим безукоризненным поведением, за боевые отличия произведен в ефрейтора, вызывается всегда охотником на разведку и за смелые, лихие 21-го декабря 1915 г. действия в составе команды разведчиков представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени". В заключении он просил "если возможно, оставить означенного нижнего чина в полку, как отличный боевой элемент". Через 8 дней пришла аналогичная просьба от временно командовавшего 31 стрел-

ковой дивизией, в состав которой входил полк, где служил Н. Постовалов, генерал-майора Г. Ушакова. Однако командование линкора и бригады осталось непреклонно, ответив отказом.⁴⁸⁰ Кстати, и дальнейшая судьба В. Юргенса также свидетельствует о его искренности на суде. 19 марта, т.е. после отбытия наказания, он прислал рапорт с просьбой разрешить ему зачисление в отряд Балтийского флота при Кавказской туземной конной дивизии. 26 марта на это было дано согласие.⁴⁸¹

14 сентября с "Гангута" бежали матросы I статьи А. Сергеев и II статьи В. Сосновский. Они на поезде отправились в город Фридрихсгам (Хамина), желая "попасть в состав батальона, отправляющегося на позиции".⁴⁸² Там их арестовали и вернули.

И после осуждения многие хотели попасть на фронт. Матрос "Гангут" Н. Младенцев и упоминавшийся выше матрос "Петропавловска" В. Григорьев 6 апреля 1915 г. были отправлены, по собственному желанию, в батальон капитана I ранга Н.М. Пекарского. Несколько дней позже туда же изъявили желание ехать матрос "Полтавы" И. Дёмкин и "Севастополя" И. Фролов.⁴⁸³ Из наказанных в августе 1915 г. 26 кочегаров "Петропавловска" фамилии 24 были внесены в "Список изъявивших желание идти на фронт" от 4 сентября. 7 ноября они уехали в Минск.⁴⁸⁴ В состав трех партий, отправленных 29 января, 12 и 18 февраля в Гомель, входили матросы "Петропавловска" И. Яковлев, А. Анишкин и Н. Крутиков, "Севастополя" - М. Рогожкин, И. Капустин и А. Голубев, "Полтавы" - А. Печурин и А. Клевацкий, "Гангута" - М. Егоров.⁴⁸⁵ Конечно, кроме патриотизма, имели место и другие причины, такие как желание улучшить своё положение, выйдя за хорошую службу из разряда штрафованных, что впоследствии давало возможность получить повышение. Бывали и случаи дезертирства. Так, бывший кочегарный унтер-офицер I статьи с "Петропавловска" Т. Фридрих, выехавший вместе со всеми в Минск 7 ноября 1915 г., на одной из станций отстал от своего поезда и затем исчез.⁴⁸⁶

Как следует из показаний наказанных по данной группе случаев, одной из причин, двигавших ими, было желание более активного участия в войне, чем это им предоставлялось на линкорах. Новейшие корабли Балтийского флота составляли главные его силы, поэтому вопрос об их участии в той или иной операции решался на уровне Ставки Верховного командования. Проблемы боевого использования крупных кораблей ощущал и немецкий флот. Для противника, чьи дредноуты большую часть времени проводили на базах в Ядэ и Вильгельмсхафене, своеобразным выходом стала их посылка на балтийский театр. Адмирал Р. Шеер, командовавший в годы войны сначала линейными эскадрами, а с 1916 г. и Флотом Открытого моря, указал: "При отсутствии этого учебного плацдарма было бы очень трудно натренировать новые соединения, сформированные в начале войны, и производить пробные плавания и обучение стрельбе личного состава вновь построенных кораблей".⁴⁸⁷ Р. Фирле, автор немецкого описания войны на Балтике, вторил ему: "Грос-адмирал Тирпиц такой переброской сил хотел, главным образом, облегчить командам Флота Открытого моря время выжидания в устьях рек, пагубно отражавшееся на боевом духе...".⁴⁸⁸

В 1915 г. ситуация повторялась. В марте стоял вопрос о посылке II эскадры Флота Открытого моря на восток. Командовавший немецкими силами в Балтийском море принц Генрих Прусский настаивал на подкреплении её III эскадрой новейших дредноутов (типов "Kaiser" и "König"). Г. Ролльман, продолжатель труда Р. Фирле, видел в этом "тренировку соединений и заботу о военном духе команд", указывая, что их подъем "требуется использования каждого удобного случая для активных действий".⁴⁸⁹ Показательно, что к тем же выводам пришел американский исследователь А. Хардинг Ганц, отмечавший, что "скука от корабельной рутины во время пребывания в порту" способствовала "снижению боевого духа".⁴⁹⁰

Деятельность русских линейных кораблей типа "Севастополь" ограничилась, о чем говорилось выше, охраной минных постановок в августе, ноябре и декабре 1915 г. В следующую кампанию дредноуты в боевые походы не вышли вовсе. Бездействие привело "не только к тому, что русский флот не использовал благоприятных возможностей для решения стоявших перед ним задач, но и к упадку боевого духа среди личного состава".⁴⁹¹ Данный вывод, по нашему мнению, применим в определенной мере и к более раннему 1915 г., несмотря на довольно оптимистичные агентурные сводки, стекавшиеся в Кронштадтское жандармское управление.⁴⁹²

Вероятно, эту тенденцию необходимо учитывать и при анализе наиболее серьезного происшествия на линкорах бригады до революции. Речь идет о выступлении экипажа "Гангута" в понедельник, 19 октября 1915 г. В тот день на корабле, как и на других линкорах бригады, проходила угольная погрузка. Она не была необычным событием, т.е. дредноуты за 3 дня до этого вернулись из Ревеля, где пробыли 2 дня. За октябрь данный поход был уже вторым.⁴⁹³ Погрузка, по данным вахтенного журнала, началась в 7 ч. 40 мин. Длилась она почти 5 часов, до 12 ч. 30 мин. За это время было принято 850 т, что свидетельствует об участии всего экипажа.⁴⁹⁴ С 13 ч. 10 мин. до 19 ч. 30 мин. некоторая часть команды занималась приемкой нефти. Остальные в это время обедали и до 14 ч. отдыхали. Затем в течение 2,5 часов производили уборку.⁴⁹⁵ С 17 ч. началось перекачивание пресной воды с водоема.⁴⁹⁶ По этой причине, или из-за забитого стока, в баню была прекращена подача горячей воды. Поэтому "матросы обливались холодной и, недовольные, расходились по кубрикам".⁴⁹⁷ Т.е. уже в течение дня обстановка нагнеталась несколькими обстоятельствами. С одной стороны, частые переходы в Ревель.

Они способствовали повышению выучки личного состава кораблей, однако сравнивать их по моральному воздействию с участием в боевых действиях трудно. Утомление у экипажа они вызывали значительное. "Походы, никому не нужные походы... только в конце сентября линкор простоял на рейде несколько дней", — отметил участник событий.⁴⁹⁸ С другой стороны, угольная погрузка, пусть и не очень длинная, но весьма интенсивная. И, конечно, негативную роль играли неудобства, связанные с техническими причинами. Вполне допустимо предположить, что совпавшие по времени факторы для матросов сложились в единую цепь бед, вину за которые они возложили на непосредственных начальников.

Кроме того, согласно еженедельному меню, принятому на I-й бригаде линейных кораблей в 1915 г., по понедельникам на ужин личному составу должен был выдаваться макаронный суп.⁴⁹⁹ Однако на корабле макарон не оказалось. Поэтому на ужин была приготовлена ячменная, по мнению Д.И. Иванова, или гречневая, о чем упоминали в своих рассказах матросы I статьи П. Козьмин и Д. Лагуткин.⁵⁰⁰ Мы полагаем, что речь шла о гречневой, т.к. в упоминавшемся рационе ячменная отсутствовала вообще.

Вообще, подобные локальные выступления имели сходную типологию и схему. В тяжелые периоды от них, вероятно, не застрахованы ни одни вооруженные силы. С подобными проблемами сталкивались и флоты других юющих держав. Более подробной информацией мы располагаем в отношении германских кораблей. Германские дредноуты после Ютландского боя 31 мая - 1 июня 1916 г. в течение практически двух месяцев ремонтировались. Наиболее серьезно пострадавшие суда не выходили из верфей вплоть до декабря.⁵⁰¹ Первый поход линейных кораблей Hochseeflotte состоялся 28 июля - 4 августа: дредноуты III линейной эскадры ходили на учения в Балтийское море. 18-20 августа — участвовали в неудачной попытке набега на Сандерленд. Ещё один поход, продолжавшийся 18-20 октября, также был прекращён из-за угрозы атак английских подводных лодок.

Последний выход германских линейных сил в 1916 г. датируется 4-5 ноября. Его целью было прикрытие буксирных кораблей, предназначавшихся для снятия с мели лодок U-20 и U-30. В результате спасти удалось только вторую (первую пришлось взорвать), а дредноуты "Grosser Kurfurst" и "Kronprinz" получили торпедные попадания и встали на ремонт. В 1917 г., особенно после вступления 6 апреля в войну США, количество боевых выходов кораблей Hochseeflotte сократилось, ограничиваясь в основном учебными походами на Балтику.⁵⁰² Таким образом, походы германских военно-морских сил летом 1916 — 1917 гг. имели место, однако назвать их удачными нельзя. К тому же эти выходы постоянно подтверждали преимущество британского Grand Fleet. Увеличение срока пребывания германских кораблей на своих базах при таких условиях создавало, на наш взгляд, негативный эмоциональный фон, аналогичный тому, что имел место и на русских кораблях двумя годами ранее.

Наиболее значительное выступление произошло на линейном корабле "Friedrich der Grosse" в ночь с 4 на 5 июля 1917 г. Накануне волнений имело место сокращение кочегарам месячного пайка мыла. Недовольство их тяжелыми условиями службы и затяжными боевыми действиями было, на наш взгляд, как и в случае с "Гангутом", подстегнуто этим обстоятельством. Ночью, после смены вахты кочегаров, в помещении турбовентиляторов состоялось совещание нескольких представителей во главе с матросом М. Райхпичем. В результате, было решено "подойти к вопросу с политической точки зрения, и действовать следующим образом: утром команда не расходится по работам и через уполномоченного предъявляет требование "Или больше мыла, или меньше службы!"⁵⁰³

По нашему мнению, выступления такого типа развивались по определенному сценарию, в котором при-

Во время установки наблюдательной площадки на "Петропавловск"

существовали следующие этапы: взрыв, кульминация и закат. На первом этапе нижние чины постепенно становились неуправляемыми, мало способными к подчинению и соблюдению правил. В дальнейшем наступал момент, когда командный состав полностью терял влияние на подчиненных. Нижним чинам были характерны колебания: попытки обрести единомышленников на других кораблях и, одновременно, наладить контакты с начальниками, предъявляя им требования. В итоге, если устраивался непосредственный повод выступления, то оно прекращалось.

После того, как матросы узнали о произвольном изменении ужина, на "Гангуте" и произошел взрыв эмоций. Один из бачковых, матрос I статьи В. Лютов, бросил под ноги дежурившему по камбузу унтер-офицеру В.К. Солодянкину бачок с кашей и заявил, что кашу есть никто не будет. Солодянкин доложил о происшествии вахтенному начальнику, а тот – старшему офицеру, старшему лейтенанту барону О.Б. Фитингофу.

Далее П. Козьмин вспоминал: "Заменявший командира старший офицер не мог разрешить этого вопроса самостоятельно, он уговаривал взять ужин и успокоиться...".⁵⁰⁴ О.Б. Фитингоф доложил о происшествии капитану I ранга М.А. Кедрову. Он, однако, кашу одобрил и другой ужин приказал не выдавать. Д.И. Иванов упомянул о приказе выбросить кашу за борт, но это сообщение другие мемуаристы не подтвердили.⁵⁰⁵ Впрочем, командир "Гангута" и так повел себя беспечно, оставив в это время линкор и съехав на берег. В ситуации наступила неопределенность. Как вспоминал П. Козьмин: "Наступившие сумерки усилили волнения. Матросы собирались кучками, горячо обсуждали создавшееся положение. Послышались выкрики по адресу начальства".⁵⁰⁶ Д.И. Иванов сообщал, что "в жилой палубе, казематах и кочегарках матросы митинговали".⁵⁰⁷ Поэтому можно предположить, что промедление, да ещё на пустой желудок, разжигало протест.

Тем не менее, корабельный распорядок до сих пор не нарушался. В 20 ч. команду созвали на молитву. После корабельной молитвы старший офицер отдал приказ разойтись по кубрикам. Матросы не подчинились. Д.И. Иванов описывал это так: "Фитингоф пригрозил команде карцером, гангутцы начали скандировать: "Бей

скорпионов! Долой немцев с корабля! Да здравствует Россия!" По трапам люди устремлялись наверх".⁵⁰⁸

Командирам рот было приказано любыми средствами задержать матросов и не выпускать их на верхнюю палубу. У пирамид с оружием выставили караулы из унтер-офицеров. Тем не менее, на верхнюю палубу сумели прорваться около 50 чел. Был отдан приказ разобрать койки, но нижние чины отказывались их брать. Раздавались возгласы: "Не пойдем спать! Давай жрать!"⁵⁰⁹ Тогда, по словам Д. Лагуткина, матросам был сыгран "сбор на справку", т.е. по своим помещениям для проверки личного состава. Те, кто был на верхней палубе, "начали бросать в ряды выстроившихся пипки [наконечники от шлангов – Д.Б.] и леерные стойки, чтобы разогнать строй".⁵¹⁰ Потерпев здесь неудачу, эта группа, которую, судя по материалам следствия и воспоминаниям, возглавили кочегарные унтер-офицеры I статьи Г. Ваганов и Ф. Яцкевич, стала распространять слухи об аресте нескольких человек на верхней палубе.⁵¹¹ На этот призыв откликнулись матросы 7 и 8 рот, которые состояли из кочегаров. Они двинулись в корму, где в помещении рядом с кают-компанией хранилось оружие. На верхней палубе находилось около 400-500 чел.⁵¹² Как отметил Д. Лагуткин, "более темная часть команды, потеряв над собой власть офицеров, ходила по палубе и кричала – "долой немцев"".⁵¹³

Таким образом, самоорганизоваться нижние чины не смогли. Не сумели даже выставить и предъявить какие-либо конкретные требования. У кают-компании старший офицер предложил, по словам П. Козьмина, выбрать представителей от команды для переговоров, однако последовал отказ.⁵¹⁴ Вероятно, что конкретные требования просто отсутствовали, к тому же, многие действия совершались инстинктивно стихийно.

Поэтому переговоры между офицерами и матросами начались спонтанно, прямо возле кают-компании. После этого в настроениях, видимо, наступил перелом. Д.И. Иванов отметил: "Разговор между офицерами и матросами отчасти погасил напряжение. Вскоре послышался смех – это первый признак того, что злость остыла, уступив место расслабленности, усталости".⁵¹⁵

В 23 ч. на корабль срочно возвратился капитан I ранга М.А. Кедров. Он приказал играть большой сбор, произнес речь, посвященную инциденту, а затем распустил экипаж. На ужин матросам выдали чай, мясные консервы и хлеб. После ужина последовал приказ разобрать койки и расходиться по кубрикам. "Когда приехал командир, был выдан ужин – на том всё было покончено", – отметил Д. Лагуткин.⁵¹⁶

На линейном корабле "Friedrich der Grosse" ситуация развивалась по другому сценарию. Матросы проявили большую организованность. 12 дней спустя после собрания представителей кочегаров, когда немецкая эскадра находилась в боевом походе, при ночной смене вахты кочегаров (23 ч. 50 мин.) "в ответ на приказание старшего механика "Вторая вахта – на работу разойтись!" никто не сдвинулся с места".⁵¹⁷ Вероятно, это и был кульминационный момент данного выступления. От того, как могло повести себя командование, зависел дальнейший ход событий. Механик покинул помещение и вернулся с вахтенным офицером, который приказал выйти из строя тем, кто

имеет претензии. Мнение матросов высказал автор воспоминаний, цитируемых в данной работе. Требования были выслушаны и на другой день удовлетворены.

Таким образом, в психологическом плане ни одно выступление не являлось внезапным. Каждому из них предшествовала своего рода неосознанная психологическая самоподготовка. Она вызывалась рядом негативных обстоятельств протяженного действия. Непосредственным источником волнений служили одно или несколько совпавших по времени факторов, резко изменявших традиционный уклад жизни или покушавшихся на традиции. Выступления можно разделить на фазы, каждая из которых характеризуется борьбой в сознании традиционных служебных ценностей и спонтанных стремлений. В зависимости от степени влияния на личность того или другого, внутренней самоорганизации, действий командования, боевой обстановки, волнения приобретали более или менее длительный и ожесточенный характер.

Утром 20 октября на "Гангут" прибыл начальник эскадры линейных кораблей вице-адмирал Л.Б. Кербер, произнесший речь перед личным составом. В этот и следующий день, по свидетельствам очевидцев, традиционный распорядок был нарушен: не производились судовые работы, вахты несли унтер-офицеры.⁵¹⁸ 21-22 октября на корабле работала специально созданная следственная комиссия под руководством контр-адмирала А.К. Небольсина. 22-го в 14 ч. 45 мин. "начали свозить с корабля команду", т.е. арестованных по результатам дознания.⁵¹⁹ Таких оказалось 95 чел. 25 октября они, согласно рапорту начальника военно-исправительной тюрьмы, на эсминцах "Стерегуший", "Казанец", "Донской казак" и "Страшный" прибыли в Кронштадт. 29 чел., считавшихся зачинщиками, поместили в отдельные камеры военно-морской следственной тюрьмы, остальных – на транспорт "Азия", под охраной вооруженного караула.⁵²⁰ 17-22 декабря прошел суд.

В отличие от выводов комиссии контр-адмирала А.К. Небольсина, моряки обвинялись в организованном выступлении.⁵²¹ На этом основании приговоры были вынесены более суровые. Из 29 привлеченных к суду 8 были оправданы, 19 – приговорены к различным срокам каторги, а Г. Ваганов и Ф. Яцкевич – к смертной казни через расстрел. Полагаем, что не последнюю роль в приговоре по отношению к двум последним сыграло то обстоятельство, что они имели унтер-офицерские звания. Таким образом, как и при обычных дисциплинарных проступках, унтер-офицер, являвшийся, по мнению командования, примером для подчиненных, отвечал более строго. Впрочем, смертная казнь была заменена впоследствии на каторжные работы. Но всё же участие в деле оставило пятно "неблагонадежности" на всех участниках. Те, кто был оправдан, 14 января 1916 г. отправились в Архангельский дисциплинарный полуэкипаж.⁵²²

Список привлеченных к суду по делу о беспорядках на линкоре «Гангут» 19 октября 1915 г.¹

ФИО	Звание	Приговор
1. Андрианов И.	Кочегар II статьи	Каторга (8 лет)
2. Ваганов Г.	Унтер-офицер	Казнь (расстрел)
3. Волков А.	Кочегар II статьи	Оправдан
4. Воротынский А.	Матрос I статьи	Каторга (8 лет)
5. Госников А.	Матрос I статьи	Каторга (8 лет)
6. Горбунов В.	Кочегар II статьи	Каторга (15 лет)
7. Грабовский Т.	Матрос I статьи	Оправдан
8. Ерофеев А.	Гальванер	Каторга (8 лет)
9. Китаев В.	Матрос I статьи	Оправдан
10. Ковальчук П.	Кочегар I статьи	Каторга (4 года)
11. Колсанов Г.	Матрос II статьи	Каторга (4 года)
12. Костюченко И.	Комсдор	Оправдан
13. Кошников Е.	Матрос I статьи	Каторга (10 лет)
14. Круглов Е.	Машинист II статьи	Оправдан
15. Кулак И.	Электрик	Оправдан
16. Куликов А.	Электрик	Каторга (10 лет)
17. Кузьмин (Козьмин) П.	Электрик	Каторга (14 лет)
18. Лагуткин Д.	Матрос I статьи	Каторга (10 лет)
19. Линьков Ф.	Машинист II статьи	Каторга (4 года)
20. Лютов В.	Матрос II статьи	Каторга (10 лет)
21. Мазуров П.	Гальванер	Каторга (15 лет)
22. Макуев М.	Машинист II статьи	Каторга (10 лет)
23. Нечасев С.	Матрос II статьи	Каторга (10 лет)
24. Петров П.	Машинист II статьи	Каторга (10 лет)
25. Посконный М.	Матрос I статьи	Каторга (15 лет)
26. Привалов И.	Матрос II статьи	Каторга (8 лет)
27. Семсенов М.	Матрос II статьи	Каторга (10 лет)
28. Тишило-Пашкевич В.	Матрос II статьи	Оправдан
29. Третьяков С.	Матрос II статьи	Каторга (14 лет)
30. Черномазов А.	Матрос II статьи	Каторга (10 лет)
31. Шмагун Ф.	Матрос II статьи	Каторга (15 лет)
32. Явный В.	Кочегар I статьи	Оправдан
33. Якушев Е.	Матрос I статьи	Каторга (10 лет)
34. Яцкевич Ф.	Унтер-офицер	Казнь (расстрел)

¹ РГАВМФ. Ф.р-30. Оп. 1. Д.92. Именные и тематические карточки к делу Главного военно-морского судного управления о революционных выступлениях матросов на линейном корабле "Гангут" в 1915 г. и осуждении их. ЛЛ. 2-35.

Выступившие более организованно участники событий марта 1917 г. на "Friedrich der Grosse" наказаны, судя по отсутствию об этом упоминаний, не были.

Что касается участия членов экипажей в деятельности антиправительственных политических организаций, то к этой категории относился единственный случай. В конце декабря 1915 г. были арестованы члены так называемого Главного судового коллектива РСДРП в Кронштадте. 23 февраля 1916 г. та же участь постигла матроса I статьи линейного корабля "Цесаревич" И. Брендина. У него обнаружили список фамилий моряков и кораблей, на которых они служили. Т.к. он вёз нелегальную литературу, всех из списка обвинили в согласии распространять политические брошюры. 8 марта в штаб бригады пришло отношение из штаба флота с просьбой арестовать матроса I статьи Г. Варюхина и машиниста I статьи И. Хрылёва с "Петропавловска", а также машиниста I статьи "Полтавы" И. Мурашёва. 31 марта аналогичные меры, согласно другому отношению, следовало предпринять к электрику унтер-офицеру II статьи "Гангута" Т. Попову.⁵²³ В октябре их судили, однако из-за отсутствия улик, оправдали.⁵²⁴

Часть II

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

(МАРТ-ОКТЯБРЬ 1917 г.)

§1. ИЗМЕНЕНИЯ В СЛУЖЕБНОМ РАСПОРЯДКЕ

Петрограда “стали доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о каком-то перевороте, об отречении государя... Наконец железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось. Всякие слухи прекратились, и дальнейшие сведения стали поступать только через штаб флота...”⁵²⁵ Слухи, о которых упомянул Г.К. Граф, доходили преимущественно через возвращавшихся из отпусков членов экипажей. Нам известна, по меньшей мере, одна группа нижних чинов, приехавших с 26 по 28 февраля. По данным Д.А. Гаркавенко в неё входили 7 матросов, в том числе 4 с “Полтавы”.⁵²⁶ Вероятно, эта группа не была единственной. К тому же кое-что можно было выяснить на берегу, ведь ограничений на увольнения не вводилось.

Информация, поступающая на корабли, будоражила команды. Косвенно об этом свидетельствует падение дисциплины на кораблях, в том числе и на линейных кораблях 1-й бригады. Так, на “Севастополе” 28 февраля матросы И. Ченцов и К. Кириллин отказались повиноваться приказу офицера. Когда они были арестованы и посажены под замок, то принялись танцевать. Это видели часовой и караульный унтер-офицер, которые “не только не приняли мер к прекращению подобного поведения, но и поощряли их всевозможными выкриками”.⁵²⁷

Неопределённость могла рано или поздно привести к открытому неповиновению. Понимали это и в штабе бригады, и в штабе флота. Поэтому с раннего утра 28 февраля командующий флотом начал объезжать корабли, стоявшие на рейде. Первым стал “Петропавловск”, куда А.И. Непенин прибыл в 9 ч. 10 мин. утра.⁵²⁸ Когда команда была построена, командующий обратился к матросам и офицерам с речью о положении в столице, о беспорядках, имевших место, о возможности со стороны немцев внезапного нападения. Свою речь он завершил призывом к спокойствию, нормальному несению службы и повышенной дисциплине. Затем, в 9 ч. 50 мин., Непенин отправился на “Россию”, флагманский крейсер 2-й бригады.⁵²⁹

Почти тотчас же поступил приказ из штаба: “Бригада переходит на восьмичасовую готовность. Поэтому:

1. Увольнения команды на берег не позднее, чем до семи часов вечера. С негчиков строжайше взыскивать.

2. На каждом корабле иметь вооружённый взвод из 24-х человек при 2 унтер-офицерах и офицере, пулемет.

3. Усилить вахтенную, караульную и палубную службы.

4. Офицерам увольнения запрещаются.

5. После семи часов нижних чинов разрешается посылать в город только по служебной необходимости.

6. Усилить надзор за мастеровыми и посторонними лицами.

7. Офицерам иметь при себе электрические фонари и прочее.

8. О малейших недоразумениях сообщать адмиралу днём и ночью.

9. Все распоряжения из Ставки Верховного Главнокомандующего будут немедленно сообщаться командам.

10. В первые же дни [марта – Д. Б.] произвести тревоги”⁵³⁰

Для ознакомления с этим приказом на “Петропавловск” были вызваны командиры “Севастополя”, “Полтавы” и “Гангута”. Совещание начальника бригады и командиров кораблей длилось, согласно флагманскому историческому журналу бригады⁵³¹, с 10 до 10 ч. 35 мин. Потом они разъехались по своим кораблям. По данным вахтенных журналов кораблей приказ и обращение адмирала были объявлены командам с 11 ч. 20 мин. (на “Севастополе”) по 11 ч. 35 мин. (на “Гангуте”).⁵³²

Цель приказа в контексте происходивших событий, на наш взгляд, ясна. Во-первых, предполагалось таким образом “подтянуть” дисциплину среди команд. Во-вторых, у командиров были развязаны руки в отношении присутствия на корабле посторонних лиц, которые при приведении его в боевую готовность были обязаны сойти на берег. В-третьих, присутствие на кораблях вооружённых взводов предостерегало от попытки вооружённого мятежа. Наконец, в-четвёртых, ограничение пребывания матросов на берегу должно было, по-видимому, уменьшить возможности общения их с “нежелательным элементом” – солдатами и рабочими. Ограничение свободного времени путём проведения учебных боевых тревог имело ту же цель.

Необходимым в такой обстановке являлось преодоление информационного вакуума. Поэтому вечером 28 февраля в штаб 1-й бригады от командующего флотом была прислана телеграмма № 228/оп: “Предписываю объявить командам: последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета Министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путём воспользоваться положением”⁵³³

Около 11 ч. утра на другой день М.К. Бахирев был срочно вызван на “Кречет” к командующему на совещание.⁵³⁴ Оказалось, что незадолго перед тем А.И. Непенин получил телеграмму от председателя Государственной думы М.В. Родзянко. В ней сообщалось, что восстание в

Петрограде разрастается, правительство не может ничего сделать, и Государственная дума образовала Временный Комитет, взявший власть в свои руки для наведения порядка. Родзянко просил командующего Балтийским флотом дать незамедлительный ответ, признаёт ли он полномочия Временного Комитета. После долгих раздумий тот послал утвердительный ответ. Об этом А.И. Непенин объявил и добавил, что если кто-то не согласен с подобным решением, то он просит зайти потом к нему в каюту. Единственным так поступившим был начальник 1-й бригады линейных кораблей. Он заявил, что остаётся верен присяге, а потому не считает возможным продолжать службу, и просил освободить его от занимаемой должности. Командующий флотом с трудом уговорил М.К. Бахирева продолжить службу до конца войны.⁵³⁵

После возвращения на “Петропавловск” он пригласил к себе командиров кораблей бригады, сообщив им о состоявшемся совещании флагманов, а также о своей позиции. Затем он предложил начать проведение с личным составом учебного отражения боевой тревоги, согласно приказу А.И. Непенина. Весь остаток дня был посвящен этому – проверке боевого расписания (на “Севастополе” и “Петропавловске” успели провести и учебное отражение пожарной тревоги). Никаких тревожных событий на линкорах не зафиксировано. Вечером на кораблях был зачитан приказ командующего флотом №156, где сообщалось о вышеупомянутой телеграмме председателя Государственной думы и ответ на неё командующего, с тем, чтобы ещё больше успокоить нижних чинов.⁵³⁶

Однако в это время драматические события стали затрагивать и Балтийский флот. Своеобразным “зачинщиком” стал наиболее близкий к эпицентру революции Кронштадт. В 23 ч. 30 мин. военный губернатор Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен сообщил в Морской Генеральный Штаб о начавшихся беспорядках. Из МГШ в ответ прислали телеграмму о наведении Временным Комитетом Государственной думы порядка в столице и возвращении войск в казармы.⁵³⁷ Тем временем на сторону восставших частей гарнизона перешли команды учебных морских рот и судов, стоявших в Кронштадте. Началось восстание, в ходе которого существовавшая администрация была разгромлена: погибло около 40 морских офицеров, в том числе Р.Н. Вирен и начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А.Г. Бутаков.⁵³⁸ Связь с Кронштадтом командование флотом утратило, и А.И. Непенин обратился за помощью к М.В. Родзянко.⁵³⁹

2 марта на “Петропавловске” было проведено ещё одно совещание, в котором участвовали сам начальник 1-й бригады линейных кораблей, его штаб и командиры судов бригады: капитан 1 ранга П.П. Владиславлев – “Севастополя”, капитан 1 ранга С.В. Зарубаев – “Полтавы”, капитан 1 ранга П.П. Палецкий – “Гангута”. Капитан 1 ранга М.А. Беренс, недавно вступивший в командование “Петропавловском”, находился в командировке в Петрограде, поэтому его заменял старший офицер корабля – старший лейтенант барон Г.Э. Зальца.⁵⁴⁰

Сама частота этих совещаний (раньше они проводились по данным флагманского исторического журнала, не чаще раза в неделю) свидетельствует о повышенном внимании командования к делам на кораблях. Это,

возможно, впоследствии позволит избежать такого поворота событий, как на 2-й бригаде линейных кораблей, где упоминания о подобных совещаниях не обнаружены. Особо хотелось бы выделить в такой обстановке поведение командира “Гангута”. Капитан 1 ранга П.П. Палецкий в 15 ч. провёл большой сбор команды и объявил о положении в тылу, а также и о событиях, произошедших 1 марта в Кронштадте.⁵⁴¹

Тем не менее, положение было неспокойным, о чём говорит и приказ командующего флотом, объявленный на всех кораблях в телеграмме №258/оп от 2 марта: “Приказываю поддерживать Исполнительный Комитет Государственной Думы, о чём донёс в Ставку для доклада Государю Императору. Это же приказываю объявить населению и рабочим”.⁵⁴²

Командующий упорно искал пути к недопущению беспорядков. В Ревеле ситуация уже вышла из-под контроля командования, когда матросы крейсера “Олег” присоединились к шестивью рабочих, а затем разгромили тюрьму “Толстая Маргарита”.

3 марта рано утром в штабе получили текст манифеста Николая II о передаче прав на трон Михаилу Александровичу и о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. А.И. Непенин, верный своему принципу сообщать командам кораблей все новости незамедлительно, собирался поступить аналогичным образом и в данном случае. Согласно данным А.В. Смолина, сразу после получения текста манифеста в штабе флота был подготовлен соответствующий приказ.⁵⁴³ Но из Петрограда пришло указание обождать. Остаётся только гадать, чем руководствовались те, кто его отдал. Д.А. Гаркавенко, например, полагал, что думцы “просто труслили”. А.Б. Николаев, исходя из общего контекста деятельности в это время ВКГД и в особенности М.В. Родзянко, считает, что все действия направлялись на недопущение воцарения Михаила Александровича. При этом сам Комитет мог превратиться в верховный орган управления Россией.⁵⁴⁴ В любом случае это решение имело политические основания и оказало большое влияние на дальнейший ход событий. В ответ А.И. Непенин телеграфировал: “В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции [Або-Оландской и Моонзундской укрепленных позициях – Д.Б.]...”⁵⁴⁵

Возможные негативные последствия предвидели в штабе 1-й бригады линейных кораблей, поэтому М.К. Ба-

Начальник штаба 1-й бригады линейных кораблей капитан 1 ранга А.П. Зеленой

хирев в течение двух с половиной часов созвал сразу два совещания командиров дредноутов. На них он изложил своё мнение об этом, но заключил, что нужно подчиняться приказам командования.⁵⁴⁶ Время уходило.

Днём, наконец, было решено объявить о деятельности Временного комитета Государственной думы. Чуть позднее объявили и об образовании Временного правительства (нового кабинета министров), но умолчали об отречении Николая II.

К этому следует добавить ещё одно обстоятельство – знаменитый Приказ №1 Петроградского Совета, разрешивший создание выборных организаций в армии и на флоте – комитетов. Документ этот, распространявшийся только на части Петроградского округа, стал самовольно приводиться в исполнение и в других воинских частях. Именно днём 3 марта на корабли стала просачиваться информация об этом приказе. Можно согласиться с мнением Д.И. Иванова, что “это и решило судьбу флота”.⁵⁴⁷ Теперь, конечно же, можно было обвинять командиров и офицеров в утаивании от своих экипажей правды.

Между 15 и 16 ч. 3 марта в Свеаборге состоялось собрание. Возможно, произошло оно после того, как попытка матросов Береговой роты выйти с красными флагами к кораблям была пресечена командующим.⁵⁴⁸ На нем присутствовали, по-видимому, солдаты и матросы нескольких частей. По воспоминаниям матроса Береговой роты И. Саловова, среди них были матросы с линейного корабля “Андрей Первозванный”.⁵⁴⁹ Машинный унтер-офицер I статьи крейсера “Громобой” М. Конин назвал в числе находившихся там моряков команд линкоров “Император Павел I” и “Петропавловск”.⁵⁵⁰ Таким образом, экипажи линейных кораблей 1-й бригады могли заранее знать об отречении императора и быть готовыми к выступлению.

Однако версия о том, что дальнейшие события были запланированными, не может считаться бесспорной. О спонтанности выступления в ночь с 3 на 4 марта свидетельствует дневниковая запись машинного унтер-офицера миноносца №215 П. Свистулёва, приведенная Е.Ю. Дубровской: “В 5 час. был на митинге за Петроградским мостом, на котором вынесено решение о восстании флота ввиду неосведомленности о происходящих событиях в Петрограде... Восстание назначено в 7 час. утра 4 марта. В 8 час. вечера 3 марта получено сообщение о вспыхнувшем восстании на броненосце “Андрей Первозванный””.⁵⁵¹ Писарь с крейсера “Россия” К. Полевченко в воспоминаниях указал: “Вечером около 7 ч. на рейде, где стояли корабли, неожиданно стали раздаваться частые винтовочные и револьверные выстрелы и крики людей...”⁵⁵²

Решение А.И. Непенина на свой страх и риск объявить на кораблях об отречении Николая и о назначении нового главнокомандующего мало что изменило – матросы знали об этом. Следовательно, что-то изменить, исправить было уже слишком поздно.

Около 17 ч. М.К. Бахирев получил распоряжение из штаба флота огласить текст отречения. Он созвал третье за этот день совещание командиров судов бригады и объявил о приказе командующего флотом. В 17 ч. 20 мин. совещание окончилось, командиры разъехались по кораблям. Матросы бригады официально узнали обо всём

не позднее, чем через 25 мин. после окончания совещания. По данным вахтенных журналов, на “Гангуте” это произошло в 17 ч. 45 мин., на “Севастополе” – в 17 ч. 40 мин., на “Петропавловске” – в 17 ч. 30 мин.⁵⁵³ Тот факт, что Д.И. Иванов, служивший на “Гангуте”, ни словом не обмолвился об этом, подтверждает, что команда и так всё знала. Об этом же косвенно свидетельствует и командир линкора “Андрей Первозванный” капитан I ранга Г.О. Гадд: “Через 2 дня [3 марта – Д.Б.] был получен акт государя императора и объявлен команде. Все эти известия она приняла спокойно”.⁵⁵⁴ Стремительно изменившийся психологический климат точнее всего сумел передать С.С. Хесин, заметивший: “Всего лишь в течение нескольких часов на корабле образовались два лагеря: один – офицеры с подорванной моралью..., другой – матросы, утратившие дисциплину, едва лишь стало известно об отречении государя”.⁵⁵⁵ Своеобразная самоподготовка, имеющая место перед всяким проявлением неповиновения, произошла именно в этот период.

За ней и последовал взрыв. Около 19 ч. началось восстание на “Императоре Павле I”. Практически сразу были убиты старший офицер линкора старший лейтенант В.А. Яновский, штурман лейтенант В.К. Ланге, лейтенант Н.Н. Савинский, мичмана М.Р. Шиманский и А.Г. Булич. Одновременно с “Андрея Первозванного” раздались выстрелы по начальнику бригады контр-адмиралу А.К. Небольсину, отправившемуся в штаб флота. Когда он попытался вернуться на корабль, то на сходне был застрелен. Следующей жертвой стал вахтенный офицер мичман А.Г. Бубнов. Офицеры на этом корабле оказались фактически заперты в кают-компании. Матросы стали стрелять через иллюминаторы, ранив мичмана Т.Т. Воробьёва.⁵⁵⁶ В 19 ч. 10 мин. “Император Павел I” и “Андрей Первозванный” подняли красные боевые флаги, на обоих кораблях башни с орудиями главного калибра развернулись в сторону линкоров 1-й бригады. Вскоре подняла боевой флаг и “Слава”.⁵⁵⁷ С берега тоже доносилась пулемётная и орудийная стрельба. Командиры дредноутов везде действовали практически одинаково: вместе с офицерами выходили на верхнюю палубу к команде и пытались её урезонивать. Командир “Гангута” капитан I ранга П.П. Палецкий пошёл ещё дальше, произнес следующее: “Матросы! Вам известно, что император Николай II отрёкся от престола... Революция, о которой мечтал народ, свершилась. Разрешаю поднять боевой флаг и зажечь красные огни. Предлагаю разойтись по ротам и приступить к выборам ротных и судовых комитетов, на которые возлагается наведение дисциплины и порядка на корабле. Имейте в виду, что это очень ответственное дело”.⁵⁵⁸ Этим он “охладил революционный пыл команды и спас офицеров от ареста, а некоторых – от расправы”.⁵⁵⁹ Команда разошлась на собрания, и возгласы об арестах и бунте больше не раздавались.

На “Петропавловске”, “Полтаве” и “Севастополе” ограничились уговорами “побережся”. Ситуация там была гораздо напряжённее. Один за другим, словно возвещая о капитуляции начальствующего состава, зажглись красные клотиковые огни на мачтах линейных кораблей 1-й бригады. Сначала это сделал, как уже говорилось выше, “Гангут”, затем – “Севастополь”, далее “Полтава”. Долгие всех держался “Петропавловск”, где переговоры

с командой вёл начальник бригады контр-адмирал М.К. Бахирев. Он, уступив команде, послал на линейные корабли 2-й бригады своего флаг-офицера лейтенанта В. Тимофеевского, чтобы тот узнал, в чём дело. Вернувшись, он сообщил, что команда “Славы” недовольна присутствием на корабле арестованных: бывшего финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна и бывшего председателя финляндского сената тайного советника М.М. Боровитинова, помещённых на “Славу” по приказанию А.И. Непенина 1 марта. Матросы “Славы” требовали удаления с корабля этих лиц, так как экипажи “Андрея” и “Павла” издевались над ними, называя её плавающей тюрьмой и требуя убить заключённых. В противном случае они угрожали открыть огонь по “Славе” и потопить её. Начальник 1-й бригады пытался использовать это обстоятельство и стал убеждать матросов с новой силой, что всё вот-вот окончится.⁵⁶⁰

В это время с “Павла” стали сигнализировать на корабли 1-й бригады: “Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы”. Сигнал возымел своё действие. На “Петропавловске” сброшенным на них тяжёлым грузом были ранены в голову лейтенанты С.П. Славинский и Н.И. Римский-Корсаков.⁵⁶¹ Команда стала вести себя угрожающе. Подобным образом события развивались и на “Севастополе”, где лейтенант С.П. Ставицкий, вместе с матросами принял участие в разоружении сослуживцев.⁵⁶² На “Полтаве” матросы так же разоружили всех офицеров. Четверо оказавших сопротивление были заперты в своих каютах.⁵⁶³ Убивать их, как это было на “Андрее” и “Павле”, матросы не собирались.

По приказанию М.К. Бахирева о сигнале с “Павла” по телефону сообщили в штаб флота, на что командующий предложил действовать по усмотрению. Это говорило, что инициатива командованием была упущена полностью. О крайней растерянности А.И. Непенина свидетельствует и его приказ, переданный на все корабли по телефону, выбрать от каждого корабля по два человека и направить к нему.⁵⁶⁴ Тем самым командующий, по всей вероятности, собирался получить хоть какие-то сведения о положении дел на судах, наметить вместе с делегатами дальнейший план действий и через них попытаться снова как-то овладеть ситуацией. С этой же целью в Петроград была направлена юзограмма с просьбой о разговоре с кем-нибудь из министров Временного правительства, желательно с А.Ф. Керенским.⁵⁶⁵

Около 21 ч. к “Петропавловску”, “Севастополю” и “Полтаве” стали подходить кучки матросов. На вопрос, кто они такие, отвечали, что они – депутаты с кораблей 2-й бригады, идущие по кораблям, “чтобы корабли не стреляли”.⁵⁶⁶ Этот, удивительный на первый взгляд, ответ имел под собой серьёзные опасения матросов “Андрея”, “Павла” и “Славы”, как бы командующий флотом не привёл в исполнение своей угрозы утопить бунтарей, произнесённой им на “Гангуте” при вступлении в должность. Действительно, по воспоминаниям Б.П. Дудорова, А.И. Непенин, едва узнав о бунте на линейных кораблях 2-й бригады, приказал дать диспозицию флота на рейде. “Адмирал смотрел углы обстрела. Задумался и произнёс: “Нет, я русской крови не пролью””.⁵⁶⁷ Вряд ли это была только слабость. Вероятнее всего, командующий отлично осознавал, что 1-я бригада линейных кораб-

лей – единственная сила, способная подавить бунт, – могла и не подчиниться. А тогда могли пролиться реки крови и на дредноутах. Помешать этому не смогла бы даже популярность в матросской среде М.К. Бахирева.

В начале десяти депутаты от “Петропавловска”, задержавшиеся дольше других, присоединились, наконец, к остальным. Но это промедление привело лишь к тому, что команда флагманского линкора стала требовать разоружения офицеров. Уговоры не действовали, и, к тому же, среди матросов появились люди с винтовками, отобранными у боевого взвода. Видя такой неблагоприятный поворот дела, начальник бригады был вынужден отдать приказ о передаче офицерского оружия старшему офицеру, исполнявшему обязанности командира корабля. Тот поместил его в адмиральский салон.⁵⁶⁸

Спустя каких-нибудь три четверти часа на линкорах бригады началась настоящая паника: прокатился слух, что депутаты, отправившиеся к командующему флотом, арестованы, а к кораблям направлены солдаты Свеаборгского гарнизона. В этом действия матросов 1-й бригады мало отличались от действий экипажей других кораблей: они потребовали выдачи трубок для снарядов противоминного калибра (120 мм). Командиры всех линейных кораблей, опасаясь кровопролития, пошли на это. Лишь на “Петропавловске” М.К. Бахирев и Г.Э. Зальца настояли, чтобы трубки хранились в каюте старшего офицера.⁵⁶⁹ В дневнике И.И. Ренгартена в связи с этим событием описывается следующий диалог между начальником бригады и матросами, пытавшимися забрать оружие: “Бахирев ответил: “Не отдам”.

- Тогда возьмем силой.
- Ну так стреляйте.
- Мы не хотим вашей крови проливать.
- Ну так уйдите.
- Нам нужно оружие.
- А я не отдам, потому что мне же доверила команда.
- Ах так. Тогда конечно... извините”.⁵⁷⁰

На “Гангуте” П.П. Палецкий взял слово с команды ничего не предпринимать без его согласия.⁵⁷¹

Страхи рассеялись, когда от командующего флотом вернулись депутаты, имевшие телеграфную беседу с А.Ф. Керенским. Он потребовал дать слово, что кровь офицеров перестанет литься, говорил об офицерах как о борцах за свободу наравне с матросами. Около полуночи переговоры с Керенским окончились, и командующий флотом велел им возвращаться, сказав, что переговоры

Командир линейного корабля
“Полтава” капитан 1 ранга
В.Е. Гревениц

На линкоре "Петропавловск". В минуты отдыха. 1915-1916 гг.
(Фото С.П. Славинского)

будут продолжены на другой день в столярной мастерской Свеаборгского порта.⁵⁷²

По-видимому, от своих депутатов матросы 2-й бригады линейных кораблей и узнали о благополучном для офицеров положении на дредноутах. После возвращения делегации с "Кречета" большая толпа матросов "Андрея Первозванного" и "Императора Павла I" двинулась к "Петропавловску" и "Севастополю". И команды этих линейных кораблей впустили к себе вооружённых матросов.⁵⁷³ После этого антиофицерская агитация усилилась, и, как следствие, вскоре офицеры сначала "Севастополя", а затем и "Петропавловска" были собраны в кают-компаниях и заперты там, оказавшись фактически на положении арестованных.⁵⁷⁴ На "Полтаве" их и вовсе развели по каютам, приставив часовых. Лишь на "Гангуте" агитация не имела успеха, так как его командир действовал в согласии с судовым комитетом, выборы которого он санкционировал. Таким образом, дальновидные меры командира "Гангута" и в этом случае сыграли положительную роль. На остальных линейных кораблях 1-й бригады на свободе остались лишь командиры, штаб начальника 1-й бригады и сам М.К. Бахирев. Такое положение сохранялось до утра 4 марта.⁵⁷⁵

Коротко обобщая события, происходившие на кораблях 1-й бригады с 28 февраля по утро 4 марта 1917 г.,⁵⁷⁶ можно отметить следующее. Благодаря быстрому доведению до сведения матросов информации обо всех происшествиях в Петрограде, адмиралу А.И. Непенину удавалось удерживать ситуацию под контролем. Затягивание сообщения об отречении Николая II, которое было санкционировано из Петрограда, привело к недоверию экипажей к командованию. Отсутствие кровопролития на 1-й бригаде можно объяснить и грамотными действиями её начальника контр-адмирала М.К. Бахирева, который сумел на совещаниях донести до командиров кораблей всю сложность складывающейся ситуации и во время ночных событий 3-4 марта сделал всё от него зависящее, чтобы предотвратить анархию и убийства офицеров на флагманском "Петропавловске". Особо хотелось бы от-

метить линию поведения, избранную командиром "Гангута" капитаном I ранга П.П. Палецким, который несколько раз сам рассказывал команде о положении дел. С началом волнений он сразу же пошёл навстречу желанию команды, предложив начать выборы в судовой комитет, чем спас своих офицеров от ареста. На других же кораблях командиры ограничились уговорами команды успокоиться, что, в конечном счете, не помогло. Лишь на "Петропавловске" М.К. Бахиреву, в силу его авторитета и популярности, возможно, удалось бы уговорить и сдержать команду, но под давлением матросов, подстрекаемых моряками со 2-й бригады линейных кораблей, он был вынужден отступить. К тому же, следует признать, что не последнюю роль в бескровном развитии событий играл тот факт, что офицеры не пытались сопротивляться и прибегать к оружию.

Утром 4 марта в Гельсингфорсе началась демонстрация, поэтому с 9 ч. в город потянулись кучки матросов с красными флагами. Это были, главным образом, экипажи с линкоров 2-

й бригады. Там какое-либо командование отсутствовало, так как накануне ночью начальник бригады контр-адмирал А.К. Небольсин был застрелен, а практически все офицеры находились под арестом. Матросы с "Андрея", "Павла" и "Славы" звали команды судов 1-й бригады присоединиться, но офицеры, освобождённые под утро, уговорами и просьбами добились у них согласия без разрешения командующего флотом кораблей не покидать.

Около 11 ч. из штаба флота пришло сообщение об ожидаемом в 13 ч. прибытии в Гельсингфорс поезда с депутатами Государственной думы Ф.И. Родичевым и М.И. Скобелевым. Также командующий известил, что считает "желательным и, более того, необходимым присутствие офицеров на митинге", посвящённом прибытию этих депутатов. После этого многие матросы и офицеры с линейных кораблей 1-й бригады также ушли в город. Митинг начался на Вокзальной площади Гельсингфорса в 12 ч. Именно там, по мнению А.В. Смолина, и начали разыгрываться последние драматические события этих дней. Ссылаясь на свидетельство некоего очевидца (вероятно, матроса Т. Липшика), исследователь утверждает, что "на нём... начался суд над Непениным. Общее настроение собравшихся сводилось к тому, чтобы выбрать командующим кого угодно, только убрать Непенина. Митинг сначала постановил казнить адмирала, затем решили арестовать и привести на площадь, чтобы судить".⁵⁷⁷ Однако остаётся неясным, почему при этом не были привлечены воспоминания другого очевидца, старшего офицера "Новика" капитана II ранга Г.К. Графа, который также присутствовал на площади, но ни словом не упомянул об этом, указав лишь, что "поезд с депутатами сильно запоздал, и мы все продолжали ждать".⁵⁷⁸ Ничего не было им сказано и о карауле, который якобы отправили за командующим.

Зато он привёл любопытный факт об "избрании" тем временем вице-адмирала А.С. Максимова командующим флотом: "при помощи того же флаг-офицера [старшего лейтенанта К. Василевского – Д.Б.] была собрана

толпа матросов так называемой “береговой роты”, которой заведовал всё тот же флаг-офицер. К толпе присоединились случайные солдаты и просто всякий сброд... она-то и приступила к выборам нового командующего флотом... Тотчас же после них он и его главные помощники... сели в автомобиль”.⁵⁷⁹ Возможно, именно этот автомобиль с тремя вооружёнными матросами подъехал примерно в 12 ч. (еще до окончания “выборов”?) к “Петропавловску”. Сидевшие в нём заявили, что они приехали за М.К. Бахиревым. Его, якобы, приглашал на манифестацию вице-адмирал А.С. Максимов, чтобы “назначить его начальником Минной обороны [Рижского залива – Д.Б.]”.⁵⁸⁰ Начальник бригады вышел к ним и ответил, что без приказа министра Временного правительства А.И. Гучкова и А.И. Непенина он никуда не поедет.⁵⁸¹ По сообщению А.С. Штарёва, ранее матросы “Петропавловска” “чрезвычайно упорно настаивали и даже прямо взяли на себя инициативу выставить кандидатуру [на должность командующего флотом – Д.Б.] адмирала Бахирева”.⁵⁸²

Сходным образом ситуацию об отношении к М.К. Бахиреву описывал и В.К. Пилкин в своей работе “Два адмирала”: “Когда разразилась революция, команды на митингах выбирали себе начальников. Посудили – порядили и выбрали себе Бахирева. По просьбе команды Михаил Коронатович вышел к ней на палубу и спросил: “Вы мне доверяете?” В ответ галдят: “Доверяем! Доверяем!” – “А я вам не доверяю, – заявил Бахирев – До чего себя довели: царь от вас отрекся”. И спустился в каюту. Команда посудила, порядила, решила: лучшего не найдешь и другого не выбрала”.⁵⁸³ Однако о распоряжении назначить М.К. Бахирева на другую должность со стороны вице-адмирала А.С. Максимова ничего не известно. Отказ начальника 1-й бригады линейных кораблей идти с прибывшими в тот день, вероятно, спас ему жизнь. Через некоторое время, по видимому, эти же люди вместе с другими матросами отправились на штабное судно “Кречет” и вынудили А.И. Непенина, опасавшегося, что в противном случае матросы ворвутся и растащат шифры, карты и бумаги, идти с ними якобы на Вокзальную площадь.⁵⁸⁴ В воротах Свеаборгского порта командующий флотом был застрелен неизвестными матросами. Одним из предполагаемых участников был матрос той самой Береговой роты, представитель которой “выбирали” А.С. Максимова, П.А. Грудачев.⁵⁸⁵

Сторожевой обход с линейного корабля “Полтава”, дежурившего в тот день, лишь чуть-чуть опоздал. Вот как описал это происшествие его командир, инженер-механик “Полтавы” лейтенант В.П. Волхонский: “Подходя к берегу, но, к не-

счастью, находясь ещё в 10 минутах ходьбы от берега, я услышал выстрелы и увидел заминку в воротах порта. Это было убийство незабвенного Адриана Ивановича. Не зная ещё об этом, мы все тут же ускорили шаг, но помешать уже не могли. Приди мы на несколько минут раньше, мы помешали бы этому убийству...”.⁵⁸⁶ Таким образом, выводы А.В. Смолина о том, что командующему флотом вице-адмиралу А.И. Непенину был вынесен именно на митинге на Вокзальной площади некий приговор, за ним был отправлен караул, расстрелявший его, представляются нам не вполне обоснованными. Убийство с тем же успехом могло быть осуществлено матросами Береговой роты с целью устранения препятствия на пути вице-адмирала А.С. Максимова к должности командующего Балтийским флотом. При этом была сделана попытка увести и начальника 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирала М.К. Бахирева с той же, вероятно, целью и по тем же мотивам.

Снижению боевой подготовки линейных кораблей 1-й бригады в марте способствовало участие экипажей в многочисленных митингах. Ещё 4 марта 1917 г. большая часть команд линкоров находилась в городе на манифестации, посвящённой приезду в Гельсингфорс министра Временного правительства по делам Финляндии Ф.И. Родичева и депутата М.И. Скобелева. На дредноуты 1-й бригады они, правда, в тот день не поехали, так как требовалось посетить корабли, где “обстановка была самая напряжённая”⁵⁸⁷, т. е. “Андрей Первозванный” и “Император Павел I”. Именно после митинга на этих кораблях офицеры “Андрея” и “Павла” были, наконец, освобождены.⁵⁸⁸

Сведения о некомплекте матросов на кораблях Балтийского флота (март 1917 г.)¹

Звания	1-я бригада линейных кораблей	2-я бригада линейных кораблей	1-я бригада крейсеров	2-я бригада крейсеров
Артиллерийские унтер-офицеры	13	16	10	3
Старшие комендоры и комендоры	24	50	15	10
Гальванерные унтер-офицеры	6	--	5	4
Старшие гальванеры и гальванеры	9	16	10	8
Минные унтер-офицеры	2	--	--	--
Старшие минеры и минеры	2	3	5	3
Старшие электрики и электрики	23	40	20	18
Телеграфные унтер-офицеры	--	3	--	4
Старшие телеграфисты и телеграфисты	--	3	--	2
Рулевые	3	--	6	3
Сигнальные унтер-офицеры	--	--	4	7
Сигнальщики	18	--	20	9
Матросы I, II статьи	150	200	100	268
Моторные унтер-офицеры	--	--	--	2
Мотористы	--	--	--	6
Машинисты	80	70	35	44
Кочегары	120	--	14	184
Минные машинисты	2	--	6	--
Трюмные машинисты	--	50	30	9
Итого	452	451	406	584

¹ РГАВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1258. Л.26.

Начиная с 5 марта, посланцы из Петрограда стали посещать и более благополучные корабли, в том числе и линкоры 1-й бригады. Начали с флагманского корабля бригады – “Петропавловска”. Сюда новый командующий флотом вице-адмирал А.С. Максимов, Родичев и Скобелев, по данным вахтенного журнала, прибыли в 14 ч. 35 мин. Затем, в 15 ч. 20 мин. они отбыли, при этом Максимов отправился на “Гангут”. Родичев и Скобелев, сопровождаемые начальником бригады контр-адмиралом М.К. Бахиревым – на “Полтаву”, где ещё не были освобождены из-под стражи офицеры, пытавшиеся оказать сопротивление экипажу. Затем Родичев отправился на “Севастополь”, где уже находился и Максимов. В 17 ч. 10 мин. их сменили Бахирев и Скобелев.⁵⁸⁹ Эффект от этих выступлений был велик. “Флагманский исторический журнал” так свидетельствует об этом: “После отъезда депутатов, стоящие на рейде суда обменялись приветствиями сигналом и голосом. На бригаде качали офицеров”.⁵⁹⁰ Такой положительный перелом в настроениях по отношению к своим офицерам, которых экипажи в ночь с 3 на 4 марта арестовывали, надо отнести всецело за счёт прибывших.

Перед своим отъездом, 7 марта, Родичев в сопровождении Максимова посетил “Гангут”, на который ещё никто из депутатов не ездил, и, вторично, – на “Полтаву”, дабы ещё раз, по всей вероятности, удостовериться во вполне благонамеренных настроениях экипажа.⁵⁹¹

Вплоть до 6 марта ни на одном корабле бригады судовых работ не производилось. На “Гангуте” (надо полагать, что и на “Полтаве” тоже) судовые работы не производились ещё и 7 марта. Уже 11 марта корабли бригады посетили другие делегаты (например, депутат Государственной Думы А.Г. Афанасьев). Таким образом, этот день у матросов опять получился выходным.⁵⁹² 16 марта значительная часть экипажей “Петропавловска”, “Севастополя”, “Полтавы” и “Гангута” находились на митинге, устроенном в честь приезда министра юстиции А.Ф. Керенского.⁵⁹³ 17 марта до трети экипажей бригады было уволено на берег для участия в похоронах “жертв революции”, которые продолжались до обеда.⁵⁹⁴ Если добавить к этому визит на корабли 1-й бригады 18 марта английского военно-морского агента Д. Гринфильда и 30 марта члена делегации французской армии и флота капитана II ранга Б. Галю⁵⁹⁵, то список крупных делегаций можно считать оконченным. Впрочем, помимо этого линейные корабли 1-й бригады посетило еще, по крайней мере, 2 делегации: во-первых, делегация от 2-го Балтийского флотского экипажа (из Петрограда) в лице матроса Б. Жемчужина. Он попытался провести митинг на “Петропавловске”, но агитация за окончание войны привела к тому, что матросы флагманского корабля попросту выкинули его за борт на лёд.⁵⁹⁶ Во-вторых, депутация, приехавшая из Ревеля 16 марта и проводившая вполне благополучно митинги на всех линкорах 1-й бригады в течение второй половины дня.

На основании этих данных можно утверждать, что, по крайней мере, в течение 6 дней на линкорах 1-й бригады судовые работы, чёткое и в полном объёме выполнение которых особенно важно перед началом боевой кампании, не проводились вообще. На “Полтаве” и “Гангуте” это имело место 7 дней.

Для апреля тоже было характерно торможение судовых работ. 3 апреля на всех линкорах бригады проходили общие собрания команд. Главным обсуждавшимся вопросом было празднование окончания первого месяца революции в Гельсингфорсе. На другой день, объявленный праздничным, в городе состоялся парад. С каждого корабля в нем приняло участие по 125 матросов при 3 офицерах. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день списывались на берег.⁵⁹⁷

17-19 апреля проходили выборы в судовые, бригадные и береговые представительства. Поэтому 17 апреля на “Полтаве” в первую половину дня, 18-го – на “Гангуте”, “Севастополе” и “Петропавловске” (на этом корабле ещё и 19-го) весь день судовых занятий не было.⁵⁹⁸

Вообще же, в апреле 1917 г. поводом к частичному или полному отказу от работ стали учебные боевые тревоги. Такие боевые тревоги прошли 11-го, 14-го и 21-го на “Гангуте” и 19-го, 20-го, 25-го и 26-го – на “Севастополе”.⁵⁹⁹ 27 апреля была проведена общая тревога для всех линейных кораблей 1-й бригады, что имело следствием для частичной отмены работ на всех, кроме “Полтавы”, судах.⁶⁰⁰ Необходимо учитывать, однако, что до революции подобные обстоятельства во флотском расписании не являлись препятствием к выполнению графика судовых мероприятий. Это в апреле доказал и экипаж “Полтавы”, который, несмотря на три проведенных учения, не потерял из-за этого ни дня!

Такой рост потерь во времени отчасти компенсировало снижение количества визитов и митингов на линкорах. За весь месяц дредноуты посетили с осмотрами командующий флотом вице-адмирал А.С. Максимов (16 апреля), комиссар Временного правительства на Балтийском флоте Ф.М. Оникко (24 апреля) и представитель японской военной миссии (30 апреля).⁶⁰¹ При этом Оникко побывал лишь на “Севастополе”, а японец – на “Гангуте”. Поездка же Максимова вызывалась грядущими выборами в комитеты, да и проходила она, как и японского офицера, в воскресенье. Так что судовые работы из-за этих визитов откладывались лишь на “Севастополе”.⁶⁰²

Так же частично был потерян рабочий день 10 апреля и на “Гангуте”, где в этот день судовой комитет сдавал дела.⁶⁰³ Другие вахтенные журналы о подобных фактах ни на одном линейном корабле бригады не сообщают.

То есть, в сравнении с мартом, мы отмечаем, во-первых, больший разброс в потерях рабочего времени (от 2,5 дней на “Полтаве” до 6 дней на “Севастополе”), и, во-вторых, появление на 3 дредноутах новой причины потерь – учебных боевых тревог (на фоне снижения числа собраний и митингов). Появился и первый случай, когда причину невыполнения работ установить не удалось. Такой простой имел место на “Петропавловске” 20 апреля и никак не объясняется: ни праздником, ни визитом на корабль, ни деятельностью судового комитета или общим собранием команды.⁶⁰⁴

На протяжении мая к событиям и визитам, влиявшим на приостановку хода судовых работ, относилось, прежде всего, посещение 9 мая кораблей новым военным и морским министром А.Ф. Керенским. По данным вахтенных журналов, Керенский прибыл на флагманский корабль бригады “Петропавловск” в 11 ч. 25 мин., осмот-

рел команду, выстроенную на верхней палубе, произнес речь и ответил на вопросы.⁶⁰⁵ В 11 ч. 45 мин. он отправился на “Гангут”, оттуда в 12 ч. 20 мин. – на “Севастополь” и в 12 ч. 40 мин. – на “Полтаву”.⁶⁰⁶ На этих кораблях порядок был тот же. 20 мая свет увидела “Декларация прав солдата”. На дредноутах командиры зачитали её экипажам 21-го, в воскресенье. Весь день 22 мая ушел на обсуждение этого документа на общих собраниях команд, почему опять судовые работы не производились ни на одном дредноуте.⁶⁰⁷

Увеличилось в мае число учебных тревог, иросло количество случаев, когда по этой причине работы не проводились либо до, либо после обеда. Больше всего такое происходило на “Полтаве”: 4, 12, 17, 19, 24 и 25 мая.⁶⁰⁸ На “Гангуте” и “Севастополе” потери имели место по три раза: 5, 12, 26 и 15, 24, 30 соответственно.⁶⁰⁹ На “Петропавловске” – 11 и 30 мая.⁶¹⁰ При этом отсутствие судовых мероприятий в двадцатых числах в некотором роде оправдывает то обстоятельство, что проводились не обычные тревоги, а практические стрельбы. И так как линкоры не стояли на внутреннем рейде, а выходили на внешний, то времени уходило значительно больше.

Кроме указанных факторов, влияние на ход работ оказывало в одном случае (3 мая, линкор “Полтава”) общее собрание команды, из-за которого команда не работала после обеда. Число же случаев, где причину “выходных” установить нам не удалось, в мае возросло. Так, 11 мая работы не проводились на всех судах бригады, на “Петропавловске” – ещё и 18 мая, на “Севастополе” – 10-го, на “Полтаве” – 29-го.⁶¹¹

Следствием резко возросшего числа выходных дней было падение объемов судовых работ. В марте и апреле, согласно “Флагманскому историческому журналу”, на “Петропавловске” и “Севастополе” продолжались начатые ещё в январе работы по замене пожарных трубопроводов и валов кормовых дизелей.⁶¹² А планировалось окончить исправление всех механизмов к открытию кампании, то есть к концу марта. Более того, в мае на этих же кораблях производили ремонт паропроводов в подбашенных отделениях, хотя давно наступили сроки для обучения стрельбам и практическому маневрированию.⁶¹³ На “Гангуте” в марте начали монтировать походную адмиральскую рубку, но ещё и в мае шли небольшие работы по её отделке.⁶¹⁴ Лишь на “Полтаве” удалось в основном завершить ремонт, а именно – подкрепление дымовых труб.⁶¹⁵ Справедливости ради отметим, что вина лежала не только на экипажах, но и на заводах-поставщиках, о чём доносил в штаб флота и в Гельсингфорский Совет командир “Петропавловска” капитан I ранга М.А. Беренс 13 марта: “Ко всем начатым работам приостановлено. Доставка материалов и вещей заводами приостановлена”.⁶¹⁶

Те же работы, что производились, зачастую не имели единого плана, соблюдения техники безопасности, даже согласования с прямым начальством. Показательный в этом смысле случай произошёл 20 марта на линейном корабле “Гангут”. Три кочегара спустились во 2-ю кочегарку корабля для ремонта клапана паровой магистрали. В результате нарушения элементарных правил тех-

Линейный корабль “Петропавловск”. Построение офицеров на юте.
(Фото С.П. Славинского)

ники безопасности, выразившегося в том, что не был перекрыт вентиль подачи пара в кочегарку, клапан при отвинчивании гаек сорвало. При этом кочегары П. Климук, Б. Дудко и И. Чернышёв, производившие проверку, получили ожоги паром II степени. Они были отправлены в Гельсингфорский военно-морской госпиталь, где Дудко и Чернышёв скончались в тот же день. Но самое, пожалуй, любопытное в этом происшествии то, что так и не смогли установить, кем был отдан приказ о производстве подобных работ и был ли он отдан вообще.

Один из свидетелей, кочегар А. Курза, сообщил, что эти работы были плановыми и производились по распоряжению инженер-механика, который, якобы, приказал их выполнить за несколько недель до этого, но они “не разбирали до этого, т. к. не было народу...”.⁶¹⁷ Это высказывание ясно демонстрирует, что часто на многие судовые работы выделить было некого. Но главный инженер-механик мичман П.Я. Шуляковский, который обязан был знать о проведении подобной работы, если бы она действительно планировалась, заявил, что он никаких подобных работ не назначал, поскольку их планировалось провести позднее, после проверки главной паровой магистрали.⁶¹⁸ Производивший дознание механик лейтенант Ф.Ф. Малютин так и не смог прийти к какому-либо определённом выводу о том, по чьей инициативе проводились эти работы, и почему о них не было доложено даже боцману.⁶¹⁹

Лето 1917 г. явилось новым этапом революционного процесса. 1 июня 1917 г. военный и морской министр А.Ф. Керенский приказом назначил вице-адмирала А.С. Максимова начальником Морского отдела Ставки Верховного командования. Командующим Балтийским флотом, согласно этому приказу, становился начальник 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирал Д.Н. Вердеревский. Причин для подобных перемен могло быть несколько. Основной, видимо, следует считать пресловутую “выборность” А. С. Максимова, сначала провозглашенного командующим 4 марта и только после смерти А.И. Непенина утвержденного А.И. Гучковым.⁶²⁰ Следствием этой “выборности” являлась возможность

определенной зависимости командующего от экипажей. Временное правительство совершенно справедливо полагало, что такая ответственная должность не может и не должна быть как-то связанной с желаниями матросов. Могла не удовлетворять А.Ф. Керенского и чрезвычайно большая независимость Центробалта, в чем он имел возможность убедиться в свой приезд 9 мая.

Д.Н. Вердеревский считался неплохим стратегом, умным и дипломатичным человеком, умеющим разговаривать с матросскими делегатами и добиваться своего. Его поддерживали экипажи и 1-й бригады крейсеров и дивизий подводных лодок, стоявших в Ревеле, поскольку до назначения начальником 1-й бригады линкоров он командовал крейсером “Богатырь”, а затем - подводными лодками.

На флагманском “Петропавловске” этот приказ был получен вечером 1 июня.⁶²¹ От радистов он стал известен экипажу. Срочно состоялось общее собрание команды, где подобное назначение было расценено, по замечанию А.К. Дрезена, как “попытку отмены установившегося фактически на флоте выборного порядка”.⁶²² Тем самым и некоторые советские исследователи признавали спорную, мягко говоря, законность подобного положения. С точки зрения сохранения такого краеугольного камня боеспособности флота, как дисциплина, выборность любого командования представляется пагубной. На следующий день на “Петропавловске” прошел митинг. После него с флагманского линкора бригады открытым текстом передали по радио свой протест и призыв не подчиняться новому командующему. На дредноуте был поднят флаг старого командующего.⁶²³ В ночь на 3 июня команда спать не ложилась. Несколько раз посылались депутаты на штабной корабль “Кречет” к вице-адмиралу А.С. Максиму, а также на другие корабли, в том числе на все суда 1-й бригады линкоров. Везде делегаты “Петропавловска” просили поддержать их.⁶²⁴ Однако, команды кораблей, стоявших в Гельсингфорсе, не сочувствовали заявлениям экипажа “Петропавловска”. 3 июня на общих собраниях команд “Севастополя”, “Полтавы” и “Гангута” принимались резолюции, осуждавшие подобные заявления и действия, как анархистские и “вносящие разлад в боевую деятельность флота”.⁶²⁵

Объяснять подобное единодушие влиянием каких-то партий вряд ли стоит, так как даже большевистская ячейка “Гангута” устами И.С. Хомутова выступила с протестом против резолюции “Петропавловска” в газете “Волна”.⁶²⁶ В тот же день на “Петропавловске” была оглашена и телеграмма А.Ф. Керенского: “Товарищи, с великой скорбью узнал о том, что вы отказываетесь подчиняться указу Временного правительства, пользующегося доверием огромного большинства русской демократии. Не подрывайте силы революции, не играйте в руку врагов нашей свободы, вернитесь к общему делу и к общей борьбе вместе со всей демократией за свободу и революцию. Призываю вас, как товарищей, к исполнению долга, дабы не вынуждать Временное правительство всей силой власти требовать подчинения его распоряжениям”. Одновременно был отослан приказ Д.Н. Вердеревскому поднять флаг командующего и спустить флаг А.С. Максимова на “Петропавловске”.⁶²⁷

Во второй половине дня уже сам А.С. Максимов подтвердил свой отказ от поддержки резолюции экипа-

жа линкора, кроме того, он послал письмо, в котором также “умолял” спустить флаг командующего. Лишь под вечер флаг, наконец, спустили.⁶²⁸ 5 июня по просьбе нового командующего на линкоре был проведен митинг. В нем приняли участие делегаты, проходившего в это время съезда моряков Балтийского флота. В конечном отчете команда “Петропавловска” приняла резолюцию о доверии Д.Н. Вердеревскому. В тот же день аналогичный митинг состоялся на “Полтаве”.⁶²⁹ Однако возникла еще одна трудность. 1-я бригада с назначением нового командующего флотом осталась без начальника. Д.Н. Вердеревский намеривался передать эту должность командиру линейного корабля “Полтава” капитану I ранга С.В. Зарубаеву.⁶³⁰ Экипажи линкоров потребовали проведения выборов. Вероятно, на такое решение повлияла и позиция ЦКБФ. Эта организация, стремившаяся увеличить свое влияние любым способом, основной упор делала на приказе №1. 2-3 июня, когда события касались всего флота, основная часть которого поддержала назначение командующего, да и А.С. Максимов согласился со своим переводом, Центробалт не посмел возразить. Он лишь ограничился пожеланием Д.Н. Вердеревскому “идти по стопам своего предшественника”.⁶³¹ В этом же более частном случае, ЦКБФ, опасаясь, вероятно, утраты позиции защитника интересов нижних чинов, оказал поддержку по сути такому же анархистскому требованию.

Поскольку бригадный комитет в качестве единственного кандидата на выборы выдвинул С.В. Зарубаева, выборы выглядели чисто политическим шагом. 15 июня об этом узнал командующий флотом. Вечером он отправил телеграмму, где докладывал А.Ф. Керенскому, о сложившейся ситуации, о том, что он просил комитет, хотя бы запросить мнение первого съезда представителей Балтийского флота и I Всероссийского съезда Советов. Далее он сообщал, что “если комитет сочтет нужным предпринять шаги к утверждению своего решения на деле... я за последствия по обороноспособности отвечать не могу и прошу разрешения передать командование старшему по себе”.⁶³² На это морской министр ответил соответствующей радиограммой в бригадный комитет, в который опять напоминал о необходимости подчинения правительству. Аналогичная радиограмма пришла от Всероссийского съезда Советов. Выборы начальника 1-й бригады были отменены, комитет ограничился одобрением решения контр-адмирала Д.Н. Вердеревского.⁶³³ Основным итогом двух описанных эпизодов следует считать, на наш взгляд, рост самоуверенности нижних чинов, их убежденности в собственной значимости и силе. Прямым следствием являлось падение авторитета командования и нарастание трений во взаимоотношениях командного состава и экипажей дредноутов бригады. Кроме того, митинги отвлекали от работ и развивали желание бездельничать и далее.

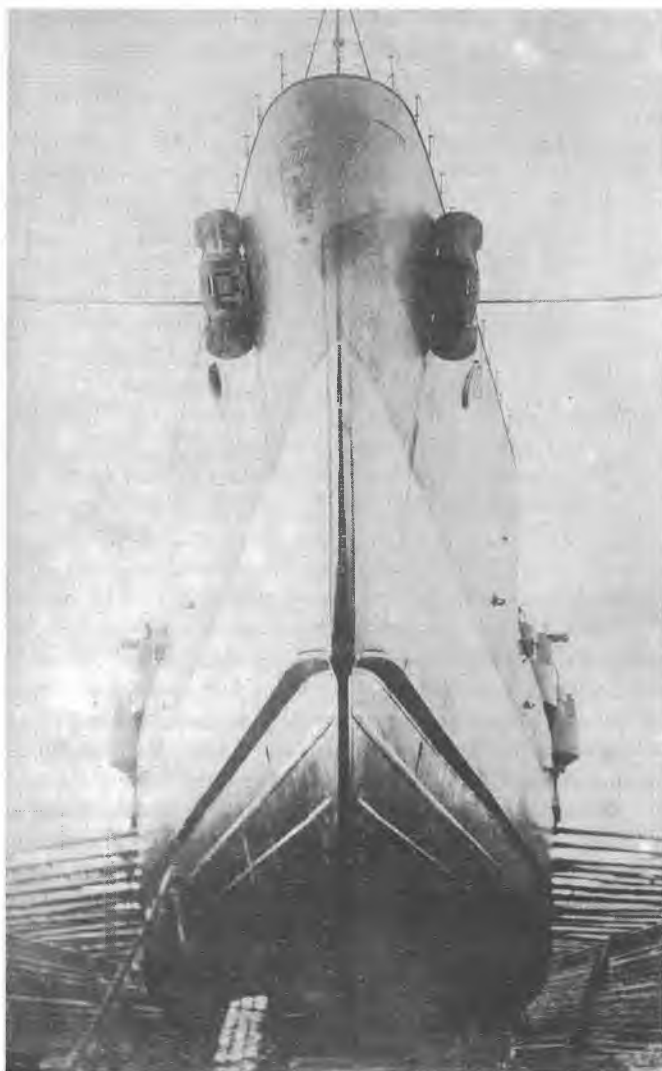
Новый повод представился командам линейных кораблей 1-й бригады очень скоро. 18 июня, в день начала наступления на юго-западном фронте, в Гельсингфорсе прошла общегородская демонстрация протеста. Основными лозунгами являлись: “Долой войну!”, “Да здравствует вооружение всего народа!”, “Землю – крестьянам, промышленность под контроль рабочих!”. Приняли активное участие в ней и экипажи дредноутов. Число

увольнявшихся на берег в это день составило порядка 25% от команды с каждого корабля. Это являлось двукратным превышением нормы.⁶³⁴ Уже через три дня, 21 июня, состоялся новый общегородской митинг. На нем среди прочих выступали приехавшие из Петрограда Н.Д. Авксентьев и Е.П. Гегечкори.

Тем не менее, несмотря на их выступление, основная часть лозунгов по-прежнему была направлена против войны. И снова, как прежде, на кораблях бригады осталось порядка 75% от общей численности экипажа.⁶³⁵ Но еще до этой демонстрации в 9 ч. 30 мин. на “Петропавловске” прошел митинг, на котором присутствовал около 400 чел. команды. Главным вопросом являлось отношение к наступлению. В резолюции война была названа “грабительской, захватнической”, а вывод, который отсюда проистекал, формулировался так: “Убрать в 24 часа 10 министров-капиталистов, в противном случае идти вместе с другими кораблями бомбардировать Петроград”.⁶³⁶ По этому поводу в 12 ч. на “Кречете” состоялись переговоры между контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским, представителями ЦКБФ и членами штаба командующего. Вердеревский заявил, что подобная резолюция может расцениваться как неповиновение и измена. Делегаты Центробалта, в числе которых были: В.В. Кобеляцкий, Р.Р. Грундман, С. Магницкий, Г.И. Силин, М.М. Королев, Н.Е. Карпов, П.Д. Чудаков и И.А. Цуварев, согласились. В итоге было решено, что на линкор должна отправиться делегация от ЦКБФ в составе Грундмана, Магницкого, Силина, которая постарается убедить экипаж снять требования. Около 17 ч. делегаты возвратились на “Кречет” с извещением, что “”Петропавловск” не отказывается от оперативного подчинения командующему и снимает свою резолюцию”.⁶³⁷

Неудачи на фронте привели к росту антиправительственных настроений, вылившихся в демонстрации и беспорядки в Петрограде 3-4 июля. Опасность выхода ситуации из-под контроля властей была настолько явной, что помощник морского министра контр-адмирал Б.П. Дудоров вечером 3 июля отправил командующему Балтийским флотом Д.Н. Вердеревскому секретную телеграмму с требованием прислать в столицу эскадренные миноносцы “Победитель”, “Забияка”, “Гром” и “Орфей”. Выполнить этот приказ командующий флотом не мог из моральных соображений, к тому же команды могли отказаться подчиняться приказу. Кроме того, обо всем стало известно в ЦКБФ. На другой день прошло совместное заседание представителей Центробалта, Областного комитета армии, флота и рабочих в Финляндии, ИК Гельсингфорсского Совета и судовых комитетов. На нем было вынесено постановление с требованием к Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету взять власть в свои руки и арестовать Б.П. Дудорова как контрреволюционера. Отвезти в Петроград эту резолюцию поручалось специальной делегации во главе с членами ЦКБФ Н.А. Ховриным и А.С. Лоосом. Вошел в ее состав и депутат от 1-й бригады линкоров – машинист с “Гангута” В.В. Кириллов.⁶³⁸

Ночью 4 июля делегация на эсминце “Орфей” отбыла.⁶³⁹ Экипажи дредноутов 5 и 6 июля совместно с командами 1-й бригады крейсеров, находившейся в это время в Гельсингфорсе, проводили митинги. Наступление на

Линейный корабль “Петропавловск” в доке

фронте осуждалось, приказ Б.П. Дудорова – квалифицировался как контрреволюционный.⁶⁴⁰ Посланная в Петроград делегация Центробалта была арестована. Председатель ЦКБФ П.Е. Дыбенко и командующий флотом Д.Н. Вердеревский, которые отправились за ней, – тоже. Все они обвинялись в измене и неподчинении правительству. 7 июля был объявлен приказ за подписью А.Ф. Керенского о назначении нового командующего – контр-адмирала А.В. Развозова, бывшего в тот момент начальником Минной дивизии. В том же приказе содержались требования к командам “Петропавловска”, линкоров “Республика” и “Слава” прекратить выдвигать лозунги, ведущие к расколу на флоте, и выдать зачинщиков. Также предписывалось произвести перевыборы в Центробалт.⁶⁴¹ 11 июля А.Ф. Керенский, уже будучи министром-председателем, приказал А.В. Развозову закрыть все флотские большевистские газеты. В другом приказе он требовал от экипажей безоговорочного подчинения правительству.⁶⁴² На дредноутах последний приказ обсуждался 11 июля, а на “Петропавловске” еще – и 12.⁶⁴³ В конечном счете, все линейные корабли 1-й бригады приняли резолюции о полном подчинении Временному правительству. Однако, следственная комиссия

по выявлению зачинщиков неповиновения на “Петропавловск” так и не была допущена на корабль.⁶⁴⁴ При этом было заявлено, что “резолуция была принята всей командой”.⁶⁴⁵

Таким образом, со второй половины июля мы отчетливо можем наблюдать полевение настроений на Балтийском флоте. Это выразилось в принятии за основной лозунга “Долой войну!”, чего не наблюдалось весной 1917 г. На этом фоне возросло влияние Центрального Комитета Балтийского флота, который поддержал антивоенные настроения. Причиной самих подобных настроений, на наш взгляд являлось боязнь отправки на сухопутный фронт, либо морского столкновения с противником. Мы полагаем, что велика в этом “заслуга” молодых матросов, призванных весной. В полной мере все сказанное относится и к 1-й бригаде линейных кораблей, а особенно - к “Петропавловску”, где явно возобладали анархистские настроения. Отчасти подавить подобные выступления возможно было лишь с помощью жесткого диктата со стороны власти, что и проявилось после подавления беспорядков в Петрограде 4 июля. Дополнительным фактором, способствовавшим успокоению, послужило обвинение лидеров большевиков в измене и, как следствие, падение на некоторое время популярности этой партии, а также закрытие ряда большевистских газет.

Тем не менее, к уже описанным митингам следует добавить организованные 9 июня делегацией из Кронштадта во главе с Ф.Ф. Раскольниковым (Ильиным).⁶⁴⁶ На “Севастополе” состоялось 4 июня общее собрание команды, посвященное действиям экипажа “Петропавловска”, на “Полтаве” – 8 июня – по вопросу о выборах начальника бригады.⁶⁴⁷ На “Петропавловске” для “обсуждения общеполитических вопросов и текущих дел” команда собралась еще и 29 июня.⁶⁴⁸ В июле общие собрания проводились 1-го и 8-го. 10 июля состоялось совместное собрание экипажей “Севастополя”, “Полтавы” и “Гангута”.⁶⁴⁹

13 июля 1-я бригада провела единственное в 1917 г. благополучное практическое плавание в Ревель (Таллин). Там она находилась до 1 августа. Несмотря на часто проводившиеся учебные боевые тревоги, артиллерийскую стрельбу (25 июля) и практическое маневрирование (26 июля), успели команды и помитинговать.⁶⁵⁰ На “Гангуте” митинги проходили 18 и 20 июля, на “Петропавловске” – 24-го, на “Севастополе” – 22-го и 24-го июля.⁶⁵¹ 30 июля состоялось собрание команд всех судов, стоявших на Ревельском рейде. Основным вопросом был размер оклада. В результате свет увидела резолюция: требовать у Всероссийского Центрального Комитета Военного Флота (Центрофлота) повысить месячное содержание так, как это предложил Центробалт 28 апреля, то есть в 2 раза, по сравнению с расчетами комиссии Савича-Лебедева (см. Приложение 10. Таблица 7).⁶⁵² О том, где изыскать на это дополнительные средства, подумать не потрудились.

Довольно часто проходили собрания нижних чинов линейных кораблей и в августе. Гангутцы собирались 5 августа для “обсуждения вопросов политики”, а также 7, 8, 11 августа.⁶⁵³ На “Петропавловске” общие собрания команды прошли 3, 10, 15 августа.⁶⁵⁴ Своеобразным “рекордсменом” оказался экипаж “Севастопо-

ля”, где такие сборы состоялись 3, 5, 9, 15 и 22 августа.⁶⁵⁵ Данные по “Полтаве” отсутствуют. Кроме этого, 12 августа на дредноутах проходили довыборы в ЦКБФ 3-го созыва, а также выборы в Центрофлот.⁶⁵⁶ 16 августа в Гельсингфорсе состоялся митинг протеста против решений Государственного Совещания. Вечером на всех линейных кораблях 1-й бригады прошли общие собрания команд, присоединившиеся к резолюциям митинга.⁶⁵⁷

Следующим событием, дестабилизировавшим положение на флоте, стало корниловское выступление. Не останавливаясь на изложении самого явления и действиях правительства, рассмотрим лишь его последствия для Балтийского флота и, в частности, для 1-й бригады линейных кораблей.

Сообщение об этом было получено в Гельсингфорсе 28 августа. Сразу же состоялось экстренное объединенное заседание Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центрального комитета Балтийского флота, Областного комитета Финляндии, а также представителей судовых и полковых комитетов. Главным результатом заседания явилось решение об учреждении Революционного комитета (Ревком), который должен был стать, по сути, верховной исполнительной властью в Финляндии. От Гельсингфорского Совета в него вошел и депутат от 1-й бригады линейных кораблей А.Ф. Сакман.⁶⁵⁸

Комитет получил сразу же очень широкие полномочия. Отныне все распоряжения офицерского состава должны были санкционироваться им. Без этого ни один приказ не мог проводиться в жизнь. В штабы и управления воинских частей Ревком стал назначать своих комиссаров. Их главной обязанностью являлся контроль над деятельностью командиров состава. Все офицеры как морские, так и сухопутные, должны были дать расписки, что они не поддерживают генерала Л.Г. Корнилова.⁶⁵⁹ Фактически, офицерство этим распоряжением РК сразу ставилось под подозрение, чем вызывалось еще большее недоверие к нему. Редкие разумные предложения, вроде тех, что высказывались в резолюции судового комитета линейного корабля “Севастополь” от 30 августа (“Подписка против Корнилова должна быть и от всей команды”)⁶⁶⁰, не были услышаны. Свою солидарную позицию личный состав отразил в резолюции: “В настоящий грозный для Родины и Революции день команда линейного корабля “Севастополь” совместно с офицерами продолжает стоять на страже интересов Революции, готовая для этого пожертвовать всем во имя спасения Родины и Революции и свидетельствует, в условиях настоящего момента решаем исполнять во всех отношениях волю полномочных органов демократического Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в борьбе с предательской контр-революцией, во главе которой встал генерал Корнилов, не забывая в то же время чрезвычайной опасности от внешнего врага, в отражении которого линейный корабль “Севастополь” исполнит воинский долг до конца”.⁶⁶¹

Однако такая позиция составляла исключение. Эксцессы в этих условиях становились возможными. Самые страшные произошли на линейном корабле “Петропавловск”. 30 августа на общем собрании команда вынесла резолюцию с требованием смертной казни для

организаторов корниловского мятежа и передачи всей власти в руки Советов.⁶⁶² Офицеры подписывать эту резолюцию отказались и в кают-компании вынесли свою: «отнесясь отрицательно к выступлению генерала Корнилова, вызывающему Гражданскую войну, офицеры не подчиняются его распоряжениям, и будут исполнять приказания Правительства, действующим в согласии с Всероссийским Центральным Комитетом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов».⁶⁶³ Позднее под давлением экипажа к резолюции офицеры добавили фразу: «... совместно с Исполнительными Комитетами на местах и органов, выбранных ими для управления страной».⁶⁶⁴ Ее подписал весь командный состав «Петропавловска», за исключением лейтенанта Б.П. Тизенко и мичманов Д.А. Кандыбы и М.В. Кондратьева. Они подали особое заявление, к которому позже присоединился, стоявший на вахте мичман К.М. Михайлов: «Отдельное мнение. Пока внешний враг угрожает с моря России, представляющей единое целое, активного участия в политической жизни принимать не буду. Повинуюсь же командующему флотом и только его оперативным распоряжениям.

Лейтенант Тизенко. Мичман Кондратьев. Мичман Кандыба. Мичман Михайлов.

30.08.17. Линкор «Петропавловск». Гельсингфорс⁶⁶⁵

Вечером того же дня 4-я рота, которой командовал Б.П. Тизенко, заявила, что не желает иметь его и Д.А. Кандыбу в своем составе, и потребовала назначения нового ротного командира. Одновременно матросы потребовали запретить этим офицерам съезд на берег. Утром 31 августа после совещания между председателем судового комитета И.И. Дючковым и командиром «Петропавловска» капитаном I ранга Д.Д. Тыртовым, всем офицерам, подписавшим «Отдельное мнение», было предложено для нормализации обстановки придти к соглашению со своими ротами. После неудачной попытки мичмана К.В. Кондратьева Дючков сообщил командиру линкора, что будет лучше, если 4 офицера будут арестованы и отправлены на берег, в распоряжение революционного комитета.⁶⁶⁶ После допроса, произведенного членами судового комитета, офицеров арестовали и поместили в каюте мичмана Кандыбы. Примечательно, что на допросе присутствовал член ЦКБФ Е.С. Блохин, назначенный комиссаром. Поэтому общепринятая версия о том, что он не знал о готовящейся расправе, представляется спорной. Член ЦКБФ И. Гребенщиков отметил по этому поводу в своих воспоминаниях: «Здесь в Центробалте было тоже неопределенное отношение. Было заметно, что товарищ Блохин с «Петропавловска» знал об этом и, может быть, даже согласился с постановлением команды о том, чтобы их угробить...».⁶⁶⁷

В боевом строю
(Фото С.П. Славинского)

На общем собрании команды председатель судового комитета зачитал протокол допроса. Тогда же, по версии Г.К. Графа, «стали раздаваться голоса, требовавшие немедленного самосуда».⁶⁶⁸ Эта возможность, впрочем, не удивительна, если принять во внимание влияние анархистов на умы экипажа корабля. Наглядное подтверждение команда «Петропавловска» продемонстрировала дважды: 2-3 и 21 июня. В конечном счете, большинство матросов проголосовало за решение об аресте Тизенко, Кандыбы, Кондратьева и Михайлова и отправке их вечером в РК. Сохранилось два варианта конечной резолюции. Во «Флагманском историческом журнале» она выглядит следующим образом: «Таким контр-революционерам не место в свободной стране».⁶⁶⁹ Однако С.П. Лукашевич в рукописи своей работы «История Центрофлота и его борьба с корниловщиной» добавил в ней такую фразу: «... а поэтому настаивает, чтобы их не было в живых».⁶⁷⁰ Впоследствии именно ее воспроизвел А.К. Дрезен.⁶⁷¹ Думается, что во «Флагманском историческом журнале» отражен гот текст, который был известен его автору. Возможно, тем самым, комитет маскировал истинные намерения экипажа перед командиром корабля и другими офицерами.

С течением времени ситуация вокруг офицеров постепенно накалялась. «У каюты мичмана Кандыбы, - сообщает Г.К. Граф, - все время толпились матросы. Они вели себя крайне вызывающе. Слышались угрозы, брань, насмешки. Старшему офицеру приходилось несколько раз требовать от членов комитета, чтобы они их отгоняли».⁶⁷²

В 20 ч. 45 мин. катер с арестованными и конвоем из 16 чел., вооруженных винтовками и револьверами, отошел от трапа линкора и направился к Эспланадной пристани. Там их должны были ждать представители ЦКБФ, которым надлежало доставить офицеров в Ревком. Неожиданно катер повернул в другую сторону. Не

Линейный корабль "Петропавловск" в доке

помогло ни требование И.И. Дючкова довести арестованных в целостности и сохранности, ни присутствие членов судового комитета гальванера И. Климентьева и комендора К. Кокина: конвоиры оказались палачами, а вернее говоря, убийцами!

Мичман Кондратьев пытался бежать, выпрыгнув из катера, но неудачно: его поймали и стали избивать. После чего всех офицеров высадили, выстроили спиной к морю и предложили проститься. Потом раздался залп. По сведениям, приводимым Г.К. Графом, Д.А. Кандыба и М.В. Кондратьев были убиты сразу, а Б.П. Тизенко и К.М. Михайлова добились штыками, прикладами, ударами ног. Об убийстве на "Петропавловске" узнали после возвращения конвоя. Сразу же на берег для розыска тел капитан I ранга Д.Д. Тыртов отправил двоих офицеров.⁶⁷³ Так как было уже поздно, поиски пришлось возобновить 1 сентября. В тот же день об этом узнал командующий флотом А.В. Развозов, пославший в РК категорическое требование отменить распоряжение о взятии подобных подписок с офицеров.

Требование было подкреплено юзограммой контр-адмирала Д.Н. Вердеревского, ставшего 30 августа морским министром, следующего содержания: "Только что узнал об убийстве офицеров при свозе с "Петропавловска". Во имя бывшего у нас единения и взаимного доверия обращаюсь к вам с требованием удержать взволновавшиеся команды от дальнейших эксцессов, памятуя, что таковые окончательно развалят флот и сделают его неспособным к стойким боевым действиям в случае возможного сейчас натиска немцев. Необходимо прекратить аресты без достаточных оснований и участия судебных властей, ибо таковые аресты возбуждают страсти и дают повод к тяжким эксцессам. Прошу верить, что никакие контрреволюционные попытки правительством допущены не будут, но не могут быть допущены и эксцессы явно ведущие дело защиты Родины к развалу и, следовательно, на пользу на-

шего врага. Контр-адмирал Вердеревский".⁶⁷⁴ Перед таким вниманием Революционный комитет устоять не мог и принял постановление об отмене взятия расписок. Тем более что на большинстве кораблей команды подобную меру уже провели.⁶⁷⁵

3 сентября убитых офицеров отпели в Казанском соборе Гельсингфорса и похоронили. На похоронах, по сообщениям И.И. Ренгартена и Г.К. Графа, присутствовало около 300 чел. Были и офицеры.⁶⁷⁶ На остальных линкорах конец августа прошел спокойно. Лишь на "Полтаве" команда арестовала лейтенанта В.В. Чечета, не давшего расписки о неподчинении приказам Корнилова. Впоследствии он был доставлен в РК.⁶⁷⁷

Три последних дня августа из-за митингов, общих собраний команд являлись для матросов выходными.⁶⁷⁸ 1 сентября Временное правительство провозгласило Россию республикой, надеясь таким образом внести успокоение в общество. Однако на Балтийском флоте эффект получился прямо противоположный: политическая активность, направленная против правительства, только возросла. 2 и 3 сентября, экипажи дредноутов по инициативе опять-таки "Петропавловска" держали поднятыми боевые красные флаги.⁶⁷⁹ Б.И. Колоницкий, однако, полагает, что были подняты перевернутые контр-адмиралские флаги с красной полосой сверху.⁶⁸⁰ Если это так, то экипажи повторили практику, имевшую место ещё 18 июня, в день антивоенной демонстрации в Гельсингфорсе.

Поводом для недовольства в сентябре послужило отсутствие в названии слова "демократическая". Хотя в действительности основными причинами являлись неудовлетворенность мерами, предпринимаемыми правительством и стремление показать собственную значимость, что подтвердил в своих воспоминаниях Д.И. Иванов.⁶⁸¹ Подняли флаги и другие корабли Гельсингфорсской морской базы. Спущены они были по решению ЦКБФ 8 сентября.⁶⁸² За этот временной отрезок на "Гангуте" общие собрания команды прошли 4, 5 и 6 сентября. Работ никаких не производилось.⁶⁸³ Возможно, что собрания состоялись бы 7 и 8 сентября, если бы не угольная погрузка и принятие воды. На "Севастополе" общие собрания проводились 6 и 8 сентября, следствием чего являлось отсутствие хозяйственных занятий во второй половине дня 6 сентября и полностью — 8-го.⁶⁸⁴

Помимо уже названных, сборы команды на "Севастополе" состоялись 12, по два раза в день — 15 и 29 сентября. Посвящались они различным текущим хозяйственным делам, вроде обсуждения решений судового комитета или вопроса о жаловании, и политическим воп-

росам. Собрания от 20 и 22 сентября посвящались перевыборам в судовой комитет и результатам голосования с объявлением нового состава матросских делегатов.⁶⁸⁵

На "Гангуте" общие собрания состоялись 14, 20, 21 сентября. Первое также было посвящено вопросу о жаловании, два других – перевыборам в судовой комитет. В результате 14 сентября судовых занятий и работ не производилось вообще, а 20 и 21 – во второй половине дня.⁶⁸⁶

В описываемый период вопрос о содержании экипажей стал играть более значительную роль, чем прежде. Ранее требования об увеличении отпуска средств на выплаты командирам исходили от отдельных кораблей, как весной, или соединений, принадлежавших к одному флоту, как это было во время прихода дредноутов в Ревель во второй половине июля. В сентябре резолюции линкоров 1-й бригады, направленные в ЦКБФ, получили мощную поддержку от кораблей Черноморского флота. Положительный ответ команд дредноутов "Воля", "Свободная Россия" и крейсера "Прут" на резолюции "Севастополя", "Гангута" и "Полтавы" от 12 и 14 сентября последовал 27 сентября. Линкоры "Георгий Победоносец" и "Борец за свободу" поддержали 28 сентября, линейный корабль "Евстафий" и крейсер "Память Меркурия" – 29 сентября, линкор "Три Святителя" и крейсер "Очаков" – 30 сентября.⁶⁸⁷ К этому требованию нередко добавлялись и другие. Так, экипаж "Евстафия" требовал еще и увольнения духовенства из Морского ведомства. Команда "Памяти Меркурия" – "конфискации духовных и монастырских богатств".⁶⁸⁸

24 сентября корабли 1-й бригады посетила лидер левых эсеров М.А. Спиридонова. На всех кораблях она выступала с призывами "поддержать революционную демократию и не дать её задуть, осуществлять революционный контроль".⁶⁸⁹ Г.К. Граф, на наш взгляд, довольно верно интерпретировал ее слова для сознания нижних чинов, как "не верьте вашим офицерам, следите за ними, и если заметите что-нибудь, уничтожайте их".⁶⁹⁰

С обострением ситуации в районе Рижского залива и архипелага Моонзундских остров 1-я бригада линейных кораблей была приведена в состояние повышенной боеготовности. Как сообщал 12 сентября 1917 г. в разговоре по аппарату Юза начальник штаба командующего флотом, контр-адмирал М.Б. Черкасский начальнику военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного флота капитану I ранга В. М. Альфатеру: "Брилин I [1-я бригада линейных кораблей – Д.Б.] имеет горячие турбины".⁶⁹¹ 30 сентября из-за начала немецкой операции "Альбион" дредноуты привели в состояние 2-часовой готовности, все увольнения на берег запрещались.⁶⁹²

Так как немецкие части при поддержке кораблей Hochseeflotte успешно развивали наступление на острове Эзель (Сааремаа) в направлении батареи на мысе Церель (Сязре) и Орисарской дамбы, соединявшей Эзель и остров Моон (Муху), что грозило потерей Рижского залива, русское командование, по-видимому, решило произвести вспомогательный удар силами дредноутов. 5 октября контр-адмирал С.В. Зарубаев получил приказ

Линейный корабль "Петропавловск". 1917 г.
Адмирал М.К. Бахирев убывает с корабля. (Фото С.П. Славинского)

вывести бригаду в Поркалаудд для практического маневрирования.⁶⁹³ Понимали это и команды, которые на собраниях, прошедших на "Севастополе" 3-го, а на "Гангуте" – 4 сентября, после докладов "о боевых действиях флота" принимали резолюции с требованием скорейшего прекращения войны.⁶⁹⁴ На "Гангуте" успевали митинговать даже после выхода на внешний рейд 5 октября.⁶⁹⁵ И.И. Ренгартен оставил в своем дневнике 10 октября такое замечание о поведении экипажа "Петропавловска": "На "Петропавловске" военное воодушевление сказалось в том, что при выходе в море команда разобрала спасательные пояса и противопогазы... словом проявила массу внимания к вопросу о сохранности своей драгоценной жизни".⁶⁹⁶ На основании этих фактов, мы можем утверждать, что матросы бригады к активным боевым действиям, случись таковые, готовы были недостаточно.

Впрочем, даже эти усилия не понадобились, поскольку к 6 октября все было окончено: русские гарнизоны на островах либо перебиты, либо вытеснены, русские морские силы обороны Рижского залива ушли, потеряв линейный корабль "Славу" и эскадренный миноносец "Гром". Немецкие части полностью заняли острова Эзель, Моон и Даго (Хийумаа). 12 октября 1-я бригада за исключением "Петропавловска", севшего на мель, вернулась в Гельсингфорс.⁶⁹⁷ Уже 13 октября во второй половине дня все судовые работы были отложены: проводились общие собрания команд. Основным вопросом являлся выбор кандидатов в Учредительное собрание.⁶⁹⁸ 16 октября в первой половине и 17 октября весь день команда "Гангута" обсуждала возможность создания на корабле формирования боевого отряда, который мог в случае надобности "выступить на защиту революции".⁶⁹⁹

Окончательно этот вопрос на дредноутах, по данным вахтенных журналов "Севастополя" и "Гангута", решился в положительном смысле 19 октября после принятия 17 октября резолюции ЦКБФ.⁷⁰⁰ Также общее собрание проводилось на "Гангуте" 20 октября. На нем обсуждались политические вопросы. Никаких работ не производилось и 24 октября, когда ожидали сообщений из Петрограда.⁷⁰¹ Ночью же с 24 на 25 октября сформировали отряды, которые отправились в 3 ч. ночи 25 октября. От каждого дредноута, по сведениям Д.И. Ивано-

ва, отправилось по 150 чел., причем много среди них было и членов судовых комитетов.⁷⁰² Поэтому и 25-го ничего не делалось. Командный состав сделать в такой ситуации ничего не мог, да, видимо, и не пытался.

Так как на лето приходилось самая напряженная часть боевой кампании, то командование именно в это время стремилось максимально улучшить качество боевой подготовки команд кораблей. Поэтому в летние месяцы резко увеличилось количество проводимых учений, стрельб. В итоге возрастало число дней, когда экипажи частично, либо полностью, не производили никаких судовых работ. Новым стало то, что в летние месяцы экипажи, в случае проведения учений, не занимались более ничем как минимум половины дня. В первые послереволюционные месяцы были исключения (особенно на "Полтаве").

Первые учебные боевые тревоги проводились в период с 6 по 8 июня. 6-го отражение атаки проходило на линейном корабле "Севастополь", на другой день – на "Полтаве", 8 июня – на "Гангуте". 7-го также "Гангут" выходил на стрельбы на внешний рейд. По погодным условиям, однако, они не состоялись. В эти же дни проходили тренировочные работы для водолазных команд, результаты и, особенно, организация которых были признаны неудовлетворительными.⁷⁰³ Намеченные на середину месяца мероприятия были частично сорваны. Основная причина – митинги о выборах нового начальника бригады. Поэтому, боевые тревоги удалось провести лишь на "Севастополе" (14 июня) и на "Полтаве" (16 июня).⁷⁰⁴

Третий этап подготовки начался 20 июня, когда бригада в полном составе вышла в море для практического маневрирования.⁷⁰⁵ Намеченные на другой день учения пришлось отложить по причине ультиматума "Петропавловска" Временному правительству. Отражение минных атак и стрельбы прошли 22-го. 26-го тем же занимались только "Петропавловск" и "Севастополь" из-за плохих показателей.⁷⁰⁶ В июле боевые тревоги игрались на дредноутах 3-го, 10-го, и 12-го.⁷⁰⁷ На "Петропавловске" из-за митингов учения 12-го июля не проводились. 13-го июля вся бригада ушла в Ревель. Этот визит был предпринят, по нашему мнению, с целью улучшить подготовку экипажа. Определенных успехов достичь удалось. На "Петропавловске", "Севастополе", "Полтаве", "Гангуте" учебные боевые тревоги прошли 17-го, 21-го, 25-го, 28-го и 31-го (на "Петропавловске" еще и 14-го), то есть больше, чем за весь июнь!⁷⁰⁸ 26 июля вся 1-я бригада линейных кораблей занималась практическим маневрированием в море. 31-го кроме боевой тревоги экипажи тренировались в отражении минных атак, причем "команды достигли в этом определенных успехов".⁷⁰⁹ После возвращения 1 августа в Гельсингфорс экипажи некоторое время не занимались боевой подготовкой. Первые тревоги прошли 4 августа. 8-го они повторились.⁷¹⁰ 14 августа корабли выходили на практические стрельбы, после чего команды получили сутки отдыха, чтобы 17 и 18 августа провести маневрирование и эволюции в открытом море.⁷¹¹ Вернулись дредноуты на внутренний рейд 20-го. Через 5 дней их вновь ожидала боевая тревога.⁷¹²

Несмотря на слишком запоздавшее решение о приведении дредноутов в боевую готовность в связи с угрозой падения Моонзунда, линкоры бригады, стоявшие в

Поркалаудде, 6 октября провели артиллерийские стрельбы, а 10-го начали практическое маневрирование.⁷¹³ 11 октября маневрирование возобновилось. Однако не прошло и получаса, как "Петропавловск", совершая разворот возле небольшого островка Редакон, из-за ошибки рулевого, вылетел носовой частью на каменную отмель. Так началась эпопея со снятием "Петропавловска", длившаяся 13 дней. Контр-адмирал С.В. Зарубаев получил приказание пытаться снять линкор собственными силами, если не получится, то держать три оставшихся корабля поблизости: опасались продвижения германского флота от Рижского залива и Моонзунда к берегам Финляндии.⁷¹⁴ Снять линкор своими силами не удалось, и 12 октября 1-я бригада вернулась в Гельсингфорс.⁷¹⁵

В тот же день С.В. Зарубаев доложил командующему флотом контр-адмиралу А.В. Развозову: "«Петропавловск» сидит только носом. По обмеру наименьшая глубина 4 сажени [около 8,4 метра, нормальная осадка линкора "Севастополь" – 8,5 метров – Д.Б.] у 12 шпангута. Под кормой чисто. Перегружены снаряды в корму, затопил кормовой отсек. Обе машины работают назад. Необходимы сильные буксиры, баржи для разгрузки и водолазы для ремонта подводной части".⁷¹⁶ Немедленно в район аварии командующий отправил все буксиры, водолазную партию. Однако изменить что-либо не удалось. Тогда на помощь в качестве буксира отправили линейный корабль "Андрей Первозванный". После очередной неудачи 19 октября А.В. Развозов доложил морскому министру контр-адмиралу Д.Н. Вердеревскому: "Положение "Петропавловска" без перемен. Что можно разгружено, будем подводить воздушные мешки под нос. Для буксировки стоят "Андрей Первозванный" и все буксиры. При полной воде есть надежда снять. Ждем зюйд-веста".⁷¹⁷

Ситуация, тем не менее, не улучшалась. 21 октября помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом капитан II ранга М.А. Петров в разговоре по аппарату Юза с начальником минной дивизии контр-адмиралом Г.К. Старком, так охарактеризовал положение: "Петропавловск" сидит у Редакона на мели, снять до сих пор не могут".⁷¹⁸ Сделать это удалось лишь 23 октября. За героизм, проявленный при этом, все водолазы получили Георгиевские кресты. Это, вероятно, один из последних случаев награждения на Балтике! В эту группу вошли и 3 человека с "Петропавловска": водолазный старшина П.А. Наливайко, водолазы В.Ф. Девятков и В.А. Горбачевский.⁷¹⁹

Интересна реакция бригадного комитета на события. 18 октября на заседании была принята следующая резолюция: "Выбрать из среды двух членов и послать их Центр-Балт [так в тексте – Д.Б.] и в штаб командующего с строгим требованием о немедленном снятии с камня линейного корабля "Петропавловск"."⁷²⁰ На наш взгляд, такая резолюция свидетельствует лишь о незнании реальной обстановки и желании продемонстрировать лишь собственное значение этого "учреждения".

После возвращения в Гельсингфорс на трех остальных кораблях бригады 13, 20 и 24 октября вновь прошли учебные отражения боевых тревог.⁷²¹ Вследствие чего, первую половину дня судовые работы не проводились. Но в это время базовая подготовка отошла на задний план.

Увеличилось число случаев, когда причину невыполнения работ установить не удалось. Так, в июне из-за неизвестных обстоятельств, команда линейного корабля “Петропавловск” ничем не занималась в первую половину дня 8-го и 28-го.⁷²² Севастопольцы также по невыясненным причинам проводили судовые и хозяйственные работы лишь до обеда 7-го и только после – 1-го, 27-го, 29-го.⁷²³ На “Гангуте” аналогичный случай имел место 29-го, причем там вообще весь день был выходным.⁷²⁴ Более всего таких дней зафиксировано на “Полтаве”: 12-го, 14-го, 15-го и 21-го экипаж работал лишь в дообеденное время.⁷²⁵ К этому нужно добавить, что последняя запись в вахтенном журнале “Полтавы” датируется 24 июня, а за более поздний срок журналы не обнаружены. В июле на “Севастополе” то же случалось 4-го и 11-го.⁷²⁶ Наконец, за неполный август подобные необоснованные потери рабочего времени отмечены на “Петропавловске” частично 3-го, 10-го, 21-го, а 24-го – полностью, а на “Севастополе” – частично 22-го.⁷²⁷ Подобные происшествия могли быть вызваны, на наш взгляд, либо более небрежным отношением к службе со стороны офицеров, ведших журналы, либо действительно полным отсутствием объективных причин, лишь желаниями команд. Возможно, впрочем, что имело место и то и другое.

§2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВЫХ КОМИТЕТОВ

На кораблях, стоявших в Гельсингфорсе, ещё в ночь с 3 на 4 марта 1917 г. были созданы выборные органы управления, в функции которых входило решение вопросов хозяйственной жизни кораблей, отношений матросов и офицеров, дисциплины, сохранения казённого имущества и др. Речь идёт о судовых комитетах. Были они созданы и на дредноутах. Первым стал “Гангут”, где выборы состоялись ещё вечером 3 марта, ночью же комитеты появились и на трёх других кораблях.⁷²⁸ Избирались они следующим образом: от каждой роты выбиралось по одному человеку, офицеры корабля имели право выдвинуть одного своего депутата. Затем депутаты, в свою очередь, выдвигали кандидатуры председателя и секретаря. Их должен был утвердить командир корабля.⁷²⁹

На первом заседании Соединённого комитета 2-й бригады линейных кораблей, проходившем 14 марта, был принят несколько другой порядок выборов в комитеты: каждую роту представляли теперь не один, а два человека, выборный от офицеров оставался один. На флагманских кораблях ещё один депутат выдвигался от штаба соединения. Члены комитета выбирались отныне сроком на два месяца, в случае же недовольства действиями своего депутата рота могла его переизбрать, но не ранее чем через месяц. Отказаться от своего избрания мог лишь тот, кто пробыл членом комитета 6 месяцев

“Петропавловск” во льдах Гельсингфорса. 1915-1916 гг.
(Фото С.П. Славинского)

без перерыва, т.е. тот, кто проходил выборы три раза подряд.⁷³⁰ В состав комитета входили следующие комиссии: следственная, продовольственная, библиотечная, просветительная и судовая лавка.⁷³¹ По этому принципу были переизбраны и судовые комитеты на линкорах 1-й бригады.

Определялось разграничение сфер деятельности командиров кораблей и судовых комитетов. Первые должны были осуществлять командование в боевой ситуации, следить за обучением специалистов, судовым расписанием и расписанием учебных тревог, всеми средствами связи. Также они представляли к поощрениям и наградам, устанавливали количество личного состава, нужное для выполнения судовых работ, и сроки увольнения на берег, следили за регистрацией всех съехавших на берег, назначали сроки выполнения внеочередных работ. В сферу деятельности комитетов входили: “распорядительные функции по кормлению, по здравоохранению, просвещению и политическому образованию команды, наблюдение за добросовестным исполнением каждым своих обязанностей на корабле, поддержание строгой дисциплины и пресечение её нарушений, наблюдение за благопристойным поведением и нетчиками и наказание проступков такого рода, ведение очереди едущих в отпуск и съезжающих на берег, распределение служебных льгот, предоставляемых всему личному составу, вынесение примирительных решений в случае возникновения каких-либо недоразумений, приём и разбор всякого рода жалоб, производство дознаний по ним и отмена взысканий, наложенных командиром, устройство культурного досуга, контроль ведения хозяйства”.⁷³²

Таким образом, комитеты получали достаточно широкие полномочия помимо хозяйственной области и там, где ранее распоряжались офицеры. Это вело к подрыву дисциплины, за которую и были призваны бороться комитеты. Нижний чин мог рассчитывать на менее

суровый приговор за проступок, совершённый в отношении офицера или кондуктора, чем ранее, когда его судили бы корабельным судом. Матрос имел право обжаловать через судовой комитет скромный перечень наказаний, оставшихся в арсенале офицеров и командира. Например, объявление выговора (командирского в приказе, офицерского – на словах) и присмотр за провинившимся (даже не заключение его под стражу) на срок не более одного дня.⁷³³ Подобное изъятие части офицерских функций не могло не привести впоследствии к трениям между комитетами и офицерами, чувствовавшими себя ущемлёнными.

Сфера совместной деятельности судовых комитетов и командного состава была узка. Она включала в себя несколько элементов. К ним относились проверка выполнения судовых работ, разводка фронта (её отныне надлежало производить старшему офицеру и боцману в присутствии члена комитета, т. е. и в этой сфере устанавливался своего рода контроль судового комитета за деятельностью судовых начальников). Ещё одним путем взаимодействия являлось установление процентных норм людей из экипажа, которые могли быть уволены в краткосрочный отпуск до 2 недель. Наконец, «обслуживание корабля на якоре».⁷³⁴ Данный пункт представляется весьма неопределённым. Возможно, он призван был декларировать формальное равенство двух властей в обычной корабельной жизни и подразумевал их взаимоконтроль. Столь подробная регламентация заставляет усомниться в справедливости утверждения С.С. Хесина, что «в первые недели революции комитеты не имели ни единой структуры, ни четко очерченного круга своих прав и функций».⁷³⁵

Летом 1917 г. на дредноутах началась активная структурная перестройка комитетов. В конце июня обсуждалась проблема о создании особой Провизионной комиссии. 24 июня решение было принято судовым комитетом «Севастополя».⁷³⁶ В последних числах они появились и на других кораблях. По проекту в неё вошли 3 чел.: офицер и два нижних чина. Особо оговаривалось, что в комиссию не должны включаться члены продовольствен-

ной комиссии судового комитета, содержатели или их помощники и ревизор корабля. Основными задачами этого органа были проверка отчетности по провизии, всей судовой отчетности, правильности регистрации и выдачи команде полагававшихся денежных сумм. Свои замечания провизионная комиссия представляла в письменном виде в двух экземплярах: общему собранию судового комитета и командиру.⁷³⁷ Из этого мы можем сделать вывод, что путем создания новой комиссии судовые комитеты ставили под свой контроль денежную отчетность не только нижних чинов, но даже и офицеров, на что до этого они не претендовали и права не имели.

К концу августа 1917 г. произошла новая реорганизация судовых комитетов на линейных кораблях 1-й бригады. Комитет делился на 3 секции: юридическую, учетную, внутреннего распорядка. Старые комиссии сохранялись. Наибольшее число депутатов входило в юридическую секцию — 19 чел., затем шла секция внутреннего распорядка — 5 чел. и учетная секция — 4 чел. Делегаты, никуда не вошедшие, а также кандидаты могли участвовать в заседаниях любой секции с правом совещательного голоса.⁷³⁸ Общие заседания комитета в полном составе предполагалось проводить отныне по понедельникам и четвергам, а секции и комиссии должны были работать все остальные дни. Таким образом, налицо тенденции к усложнению структуры комитета, его бюрократизации как с положительной (рассмотрение дела в той комиссии или секции, которая этой областью только и занималась), так и с отрицательной стороны (затягивание решений по вопросам до общего собрания комитета). В то же время чувствуется стремление комитетов походить на другие выборные учреждения, в первую очередь на Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих.

В течение весны – лета 1917 г. комитеты дважды переизбирались. Выборы прошли 18 апреля и 21 июня. При этом схема выборов несколько изменилась. В апреле избиралось по 2 депутата с правом решающего голоса от каждой роты, а также по 1 кандидату, участвовавшему в заседаниях, но владевшему лишь совещательным голосом. В июне наиболее количественно значительные роты выдвигали 3 делегата. К тому же кандидатов стали избирать столько же, сколько и депутатов. За счет этого численность судовых комитетов линкоров бригады выросла. Так, на «Севастополе» судовой комитет II созыва насчитывал 25 чел., III (июньского) — 42 чел.⁷³⁹ Офицеры больше в состав судовых комитетов не входили. Выборы проводились лишь среди нижних чинов, об участии же представителей командного состава в деятельности комитетов дредноутов данных не обнаружено. Возможно, что подобная ситуация могла возникнуть из-за возрастания недоверия к большей части офицерства и восприятие его как своего противника.

Отметим и такое явление, как выборы одних и тех же делегатов дважды. Это было нарушением положения о комитетах, принятого еще в середине марта на заседаниях Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей и подтвержденного впоследствии Центральным Комитетом Балтийского флота. На «Севастополе» 5 человек были избраны повторно: матросы I статьи А. Гаврон, Г. Бобров, М. Жуков, гальванер П. Перепел-

Распределение жалованья среди матросов (проект ЦКБФ)¹

Звание	Жалование (руб.)
Боцман, фельдшер, старшие кочегары	50
Старшие машинисты, мотористы	47
Старшие минные электрики, артиллеристы, баталеры, писари, сигнальщики, рулевые, водолазы, санитары, телеграфисты	45
Старшие музыканты, марсовые	40
Младшие кочегары	45
Младшие машинисты, трюмные мотористы	42
Младшие минеры, электрики, комендоры, телеграфисты, писари, сигнальщики, рулевые, водолазы, санитары	40
Стрелковые старшины	38
Хлебопеки, коки, маляры	36
Марсовые, плотники, музыканты, парусники, горнисты	35
Матросы I, II статьи	32

¹ ГАВМФ. Ф. р-95. Оп.1. Д.16. Л.23.

кин и марсовый П. Данилов. 2 человека – матрос I статьи А. Абачин и электрик Н. Манчак – стали делегатами в третий раз. Кроме того, матросов А. Зубкова и Е. Дмитриева, бывших членов комитета апрельского созыва, экипаж избрал кандидатами в июне.⁷⁴⁰ Иначе говоря, в составе команд появились своего рода “профессиональные” депутаты, которые были способны что-то решать, но не исполняли своих служебных обязанностей в полном объеме.

Осенью комитеты претерпели незначительные изменения. После перевыборов, состоявшихся 21 сентября, в них стало не 3, а 4 секции. К уже имевшимся юридической, учетной и секции внутреннего распорядка добавилась еще секция труда, вероятно, по аналогии с Советами. Кроме того, товарищей председателя стало двое, а не один, что похоже на ситуацию в Гельсингфорском Совете.⁷⁴¹ По-прежнему в судовой комитет от команды избирался 21 делегат с правом решающего голоса и столько же кандидатов – с правом совещательного. На “Севастополе” 1 делегат, матрос I статьи В. Котакос стал им повторно, двое: унтер-офицер С. Товпеко и матрос I статьи М. Полуянов избирались так же во второй раз, но с перерывом – они были членами комитета с 18 апреля по 28 июня. Еще трое являлись до этого кандидатами (матросы I статьи П. Казачков, И. Кривошеин и К. Половин). Председателем судовой организации “Севастополя” стал уже третий раз избранный П. Перепелкин. Среди кандидатов четверо (унтер-офицер Е. Жеребцов, матросы I статьи И. Яшкин, Г. Антуфьев и В. Родионов) становились ими во второй раз подряд и двое (унтер-офицер С. Ручкин и матрос I статьи М. Жуков) являлись до этого судовыми делегатами. Жуков – 3 раза.⁷⁴² Иначе говоря, из 42 членов судового комитета 13 выполняли схожие функции ранее. Это составляет примерно 31 %, что, на наш взгляд, подтверждает вывод о появлении и даже расширении (на предыдущих выборах число участвовавших до этого в деятельности комитета составило 21,4 %) категории, обозначенной нами как “управленцы”.⁷⁴³

В течение марта и судовые комитеты, и корабельное начальство, пытаясь укрепить пошатнувшуюся дисциплину, работали ещё в тесном сотрудничестве. Примером могут служить как постановления судовых комитетов, так и приказы командиров кораблей 1-й бригады. Так, на одном из первых заседаний судового комитета линейного корабля “Петропавловск” была принята такая резолюция: “Комитет призывает граждан матросов строго и неукоснительно исполнять обязанности и приказания по службе на благо Свободной Великой России и надеется, что этот призыв будет услышан, и каждый товарищ исполнит свой гражданский долг для сохранения корабля нужного для мощи родины... Нужно уяснить себе это, товарищи, и на службе быть матросом, а на берегу – свободным гражданином”⁷⁴⁴. Двумя днями позднее, 10 марта, выходит приказ №105 командира “Севастополя” капитана I ранга П.П. Владиславлева: “...Предлагаю: офицерам, кондукторам, унтер-офицерам и матросам вступить в полное и ответственное исполнение своих обязанностей как техническом, так и распорядительном отношении.

Надо ожидать, что в виду коренным образом изменившихся внеслужебных взаимоотношений личного со-

става, ещё будут случаться некоторые недоразумения и в служебной обстановке... все такие недоразумения предлагаю выяснить по принятому уже порядку на общем совещании судовых делегатов с последующим докладом мне.

Что же касается случаев, нарушающих основные нерушимые требования военно-морской службы и гражданской свободы, к каковым относятся проступки, угрожающие целостности корабля, неисправное несение караульной службы, кража корабельного имущества, порча судовых механизмов, оскорбление действием офицера, кондуктора или матроса, оскорбления, носящие демонстративный характер, неповиновение, уклонение от служебных обязанностей, то об этих случаях надлежит доносить мне рапортами или докладными записками через надлежащее начальство”.⁷⁴⁵

Представляется, что не последнюю роль в таком сотрудничестве сыграла беспартийность подавляющего большинства членов судовых комитетов.

14 марта была провозглашена амнистия солдатам и морякам, арестованным по каким-либо политическим делам. Кроме того, им предоставлялась возможность вернуться к месту службы. Это имело прямым следствием возврат на линейные корабли 1-й бригады, в частности, многих матросов, которые принимали участие в разного рода волнениях или были арестованы по делу Главного судового коллектива РСДРП. На линкор “Гангут”, к примеру, приказом командующего флотом №52 от 20 марта 1917 г. разрешено вернуться матросам А. Черномызову, Г. Ваганову, Ф. Яцкевичу, И. Андрианову, И. Привалову, В. Госникову, Т. Попову.⁷⁴⁶ Из них первые шестеро были осуждены за беспорядки в октябре 1915 г., а последний – списан за “неблагонадежность”, т.к. обвинялся в согласии на распространение агитации от имени Главного судового коллектива РСДРП. Полагаем, что не случайно вскоре после этого под давлением экипажа судовой комитет начал расследование о вине офицеров в событиях 1915 г.

В итоге депутаты выдвинули требование списания с корабля шести офицеров, наиболее, по мнению комитета, виновных. Это старший лейтенант А.И. Королёв, лейтенанты Н.Ф. Прохоров, А.Г. Хрептович, А.А. Сурандер, В.Е. Бурачек и И.В. Дитерихс. На каждого из них было составлено небольшое досье, главными пунктами которого являлись отношение к событиям февраля и взаимоотношения с экипажем. На основе этих досье и предлагалась форма наказания: Королёва рекомендовалось посадить в тюрьму, остальных – отправить в действующую армию.⁷⁴⁷ С подобным решением комитета капитан I ранга П.П. Палецкий не мог согласиться, и дело отправилось в штаб бригады, оттуда – в штаб флота, затем ходатайство о пересмотре дела было передано в Исполком Гельсингфорского Совета, где его отклонили.

Подобные “чистки” инициировались и на других кораблях бригады. Пострадали те, кто проявлял до революции строгость и требовательность, или пытался противодействовать беспорядкам. На “Полтаве” команда требовала списания тех офицеров, что в кровавую ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. В конечном счете, как и в случае с “Гангутом”, командир “Полтавы” капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Купание команды. (Фото С.П. Славинского)

был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: "Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта".⁷⁴⁸

Подобная участь постигала и унтер-офицеров, и даже матросов. 9 апреля "по желанию судового комитета" с "Полтавы" был отчислен сверхсрочнослужащий боцманмат С.А. Мартынюк, а 15-го – якобы за сотрудничество с "охранкой" на "Севастополе" были арестованы и отправлены в Секцию охраны народной свободы Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта строевой боцманмат М. Козлов и моторист Я. Афанасьев.⁷⁴⁹

Решениями комитетов началось отстранение от управления кондукторов и фельдфебелей рот. На линкоре "Севастополь" в марте по требованию судового комитета фельдфебелем 1-й роты вместо боцманмата И. Сухоногого был назначен унтер-офицер Т. Дрячин, 2-й роты – вместо унтер-офицера В. Потапенко – унтер-офицер И. Ковалёв, 4-й роты – вместо боцманмата М. Козлова – унтер-офицер И. Лихач. То, что эти действия шли вразрез с желаниями командира, косвенно подтверждает и объявленная смещённым в приказе благодарность.⁷⁵⁰ С "Гангута" были уволены старший электрик В.К. Солодянкин, марсовый старослужащий Н.В. Баранчуков, кочегарные унтер-офицеры I статьи Я.Д. Дорогинский, Н.Т. Понурин и В.А. Растворов, кочегары I статьи В.Г. Памин и А.А. Ткаченко, кочегар I статьи Ф.В. Зиновьев, строевой боцманмат Г.Д. Папонов. 2 мая на линкоре "Полтава" исполняющим обязанности фельдфебеля 1-й роты был назначен матрос I статьи П. Фимушкин.⁷⁵¹

Однако, даже при наличии ярко выраженной политической подоплеки в ряде случаев, заботились комитеты и об увольнении с дредноутов бригады тех, кто подозревался в халатном отношении к возложенным на них

обязанностям. На "Гангуте" двоих подобная участь постигла за рукоприкладство – сигнального боцманмата Л.В. Николенко и писаря I статьи С.А. Малышева.⁷⁵² Зачастую командование линейных кораблей проявляло полную солидарность с мнением членов судового комитета. Командир "Гангута" капитан I ранга П.П. Палецкий поручил старшему штурману лейтенанту В.П. Дону провести расследование подлинности фактов, в которых обвинялся упомянутый выше Л.В. Николенко. Когда же всё это подтвердилось, то в штаб бригады были отправлены рапорты В.П. Дона и самого П.П. Палецкого, в котором он сообщал следующее: "Предоставляя под-

линный рапорт лейтенанта Дона доношу, что сведения о боцманмате Николине были сообщены в судовой комитет для всестороннего освещения нравственной физиономии этого боцманмата, а также для того, чтобы знать мнение о нем всего корабля. Комитет пришел к тому же мнению, что и старший штурман. На основании вышеизложенного прошу ходатайствовать о недопущении сверхсрочнослужащего сигнального боцманмата Лаврентия Васильевича Николенко к кондукторскому экзамену, а также о списании его с исключением из списков вверенного мне линейного корабля".⁷⁵³

Боролся судовой комитет и за честь имени своего корабля, о чем свидетельствует тот факт, что на заседании 21 марта было решено обратиться на транспорт "Митаву" с требованием "принять решительные меры против боцманмата Ковальчука, носящего без всякого права на это ленточку "Севастополь" и занимающегося подозрительной деятельностью".⁷⁵⁴

Командование было вынуждено идти на уступки, иначе конфронтация неизбежно привела бы к полной потере ими управления. Действовало, на наш взгляд, нечто вроде джентльменского соглашения: офицеры не препятствовали "чистке", а взамен комитет, при возможности, поддерживал их при разборе спорных вопросов. Это получило наглядное подтверждение, когда 11 апреля матросы 6-й кочегарки на всё том же "Севастополе" приказали своему непосредственному начальнику унтер-офицеру И. Чиркову "уйти из кочегарки вон", так как он хотел "более равномерно распределить несение вахт". Об этом случае в рапорте на имя командира сообщил инженер-механик капитан II ранга И.П. Иерхо. Данный рапорт был направлен в судовой комитет с такой резолюцией командира линкора капитана I ранга В.П. Вилькена: "Предлагаю судовому комитету разобрать дело, наложить взыскания и объяснить кочегарам всю незаконность способа их действий".⁷⁵⁵ Это и было исполнено, кочегарам комитет объявил порицание и восстановил Чиркова в его правах.

Дополнительным фактором, способствовавшим налаживанию деловых отношений между представителями экипажей и командным составом, являлось включение в состав комитетов офицеров и исполнение ими ответственных должностей. Это стало возможно, как уже говорилось выше, с 14 марта 1917 г., когда на заседании Соединенного комитета 2-й бригады линкоров было постановлено выбирать в судовые комитеты и офицеров. По данным, имеющимся по составам корабельных организаций “Гангута” и “Севастополя” можно с уверенностью говорить о довольно значительном влиянии в этот период офицеров на дела. На “Гангуте”, к примеру, лейтенант Г.И. Комаров являлся товарищем председателя, а мичман А.В. Тарановский – секретарем судового комитета. На “Севастополе” капитан II ранга И.П. Иерхо на нескольких заседаниях исполнял обязанности председателя, а с 30 марта им стал инженер-механик мичман В.Н. Соколов.⁷⁵⁶ Подобным образом дела обстояли и на ряде других соединений. Об этом, например, упоминал С.Н. Тимирев применительно к 1-й бригаде крейсеров, базировавшейся в Ревеле. Аналогичную тенденцию в армейских полковых комитетах этого периода отметил и В.И. Миллер.⁷⁵⁷

Основным направлением деятельности судовых комитетов на 1-й бригаде линейных кораблей являлась хозяйственная сфера. Самым злободневным вопросом на это время следует, по нашему мнению, считать продовольственный. По данным В.В. Петраша, к февралю 1917 г., в связи с ростом цен и падением курса рубля, стоимость ежедневного питания матросов была установлена в 80 коп. – 1 руб. в день (в месяц соответственно 24-30 руб.).⁷⁵⁸ Такая сумма достаточной являться не могла. Поэтому судовые комитеты действовали в двух направлениях: с одной стороны устанавливали жесткий контроль над стоимостью, количеством и качеством провизии, с другой – старались изыскать дополнительные денежные суммы, которые матросы могли бы тратить на закупку съестных припасов. Меры в первом направлении успешно реализовывались благодаря полному переходу всего процесса в руки экипажа. Следила за этим специально создававшаяся продовольственная комиссия.

О роли, отводившейся этой комиссии, можно судить хотя бы по тому факту, что в комитете линейного корабля “Севастополь” II состава (18 апреля – 28 июня) из 25 человек в продовольственную комиссию входило 9, в комиссию “по проверке харчевых сумм” – 4 и в комиссию по проверке буфета – 3 человека⁷⁵⁹, т.е. более 50% от численности всего комитета. В случае необходимости закупки для нужд экипажа члены комиссии обращались к командиру корабля, а тот, в свою очередь, выписывал соответствующее удостоверение следующего типа: “Дано сие марсовому Володкину, вверенного мне корабля, на право покупки из Продовольственного склада четырех ящиков спичек. Капитан I ранга Палецкий”.⁷⁶⁰ Очень сурово комитет карал за попытки кражи продовольствия, как в случае с матросом “Севастополя” П. Гольбиковым.

Второе направление выражалось в учреждении строгой отчетности всех расходовавшихся сумм. Если расход признавался необоснованным, то комитет требовал возврата денег, которые заносились в так называемые

“экономические” или “харчевые” суммы. В качестве примера отношения к этому делу нам хотелось бы привести, несмотря на его объем, отчет комиссии судового комитета “Севастополя”: “Проверка денежной отчетности за март месяц ставит судовой комитет в известность о следующем:

1. По записи инженер-механика мичмана Войцкова от 22 марта сего года выдано командировочных по делам службы: унтер-офицеру Адамовичу 85 марок 60 пенни, унтер-офицеру Смирнову 21 марка 40 пенни; всего 107 марок – потребовать более подробного отчета, куда эти деньги расходовались.

2. Выдано заимообразно из экономических сумм и выдано в расход: матросу I статьи Петру Гаврикову 22 марки, машинисту I статьи Эйжену Бергу 50 марок – просить их внести обратно ревизору, и эти суммы по внесении должникам должны быть заприходованы в харчевые суммы.

3. Опротестовать целевой счет гальванера Кавешникова на сумму 30 рублей 40 копеек – необходимо заслушать его объяснения в судовом комитете.

4. Счет на 20 марок (фуражка для боцмана Манаева) – отнести на съестные суммы комитета комиссия категорически не нашла возможным. Эту сумму постановлено получить с боцмана Манаева или с того, кто ему разрешил покупать фуражку и записать на приход.

5. Выяснить в полном составе судового комитета, на какие средства должны приобретаться канцелярские принадлежности и медикаменты, т.к. отпускаемые из порта суммы на это уже израсходованы”.⁷⁶¹

И подобные, почти бухгалтерские, отчеты составлялись на всем протяжении этого периода.⁷⁶²

Проводились и обследования деятельности баталеров. Если возникало какое-либо сомнение, то судовой комитет мог поручить специальному уполномоченному лицу провести следствие. Комитет “Севастополя” 23 апреля дал задание электрику П.В. Гушину подробно изучить материальное положение бывшего старшего баталера корабля кондуктора И.И. Тютрюмова, причем 25-го был даже сделан запрос в Гельсингфорсское казначейство о счетах самого Тютрюмова, его жены и троих детей.⁷⁶³

Естественно, что скоро встал вопрос о том, как быть с экономическими суммами. Если ранее на эти деньги на бригаде покупались книги в матросскую библиотеку, инструменты для самодеятельности, киноаппараты для кинематографических сеансов, снаряжение для охотников и лыжников, то судовые комитеты настойчиво требовали выдачи сумм и дележа их между матросами. Ещё 12 марта в Исполнительный Комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от команды линейного корабля “Гангут” поступил запрос, что делать с экономическими суммами.⁷⁶⁴

30 марта в газете “Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта” был помещен ответ. Экономические суммы должны были расходоваться по усмотрению судовых комитетов. При этом, правда, высказывалось пожелание чтобы эти деньги были ими употреблены “на культурно-просветительские нужды своих команд и частей”.⁷⁶⁵ Денежные суммы действительно были розданы, о чем с возмущением писал в своем дневнике И.И. Ренгартен.⁷⁶⁶

Активно вносились средства на похороны “жертв революции” и семьям погибших на фронте. Этими сборами также ведали судовые комитеты. За первые полтора месяца после революции в фонд похорон судовыми комитетами было собрано 823 руб., 2849 марок, 11 офицерских орденов, 4 серебряных Георгиевских креста, 266 средних и 4 малых серебряных, 7 больших золотых медалей и 385 наградных знаков. Уже 13 марта по инициативе судового комитета линейного корабля “Севастополь” был создан фонд для помощи семьям погибших фронтовиков. Туда поступило 1416 руб., 165 марок, 3 офицерских ордена, 1 серебряный Георгиевский крест, 7 больших, 7 средних и 307 малых серебряных, 7 малых золотых, 163 бронзовых медалей, а также 1 нагрудный знак. Впрочем, с середины апреля сведения о пожертвованиях прекращаются.⁷⁶⁷

Параллельно судовыми комитетами поднимался и вопрос о матросской заработной плате. Одновременно с запросом об экономических суммах, 12 марта с “Гангута” в Исполнительном Комитете поинтересовались, в каком размере должна исчисляться оплата всех работ, проведенных на линкоре зимой вместо судоремонтников, и какое жалование будут получать матросы.

Исполнительный Комитет ответил, что неправомерно решать подобные вопросы и что они должны обсуждаться в морском министерстве и специальной комиссии. В начале работы этой комиссии, известной сначала как комиссия Н.В.Савича (с 14 мая её возглавил В.И. Лебедев), стало известно 11 марта.⁷⁶⁸ 18 апреля предварительный проект о матросском жаловании был разослан для ознакомления по флотам. Согласно ему, происходило деление на 3 разряда: обычные матросы, которым должны были платить в месяц 15 руб.; специалисты, оклад которых равнялся 25 руб.; старшие специалисты (бывшие унтер-офицеры), получавшие 50 руб.⁷⁶⁹ Судовые комитеты бригады одобрили этот проект, однако 28 апреля на заседании Центрального Комитета Балтийского флота было принято постановление, где говорилось, что матросское жалование должно составлять как минимум 45 руб. в месяц⁷⁷⁰, т.е. в 3 раза больше! Очевидно, что после этого проект комиссии Савича был отвергнут.⁷⁷¹ Пожалуй, именно этот вопрос спровоцировал первые серьезные трения на бригаде между командами и её начальником — адмиралом М.К. Бахиревым. При этом необходимо отметить, что комитеты в этой ситуации сохранили, по крайней мере, внешнюю лояльность к командованию. Все обсуждения проектов комиссии Савича-Лебедева судовые комитеты выносили на общее собрание команды, сами при этом не давая никаких оценок резолюциям, там выносившимся.

Это может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, строгим наказом Исполнительного Комитета Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих от 20 апреля, последовавшим на ряд резолюций комитетов политического характера (к примеру, резолюция и солидарность с протестом Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по поводу ареста русских эмигрантов в Галифаксе).⁷⁷² В частности, в этом наказе говорилось следующее: “Исполнительный Комитет считает крайне нежелательным одиночное выступление комитетов каких-либо частей войск... помимо Совета Депутатов и

Исполнительного Комитета”.⁷⁷³ Поэтому резолюции такого рода сопровождались таким предисловием: “Состав команды 1-й бригады линейных кораблей в числе 5 тысяч человек по инициативе линейного корабля “Гангут” через Совет рабочих и солдатских депутатов требует...”.⁷⁷⁴ Во-вторых, судовым комитетам незачем было лишиться раз портить отношения с командным составом, им было выгоднее работать с помощью со стороны офицеров и в сотруди́честве с ними.

28 марта на “Севастополе” начала функционировать комиссия по улучшению быта команды, составленная из офицеров и членов комитета. 9 апреля ею, в частности, были осмотрены матросские одеяла и негодные заменены.⁷⁷⁵ Подобная комиссия на “Гангуте” постановила 31 марта составить список сапожников от каждой роты с тем, чтобы экипажам могли сделать или отремонтировать сапоги по сходной цене.⁷⁷⁶ Аналогичным образом действовали на “Севастополе”. Действительно, корабельные сапожники работали по цене в 2-5 раз меньше, чем на берегу.

Позднее, летом, основные направления деятельности комитетов не изменились по сравнению с весной 1917 г. Наибольшее внимание уделялось вопросам поддержания дисциплины среди команд кораблей. Однако, спектр проступков, которые рассматривались судовыми делегатами, заметно расширился по сравнению с первыми послереволюционными месяцами. С июля частыми стали дела о плохом исполнении обязанностей дневальных. Так, 7 июня судовый комитет дредноута “Севастополь” назначил на 4 суток на тяжелые работы и объявил порицание матросу II статьи В. Ульянову за “сон и сидение на посту”.⁷⁷⁷ Через несколько дней рассматривался пришедший 9 июня циркуляр из штаба флота №754 о плохом дежурстве на берегу. Матросские делегаты с “Гангута” оставили на 2 недели без увольнений дежуривших в Гельсингфорсе 12 июня, так как они “позволили себе заходить в кофейни, не спросив у своего начальника”.⁷⁷⁸ На “Севастополе” 26 июня были наказаны недельным пребыванием на корабле матросы П. Кумец и И. Дуркин, позволившие себе курение в не предназначенном для этого месте.

В тот же день по поручению судового комитета приступили к изготовлению специальных табличек “регламентирующих, где можно курить и где нельзя”.⁷⁷⁹ 22 июля судовый комитет “Полтавы”, рассмотрев вопрос о “порче паровых труб, загрязнении умывальников и писсуаров”, постановил налагать на нарушителей дисциплинарное взыскание, назначая их на внеочередные работы. Делегаты запретили мыть в умывальниках швабры и баки, бросать туда окурки.⁷⁸⁰ Комитеты дредноутов начали борьбу с пьянством. При рассмотрении мер, которые надлежало принять, учитывались наличие отягчающих обстоятельств, а также условия, в которых задерживался виновный. В июле - августе комитетам пришлось рассматривать и несколько дел о воровстве, чего до этого практически не наблюдалось. 24 июля на “Петропавловске” были арестованы матросы С.П. Шакура, Д.И. Федоров и И.Н. Гаврилов. Обвинялись они в краже дамского ридикюля с деньгами в кафе госпожи Острем, принадлежавшего хозяйке. Во время обхода они, самовольно зайдя в кафе, улучили момент, когда госпожа Острем наклонилась за чем-то, схватили сумочку и скры-

лись.⁷⁸¹ Ситуация была настолько необычной, что члены судового комитета не вынесли определённого решения о характере наказания. Обвиняемые были отправлены в секцию Охраны Гельсингфорсского совета. 26 июля их дело рассматривал незадолго до этого возобновивший свою работу военноморской суд. Шакуру и Федорова приговорили к 1 году и 8 месяцам арестантских работ. Гаврилов был оправдан. Правда, и первые двое тоже были освобождены по амнистии от 17 марта 1917 г.⁷⁸²

3 августа из-за участвовавших краж “полтавцы” ввели запрет на вынос с кораблей любых вещей. Разрешение на уход можно было получить лишь в том случае, если желающий мог доказать, что данное имущество является его собственностью.⁷⁸³ Такая практика принесла свои плоды. 16 августа в том же суде рассматривалось дело кочегара с “Полтавы” А. Попсуева, а 11-го – матроса “Гангута” А. Умрихина. Оба обвинялись в очень схожих поступках: в кражах на своих кораблях обуви у сослуживцев. Попсуев украл у матроса 1 статьи Н. Лаптева ботинки, Умрихин – у сигнальщика Машкова – сапоги. Наказание им было установлено одинаковое: 6 месяцев тюремного заключения и оба они, как и в предыдущем случае, были сразу же амнистированы. Правда, судовые комитеты тут же послали в ИК Гельсингфорсского Совета ходатайства о списании их с кораблей. Исполком просьбы, поддержанные командирами, удовлетворил.⁷⁸⁴

Увеличилось количество дел о кражах на кораблях бригады продовольствия. 17 сентября были смещены с должности самоварщиков матросы “Севастополя” И. Ченцов и И. Чистоплюев. Основная причина – неоднократные хищения чая.⁷⁸⁵ 22-го комитет разбирал дело матроса П. Барановского, выдававшего из кладовой сахар члену комитета 1 созыва и депутату Гельсингфорсского Совета А. Барову. В результате Барановский был отстранен от должности кладовщика и посажен в карцер, а Баров – заплатил штраф.⁷⁸⁶ В тот же день комитет арестовал артельщиков 2-й и 3-й роты Белякова и Королева за воровство во время угольной погрузки куска мяса.⁷⁸⁷ Аналогичная история произошла и на “Полтаве”, где корабельный кок Вансеев попал в секцию Охраны народной свободы Гельсингфорсского Совета за кражу партии картофеля.⁷⁸⁸

Однако экипажи иногда не доводили кражи до разбирательств в судовых комитетах, предпочитая наказывать вора самостоятельно. Возможно, что они считали меры наказания, применявшиеся к данной категории преступлений, недостаточными по сравнению с дореволюционными. Зафиксирован случай, когда над вором был устроен самосуд. 29 августа к старшему врачу “Ган-

Линейный корабль “Полтава” на Гельсингфорском рейде

гута” С.В. Гуткевичу явился за помощью избитый кочегар В. Румянцев. В результате проведенного затем разбирательства выяснилось, что он пытался продать украденный у матроса Сулитина бушлат. Так как его давно подозревали, он был схвачен, избит и доставлен к члену судового комитета С. Андрееву. В ходе допроса В. Румянцев сознался, что эта кража у него пятая.⁷⁸⁹

Важной проблемой для комитетов была борьба с “нетчиками”. Этому вопросу посвящались два заседания севастопольских делегатов, 19 и 21 августа. При рассмотрении мер, которые надлежало к ним принять, учитывались количество опозданий, наличие отягчающих обстоятельств. Так, матросам А. Морозову и П. Титову за отсутствие на борту в положенный срок в первый раз было увеличено на 6 суток число вахт в кочегарке, а Морозов за продажу подметок “заработал” порицание и лишился на 10 дней увольнения в город. Матросы Ф. Стулов и И. Филатов, как попавшиеся вторично, остались без берега на 20 дней и заплатили штраф – по 20 финских марок каждый. Такие же меры наказания члены комитета назначили и матросам Козлову и Киктенко. Матроса же Мылова “за неоднократное опоздание и побег с корабля с 15 мая по 21 июня” постановили арестовать и отправить в секцию Охраны народной свободы.⁷⁹⁰ Однако делегаты не всегда были беспристрастны. 26 июля в судовой комитет поступила жалоба командира корабля капитана 1 ранга В.П. Вилькена на отсутствие в срок на борту членов комитета машиниста 1 статьи Э.А. Берга и матроса 1 статьи А. Агапова. И что же? Большинством голосов судовая организация “Севастополя” приняла резолюцию о том, что “произошло досадное недоразумение” и оставила поступок абсолютно безнаказанным.⁷⁹¹

Осенью участилось наложение денежных штрафов. Так, комендор А. Завьялов с линейного корабля “Севастополь” за долги лишился оклада на 2 месяца. Комендор В. Кузнецов с того же корабля за опоздание из отпуска на 40 суток остался без жалования на 3 месяца, а гальванер А. Семенчук за опоздание на 15 суток – на 2 месяца.⁷⁹²

Однако в этот период команды получили возможность влиять на постановления о наказаниях. Согласно данным вахтенных журналов и протоколам заседаний комитетов с 29 июня раз в две недели на линкорах для “обсуждения общеполитических вопросов и текущих дел” проводились общие собрания.⁷⁹³ Вероятно, тем самым делегаты желали сохранить доверие экипажа. Но одновременно они в несколько утратили возможность правового поддержания порядка, поскольку общее собрание команды могло и не утвердить приговор. Так случилось 17 октября на “Севастополе”, когда матросы отказались признать вину кочегара Г. Касперовича, необоснованно обвинившего комендора И. Шнырика и мичмана В. Саковича в возгорании угля. Дело отправилось повторно в судовой комитет для пересмотра.⁷⁹⁴

Из бытовых вопросов основным по-прежнему являлось обеспечение питания. Еще в июле комитеты начали рассылать в различные губернии своих представителей, главной задачей которых было заключение договоров на поставку хлеба на дредноуты. Иногда для этих целей использовались матросы, посылавшиеся в качестве агитаторов. Так, 11 августа, судовой комитет “Петропавловска” поручил члену Всероссийского Крестьянского союза М. Самсонову, направленному в Рязанскую губернию, собрать сведения о ценах на мясо, рыбу, молоко, картофель. Их отсутствие ощущалось в Гельсингфорсе очень остро.⁷⁹⁵ 19 августа, по поручению депутатов “Полтавы”, согласно протоколу заседания, в разные города с этой же целью поехали 4 чел.⁷⁹⁶ С “Севастополя” в Воронежскую губернию 20 августа отправился матрос И.Ф. Лазуткин. Там он сумел закупить партию картофеля по 5 руб. за пуд и затем поехал в другие места, чтобы выяснить, где что можно купить дешевле.⁷⁹⁷ Еще один матрос с “Петропавловска”, П. Кожин, отправился по поручению своего комитета на Северную Двину и в Вологду с целью покупки дешевой рыбы для кораблей бригады.⁷⁹⁸ Комитет “Петропавловска” при этом поручил ему изучать возможности размещения продовольственных заказов в близлежащих губерниях.⁷⁹⁹ О важности проблемы свидетельствовало заседание от 28 августа на линейном корабле “Севастополь”.

В день, когда стало известно о выступлении Л.Г. Корнилова, прошло совещание представителей Гельсингфорсского Совета, ЦКБФ, Областного комитета, где принимались важные решения политического характера, судовой комитет сравнивал большую часть времени цены на картофель в Гельсингфорсе и в центральных губерниях. Лишь в самом конце заседания был заслушан доклад представителя эсеровской ячейки на корабле Ф. Вакса о положении в Петрограде. Члены комитета “приняли его к сведению” и постановили материалы доклада и вопрос о наказании офицеров-сторонников Л.Г. Корнилова (если они окажутся) отправить на рассмотрение в бригадный комитет.⁸⁰⁰ 1 сентября делегаты “Севастополя” М. Жуков, Е. Жеребцов и М. Солонко отправились в различные губернии “для закупки муки и картофеля”.⁸⁰¹ Посылая 6 сентября агитатором на Украину матроса I статьи И. Белоусова, комитет “Севастополя” дал ему полномочия вести переговоры для покупки хлеба для всей бригады. Тогда же было принято постановление: при посылке агитаторов в деревню тре-

бовать от них подробного отчета о сельском хозяйстве региона, куда они направлялись, и тамошних цен.⁸⁰²

3 сентября для более эффективной заготовки продуктов комитеты бригады реорганизовали продовольственные комиссии. Если раньше ее штат состоял из 2-х человек, то теперь их число увеличилось вдвое. Функции каждого члена продовольственной комиссии четко регламентировались: один должен был закупать продовольствие, двое – вести соответствующие записи расплачиваться. Четвертый являлся контролером над закупщиком.⁸⁰³ О трудностях, связанных с заготовкой продуктов, Д.И. Иванов, ставший в это время председателем продовольственной комиссии “Гангута”, вспоминал так: “... мне было поручено проверить продсклад [продовольственный склад – Д.Б.], кухню, учесть требования матросов об улучшении питания. Постоянного внимания требовал буфет.... Чуть ли не каждый день проходили короткие заседания судкома [судового комитета – Д.Б.] по проверке продделанного”.⁸⁰⁴

Большое внимание уделялось и изысканию денежных средств для закупки продуктов. Штрафы, взимавшиеся с провинившихся, шли именно на эти цели. Приходилось в поисках дополнительных доходов проявлять иногда и удивительную изобретательность. 30 сентября судовой комитет “Севастополя”, изучив вопрос об остающихся на камбузе помоях, постановил продавать их желающим “поскольку помои могут служить как удобрением, так и идти на корм домашнему скоту”.⁸⁰⁵ Деньги, вырученные от продажи, планировалось передать в продовольственную комиссию.

Помимо решения продовольственной проблемы, судовые комитеты заботились об обмундировании команд. Интересно при этом, что действовали они часто в духе взаимовыручки и взаимоподдержки. 3 августа судовая организация “Полтавы” решала проблему покупки сукна. В конечном счете, его приобрели в интендантской секции Центробалта.⁸⁰⁶ На заседании комитета “Севастополя” 17 сентября после сравнения цен на подошвенную кожу для обуви, депутаты постановили закупить партию на всю бригаду у Центрального Комитета Балтийского флота, продававшего ее дешевле остальных, по 2 руб. за фунт. На том же заседании члены судового комитета вынесли благодарность экипажу “Полтавы”, чей комитет закупил байку по 24 руб. за пачку и фуфайки по 10 руб. 25 коп. из расчета на все линейные корабли 1-й бригады.⁸⁰⁷ Удалось обнаружить и запрос судового комитета “Гангута”, направленный на “Петропавловск”, когда экипаж сможет забрать со складов свою часть “теплых вязанных подштанников”, закупленных представителями с этого дредноута.⁸⁰⁸

Уделялось некоторое внимание и медицинскому состоянию экипажа. Это выражалось в обязательной проверке качества продуктов, потреблявшихся командой. Кроме того, при тяжелом заболевании комитет обычно просил командира предоставить отпуск. Так было, к примеру, в случаях с кочегаром “Гангута” П.И. Куповых и трюмным машинистом “Севастополя” П.А. Ситавриным, больным катаром.⁸⁰⁹ При необходимости срочного лечения, комитеты, обычно по договоренности с судовыми врачами, отправляли больных либо в Военно-морской госпиталь в Гельсингфорсе, либо в

Петроград. Таким образом, поступили с унтер-офицером с “Петропавловска” В. Приходько, которому 18 июня был поставлен диагноз “сифилис”.⁸¹⁰ 22 июля на повестку дня заседания судового комитета “Полтавы” был вынесен вопрос об увеличении числа случаев венерических болезней. Делегаты постановили провести прочтению экипажу лекцию на эту тему. Кроме того, снова вводилась практика медицинских осмотров прибывших с берега. Правда, в отличие от дореволюционного времени, они были добровольными и проходили по четвергам и субботам.⁸¹¹ Когда же в конце августа в Гельсингфорс пришел тиф, комитеты линейных кораблей приняли решение “составить воззвание к командам, избегать свежей зелени на берегу”.⁸¹² Приняв все во внимание, судовые делегаты проявили большую заботу об экипажах линкоров. Еще 26 августа распоряжением санитарного инспектора флота статского советника И.В. Ковалевского на бригаде требовалось начать “организацию прививок”.⁸¹³ Однако сделать это из-за недостатка средств своевременно не удалось. Денежные суммы на вакцину выдали именно судовые комитеты дредноутов, после чего прививки и были сделаны.⁸¹⁴

Занимались комитеты и просвещением экипажей линкоров. Летом 1917 г. были собраны обширные библиотеки для нижних чинов. На “Севастополе” судовые делегаты отметили, что матросская библиотека, достигшая пятисот с лишним книг, брошюр, журналов, “требует размещения в дополнительных помещениях”. Поэтому было принято предложение объединить офицерскую и матросскую библиотеки, разместив все издания в первой.⁸¹⁵ Помимо организации и поддержания судовых матросских библиотек, определенное внимание уделялось образованию. В сентябре при Гельсингфорсском матросском клубе открылся Матросский университет. Еще 12 августа комитет “Полтавы” на своем заседании принял решение направить в него на обучение по 1 чел. от роты.⁸¹⁶ Комитеты вообще занимались агитацией среди матросских коллективов за поступление их членов в университет, причем их призывы содержались не только в резолюциях, но и публиковались в газетах.⁸¹⁷

Корниловское выступление неизбежно вело к увеличению влияния на службу судовых комитетов. Это выразилось в переходе к ним функций, которые делали их хозяевами кораблей. 30 августа на дредноутах “Севастополь”, “Полтава” и “Гангут” были приняты резолюции “об усилении мер предосторожности”. В них говорилось, что “вся корреспонденция, поступающая на корабль, должна направляться дежурному делегату, который в свою очередь должен направить по назначению все письма и другое, а пакеты на имя командира отправлять председателю комитета, в присутствии которого они должны вскрываться”. 2 сентября к резолюции присоединился “Петропавловск”.⁸¹⁸ На деле зачастую получалось так, что даже командиры кораблей получали пакеты и письма уже распечатанными. Так, 11 сентября С.В. Зарубаев сообщил А.В. Развозову, что “несмотря на мои приказания контроль на линкорах продолжается, секретные пакеты приносятся командиру открытыми”.⁸¹⁹ И.И. Ренгартен в этой связи отметил: “Зарубаев протестовал, но ему просто ответили: “В таком случае мы во враждебном лагере, посмотрим чья возьмет”...”⁸²⁰

Линейный корабль “Петропавловск”. 1915-1916 гг.
Фото на память. Справа у фотоаппарата стоит лейтенант С.П. Славинский

На требование из штаба командующего флотом списать с “Севастополя” за неоднократные отлучки с корабля матроса I статьи П. Государева, комитет 31 августа наложил резолюцию с одобрением.⁸²¹ Читая ее, трудно понять, кто же в этой ситуации начальник, а кто подчиненный. Если судовые комитеты начинали так относиться к распоряжениям командующего флотом, то можно представить, насколько мало они считались бы с теми решениями, которые их не устраивали. Один пример из записей И.И. Ренгартена мы уже привели выше. Приведем еще один. 6 сентября на линейный корабль “Петропавловск” пришел приказ перевести старшего лейтенанта П.Н. Бунина в штаб флота на должность помощника флагманского штурмана. На следующий день судовой комитет через комитет бригады отправил запрос, чем это вызвано. Ответ из штаба 8 сентября пришел следующий: “Сообщаю, что приказ о старлейте [старшем лейтенанте – Д.Б.] Буinine является результатом того, что должность помощника флагманского штурмана штаба командующего флотом продолжает оставаться свободной. Контр-адмирал С.В. Зарубаев”.⁸²² Более того, комитеты стали препровождать аттестации, подобные тем, что они выписывали еще весной, но уже не только на нижних чинов, но и на офицеров: “В судовой комитет линейного корабля “Петропавловск”. Судовой комитет линейного корабля “Полтава” доводит до вашего сведения, что старший лейтенант Борис Карпинский прослужил больше года на вышеозначенном корабле и за все это время служба с ним проходила в полном порядке и никаких недоразумений не выходило. Председатель Аршоев. Секретарь Дудин”.⁸²³

За назначением комиссаров в штабы различных воинских соединений Ревком стал направлять своих комиссаров и на отдельные корабли, причем зачастую ими являлись депутаты Центрального Комитета Балтийского флота. Так, на линейный корабль “Петропавловск” в составе комиссии от РК для расследования обстоятельств гибели 4-х офицеров вошли представитель от “Севастополя” в ЦКБФ - Я. Мохов и от “Полтавы” - С. Данченков. После окончания изучения всех обстоятельств дела (комиссия пришла к выводу, что имело место “досадное недоразумение”) они получили назначение комиссарами РК на свои корабли.⁸²⁴ С передачей на III областном

съезде в Финляндии высшей исполнительной власти от Революционного комитета Областному комитету Финляндии, комиссары в штабы и на корабли стали назначаться Центробалтом. Постановление об этом было принято на II съезде моряков Балтийского флота (25 сентября – 5 октября) 29 сентября.⁸²⁵ Комиссаром “Петропавловска” стал Е.С. Блохин, замененный потом В.Н. Кисляковым, “Севастополя” – Я. Мохов, “Полтавы” – С. Данченков, “Гангута” – А. Санников.⁸²⁶ Комиссары приобрели широкие возможности вмешиваться в жизнь на кораблях. Они принимали участие во всех заседаниях судовых комитетов, визировали своей подписью все постановления и резолюции.⁸²⁷ Имели право в любой момент вызвать председателя любой из секций с отчетом о проделанной работе. На “Гангуте”, например, комиссара А. Санникова беспокоило состояние электротехнической части на корабле. В этой связи частыми были доклады председателя корабельного союза электриков Д.И. Иванова, о чем он сообщает в своих воспоминаниях. Доклаживал он комиссару как председатель продовольственной комиссии, и о снабжении экипажа продовольствием.⁸²⁸

С другой стороны, именно комиссары стали проводниками решений Центробалта на линейных кораблях бригады. 17 октября на заседании ЦКБФ была принята резолюция о формировании на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы боевых отрядов. Руководить их комплектацией и управлением должны были комиссары Центробалта. Судовые комитеты лишь осуществляли помощь в этом деле. На “Гангуте” этим занимался А. Санников. Функции комитета свелись лишь к фиксации отобранных людей секретарем С. Плехановым.⁸²⁹ На основании этих фактов, можно сделать вывод о подконтрольности осенью 1917 г. выборных судовых организаций лицам, назначаемых более высоким учреждением – ЦКБФ. Правда такая тенденция, видимо, соответствовала настроению большинства экипажей, которые стали поддерживать большевистские позиции по ряду вопросов.

§3. “РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИСЦИПЛИНА”

Рассмотрев влияние на жизнь и боевую подготовку бригады политических событий и изменений в системе управления, можно сделать вывод, что важнейшим итогом было падение дисциплины и боеспособности. Оно выражалось в увеличении количества нарушений правил службы и снижении готовности продолжать участвовать в боевых действиях. Однако этот процесс, весьма многогранный и сложный, был обусловлен и рядом дополнительных факторов.

Первый серьезный удар был нанесён событиями 3-4 марта, когда авторитет офицеров в глазах нижних чинов был поколеблен, в том числе и неспособностью отстаивать свои права. Понимало это и командование, чём свидетельствует доклад от 15 марта исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева военному министру А.И. Гучкову: “События последних дней резко изменили картину и стратегическую обстановку. Балтийский флот в данное время является небоеспособным, и трудно рассчитывать, чтобы полная боеспособность была восстановлена к началу плавания в Балтийском море... Положение

затрудняется тем, что из Петрограда... по всем направлениям распускаются агитаторы, призывающие к неповиновению начальству, взывающие к солдатам об установлении выборного начала на офицерских и командных должностях... Производятся аресты офицеров и начальствующих лиц, чем подрывается их авторитет...”⁸³⁰

В какой-то мере этому способствовали первые приказы нового командующего флотом вице-адмирала А.С. Максимова. Так, 4 марта на кораблях 1-й бригады получили семафор из штаба бригады: “Все взыскания, наложенные властью адмирала, слагаются. Максимов”.⁸³¹ За этим первым следовал почти такой же, но уже от имени начальника бригады: “Слагаю все взыскания, наложенные властью командира до 1 марта 1917 года. Бахирев”.⁸³² Этот шаг должен был убедить экипажи в своей силе. На другой день командующим флотом был издан приказ №7, который ещё усиливал представление о собственной значимости: “Впредь до окончания выработки Временным правительством правил о взаимоотношении нижних чинов и офицеров, по примеру союзнических армий и флотов, приказываю:

1. Офицерам во всех случаях обращаться к нижним чинам на “Вы”

2. Нижним чинам титуловать всех офицеров по примеру титулования офицерами своих старших начальников, т. е. вместо слов “Ваше Благородие” или “Ваше Высокоблагородие” прибавлять к чину слово “господин”, – например “господин лейтенант”, “господин полковник”, а генеральские чины титуловать “Ваше Превосходительство” или “Ваше Высокопревосходительство”

3. Нижним чинам разрешается курить на улице”⁸³³

На издание этих приказов, думается, повлияло и то, что Максимов до утверждения его в этой должности был “избран” командующим матросами, а это не могло не делать его психологически зависимым от них. 14 марта из штаба флота выходит разрешение не соблюдать команду на молитву.⁸³⁴

С другой стороны, командиры кораблей и офицеры утратили важнейшее право, обеспечивавшее выполнение нижними чинами приказаний, т.е. поддерживавшее всю старую систему подчинения. Речь идет о праве на наказание провинившегося. Можно спорить об эффективности наказаний, их объективности, но сам факт наличия такого права у командного состава обеспечивал поддержание дисциплины – этой базы боеспособности любых вооруженных сил. В России право наказания нижних чинов фактически закрепилось за судовыми комитетами. Как же использовали комитеты своё право? Весной 1917 г. наблюдалось мало случаев, которые, так или иначе, карались. Обнаружены три, относящиеся к линкору “Севастополь”.

11 апреля за неподчинение унтер-офицеру кочегарам этого корабля, о чём говорилось выше, делегаты внесли порицание. 16 апреля при уличении матроса I статьи линкора “Севастополь” П. Гольбикова в попытке совершения кражи при приеме провизии с продовольственного склада, он был приговорен к аресту в карцере до передачи материалов в Секцию охраны Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта.⁸³⁵ На тот же корабль 18 апреля пришло письмо от крестьянина деревни Буяковка Смо-

ленской губернии Рословского уезда Д.Ф. Галемского с жалобой на поведение бывшего в отпуске матроса И.Ф. Лазуткина. Тот «напился пьяным, дебоширил, пристаивал ко всем, а также и к дочери моей». Уже на другой день члены комитета вынесли следующую резолюцию: на месяц лишит Лазуткина съезда на берег.⁸³⁶ Летом 1917 г. количество проступков в целом увеличилось. Перечисленные типы наказаний сохранились. Кроме них комитеты стали назначать на тяжелые работы, штрафовать. Арест и передача в руки Совета использовались как исключительное наказание. Так было, например, в случае с упоминавшимися выше матросом «Севастополя» Мыловым за побег. Или с матросом «Гангута» А. Умрихиным и коком «Полтавы» Ванеевым – за кражи. Таким образом, нарушения корабельного распорядка комитеты наказывали довольно мягко. Однако, как мы уже говорили выше, через общие собрания команды матрос мог добиться отмены и такого приговора.⁸³⁷

На соблюдение правил службы повлияло омоложение личного состава линейных кораблей 1-й бригады. Обуславливалось оно несколькими причинами. На первое место здесь выдвигались списания по состоянию здоровья, по требованиям судовых комитетов, дезертирство. Вопрос о пополнениях встал ещё до революционных событий. В феврале 1917 г. были посланы запросы на высылку на дредноуты 80 машинистов, 270 кочегаров, 14 трюмных специалистов, 20 писарей, 12 горнистов из Кронштадта и 150 новобранцев из Петрограда⁸³⁸, но это ему мешали революционные события.

Впервые после начала революции этот вопрос был поднят 9 марта, когда в штабе бригады была подготовлена «Предварительная табель некомплекта матросского состава».⁸³⁹ 13 марта контр-адмирал М.К. Бахирев отправил соответствующие запросы на линкоры. В них задавался вопрос о том, стоит ли пополнять экипажи за счет матросов призывов 1916-1917 гг., не успевших ещё пройти полный курс обучения специальностям.⁸⁴⁰ Ответы капитанов I ранга С.В. Зарубаева, П.П. Палецкого, М.А. Беренса и П.П. Владиславлева были единодушны в своем согласии.⁸⁴¹ К этому командир «Гангута» добавил, что подобная мера, конечно, принесет кораблям большой вред, который, по его мнению, выразится в падении дисциплины и организации службы, но другого выхода он не видит, т.к. «некомплект экипажа достигает угрожающих размеров». В этом же рапорте содержалась и просьба прислать «хотя бы» 50 чел. на «Гангут», что составляло не более 40-50% от необходимого числа людей.⁸⁴²

Данные ответов командиров линкоров были зачитаны в числе прочих на совещании, посвященном именно проблемам пополнения личного состава. Оно проходило в Береговой канцелярии штаба флота 16 марта 1917 г.⁸⁴³ Все цифры по 1-й и 2-й бригадам линейных кораблей и крейсеров свели в общую таблицу. На её основании очень четко прослеживалась общая картина. Наибольшая нехватка на 1-й бригаде ощущалась в матросах I и II статей, что являлось типичным и для других соединений.

Линейный корабль «Гангут». 1917 г.
Справа фото матроса с линкора Е. Лимана

Их число составляло 150 чел. Следующими по величине шли кочегары (120 чел.), за ними – машинисты (80 чел.) и, сильно отставая, все остальные.

Некомплект матросов легко объясним: они составляли наибольший процент на кораблях, отсюда и наибольшая их нехватка. Что касалось кочегаров и машинистов, то и эти специальности из разряда подверженных болезням. Такая же тенденция наблюдалась на бригаде и к концу мая. Из 25 чел., заболевших за последние две недели весны, 9 являлись матросами I и II статей, 4 – машинистами и по 3 – кочегарами и артиллеристами.⁸⁴⁴ Всего же за апрель и май с линейных кораблей бригады было списано и переведено ещё 317 нижних чинов, треть из которых – по болезни.⁸⁴⁵ К тому же, кочегары с дредноутов и 2-й бригады крейсеров считались хорошо подготовленными и нередко переводились на другие соединения. Отчасти подобные переводы объясняют отсутствие некомплекта кочегаров на 2-й бригаде линкоров. Продолжались и случаи дезертирства. Ещё 31 марта командир «Гангута» капитан I ранга П.П. Палецкий сообщил в штаб бригады о неявке на корабль отпущенного до 15 марта матроса II статьи Ф.И. Иванова.⁸⁴⁶ Аналогичный рапорт 1 апреля отправил капитан I ранга С.В. Зарубаев об отсутствии в течение лишнего месяца на «Полтаве» комендора П.Е. Судакова. Скрылись со своих кораблей матрос II статьи И.П. Чижков («Гангут»), кочегары С.А. Андрианов и Х. Хабибулин («Полтава»)⁸⁴⁷. Сюда необходимо добавить и увеличение количества лиц, вовремя не явившихся с берега – так называемых «нетчиков». Если до революции их число не превышало 1-2 в неделю, то к маю оно выросло до 3-4 в день.

Как же пополнялся некомплект? Основным источником на данном этапе являлись молодые матросы и специалисты призывов 1917 и 1918 гг. Запрос на них был отправлен в Главный Морской Штаб 23 марта.⁸⁴⁸ К 12 апреля на дредноуты прибыло 392 новобранца.⁸⁴⁹ На практике, однако, они не усилили, а, скорее, наоборот – ослабили боеспособность 1-й бригады. Во-первых, из-за слабого уровня подготовки. Во-вторых, по причине невысокой дисциплины. Исправить подобные недостатки

Выступление депутата государственной думы перед командой линейного корабля "Севастополь", 1917 г. Второй справа стоит адмирал Максимов

в тех условиях было чрезвычайно тяжело, поскольку многие требовательные унтер-офицеры либо отстранялись от управления ротами, либо вообще изгонялись с кораблей по постановлениям судовых комитетов. А институт кондукторов, игравший большую роль в обучении до революции, вообще был упразднен 23 мая 1917 г.⁸⁵⁰ Вероятно, именно эта часть экипажей готова была принять складывавшееся положение, при котором революционные организации получали право управления. И.И. Ренгартен в записи от 17 апреля свидетельствовал об этом так: "Новую волну разложения принесли с собой новобранцы из Кронштадта...".⁸⁵¹ Ему вторил и "Флагманский исторический журнал" 1-й бригады линейных кораблей: "По свидетельству флагманского артиллериста бригады, в связи с назначением значительного количества новобранцев и отвлечения команды занятиями политикой от служебных обязанностей, боеспособность кораблей значительно понизилась".⁸⁵²

Наконец, здоровье многих новобранцев оставляло желать лучшего. По данным уже приводившейся сводки, во второй половине мая 1917 г. из 25 уволенных в отпуску по болезни 5 чел. (20%) составляли матросы призывов 1917 и 1918 гг.⁸⁵³ Положение усложнялось ещё и плохим

состоянием медицинской части. Ощущалась нехватка медикаментов. 14 марта 1917 г. об этом рапортом сообщил в штаб 1-й бригады старший врач линейного корабля "Севастополь" И.И. Тржемесский. Он докладывал, что почти нет ваты, и остались минимальные запасы обезболивающих и противопростудных средств.⁸⁵⁴ Схожая ситуация сложилась и на "Гангуте". Видимо, ваты не хватало не только на дредноутах, поскольку большую её партию санитарный инспектор Балтийского флота И.В. Ковалевский в первых числах апреля заказал в Санитарном Управлении ГМШ.⁸⁵⁵ 26 апреля он получил первые образцы и признал: "Представленная вата невысокого качества за неимением лучшей может быть принята к употреблению во флоте".⁸⁵⁶ Однако заказ на поставку крупной партии из-за различных проволочек был принят Санитарным Управлением лишь 2 июня.⁸⁵⁷

Требовались на линкорах 1-й бригады и услуги стоматологов, о чем свидетельствуют неоднократные случаи обращения в лазареты с зубными болями.⁸⁵⁸ Реально эта трудность так и не была устранена. Попытки И.В. Ковалевского затребовать хотя бы 5 врачей не имели успеха в течение всей весны и лета.⁸⁵⁹ Даже с кораблей врачи начали уходить. Из необходимых по штатам двух врачей на один линейный корабль уже к концу марта имелось лишь по одному. 27 марта из штаба 1-й бригады на имя санитарного инспектора пришел рапорт следующего содержания: "На всех кораблях бригады сейчас по одному врачу. Прошу вызвать телефонограммой доктора Васицкого (линкор "Гангут"). До его приезда прошу откомандировать кого-либо из врачей бригады крейсеров или же 2-й бригады линейных кораблей. Флагврач штабрилин I".⁸⁶⁰ Тем не менее, в апреле-мае с дредноутов ушло ещё 2 врача. В начале мая на "Севастополе" ситуация достигла критической точки: там не было ни одного врача! И.И. Тржемесский покинул корабль ещё в середине марта⁸⁶¹, а И. Гребнев (младший врач) был ошибочно переведен на крейсер "Адмирал Макаров". Возвратился он лишь во второй половине мая.⁸⁶² Во время его отсутствия обязанности старшего судового врача на 2 кораблях исполнял уже упоминавшийся Л. Васицкий.⁸⁶³ Позднее он остался на "Гангуте", т.к. с 7 июня заменявший его И. Сидоков был переведен на должность флагманского врача штаба бригады и старшего врача "Петропавловска".⁸⁶⁴

Подобным образом обстояли дела и с фельдшерским персоналом, а попытки привлечь вольнонаемных сотрудников и выпускников медицинских вузов закончились полным фиаско: меньше, чем за 200 руб. в месяц они работать не соглашались.⁸⁶⁵ Гельсингфорский военноморской госпиталь просил из-за переполненности больными "присылать лишь тяжелобольных".⁸⁶⁶

Другим источником пополнения был перевод нижних чинов из других частей. Наиболее часто на дредноуты направлялись специалисты из Береговой роты Минной обороны и из Минного полка Отдельной Морской бригады. Именно за счет этих пополнений во многом ликвидировался дефицит в кочегарах и машинистах на линкорах. Только за последнюю неделю мая оттуда было переведено 23 кочегара и 6 машинных унтер-офицеров II статьи.⁸⁶⁷

Не хватало на дредноутах и офицеров. В марте их было списано и переведено 20 чел., в апреле – 19, в мае – 6. За летние месяцы это число возросло еще на 10

чел.⁸⁶⁸ Причины увольнений и переводов были самыми разными: желание судовых комитетов, как в случае с 6 офицерами “Гангута”, разногласия с экипажами, нежелание служить на флоте по материальным (как у врачей) или личным соображениям, и, как следствие, перевод в резерв.

Помимо некомплекта медицинского персонала, остро не хватало корабельных инженеров и инженер-механиков. Так, 17 мая, командующий флотом вице-адмирал А.С. Максимов по этому поводу отправил запрос командующему Северным флотом генералу от инфантерии Н.В. Рузскому: “С брилин I (1-й бригады линейных кораблей – Д.Б.) ушло три корабельных инженера. Прошу об учреждении должности на бригаде флагманского корабельного инженера, который заменит всех четырех”.⁸⁶⁹ Насколько высоким могло быть качество работы одного человека, а не четырех, командующий уже не мог думать.

О масштабах ухода офицеров с действующего флота косвенно говорит и телефонограмма от 28 апреля от имени матросских депутатов Гельсингфорсского Совета: “В штаб начальника 1-й бригады: “Собрание матросских депутатов просит штаб срочно приостановить увольнение офицеров по болезни, а также перевод в резерв флота впредь до освидетельствования их комиссией городских врачей, фельдшеров и выбранных собранием матросов-депутатов...”⁸⁷⁰ Даже приблизительно установить процент офицеров, ушедших с линкоров по фальшивым медицинским документам, не представляется возможным. Точно это можно утверждать лишь в отношении мичмана С. Жуковского с “Севастополя”, который после переосвидетельствования был признан здоровым и бежал с госпитального судна “Ариадна”, где находился на лечении, и инженер-механика “Полтавы” мичмана С. Кульбацкого.⁸⁷¹

Замены уволенным в резерв флотским офицерам или переведенным в марте 1917 г. не было. В апреле на бригаду назначили 15 офицеров, в мае – лишь одного.⁸⁷² Об их опыте и квалифицированности судить трудно, но 10 из них были только что выпущенными мичманами.⁸⁷³ Поэтому, естественно, им требовалось время для освоения своих обязанностей. С.В. Зарубаев в июле 1917 г. следующим образом охарактеризовал ситуацию: “В течение последнего времени многие офицеры-специалисты были переведены на другие корабли. Хотя убыль и пополняется своевременно офицерами, и в настоящее время бригада практически укомплектована, но состав ее настолько омоложен, что дальнейший перевод опытных специалистов и замена их молодыми, по моему мнению, является недопустимой, так как бригада должна быть сначала боевой единицей, а не только школой для молодых офицеров. Для необходимого же пополнения других кораблей можно найти множество офицеров-специалистов в портах, на берегу при постройках и в центральных учреждениях, куда они попали в большинстве случаев по болезни. Так как теперь происходит переосвидетельствование даже белобилетчиков, то я полагаю бы, что и среди указанных выше офицеров нашлось бы при освидетельствовании здоровья, много таких, которые с успехом могли бы еще плавать, и тогда не пришлось бы брать офицеров с бригады и тем уменьшать ее боеспособность”.⁸⁷⁴

Матрос с “Гангута” Уханов. 1915 г.

Начальнику 1-й бригады линейных кораблей нельзя отказать в наблюдательности, умении рассуждать и находить приемлемые решения проблемы. Однако мы полагаем, что им не был учтен в рапорте еще один, чрезвычайно важный фактор, упомянутый выше: изменение условий службы, снижение дисциплины и статуса, возросшая неприязнь со стороны нижних чинов. В свою очередь, вновь зачисляемые не были известны экипажу, а, значит, их авторитет был ниже. Таким образом, наличие подобия замкнутого круга, в результате чего дисциплинарный аспект всё больше выходил из компетенции командного состава.

За указанный период сменилось значительное количество высших офицеров. На “Севастополе” капитана I ранга П.П. Владиславлева, переведенного командовать дивизией подводных лодок, сменил 1 апреля капитан I ранга В.П. Вилькен, а командира “Петропавловска” капитана I ранга М.А. Беренса из-за разногласий с экипажем – 12 мая капитан II ранга Д.Д. Тыртов.⁸⁷⁵ Также были переведены на другие корабли старшие офицеры “Севастополя” капитан II ранга М.А. Бровцын и “Полтавы” капитан II ранга В.В. Котовский.⁸⁷⁶ 20 мая начальник бригады

контр-адмирал М.К. Бахирев из-за возросших трений между ним и экипажами получил новое назначение, а его место занял контр-адмирал Д.Н. Вердеревский.⁸⁷⁷ В июне эта должность перешла к командиру “Полтавы” капитану I ранга С.В. Зарубаеву, ставшему 28 июля – контр-адмиралом. Командование линкором, в свою очередь, осуществлял капитан II ранга В.А. Домбровский. Такие переводы не могли, на наш взгляд, улучшить подготовку бригады и дисциплину на ней.

Несомненно, что определенную роль в падении дисциплины сыграли меры по изменению формы. Они задумывались как уничтожение элементов “старого режима”. Ещё 11 марта на кораблях бригады огласили приказ №32 командующего о снятии императорских вензелей с погон и приостановлении награждений орденами и другими знаками отличия.⁸⁷⁸ Вообще, вопрос о ношении погон как наиболее характерных символов старой службы с первых же послереволюционных дней встал чрезвычайно остро. С многих офицеров их, ещё до рассмотрения проблемы командованием, просто срывали. Особо преуспела в этом 2-я бригада линейных кораблей, но и на дредноутах несколько подобных случаев имело место.⁸⁷⁹

Дополнительную неразбериху в ситуацию внесли распоряжения А.С. Максимова, который, не согласовав свои действия с министерством, 15 апреля издал приказ №125: “Ввиду того, что форма воинских чинов напоминает старый режим, предлагаю во всех подчиненных мне воинских частях теперь же снять погоны и заменить их нарукавными отличиями, образец которых будет разослан дополнительно”.⁸⁸⁰ Поэтому, когда пришел образец из Петрограда, оказалось, что знаки Балтийского флота им не соответствовали. В конечном счете, пришлось одевать “нарукавные отличия” повторно. Причем единообразие в них так и не было достигнуто: матросы и офицеры носили как старые, так и новые знаки.⁸⁸¹

В целом, изменения, внесенные Морским министерством в матросскую форму, сводились к следующему: на левый рукав теперь нашивался красный якорь, специалисты ниже его должны были носить “штаты” – специальные нарукавные знаки, старшие специалисты – дополнительно ещё и звезду под штатами. Строевым унтер-офицерам полагалась под якорем только звезда, писарям и судовым содержателям – красная поперечная нашивка, а боцманам и фельдфебелям – золотой поперечный галун.⁸⁸² Команды линкоров отнеслись к такой четкой регламентации крайне отрицательно – они не желали выделения начальников, что напоминало им царскую службу.⁸⁸³ Окончательно точка в этом деле была поставлена после оглашения постановления Центрального Комитета Балтийского флота от 17 мая, что “общая форма для всех матросов должна быть одинакова без всяких нашивок и нарукавных знаков”.⁸⁸⁴ После этого проблема их ношения оставалась на усмотрение самих матросов. Для многих, вероятно, “ликвидация погон была важной символической победой нового строя”.⁸⁸⁵ Стиралось отличие всех групп военных моряков, а, значит, выполнялся один из лозунгов революционного процесса: “Свобода, равенство, братство!”

Так же непоследовательно и без должной координации менялись и другие элементы формы. Приказом командующего флотом №126 от 16 апреля до выработки новых

эмблем кокарды на фуражках перекрашивались в красный цвет. Помимо вышеназванного, отменялось ношение шарфа, пуговицы с орлами заменялись пуговицами с якорем, на оружии, как до этого на погонах, уничтожались вензеля.⁸⁸⁶ Определенную роль в произвольных изменениях в форме играл и нарастающий дефицит товаров в стране. Это приобрело такие размеры, что 27 мая на бригаде было оглашено следующее распоряжение, пришедшее в штаб флота из Главного Морского Штаба: “Вследствие недостатка в продаже синего и черного сукна, форменных высоких сапог и дороговизны сабель, на время войны всем офицерам... Морское министерство разрешает:

1. Носить пальто, тужурки из солдатского сукна;
2. Так как тужурка отныне вполне заменяет синий китель, то синие кителя, сюртуки и мундиры впредь не заказывать;
3. Иметь высокие сапоги цвета и образца, принятого в военно-сухопутном ведомстве или заменять таковые ботинками или гетрами;
4. Не заводить сабли...”⁸⁸⁷

Сообщалось, правда, что это распоряжение делается для удешевления экипировки офицеров и не должно служить “поводом к заведению себе разноцветных одежд, если есть возможность завести себе форменную”.⁸⁸⁸ Но пожелание осталось втуне, и уже в среде офицерства началось варьирование формы. Особенно часто подобные факты относились к только что выпущенным офицерам и гардемаринам, прибывавшим на дредноуты для практического обучения. Так, из 13 гардемарин, прибывших 22 мая на линейный корабль “Гангут”, лишь трое были обмундированы и экипированы по всем правилам, а из четырех, явившихся на “Полтаву” – ни один.⁸⁸⁹

Нижние чины тоже перестали носить положенную одежду. Тем более что с 20 мая им было разрешено ношение штатского при увольнении на берег.⁸⁹⁰ На снимке, запечатлевшем матросов линейного корабля “Петропавловск” на митинге летом 1917 г., единообразие формы отсутствует: многие сняли с бескозырок кокарды, кто-то заменил их якорем белого металла, часть надела белые летние чехлы на свои головные уборы.⁸⁹¹ На станции Белоостров 5 июля был задержан машинист I статьи линкора “Петропавловск” И. Климентьев за то, что был одет не по форме: фуражка сбита на затылок, длинные до плеч волосы, тельняшки не было, фланелевка перехвачена на груди брошкой.⁸⁹² На берегу матросы бригады позволяли себе появляться и в таком виде: “Ходил в черных лакированных туфлях с наутюженными брюками широкого клеша как у старого петуха, с косматыми ногами, заметал по улице пыль как метлой”.⁸⁹³ Клеш в русском флоте был официально запрещен к этому времени.⁸⁹⁴ В.В. Дыгало так характеризовал ситуацию: “... с большей силой с первых месяцев Февральской революции началась массовая перешивка матросских брюк на фасон с расстругом внизу, приобретающим иногда нелепые, карикатурные размеры”.⁸⁹⁵

В дальнейшем, изменения формы стали носить настолько произвольный характер, что новый командующий Балтийским флотом контр-адмирал Д.Н. Вердеревский 7 июня отправил в Петроград начальнику Главного Морского Штаба капитану I ранга В.Е. Егорьеву запрос, в котором имелись такие строки: “...Между тем,

из разговоров [! – Д.Б.] видно, что установился новый тип фуражек, синие кителя обшиваются кантами, на белые [летние – Д.Б.] кителя делаются наплечные знаки и т.д. Представляется необходимым составить сводку, какие приказания о форме одежды уже сделаны”.⁸⁹⁶ Т.е. таким запросом Вердеревский фактически признал, что в этом деле он уже не контролирует ситуацию. Что уж говорить об отдельно взятом соединении. По сути, произошло нивелирование одного из атрибутов, регламентировавших службу. Исчезновение традиционной символики стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения.

Аналогичная неопределенность наблюдалась с другим важным атрибутом – присягой. 10 марта в штаб флота из морского министерства пришёл текст новой присяги с приказанием присягнуть по ней в ближайшее время.⁸⁹⁷ 12 марта экипажи линкоров “Севастополь” и “Гангут” присягнули. Текст присяги звучал следующим образом: “Клянусь честью офицера (матроса) и гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию русского государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российской государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания. Возлагаемый на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу государства и не щадя жизни ради блага отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мной начальникам, чиня им послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг офицера (матроса) и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы, осеняю себя крестным знамением и нижеподписуюсь”⁸⁹⁸. Но затем пришло распоряжение отменить присягу, так как её текст будет дорабатываться (что, однако, не помешало опубликовать его в центральных газетах).⁸⁹⁹ В дальнейшем текст новой присяги так и не был прислан.

Важной причиной несоблюдения экипажами правил несения службы стала доступность отпуска в Гельсингфорс. После падения царского режима крупные митинги, проводившиеся в городе, давали возможность экипажам линейных кораблей бригады сходить на берег дополнительно.

Доступным берег сделало и функционирование выборных организаций всех уровней. Первыми, как уже отмечалось выше, являлись судовые комитеты. Численность в них занятых непрерывно росла. Изначально это был один человек от роты и один представитель от офицерской кают-компании, а всего 10 чел.⁹⁰⁰ С середины марта, когда от роты стало выдвигаться уже по 2 чел., количество членов комитета возросло до 19 чел. На флагманских кораблях соединений, где от штаба также во-

Объемное фото матроса с линкора “Полтава” Станиловского

дил один представитель, депутатов вовсе становилось 20.⁹⁰¹ Наконец, после выборов 18 апреля, когда от некоторых рот (особенно многочисленных) выдвигалось по три представителя, количество членов в судовых комитетах возросло до 25 чел.⁹⁰² Тогда же впервые проводились и выборы в бригадный комитет дредноутов. О его численности мы можем судить лишь по количеству депутатов от “Севастополя”, поскольку лишь в этом случае состав представителей удалось установить полностью. На “Севастополе” 17 апреля было избрано в бригадный комитет 5 чел.: председатель комитета инженер-механик В.Н. Соколов, музыкальный унтер-офицер I статьи А.С. Штарев, писарь А. Баров, унтер-офицер Г. Мягков и кандидат в члены с правом совещательного голоса машинный унтер-офицер С. Новосельский.⁹⁰³

В конце мая из-за болезни А. Барова заменил гальванер П. Перепелкин.⁹⁰⁴ Весьма вероятно, что и от остальных кораблей было не меньше делегатов. От “Петропавловска” туда входил переведенный из Береговой роты Минной обороны машинный унтер-офицер I статьи Я.Я. Карклин (Карклэ) и матрос I статьи И. Бульба, от “Гангута” – матросы I статьи В.В. Кириллов и И.С. Хомутов. И только от “Полтавы” установлен лишь один делегат – минный унтер-офицер С. Костин.⁹⁰⁵ Таким образом, видно, что часть членов судовых комитетов была занята, принимая участие и в работе объединенного комитета 1-й бригады линейных кораблей.

4 марта возник Совет депутатов Армии, Флота и Рабочих Свеаборгского порта (с 21 апреля – Гельсингфорсский совет депутатов армии, Флота и Рабочих). В общей сложности, весной 1917 г. в него было избрано, по подсчётам Е.Ю. Дубровской⁹⁰⁶, 504 моряка. Судя по данным выборов от 18 апреля, где выдвигались и делегаты в Совет, а также по заметкам в газетах, представительство от 1-й бригады линейных кораблей там составляло 16 депутатов: по 4 от каждого корабля.⁹⁰⁷ Все они являлись членами судовых комитетов. От “Петропавловска” в Гельсингфорсский Совет входили фельдфебель I статьи А.П. Скуев, гальванер Е.С. Блохин, матросы I статьи Ф. Немберг и А. Павликов.⁹⁰⁸ “Севастополь” представляли В.Н. Соколов, А.С. Штарев, А. Баров и кочегар I ста-

ты П. Антонов.⁹⁰⁹ Делегатами “Полтавы” являлись машинист I статьи А.Ф. Сакман, матросы I статьи Л. Угрюмов и С.Е. Симфалов и кочегар И.Я. Сак.⁹¹⁰ Состав делегации от “Гангута” нами установлен лишь наполовину: матросы I статьи И.С. Хомутов и Ф.З. Булаев.⁹¹¹ К этим делегатам необходимо добавить и машиниста “Петропавловска” Д.И. Ахапкина, командированного в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов для информирования о его решениях. По одному представителю от дредноута входили в Исполнительный Комитет: Д.И. Ахапкин, А. Баров, А.Ф. Сакман, и И.С. Хомутов.⁹¹² После отъезда в Петроград Ахапкина на заседаниях Комитета его заменял Е.С. Блохин.⁹¹³ Помимо членства в ИК Совета депутаты от дредноутов занимали и другие важные должности. А.Ф. Сакман являлся секретарем Редакционной секции⁹¹⁴, Л. Угрюмов – одним из создателей секции Охраны народной свободы и заведующим ее секретным отделом.⁹¹⁵

Со второй половины марта всё настойчивее раздавались призывы к взаимодействию комитетов различных кораблей. Первые попытки предпринимались ещё на первых заседаниях Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей 14-18 марта 1917 г.⁹¹⁶ Тем не менее, реальные шаги были сделаны после резолюции, принятой 4 апреля на совместном заседании команд линейного корабля “Цесаревич” и крейсера “Адмирал Макаров”.⁹¹⁷ Уже при разработке проекта организации ЦКБФ деятельное участие принял унтер-офицер “Севастополя” А.С. Штарев.⁹¹⁸ 26 апреля его утвердила Матросская секция Гельсингфорского совета, а 30-го он начал свою работу.

Избирались туда делегаты из расчета один от тысячи человек.⁹¹⁹ Следовательно, от 1-й бригады линкоров там могли быть представлены 5 делегатов. Ими стали: от “Севастополя” – машинисты I статьи А. Агапов и Э.А. Берг, от “Петропавловска” – унтер-офицер I статьи В.Н. Кисляков и матрос I статьи Н.А. Разин, от “Гангута” – матрос I статьи В.В. Кириллов.⁹²⁰ Характерно, что линкор “Полтава” в ЦКБФ I созыва своего делегата не избрал. Однако представлял бригаду и шестой делегат. Им был уже упоминавшийся А.С. Штарев, вошедший 2 мая в Исполнительное бюро Центробалта.⁹²¹ Если учесть, что всего в этом учреждении было 33 делегата⁹²², то влияние депутатов с дредноутов было велико. Интересно, что из 6 представителей 1-й бригады половина (А.С. Штарев, Н.А. Разин, В.В. Кириллов) являлась большевиками⁹²³, двое (А. Агапов и В.Н. Кисляков) – беспартийными и один – анархистом (Э.А. Берг). Эти данные только подтверждают тезис предыдущих исследователей о преобладании большевиков в ЦКБФ почти с момента его появления. Впоследствии такой состав Центробалта предопределил его позицию по многим вопросам и выявил одну из причин конфронтации с командованием флотом.

С 25 мая открылись заседания 1-го съезда представителей Балтийского флота. Там также были делегаты от линейных кораблей 1-й бригады. От каждого дредноута присутствовало по 2 чел. Полностью нам удалось установить представителей от двух кораблей: “Петропавловска” и “Севастополя”. Третьим секретарем в президиуме стал матрос I статьи с “Севастополя” А. Кабин, членом

мандатной комиссии – упоминавшийся С. Новосельский. Активно участвовали в работе и делегаты от “Петропавловска”: А.П. Скуев и В. Сякин.⁹²⁴ От “Гангута” присутствовал матрос I статьи Ф.В. Олич.⁹²⁵

Депутаты выборных организаций (судовых и бригадного комитетов, Гельсингфорского Совета и ЦКБФ) практически перестали выполнять свои служебные обязанности. На каждом линейном корабле их численность не превышала 26-28 чел., что составляло 2,17-2,33%. Это было даже больше, чем увольняемые каждый месяц летом для полевых работ 2% экипажей. К тому же организации имели право отправить в город с поручением или на занятия любого матроса в любое время. О значительности этой группы говорит следующий запрос. Он был отправлен в ЦКБФ 29 июля: “Судовой комитет линейного корабля “Севастополь” просит срочно ответить, можно ли увольнять на берег на лекции, заседания, собрания и пр., по делам организаций и т.д., так как много команды состоит в разных организациях и требует увольнения на берег”. Центробалт наложил на него положительную резолюцию.⁹²⁶ В этой связи любопытна констатация положения на линейных кораблях 1-й бригады ее начальника капитана I ранга С.В. Зарубаева. В радиограмме, отправленной 25 июля 1917 г. в штаб флота на “Кречет” он, в частности отметил следующее: “Замечается общее небрежное отношение к обязанностям службы и падение интенсивности занятий и работ в связи с постоянными митингами во время работ и занятий и неограниченного схода на берег”.⁹²⁷

Г.К. Граф, став в середине марта 1917 г. председателем судового комитета штабного корабля начальника минной обороны “Чайка”, о своей деятельности высказался так: “Пока комитет занимался только судовыми делами, так что работать в его составе было возможно, но чем дальше шло время, тем всё больше стали примешиваться политические вопросы. Кроме того, члены комитета всё чаще должны были присутствовать на разных общих собраниях всех судовых комитетов и на всякого рода матросских выступлениях”.⁹²⁸ Именно это обстоятельство, по его собственному признанию, побудило автора выйти из состава комитета спустя два месяца. Осенью 1917 г. контр-адмирал С.Н. Тимирёв, начальник 1-й бригады крейсеров, прибывшей в Гельсингфорс, отметил в воспоминаниях: “Немало способствовала быстро прогрессирующему упадку дисциплины и сама обстановка законного, заслуженного отдыха, т.е. в переводе на обыкновенный язык – полное отсутствие какого бы то ни было дела и вечное пребывание трёх четвертей команды на берегу”.⁹²⁹ Отражение этот процесс косвенно получил в дальнейшем увеличении числа дней, когда выполнение текущих судовых работ откладывалось.

Вероятно, еще большее, чем раньше значение стали играть возможности проведения времени на берегу, поскольку на кораблях предложить личному составу какие-либо занятия стало гораздо сложнее. В описываемый период фактически прекратили свою деятельность большинство кружков. По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно утверждать лишь о наличии футбольной команды на линейном корабле “Полтава”. Однако в весенние месяцы проведение игр не отмечалось. О некотором повышении внимания к этому спорту мож-

но утверждать лишь применительно ко второй половине июля, когда вопросы об экипировке обсуждались сначала в судовом комитете, а затем и на общем собрании команды “Полтавы”.⁹³⁰ Также в ведение судовых комитетов перешли судовые библиотеки. Так, на заседании делегатов “Петропавловска” 10 марта “в помощь” заведовавшему ею лейтенанту Н. Тимофееву комитет, согласно протоколу, постановил выделить по 1 чел. от роты. Через 3 дня вышло постановление о необходимости самостоятельно “озаботиться выпиской газет”.⁹³¹ Однако культурно-просветительские задачи выполнялись судовыми комитетами дредноутов на этом этапе слабо. В основном литература приобреталась на добровольные пожертвования, лекции проводились редко, а о ситуации в стране и партийных программах экипажи узнавали на митингах, проходивших на кораблях и в городе. За первые месяцы революции нам удалось обнаружить лишь 2 случая пожертвований. 7 апреля унтер-офицер линейного корабля “Гангут” Приходько отказался от денег, выплачивавшихся ему за сверхсрочную службу, прося употребить их на “общепознавательные цели”. 13-го его примеру последовал другой унтер-офицер того же корабля, И.Г. Асаул-Маланчук.⁹³²

Центром культурной жизни на берегу для нижних чинов по праву следует считать Матросский клуб. В идее его создания не было ничего нового. Первый подобный проект лег на стол командующего флотом вице-адмирала А.И. Непенина ещё в декабре 1916 г. Тогда уже нашли место для будущего клуба, были получены из ГМШ средства на его постройку.⁹³³ Февральско-мартовские события несколько приостановили этот процесс. Но уже 17 марта клуб начал функционировать, правда, не в районе Теле, а в Мариинском дворце. В клубе читались лекции, как культурно-просветительские, так и научные. Ставились там и театральные спектакли, а с конца мая начал выходить иллюстрированный журнал “Моряк”. Одним из руководителей театральной секции и редактором “Моряка” стал радиотелеграфист “Севастополя” А. Красиков.⁹³⁴ Для издания журнала 1 мая с дредноутов привлекли матросов I статьи И. Крылова (“Гангут”), Л. Хлюстова (“Петропавловск”), А. Павлова (“Севастополь”) и А. Федорова (“Полтава”). Они являлись наборщиками журнала.⁹³⁵ Одним из членов правления Матросского клуба был избран матрос I статьи с линейного корабля “Полтава” С. Костюков.⁹³⁶

Клуб сумел наладить через судовые библиотеки знакомство моряков с периодическими изданиями. Матросы бригады хотели становиться активными сотрудниками, а не только читателями крупнейших гельсингфорских газет и журналов. Об этом свидетельствуют следующие данные. Когда в № 13 журнала “Моряк” был открыт так называемый “почтовый ящик” для стихотворных произведений, 11 из 20 первых авторов являлись служащими именно с дредноутов.⁹³⁷ Правда, уровень большинства стихотворений был, по-видимому, невысок, так как 9 авторов так и не смогли напечататься. Но это не останавливало, и многие моряки с “Петропавловска”, “Севастополя”, “Полтавы”, и “Гангута” продолжали свои попытки. А один из тех, чьи произведения попали на страницы “Моряка”, стал постоянным корреспондентом журнала. Речь идет о фельдшере с

На палубе линкора “Полтава”

“Полтавы” Н. Болтанове. В “Моряке” №14 помещено такое его стихотворение:

“К товарищам.

Никогда уже больше не будем рабами,
Нас свободных не сломит буржуев орда,
Мы терпели нужду и лишения годами
И мы ими не будем вперед никогда.

Луч свободы проникнул нам в сердце глубоко,
Распаяв кандалы... Сбросив рабство на век.
Грусть и тяжкая скорбь отлетели далеко,
И над миром теперь воцарил человек.

Угнетений, цепей, произвола и рабства,
Оскорблений, насмешек, глумлений, угроз –
Свергнут весь произвол ненавистного барства,
И на землю свет правды всю радость принес.

Мы Граждане, мы вольные люди, мы братья,
Нет больше тиранов – презренных Иуд,
Мы свободно откроем друг другу объятия
И девизом нам будет служить – честный труд”.⁹³⁸

Печатался он и в последующих номерах. В письме, помещенном в том же номере, он сообщил, что познакомился с этим изданием через судовую библиотеку, которая аккуратно пополнялась все новыми номерами.⁹³⁹

Регулярно с конца августа писал в газету “Известия Гельсингфорского Совета...” бывший секретарь

Отъезд после митинга с линкора "Полтава" депутата Государственной думы Родичева. Весна 1917 г.

судового комитета "Севастополя" С. Поднебеснов. Нам удалось обнаружить тексты трех его писем, еще два по неизвестным причинам помещены не были. В письме, напечатанном в "Известиях ..." от 31 августа, С. Поднебеснов возмущался поведением матросов, исправлявших обычные железнодорожные билеты на билеты для проезда в курьерских поездах, и требовал их ареста и привлечения в Секцию Охраны народной свободы.⁹⁴⁰ В другом - призывал комитеты всячески содействовать образованию команд.⁹⁴¹ Еще одно письмо посвящалось мошенничеству машиниста 6 роты "Петропавловска" И. Макарова.⁹⁴²

Думается поэтому, что нет ничего удивительного в возрастании числа членов Матросского клуба, открывшего дополнительные секции 14 июля. Косвенно об этом свидетельствует число утерянных соответствующих удостоверений. Если весной 1917 г. нами был зафиксирован единственный случай, то с июня по конец августа матросы 1-й бригады линейных кораблей теряли членские билеты клуба 9 раз.⁹⁴³ Популярным считалось среди экипажа театральное отделение клуба, возглавлявшееся с августа матросом I статьи с линейного корабля "Гангут" Д. Хлыстовым. Активно ему помогали Н. Юшков с "Севастополя" и Р. Копылов с "Петропавловска".⁹⁴⁴ Масса желавших заниматься была и в танцевальной секции, однако подобное увлечение не всегда воспринималось положительно, о чем говорит письмо бывшего судового секретаря судового комитета линейного корабля "Севастополь" писаря I статьи С. Поднебеснова. Сетуя на большое число любителей "салонных танцев", он требовал их "искоренения, а помещения клуба, где они проводились, - передать для чтения лекций". При этом Поднебеснов писал, что это принесет существенную пользу, так как "наши любители танцоры сократят требования на подметки".⁹⁴⁵

Открывшийся при участии судовых комитетов Матросский университет имел 4 факультета: естественно-исторический, физико-математический, историко-лите-

ратурный и политико-экономический. Всего в нем училось, по данным Е.Ю. Дубровской, около 8 тыс. чел.⁹⁴⁶ Те, кто учились в Матросском университете, должны были читать лекции и для других. Для этой цели на "Севастополе" судовой комитет постановил 16 октября выделить специальное помещение. Обучение в университете открывало широкие перспективы для продвижения в различных организациях, где могли состоять нижние чины. Так, член судового комитета "Севастополя" II созыва машинный унтер-офицер С. Новосельский, окончивший университет, стал 17 октября членом президиума Матросского клуба.⁹⁴⁷ До него туда был избран матрос с "Полта-

вы" С. Костюков. Другой пример - 16 матросов "Петропавловска", посланные затем агитаторами в Черниговскую, Киевскую и Харьковскую губернии.⁹⁴⁸

Однако названных мер оказалось недостаточно для полноценной организации досуга нижних чинов на берегу. Со второй половины июля резко увеличилось число пьяных в Гельсингфорсе. Поэтому Исполнительный Комитет Совета даже опубликовал в своих "Известиях...", предупреждение, что впредь лица в нетрезвом состоянии должны задерживаться особыми патрулями и доставляться в секцию Охраны народной свободы с публикацией их имен. В октябре Совет распорядился не останавливаться перед отправкой виновных в действующую армию.⁹⁴⁹ 9 августа решением судовых делегатов "Петропавловска" кочегар И. Микрюков за пьянство и утерю на берегу документов - членского билета Матросского клуба и билета РСДРП(б) на три дня был заключен в корабельный карцер.⁹⁵⁰ 19 августа матросу А. Морозову "за опоздание на корабль и продажу в нетрезвом виде подметок" было вынесено порицание перед командой и "оставить на 10 дней без берега. Такие же наказания ожидали задержанных 22 августа матросов с "Полтавы" Г. Савельева и с "Гангута" А. Звербуля.⁹⁵¹ За период с 1 сентября по 20 октября туда попали матросы "Петропавловска" П. Игнатьев, Г. Лодейчиков, "Севастополя" - И. Тычков, В. Блохин и И. Гребнев, "Полтавы" - В. Пичугин. Все они приговаривались к лишению съезда на берег 1-2 месяца и к денежным штрафам.⁹⁵²

Имели место и более изощренные аферы. Упомянувшийся машинист 6 роты линейного корабля "Петропавловск" сдавал внаем "хорошую комнату с альковом", причем комната ему не принадлежала. Судовой комитет ходатайствовал перед представителями секции Охраны народной свободы "о возможно более строгом наказании".⁹⁵³

Осенью важной проблемой стали сифилитики, число которых выросло осенью 1917 г. весьма значитель-

но. Если за три летних месяца был выявлен единственный случай заболевания сифилисом: застрелившийся 18 июня артиллерийский унтер-офицер “Петропавловска” В.Е. Приходько, то за сентябрь-октябрь только на одном “Севастополе” имело место 6 случаев: матросы Г. Кишкун, А. Сурков, М. Кукушкин, Б. Савельев и К. Мысливцев, а также кок И. Кашеев. Характерно при этом, что первые трое продолжали, по наблюдениям доктора В. Зернина, половые сношения на берегу и после заболевания.⁹⁵⁴

Таким образом, берег стал восприниматься как часть службы. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы. Уже к августу стало наблюдаться и снижение качества выполняемых работ. Одним из проявлений этого могут служить следующие данные. В мае 1917 г. скорость погрузки угля на “Петропавловске”, по данным вахтенного журнала, составляла 186 тонн в час, а в августе только 95 тонн, то есть она упала практически в 2 раза.⁹⁵⁵ То, что подобное снижение было типично для всей 1-й бригады, свидетельствуют аналогичные цифры с “Севастополя”: 208 тонн в час против 135 тонн – в августе.⁹⁵⁶

Партийно-политическая жизнь постепенно становилась неотъемлемой частью досуга экипажей дредноутов. Матросы с бригады принимали участие в заседаниях политических партий и организаций. Пожалуй, именно летом 1917 г. мы вправе говорить о наличии сложившихся партийных ячеек на дредноутах. В самом Гельсингфорсе представительства и комитеты партий сложились давно: Гельсингфорское отделение РСДРП – 4 марта (по инициативе С.А. Гарина (Гарнфильда)), партии социалистов-революционеров – 12 апреля, анархистский клуб – в первых числах марта.⁹⁵⁷

Наблюдалась популяризация социал-демократических взглядов в среде моряков. Отсюда и рост численности их сторонников, в том числе и на линкорах 1-й бригады. Так, если социал-демократическая организация на “Гангуте” до февраля 1917 года насчитывала вместе с сочувствующими не более 50 чел.⁹⁵⁸, то на середину июня численность достигала 150 чел., т.е. увеличилась в 3 раза! Обычно это давало повод советским исследователям относить эти 150 чел. к большевистскому течению социал-демократов (а равно и 160 чел. с “Петропавловска” и 100 – с “Полтавы”).⁹⁵⁹ Но упускался из виду факт раскола Гельсингфорского отделения РСДРП в середине мая на меньшевиков и большевиков. Поэтому мы вправе предполагать, что и часть моряков, входивших в названные цифры, отошла к меньшевикам. Известно, что существовали достаточно многочисленные и хорошо организованные меньшевистские группы на “Севастополе” и “Полтаве”. На “Севастополе” её возглавляли председатель судового комитета мичман В.Н. Соколов и кокегар П. Антонов.⁹⁶⁰

Существовала и большевистская организация, руководимая А.С. Штаревым. Анархистом являлся Э.А. Берг. На “Полтаве” меньшевистской секцией руководил А.Ф. Сакман, а большевистским коллективом – матрос I статьи Ф.М. Иванов, причем и те и другие составляли до мая единую организацию. Это лишний раз подтверждает возможность ошибки при подсчетах. Что касается “Петропавловска”, то там налицо влияние анархистов,

которые являлись членами клуба, появившегося в Гельсингфорсе, по-видимому, в первой половине марта.⁹⁶¹ Представителями этого течения были, в частности, Е.С. Блохин и А.П. Скуев.⁹⁶² Сильна была и большевистская ячейка, руководимая Н.М. Сычом и Ф.М. Дмитриевым.⁹⁶³ Частая поддержка анархистами позиции большевиков тоже могла вводить в заблуждение исследователей. Вообще, наиболее “большевизировавшимся” кораблем бригады являлся, на наш взгляд, “Гангут”, где с середины апреля председателем судового комитета стал матрос-большевик В. Куковеров, а его заместителем – сочувствовавший РСДРП (б) Н. Хряпов.⁹⁶⁴ К большинству членов комитета это тоже относилось. Активно поддерживали взгляды большевиков И.С. Хомутов и Ф.З. Булаев, часто печатавшиеся в “Волне”.⁹⁶⁵ Не случаен и тот факт, что распространителем “Волны” на дредноутах был матрос “Гангута” Д.И. Иванов.⁹⁶⁶

Если же говорить об эсеровских организациях, то наиболее многочисленные были, вероятно, опять-таки на “Севастополе” и “Полтаве”. Первое собрание Гельсингфорского отделения этой партии состоялось 12 апреля. Одним из докладчиков был унтер-офицер “Севастополя” Ф. Вакс.⁹⁶⁷ Спустя 11 дней состоялось собрание корабельных и ротных организаторов ячеек в комитете. На нем присутствовали и представители с “Севастополя”, “Полтавы” и “Гангута” Ф. Вакс, С. Костюков и В. Виноградов.⁹⁶⁸ После перевода В. Виноградова с “Гангута” 2 мая руководителя эсеровской ячейки установить не удалось, а Д.И. Иванов отметил в своих воспоминаниях, что “их численность сократилась на две трети”.⁹⁶⁹ Косвенно падение роли эсеров подтверждает и отсутствие в резолюции необходимости продолжения войны и доверия к офицерам экипажа “Гангута”. Она подписывалась лишь экипажами “Севастополя” и “Полтавы”.⁹⁷⁰

Офицеры дредноутов в большинстве своем не состояли в политических партиях социалистического направления. Их взгляды выражали такие организации, как “Союз офицеров-республиканцев, врачей и чиновников армии и флота Свеаборгского порта”. Его первое заседание прошло 24 марта под председательством старшего лейтенанта В.И. Демчинского. На 1-й бригаде группу офицеров, входивших в этот союз, возглавлял весной флагманский штурман лейтенант П.Н. Бунин. Численность этой группы составляла 30 человек.⁹⁷¹ Судовые врачи бригады являлись членами “Союза военно-морских врачей”, действовавшего под председательством санитарного инспектора флота И.В. Ковалевского с 14 марта. Его заместителем был до своей отставки старший врач “Севастополя” И.И. Тржемесский, а затем – И. Гребнёв.⁹⁷² В июне возникла ещё одна организация, которая должна была координировать деятельность двух офицерских союзов – “Союз офицеров, врачей и чиновников” (Промор). Её возглавил командир “Севастополя” капитан I ранга В.П. Вилкен.⁹⁷³ Все члены партийных организаций и союзов присутствовали на заседаниях, съездах, митингах, а это создавало определенные трудности для службы.

Определить степень влияния партий на матросские массы мы можем приблизительно с помощью косвенных свидетельств. Так, 28 июня на дредноутах производились перевыборы судовых комитетов, о чем уже

Моряки Балтики. 1919-1920-е гг.

говорилось выше. Наиболее интересным аспектом, за исключением полных списков депутатов и кандидатов на всех кораблях, выступает партийная принадлежность их председателей. На "Петропавловске" беспартийного матроса Иванова в этой должности заменил большевик старший электрик И.И. Дючков, на "Севастополе" – меньшевика мичмана В.Н. Соколова – эсер гальванер I статьи Ф. Базанов, на "Полтаве" председателем стал эсер Аршоев, а на "Гангуте" – большевик А. Трифонов.⁹⁷⁴ О влиянии анархистов на "Петропавловске" говорят сами действия экипажа корабля 1-3 и 21 июня. К тому же представителями "Петропавловска" в Гельсингфорском Совете депутатов армии, флота и рабочих являлись анархисты Е. С. Блохин и А.П. Скуев. А А.П. Скуев представлял экипаж "Петропавловска" на I съезде представителей Балтийского флота. Эти факты, по нашему мнению, говорят, что их личная популярность на корабле была значительна.

С другой стороны, команды "Севастополя" и "Полтавы" в летние месяцы поддерживали политику правительства, по крайней мере, в вопросе о войне. 16 июля в "Известиях Гельсингфорского Совета..." свет увидели резолюции экипажей этих линейных кораблей. Матросы "Севастополя" заявляли в частности следующее: "До тех пор, пока Германия не откажется от имперской и захватной политики, считаем необходимым активное продолжение войны".⁹⁷⁵ "Полтавцы" вообще "клеямили позором бегущие с поля сражения войска" и призывали "сплотиться... вокруг революционного правительства,

его главного вождя Керенского и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".⁹⁷⁶ Все это подтверждает вывод В.В. Петраша, что летом 1917 г. на "Полтаве" и "Севастополе" "преобладали оборонцы и соглашатели".⁹⁷⁷

Однако, репрессивные меры, предпринятые правительством в июле 1917 г., в том числе и по отношению к Центральному Комитету Балтийского флота способствовали некоторому изменению настроений. Так, на выборах в ЦКБФ II созыва (15 июня – 1 июля) от дредноутов вошли 5 человек. Это были: машинист "Гангута" Я.В. Грачев и матрос "Петропавловска" Н.А. Разин (сочувствующие большевикам), машинный унтер-офицер с "Севастополя" С.М. Максимов (меньшевик), гальванер с того же корабля – Э.А. Берг (анархист) и артиллерийский унтер-офицер с "Полтавы" П.И. Грошев (эсер).⁹⁷⁸ В Центробалт III созыва, который начал работу 25 июля, от "Петропавловска" и "Гангута" традиционно прошли сочувствующие большевикам анархист Е.С. Блохин и беспартийный П.А. Вербицкий, но и "Севастополь" избрал сочувствовавшего большевикам матроса Я.А. Мохова. Лишь делегат от "Полтавы" А. Смирнов был эсером.⁹⁷⁹ Примерно с этого же времени анархист Е.С. Блохин начал голосовать за большевистские резолюции в Гельсингфорсском Совете.⁹⁸⁰ Характеризуя политические настроения нижних чинов в этот период, необходимо отметить тенденцию к склонению их влево, по сравнению с летними месяцами 1917 г. Выражалось это в явно антиправительственных акциях, таких, как поднятие красных флагов, формирование боевых отрядов. В этих условиях доверие оказывалось представителям левых течений. Так, в начале сентября под давлением экипажа "Севастополя" из Исполкома Гельсингфорского Совета был исключен меньшевик А. Баров, замененный членом партии левых эсеров К. Фокиным.⁹⁸¹ 27 сентября Редакционную секцию возглавил большевик И.С. Хомутов, а 9 октября в состав Исполнительного Комитета Совета вошел от 1-й бригады линкоров еще один представитель – большевик Ф.З. Булаев с "Гангута".⁹⁸²

А.Ф. Сакман с "Полтавы", ставший комиссаром РК, в этот период относил себя уже к меньшевикам-интернационалистам. То же можно сказать и об одном из руководителей меньшевистской секции "Севастополя" кочегаре П. Антонове, избранном от Гельсингфорского Совета в Областной Комитет Финляндии.⁹⁸³

Аналогичные процессы проходили в это время и в Центральном Комитете Балтийского флота. Наиболее умеренный из всех делегатов бригады дредноутов матрос I статьи линейного корабля "Полтава" А. Смирнов был отозван командой и передал затем свои полномочия левому эсеру унтер-офицеру С. Данченкову.⁹⁸⁴

Показательно также, что на II съезде моряков Балтийского флота во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов был избран большевик гальванерный унтер-офицер с "Гангута" П.А. Вербицкий, а делегатом на II Всероссийский съезд Советов стал сочувствующий большевикам матрос I статьи Ф.В. Олич.⁹⁸⁵ Тогда же было принято решение о переизбрании ЦКБФ. 16 октября начал функционировать Центробалт IV созыва. Характерно прошли выборы на кораблях 1-й бригады линкоров. От линейного корабля "Гангут" деле-

гатами стали большевики И. Журавлев и Н. Хряпов, являвшийся председателем судового комитета. “Севастополь” повторно избрал в ЦКБФ сочувствующего большевикам гальванера Я.А. Мохова. Команда “Полтавы” последовала общей тенденции и выбрала своим депутатом также большевика К. Шувалова.⁹⁸⁶

Если же затрагивать партийный состав судовых комитетов, то нам известен лишь один – “Севастополя” – полностью. Поэтому в этом случае данные очень приблизительны. Председателем судового комитета “Севастополя” после перевыборов 21 сентября являлся беспартийный гальванер П. Перепелкин, склонявшийся, по воспоминаниям Н.А. Ховрина, к левозсеровским воззрениям.⁹⁸⁷ Первым товарищем председателя судового комитета являлся большевик К. Половин, а секретарем – большевик Ф. Чистяков.⁹⁸⁸ Лишь второй товарищ председателя представлял меньшевиков, пользовавшихся до этого заметным влиянием на корабле.⁹⁸⁹ На “Гангуте” председателем судового комитета повторно стал большевик Н. Хряпов, секретарем – беспартийный С. Плеханов.⁹⁹⁰

Вполне вероятно, что влияние большевиков в судовом комитете “Петропавловска” было не меньше, поскольку позиции этого течения оставались там всегда сильными. Но даже и в отношении комитетов “Севастополя” и “Гангута” мы можем наблюдать, что руководили ими представители левых социалистических партий, причем если для “Гангута” это являлось характерным с середины весны 1917 г., то для “Севастополя”, где на команду влияли представители умеренных социалистов, это стало возможно лишь осенью. То есть получает подтверждение вывод С.С. Хесина и Е. Ю. Дубровской о полевении настроений моряков осенью, чем умело воспользовались большевики совместно с левым крылом эсеров и меньшевиков.⁹⁹¹ Наиболее важной причиной подобной трансформации следует по всей вероятности, считать падение авторитета Временного правительства, куда входили и представители умеренных эсеров и меньшевиков, в глазах моряков. Ведь к осени так и не была решены наиболее насущные вопросы для населения: о войне, о земле, национальный вопрос. Весьма показательным в этом смысле стало выступление беспартийного представителя линейного корабля “Петропавловск”. П. Хайминова в ЦКБФ по случаю поднятия 3 сентября боевых флагов. Позволим себе привести небольшой фрагмент из него: “Они (флаги – Д.Б.) будут висеть, пока не будут удовлетворены наши требования об установлении настоящей демократической республики. Не имеет смысла давать доверие Временному правительству, так как нам до сих пор не дали ни земли и ничего другого”.⁹⁹²

С другой стороны, здесь скрывалось и нежелание воевать, исполнять обязанности по службе, подчиняться своим корабельным начальникам. И единственный выход многим виделся в уничтожении существовавшей системы власти. Сумму этих показателей и использовали левые, бросая такие лозунги, как: “Долой войну!”, “Землю – крестьянам!” “Вся власть – Советам!” И чем дольше правительство не могло приступить к улучшению условий жизни населения, тем радикальнее становились выступления. Так, 17 октября экипаж “Гангута” опубликовал такую резолюцию: “В развале в стране повинно

Временное правительство, поэтому экипаж линейного корабля “Гангут” призывает: долой оборонцев – соглашателей, да здравствует новый Интернационал, да здравствует единая власть – власть Советов!”⁹⁹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как мы могли убедиться, балтийские дредноуты сыграли весьма не однозначную роль. Они создавались как главная защита Петрограда от неприятеля с моря. Однако с падением монархии сам Петроград резко изменил своё значение. Из столицы империи, средоточия большинства её жизнеобеспечивающих органов, в 1917 г. он стал источником и эталоном всех нововведений. Вероятно, не будет большим преувеличением замечание, что Петроград в марте-октябре 1917 г. стал не только “колыбелью”, но и символом революционного процесса. И к октябрю экипажи дредноутов готовы были верой и правдой защищать уже то новое, что, по их мнению, углубляло революцию, направляло её в верное русло.

Глобальные социальные и политические изменения не являются сиюминутными, неожиданными акциями. Подготовка к ним, пусть и неосознанная, идёт долго и постепенно. Массированной критике существующая система подвергается в том случае, если появляются трудности, заставляющие большую часть населения отказываться от привычного образа жизни. Иными словами, с изменением обыденного существования, повседневной практики меняются и настроения. Поэтому первые сдвиги в сторону грядущих потрясений можно обнаружить в повседневности. Конечно, вооружённые силы власти во время войны старались оберегать от экономических трудностей. Но утверждать, что это удалось, мы однозначно не можем. На конкретных примерах, касавшихся сферы питания и обеспечения обмундированием, мы могли видеть если не кризис снабжения, то его начало. К тому же, важную роль играл человеческий фактор – те, кто воевал, знали о проблемах и трудностях в стране от родных и близких. Военные, являясь частью общества, могли и были способны двигаться за его настроениями. Это стало очевидно в февральско-мартовские дни 1917 г.

Несколько приостановить подобный “дрейф” могло активное участие в военных действиях, что являлось ярко окрашенным психологическим процессом. Однако характер боевых действий в этой войне имел особенности. Тяжёлые, упорные бои чередовались с длительными периодами “позиционной войны”, что воздействовало на личный состав разлагающе. Балтийские новейшие линейные корабли, которые оберегали как зеницу ока, тем более подвергались этой болезни. Экипажи бригады в течение военных действий в дореволюционный период в основном занимались боевой подготовкой. Особенно интенсивный характер она приобретала летом – осенью 1915 г. и в первой половине лета 1916 г. Благодаря этому, достигался высокий уровень выучки личного состава. Однако постоянное ожидание боевой практики и её реальное отсутствие приводили к явлению, традиционно называемому падением боевого духа. Косвенно своё проявление оно находило в побегах на сухопутный фронт. Прямым выражением являлось возрастание дисциплинарных нарушений и проступков, связанных с нарушением правил корабельного распорядка и пребывания на

берегу. Такие настроения подогревались большой напряженностью ритма службы в месяцы наиболее интенсивных учений, т.е. летом – осенью 1915 г. и в июне – июле 1916 г. В результате, эти обстоятельства, а также ряд случайностей, привели к наиболее значительному выступлению нижних чинов на линейном корабле “Гангут” 19 октября 1915 г.

Негативным фактором являлась и недостаточная организация досуга, в отличие от флотов других воюющих государств. На кораблях бригады она сводилась к возможности участия в нескольких кружках, преимущественно спортивных, а также использованию судовой библиотеки, укомплектованной при этом односторонне. Другими средствами развлечения команды в зимнее время были катки и кинематографические сеансы. Вне корабля проблема до 1917 г. не решалась. Ограничения для посещения матросами отдельных мест и городских районов Гельсингфорса также приводили к росту правонарушений.

Во внутренних взаимоотношениях членов экипажа четко прослеживалось сосуществование трех обособленных групп: офицеров, унтер-офицеров и рядовых. В случае возникновения конфликтных ситуаций каждая из них старалась поддерживать и защищать интересы своих представителей доступными средствами. Подобная обособленность, по нашему мнению, являлась традиционной для русского флота. В то же время в иностранных флотах, в частности, в английском, эта традиция преодолевалась. Сохранение подобного жёсткого деления добавляло разобщенности и служило благодатной почвой для формирования враждебности, негативного отношения.

Анализируя течение революционного процесса в марте-октябре 1917 г., нельзя не отметить такую особенность, как “спрессованность” событий во времени, их быстрое “перетекание” одного в другое. Однако и в таких условиях, на наш взгляд, вполне реальной подоплёкой политической эволюции стали изменения в повседневной служебной и бытовой практике.

Именно передача многих хозяйственных вопросов в руки судовых комитетов и успешное их решение повлекли за собой увеличение авторитета этих организаций. Офицерство, тем самым, лишилось монопольного права отдавать приказания.

Процесс этот шел постепенно и имел несколько этапов. Весной 1917 г., в первые послереволюционные месяцы, наблюдается единство большей части экипажей дредноутов, согласованность в большинстве вопросов между матросскими делегатами судовых комитетов и командного состава, участие офицеров в работе комитетов. Этим положением в Гельсингфорсе выгодно отличалось от Кронштадта. Однако летом офицеры почти перестали делегироваться в судовые организации. Комитеты без особых оснований могли отказаться выполнять необходимые ремонтные работы, члены комитета за проступки не подвергались наказаниям. После событий конца августа комитеты сделали некоторые шаги, ставившие командный состав под их контроль. С другой стороны,

сами комитеты стали подконтрольны комиссарам и тем организациям, которые их направляли. Тем самым, благодаря влиянию выборных организаций, вооружённые силы всё больше ориентировались на политические взгляды их представителей. Роль военных менялась: из опоры системы власти и государства, созданной в результате свержения монархии, они стали инструментом политической борьбы, в том числе и с самим государством.

Способствовало такому положению изменение состава военных моряков на дредноутах. Основными его источниками являлись демобилизация старослужащих и дезертирство. Офицеры не представляли собой исключения: они также под благовидными предложениями стремились покинуть дредноуты и добиться назначений в другие места – поближе к фронту, либо в штабы. Молодые матросы и специалисты, призывавшиеся на линейные корабли, легче воспринимали революционные нововведения, для них офицер не являлся более безоговорочным начальником. Отмена института кондукторов и демобилизация старослужащих способствовали развитию подобных убеждений.

Тесно связано с этим и уничтожение старых атрибутов службы, имевшее политическую окраску. Отсутствие четкой координации, единого плана, запаздывание в принятии окончательных решений привели к невозможности со стороны командования контролировать ход процесса. Изменение офицерской формы, зачастую в угоду нижним чинам, стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. В свою очередь, это способствовало дальнейшему снижению авторитета офицеров, которые не смогли отстоять свои прежние знаки отличия.

Изменился, по сравнению с дореволюционным временем, и досуг экипажей. Активная политическая жизнь привела к прекращению деятельности судовых кружков. В основном, культурный досуг организовывался секциями Матросского клуба. Однако большая часть свободного времени проходила у нижних чинов на митингах, в обсуждении резолюций и постановлений. При таких условиях и возросшей доступности увольнений в Гельсингфорс корабельная служба становилась не более чем придатком к берегу. Это ещё усиливало нежелание заключать себя в рамки “фронтного” быта. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы.

Таким образом, основные элементы, образовавшие повседневность (служебная деятельность, дисциплина, досуг), подвергались в марте-октябре 1917 г. значительному влиянию со стороны политического фактора. В политику оказались втянуты все моряки. Политика становилась элементом повседневности, при этом изменяя и трансформируя ее. Видимо, это является типичной чертой данного этапа исторического развития, во время которого происходила решительная и коренная перестройка всей политической системы России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

КАК БЫЛ УСТРОЕН ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ “ТАНГУТ”

Корабль делился на поперечные отсеки 13 главными водонепроницаемыми переборками. Вдоль бортов простирались водонепроницаемые переборки. Линкор имел три броневые палубы. Нижняя палуба заканчивалась броневым скосом, упиравшимся в нижнюю кромку главного броневое пояса. Форштевень корабля имел ледокольное образование. Внутреннее расположение помещений определялось заданным в технических условиях местоположением башен главного калибра, которые установили в диаметральной плоскости примерно на одинаковых расстояниях одна от другой и от оконечностей корабля. Под башнями находились артиллерийские погреба.

Всю среднюю часть корабля от первой до четвертой башни занимала машинно-котельная установка. В районе второй и третьей башен находились помещения для четырех турбогенераторов по 320 кВт с электростанциями.

В носовой части корабля располагались шпильное устройство, помещение для трех малых дизель-генераторов по 120 кВт с электростанцией, жилые помещения команды и баня. Носовой центральный пост размещался под боевой рубкой на третьей палубе.

Кормовая часть отводилась под жилые помещения для офицеров и командира корабля, румпельные отделения, кормовой центральный пост, помещение для двух больших дизель-генераторов по 320 кВт с электростанцией и радиотелеграфную рубку, где были установлены искровые радиотелеграфные станции мощностью 0,2 и 10,2 кВт. Источники электроэнергии при боевой нагрузке обеспечивали одновременную работу приводов всех четырех башен, систем подачи боеприпасов, управления рулями, электродвигателей открывания дверей всех боевых рубок, прожекторов, электроventильаторов, радиотелеграфной станции, приборов управления стрельбой и 65 % осветительных приборов.

Линкоры были оборудованы двумя балансирными рулями.

По мере проектирования и постройки основные тактико-технические характеристики линкоров типа “Севастополь” непрерывно изменялись, как уже было сказано, из-за растущей перегрузки. По данным ГУК, на 1 сентября 1912 г. они были следующими:

Водоизмещение (нормальное), т 23288
Длина по КВЛ, м 181,2
Ширина (с броней), м 26,9
Осадка, м 8,5
Метacentрическая высота, м 1,76

Запас топлива при этом составлял 816 т угля и 200 т нефти.

К окончанию постройки полное водоизмещение “Тангута” достигло 25946 т при осадке 9,28 м с запасом угля 1500 т, нефти 700 т. Линейные корабли “Севастополь”, “Петропавловск” и “Полтава” имели такую же перегрузку.

В соответствии с этой идеей главный пояс брони линкора простирался по ватерлинии от носовой до кормовой башен и имел толщину 225 мм, которая в оконечностях уменьшалась до 125 мм. Набирался этот пояс из стальных плит размером по вертикали 5 м. При этом они выступали над ватерлинией при проектной осадке на 3,26 м. Плиты опирались на прочный контур, связанный с общей системой набора корпуса, а своей нижней частью устанавливались на специальный шельф (полку), воспринимавший нагрузку броневое пояса. Крепились плиты к рубашке броневыми болтами, расположенными так, чтобы предотвратить разворот плит при ударе и взрыве снаряда. Одноярусное (вертикальное) расположение броневых плит, а также их надежное крепление к рубашке уменьшали вероятность отрыва и разворота при попадании снарядов.

Однако эффективность защиты борта несколько снижалась из-за перегрузки корабля, так как главный броневое пояс при осад-

ке 9,28 м опускался под воду почти на 1 м по сравнению с проектными расчетами.

Верхний броневое пояс высотой 2,72 м и толщиной 125 мм также простирался по всей длине корабля от первой башни до четвертой. В носовой оконечности линкора толщина его уменьшалась до 75 мм, а в корме, позади четвертой башни, броня отсутствовала.

Главной броневой палубой являлась верхняя, покрытая броневыми листами толщиной 37,5 мм. Средняя броневая палуба служила преградой для проникновения осколков при разрыве снаряда в первом междупалубном пространстве. Она покрывалась броневыми листами толщиной 25 мм, которая уменьшалась от продольной переборки к бортовой до 19 мм.

Нижняя палуба была покрыта стальными листами толщиной 12 мм. По всей длине главного броневое пояса между первой и четвертой башнями (29-125-й шп.) на расстоянии 3,4 м от борта были установлены продольные водонепроницаемые переборки из судостроительной стали.

Между нижней и верхней палубами переборки бронировались, их толщина в нижнем междупалубном пространстве достигала 50 мм, а в верхнем — 37,5 мм.

Таким образом, суммарная толщина главного броневое пояса составляла 275 мм, а верхнего — 162,5 мм. Начиная от нижней палубы, продольная переборка переходила в броневое скос, который упирался в нижний срез брони главного пояса. Броневое скос толщиной 50 мм крепился к рубашке толщиной 12 мм. Помещения, находившиеся между бортом и продольной переборкой, сверху и снизу броневое скоса заполнялись углем.

Броневые траверзы в местах окончания главного броневое пояса в районе первой и четвертой башен имели толщину 100 мм. Румпельные отделения прикрывались броней толщиной 100-125 мм. Бронирование боевых рубок (носовой и кормовой) было одинаковым: вертикальная броня достигала толщины 254 мм, крыши — 100 мм, а пола — 76 мм. Труба, защищающая провода между боевой рубкой и центральным постом, имела толщину 76 мм, а в самой рубке — 127 мм.

Броня неподвижных барбетов башен главного калибра была толщиной над верхней палубой 150 мм, а ниже — 75 мм. Барбеты концевых башен имели толщину ниже верхней палубы 125 мм.

Вращающаяся вертикальная броня стенок башен составляла 203 мм, а толщина крыши — 76 мм. Задняя часть башни — противовес — имела толщину 305 мм.

Кожухи дымовых труб закрывались броневыми листами толщиной 22 мм.

Энергетическая установка состояла из 25 котлов системы Ярроу типа Английского адмиралтейства и 10 турбин системы Парсонса. Мощность энергетической установки при ходе 23 уз и 300 об/мин турбин составляла 42 000 л.с. Нормальная мощность при ходе 21,75 уз и 270-280 об/мин главных турбин была около 32 000 л.с. Общая нагревательная поверхность котельной установки — 9198,9 кв. м. Три первых носовых котла имели нагревательную поверхность по 311,9 кв.м, а остальные 22 — по 375,6 кв.м. Давление пара в котлах было принято 17,5 атм.

Котлы размещались в четырех котельных отделениях. Два первых смежных котельных отделения находились между первой и второй башнями (40-46-й и 51,5-57-й шпангоуты). В носовом отделении располагалось три котла в один ряд, во втором — шесть котлов в два ряда. Два вторых котельных отделения располагались между второй и третьей башнями (64-69,5-й и 75-86-й шпангоуты). В каждом из них было установлено по восемь котлов (по

Продолжение см. на стр 110.

- 7) *Staphylococcus viridans* var. *viridans*
- 8) *Staphylococcus aureus*
- 9) *Staphylococcus epidermidis*
- 10) *Staphylococcus saprophyticus*
- 11) *Staphylococcus carnosus*
- 12) *Staphylococcus*
- 13) *Staphylococcus*
- 14) *Staphylococcus*
- 15) *Staphylococcus*
- 16) *Staphylococcus*
- 17) *Staphylococcus*
- 18) *Staphylococcus*
- 19) *Staphylococcus*
- 20) *Staphylococcus*
- 21) *Staphylococcus*

72. *Мелано*
73. *Зеленый 12-миллиметровый*
74. *Белоснежный 10-миллиметровый*
75. *Зеленый 12-миллиметровый*
76. *Белоснежный 10-миллиметровый*
77. *Белоснежный 10-миллиметровый*
78. *Белоснежный 10-миллиметровый*
79. *Белоснежный 10-миллиметровый*
80. *Белоснежный 10-миллиметровый*
81. *Белоснежный 10-миллиметровый*
82. *Белоснежный 10-миллиметровый*
83. *Белоснежный 10-миллиметровый*
84. *Белоснежный 10-миллиметровый*
85. *Белоснежный 10-миллиметровый*
86. *Белоснежный 10-миллиметровый*
87. *Белоснежный 10-миллиметровый*
88. *Белоснежный 10-миллиметровый*
89. *Белоснежный 10-миллиметровый*
90. *Белоснежный 10-миллиметровый*
91. *Белоснежный 10-миллиметровый*
92. *Белоснежный 10-миллиметровый*
93. *Белоснежный 10-миллиметровый*
94. *Белоснежный 10-миллиметровый*
95. *Белоснежный 10-миллиметровый*
96. *Белоснежный 10-миллиметровый*
97. *Белоснежный 10-миллиметровый*
98. *Белоснежный 10-миллиметровый*
99. *Белоснежный 10-миллиметровый*
100. *Белоснежный 10-миллиметровый*

Линейный корабль „Тангут“
Продольный разрез.

Список деталей (по номерам на чертеже):

1. Палуба
2. Кормовая мачта
3. Кормовая дымовая труба
4. Кормовый люк
5. Шлюз
6. Шлюзовая камера
7. Шлюзовая дверь
8. Шлюзовая рама
9. Шлюзовая рама
10. Шлюзовая рама
11. Шлюзовая рама
12. Шлюзовая рама
13. Шлюзовая рама
14. Шлюзовая рама
15. Шлюзовая рама
16. Шлюзовая рама
17. Шлюзовая рама
18. Шлюзовая рама
19. Шлюзовая рама
20. Шлюзовая рама
21. Шлюзовая рама
22. Шлюзовая рама
23. Шлюзовая рама
24. Шлюзовая рама
25. Шлюзовая рама
26. Шлюзовая рама
27. Шлюзовая рама
28. Шлюзовая рама
29. Шлюзовая рама
30. Шлюзовая рама
31. Шлюзовая рама
32. Шлюзовая рама
33. Шлюзовая рама
34. Шлюзовая рама
35. Шлюзовая рама
36. Шлюзовая рама
37. Шлюзовая рама
38. Шлюзовая рама
39. Шлюзовая рама
40. Шлюзовая рама
41. Шлюзовая рама
42. Шлюзовая рама
43. Шлюзовая рама
44. Шлюзовая рама
45. Шлюзовая рама
46. Шлюзовая рама
47. Шлюзовая рама
48. Шлюзовая рама
49. Шлюзовая рама
50. Шлюзовая рама
51. Шлюзовая рама
52. Шлюзовая рама
53. Шлюзовая рама
54. Шлюзовая рама
55. Шлюзовая рама
56. Шлюзовая рама
57. Шлюзовая рама
58. Шлюзовая рама
59. Шлюзовая рама
60. Шлюзовая рама
61. Шлюзовая рама
62. Шлюзовая рама
63. Шлюзовая рама
64. Шлюзовая рама
65. Шлюзовая рама
66. Шлюзовая рама
67. Шлюзовая рама
68. Шлюзовая рама
69. Шлюзовая рама
70. Шлюзовая рама
71. Шлюзовая рама
72. Шлюзовая рама
73. Шлюзовая рама
74. Шлюзовая рама
75. Шлюзовая рама
76. Шлюзовая рама
77. Шлюзовая рама
78. Шлюзовая рама
79. Шлюзовая рама
80. Шлюзовая рама
81. Шлюзовая рама
82. Шлюзовая рама

44. <u>Наследственный синдром</u>	66. <u>Бактериальное ожог</u>
45. <u>Синдромы наследован</u>	67. <u>Наследственный синдром</u>
46. <u>Синдромы наследован</u>	68. <u>Наследственный синдром</u>
47. <u>Синдромы наследован</u>	69. <u>Наследственный синдром</u>
48. <u>Синдромы наследован</u>	70. <u>Наследственный синдром</u>
49. <u>Синдромы наследован</u>	71. <u>Наследственный синдром</u>
50. <u>Синдромы наследован</u>	72. <u>Наследственный синдром</u>
51. <u>Синдромы наследован</u>	73. <u>Наследственный синдром</u>
52. <u>Синдромы наследован</u>	74. <u>Наследственный синдром</u>
53. <u>Синдромы наследован</u>	75. <u>Наследственный синдром</u>
54. <u>Синдромы наследован</u>	76. <u>Наследственный синдром</u>
55. <u>Синдромы наследован</u>	77. <u>Наследственный синдром</u>
56. <u>Синдромы наследован</u>	78. <u>Наследственный синдром</u>
57. <u>Синдромы наследован</u>	79. <u>Наследственный синдром</u>
58. <u>Синдромы наследован</u>	80. <u>Наследственный синдром</u>
59. <u>Синдромы наследован</u>	81. <u>Наследственный синдром</u>
60. <u>Синдромы наследован</u>	82. <u>Наследственный синдром</u>
61. <u>Синдромы наследован</u>	83. <u>Наследственный синдром</u>
62. <u>Синдромы наследован</u>	84. <u>Наследственный синдром</u>
63. <u>Синдромы наследован</u>	85. <u>Наследственный синдром</u>
64. <u>Синдромы наследован</u>	86. <u>Наследственный синдром</u>
65. <u>Синдромы наследован</u>	87. <u>Наследственный синдром</u>

1. Kriemhilde's death
2. Hagen's murder of Siegfried
3. Hagen's murder of Dietrich von Bern
4. Hagen's death
5. Dietrich's death
6. Hagen's death
7. Hagen's death
8. Hagen's death
9. Hagen's death
10. Hagen's death
11. Hagen's death
12. Hagen's death
13. Hagen's death
14. Hagen's death
15. Hagen's death
16. Hagen's death
17. Hagen's death
18. Hagen's death
19. Hagen's death
20. Hagen's death
21. Hagen's death
22. Hagen's death
23. Hagen's death
24. Hagen's death
25. Hagen's death
26. Hagen's death
27. Hagen's death
28. Hagen's death
29. Hagen's death
30. Hagen's death
31. Hagen's death
32. Hagen's death
33. Hagen's death
34. Hagen's death
35. Hagen's death
36. Hagen's death
37. Hagen's death
38. Hagen's death
39. Hagen's death
40. Hagen's death
41. Hagen's death
42. Hagen's death
43. Hagen's death
44. Hagen's death
45. Hagen's death
46. Hagen's death
47. Hagen's death
48. Hagen's death
49. Hagen's death
50. Hagen's death
51. Hagen's death
52. Hagen's death
53. Hagen's death
54. Hagen's death
55. Hagen's death
56. Hagen's death
57. Hagen's death
58. Hagen's death
59. Hagen's death
60. Hagen's death
61. Hagen's death
62. Hagen's death
63. Hagen's death
64. Hagen's death
65. Hagen's death
66. Hagen's death
67. Hagen's death
68. Hagen's death
69. Hagen's death
70. Hagen's death
71. Hagen's death
72. Hagen's death
73. Hagen's death
74. Hagen's death
75. Hagen's death
76. Hagen's death
77. Hagen's death
78. Hagen's death
79. Hagen's death
80. Hagen's death
81. Hagen's death
82. Hagen's death
83. Hagen's death
84. Hagen's death
85. Hagen's death
86. Hagen's death
87. Hagen's death
88. Hagen's death
89. Hagen's death
90. Hagen's death
91. Hagen's death
92. Hagen's death
93. Hagen's death
94. Hagen's death
95. Hagen's death
96. Hagen's death
97. Hagen's death
98. Hagen's death
99. Hagen's death
100. Hagen's death

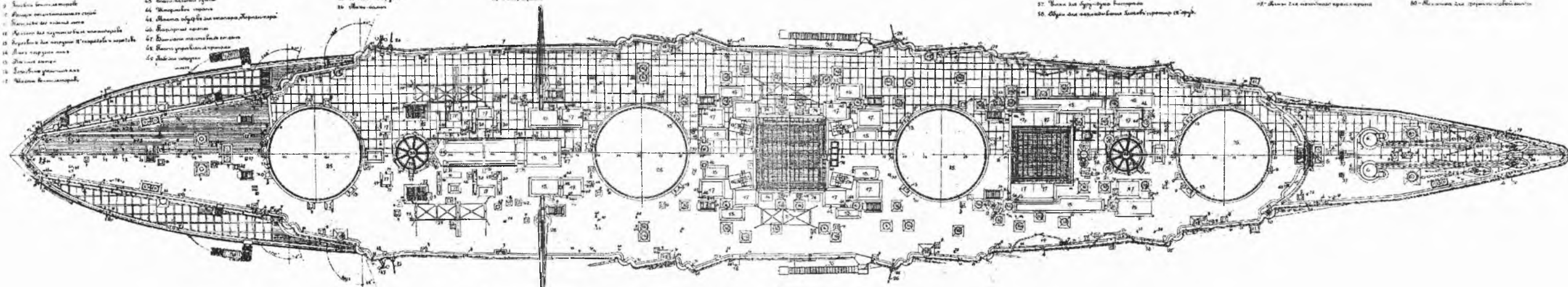
36. Классификация наблюдательных данных
37. Эмпирический наблюдательный процесс
38. План наблюдения наблюдения
39. Метод наблюдения наблюдения наблюдения
40. Классификация наблюдения наблюдения
41. Классификация наблюдения наблюдения
42. Классификация наблюдения наблюдения
43. Классификация наблюдения наблюдения
44. Классификация наблюдения наблюдения
45. Классификация наблюдения наблюдения
46. Классификация наблюдения наблюдения
47. Классификация наблюдения наблюдения
48. Классификация наблюдения наблюдения
49. Классификация наблюдения наблюдения
50. Классификация наблюдения наблюдения

- 18 *Agropyron pygmaeum*
19 *Setaria verticillata* L. - *Setaria verticillata* L.
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

- [illegible]

50. Өзің қандай жұмыс істейсің?
51. Өзің қандай жұмыс істейсің?
52. Өзің қандай жұмыс істейсің?
53. Өзің қандай жұмыс істейсің?
54. Өзің қандай жұмыс істейсің?
55. Өзің қандай жұмыс істейсің?
56. Өзің қандай жұмыс істейсің?
57. Өзің қандай жұмыс істейсің?
58. Өзің қандай жұмыс істейсің?

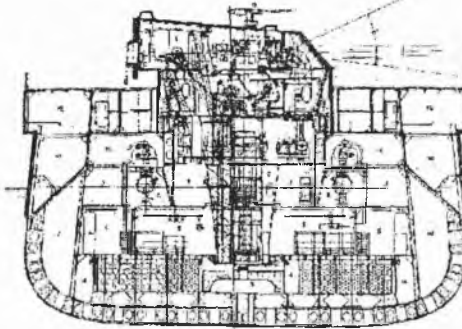
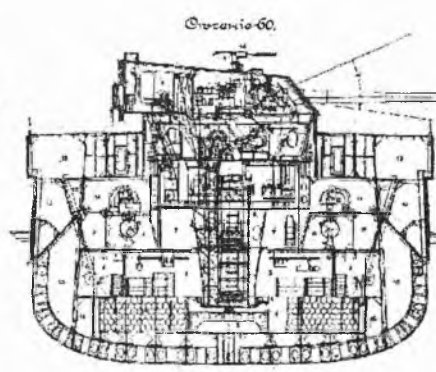
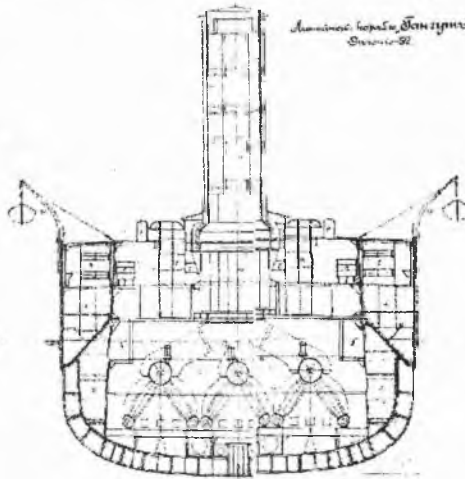
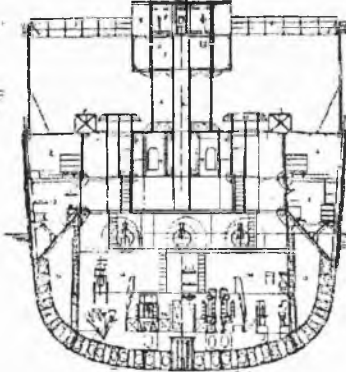
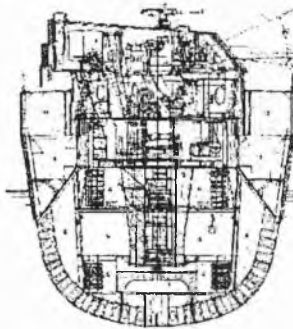
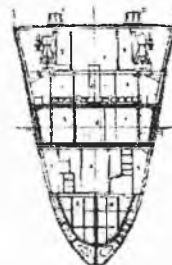
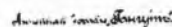
- [illegible]

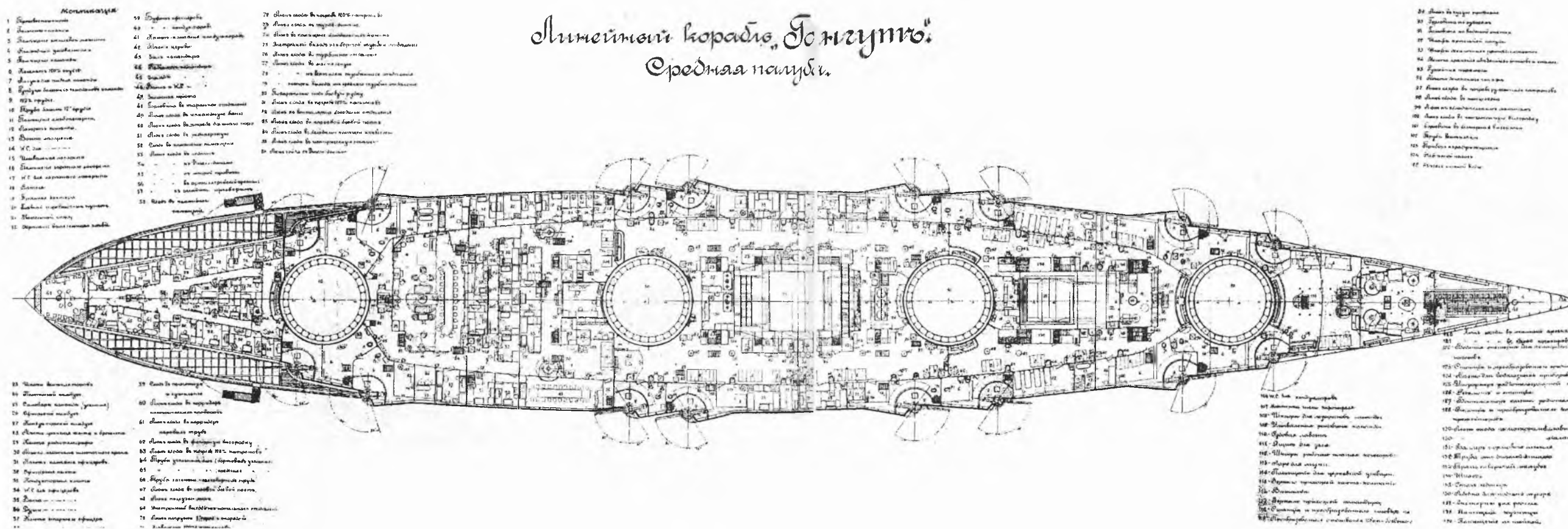
ආරක්ෂක හමුදා නිලධාරීන්

Адрес: г. Москва, Тимирязевский район

အသံကောင်းကောင်း၊ အသံကောင်းကောင်း

Смешивая корабль „Голубок“
Средняя палуба.

Экономическая наука.

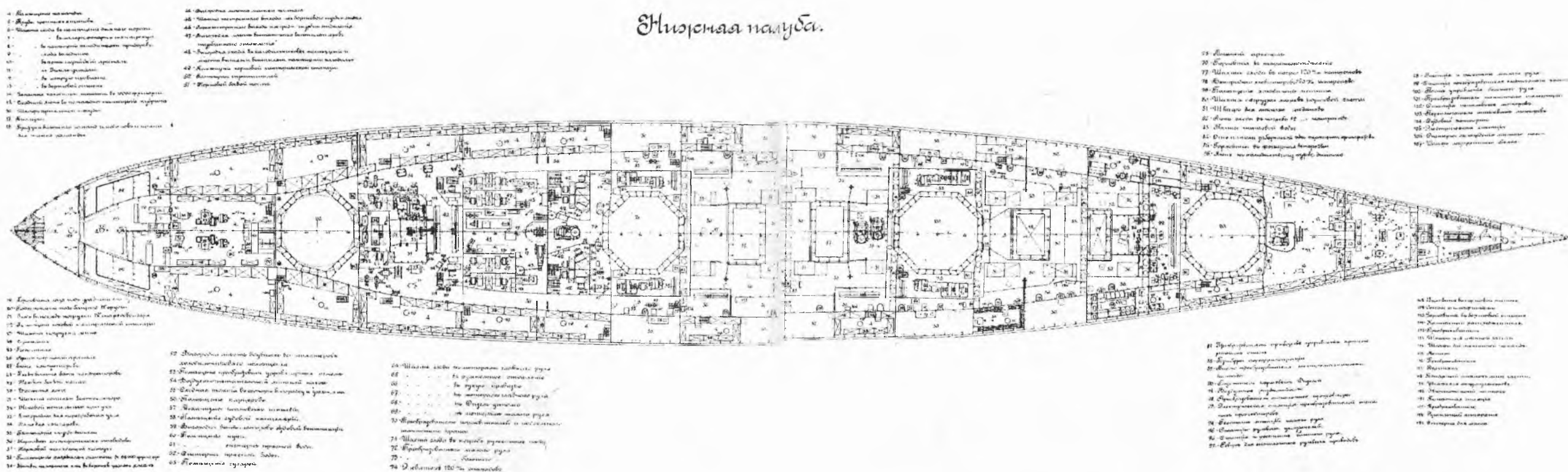

Схема корабля

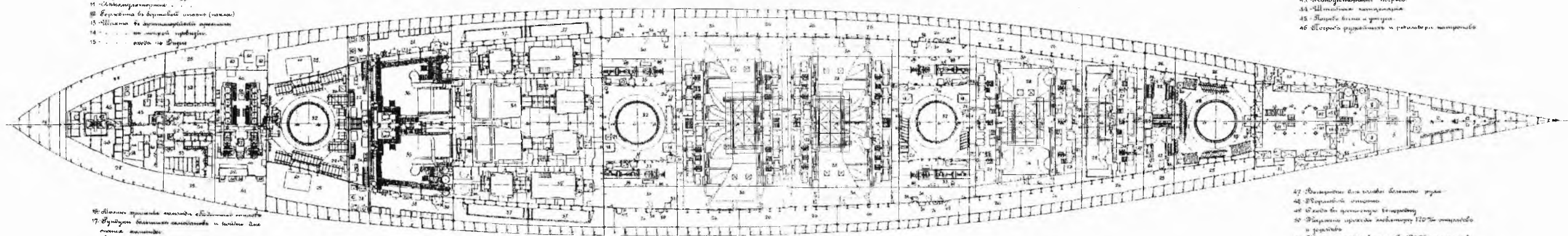
1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

Схема корабля "Тангута"

Судовые

1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

16. Палуба
17. Палуба
18. Палуба
19. Палуба
20. Палуба
21. Палуба
22. Палуба
23. Палуба
24. Палуба
25. Палуба
26. Палуба
27. Палуба
28. Палуба
29. Палуба
30. Палуба

1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

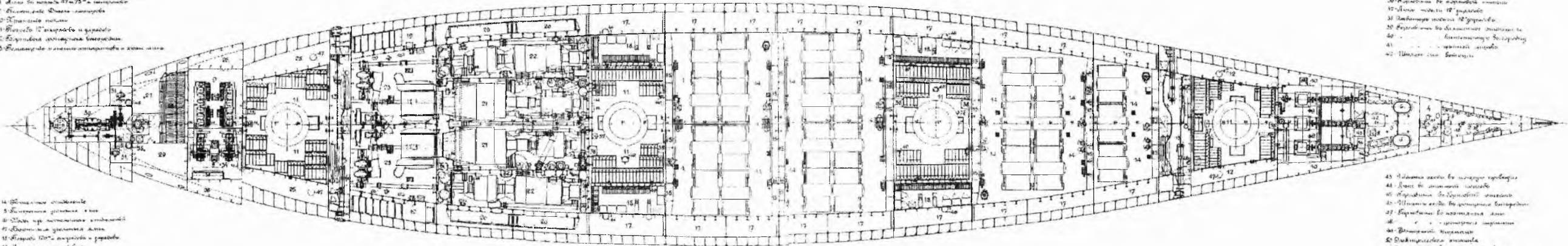
16. Палуба
17. Палуба
18. Палуба
19. Палуба
20. Палуба
21. Палуба
22. Палуба
23. Палуба
24. Палуба
25. Палуба
26. Палуба
27. Палуба
28. Палуба
29. Палуба
30. Палуба

Схема корабля

1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

Платформа

1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

1. Палуба
2. Шлюз
3. Командирская рубка
4. Палуба
5. Палуба
6. Палуба
7. Палуба
8. Палуба
9. Палуба
10. Палуба
11. Палуба
12. Палуба
13. Палуба
14. Палуба
15. Палуба

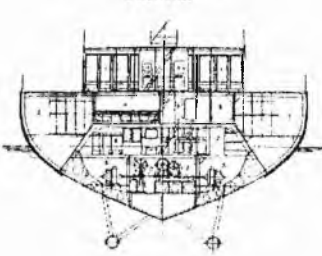
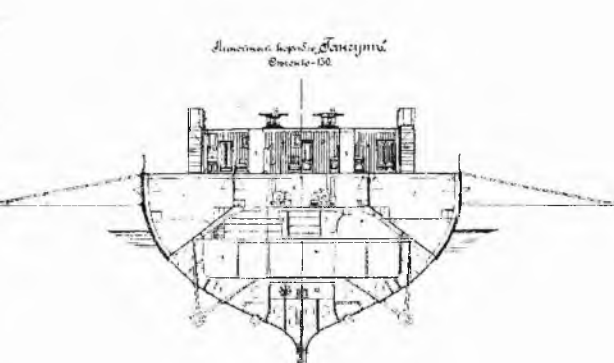
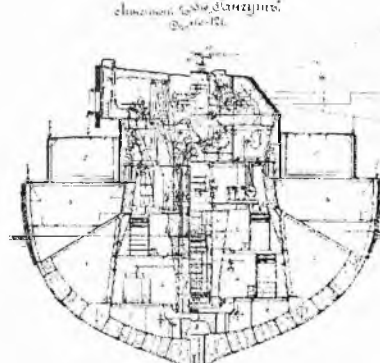
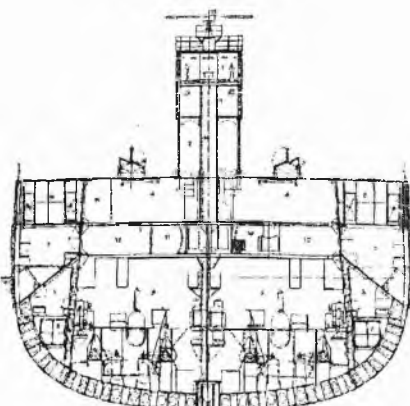
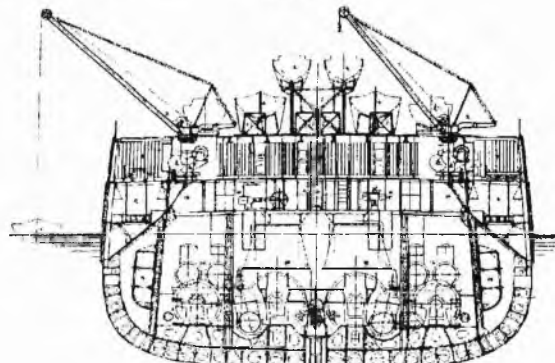
16. Палуба
17. Палуба
18. Палуба
19. Палуба
20. Палуба
21. Палуба
22. Палуба
23. Палуба
24. Палуба
25. Палуба
26. Палуба
27. Палуба
28. Палуба
29. Палуба
30. Палуба

Схема корабля "Тангута"

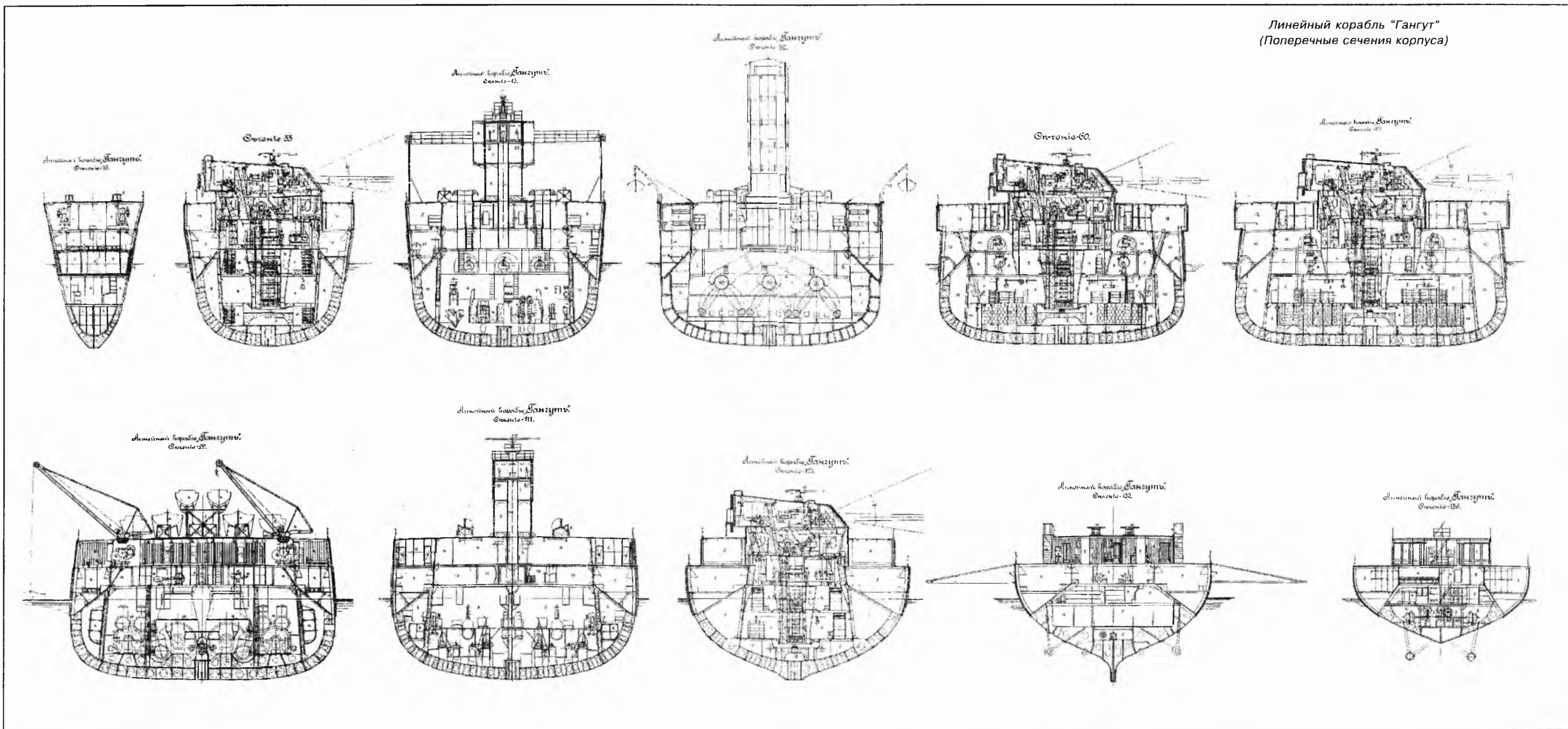
Схема корабля "Тангута"

Схема корабля "Тангута"

Схема корабля "Тангута"

Линейный корабль "Гангут"
(Поперечные сечения корпуса)

четыре в ряду). Все котлы имели смешанное отопление — угольное и нефтяное.

Главные механизмы линкора состояли из десяти паровых турбин, работавших на четыре гребных вала. Турбины были заключены в восемь цилиндрических кожухов и располагались в трех машинных отделениях — в двух бортовых и среднем между третьей и четвертой башнями (93-107-й шпангоуты). В каждом бортовом отсеке было установлено по одной турбине высокого давления переднего и заднего хода (ТВДПХ и ТВДЗХ) в отдельных цилиндрах, работавших на два бортовых гребных вала. В среднем машинном отделении находились две крейсерские турбины высокого давления переднего хода (ТВДПХ), две турбины низкого давления переднего хода (ТНДПХ) и две турбины низкого давления заднего хода (ТНДЗХ); последние были заключены в один корпус. Турбины среднего машинного отделения работали на два средних гребных вала. Начальное рабочее давление в турбинах достигало 11,3 атм.

Каждый корабль был оборудован системой для выравнивания крена и дифферента, пожарной, водоотливной и осушительной системами.

Артиллерия главного калибра размещалась в четырех трехорудийных башнях. Боеприпасы хранились в подбашенном отделении, в верхней части которого располагался зарядный погреб, в нижней — снарядный. Объем погребов был рассчитан на хранение боеприпасов из расчета 100 выстрелов на каждый ствол. Снаряды и заряды хранились в стеллажах. Из них снаряды поднимались специальными храповыми приспособлениями, укладывались на тележки и подавались к подготовительным столам. Далее снаряды поступали в питатели нижних зарядников, расположенных в подачной трубе, и поднимались в перегрузочное отделение, а оттуда заряды и снаряды подавались с помощью верхних зарядников в боевое отделение башни.

Для управления артиллерийской стрельбой главного и противоминного калибров на линкоре была установлена система Гейслера. В ее состав входили дающий прибор прицела, линии электрической синхронной передачи, дающие и принимающие приборы прицела и целика. Дальность до цели измерялась оптическим дальномером с шестиметровой базой, который был установлен на открытом мостике над боевой рубкой. Также, с помощью башенных прицельных приспособлений.

Противоминная артиллерия состояла из шестнадцати 120-мм орудий, объединенных в восемь плутонгов (батарей). Носовые плутонги группировались в районе первой и второй башен главного калибра, а кормовые — в районе третьей и четвертой башен. 120-мм орудия располагались в казематах — бронированных помещениях, образованных продольной переборкой и бортом. Сверху и снизу каземат ограничивался верхней и средней палубами. В каждом плутонге, разделенном броневым траверсом, устанавливалось два 120-мм орудия.

Централизованное управление стрельбой противоминного калибра осуществлялось также с помощью системы Гейслера. Организация стрельбы противоминным калибром была такой же, как главным. Кроме того, каждая батарея могла вести огонь самостоятельно под управлением плутонгового командира. С этой целью на верхней палубе были установлены специальные броневые колпаки с амбразурами для плутонговых командиров.

Калибр и количество зенитных пушек при вступлении линкора в строй изменились по сравнению с проектом. Так, на линко-

ре "Гангут" были установлены два 63-мм орудия, рассчитанные на угол возвышения до 80°, с боезапасом 200 выстрелов на ствол, а также одна 47-мм пушка. Такое же вооружение имел линейный корабль "Петропавловск". На линкорах "Севастополь" и "Полтава" было установлено по два 75-мм орудия и по одному 47-мм орудю с боезапасом 200 выстрелов на ствол. По проекту на всех линкорах предусматривалось установить по четыре 47-мм орудия на крышах первой и четвертой башен. Впоследствии состав зенитного вооружения неоднократно изменялся.

Торпедное вооружение состояло из четырех 450-мм бортовых подводных торпедных аппаратов с запасом торпед (по три на каждый аппарат). Линкоры были также оборудованы противоторпедными сетями, которые подвешивались на выстрелах, укрепленных по бортам.

Противоторпедные сети не оправдали своего назначения и впоследствии были сняты с вооружения. При модернизации для защиты от якорных мин на линкорах установили параваны-охранители.

Приложение № 2

ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Участников тех незабываемых событий обстоятельства и время разбросало по разные стороны противостояния в разразившейся затем гражданской войне. Но подавляющее число матросов и унтер-офицеров оказалось на стороне Советской власти. Так упоминавшийся в этом издании автор книг “Гангут” идет в штурм” (Львов: , 1979), “Я – матрос “Гангута”!” (М.: Военное изд-во, 1987) и “Это было на Балтике” (Львов, 1965) Д.И. Иванов прожил долгую и счастливую жизнь. Лучше всего о его судьбе говорит написанная им в 1960-е гг. автобиография. Приведем ее полностью.

“Я, Иванов Дмитрий Иванович родился 20 февраля 1891 года в городе Тотьме Вологодской губернии в семье рыбака. Отец мой не знал кто его родители, был подобран рыбаком Каплиным на берегу реки Сухоны новорожденным. При крещении дали имя, отчество и фамилию Иван Иванович Иванов. Мать моя Мария Михайловна тоже не помнила своих родителей, рыбак Каплин вырастил моего отца женил и оставил свою профессию рыболовство. Родители мои умерли, более 50-ти лет тому назад.

Я в 1902 году окончил начальную школу (три года обучения) и с тех пор стал зарабатывать себе на хлеб. Это были очень сложные годы моей жизни. При отце делать было нечего и я сбегал из дома в поисках работы. Вначале работал мальчиком у купца Головина в городе Великом Устюге: сортировал шетину, конский волос, беличьи и заячьи шкурки, охранял припадочного сына хозяина. Когда окрепли мои силы, я поступил на работу в Северное пароходное общество на Северной Двине, работал матросом на буксирных пароходах, грузчиком, водолвом на баржах, а в зимнее время зимогором в затонах по размораживанию пароходов для ремонта, одалбливанию майн вокруг зимовавших судов, нес сторожевую службу. Мой рабочий день не ограничивался двенадцатью часами, вел нищенское существование.

В 1912 году был призван на военную службу и зачислен в военный флот. После обучения строевой службы в г. Кронштадте был направлен в учебно-артиллерийский отряд. Подготовлен на специальность гальванера по электротехнике управления приборами артиллерии и назначен служить на вновь строящийся в Санкт-Петербурге линкор “Гангут”.

К революционному движению примкнул летом 1913 года, будучи на крейсере “Диана”, на котором тогда служил член партии с 1905 года Павел Дмитриевич Мальков, в последствии первый комендант Московского кремля. Летом 1914 года принимал участие вместе с рабочими адмиралтейского судостроительного завода в баррикадных битвах против царизма под руководством гальванерного унтер-офицера Андрианова.

Придя на “Гангут” вступил в кружок революционно настроенных матросов, которым руководил гальванер Владимир Федорович Полухин, член РСДРП(б) с 1904, позднее в 1918 году расстрелян английскими интервентами в числе 26-ти бакинских комиссаров.

Мы, революционно настроенные матросы в 1915 году развернули среди команды агитационную работу по подготовке восстания против царского самодержавия, ненавистной империалистической войны и драконовских порядков в Балтийском флоте. 19-го октября (по новому стилю 1-го ноября) 1915 года команда линкора восстала в захватила корабль в свои руки. Мне было дано задание: призывать к восстанию команды кораблей, стоявших на Гельсингфорском рейде – поднимать восстание, присоединяться к восставшим “Гангута”, но матросы других кораблей были загнаны в жилые палубы и не услышали наших призывов, а “Гангут” был окружен подводными лодками, миноносцами и крейсерами. На борт линкора высадили вооруженные отряды и восстание было подавлено.

В Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года принял активное участие, а также в дни Великой Октябрьской Социалистической революции судовым комитетом мне было поручено: охранять сложную технику артиллерии и держать в полной готовности, обеспечивать снабжение всем необходимыми

команду корабля. Кроме этого я активно участвовал в профсоюзном движении и поддерживал связь с рабочими Свеаборского порта, будучи членом совета профсоюза.

С июля месяца 1917 года линкор “Гангут” был большевистским кораблем. Зорко стоял на страже революции, а в сентябре месяце вышел из подчинения Временного буржуазного правительства и являлся надежной плавучей крепостью большевизма. В марте 1918 года участвую в легендарном героическом ледовом походе кораблей Балтийского флота из Финляндии в Кронштадт, выполняя ответственное боевое задание комиссара и судового комитета в период подготовки к походу и во время похода, за что мне был выдан судовым комитетом аттестат.

После ледового похода кораблей, как прослуживший более пяти лет на флоте, демобилизуюсь и уезжаю в свой родной город Тотьму. Работаю заведующим книжным складом уездного агентства Всероссийского центрального исполнительного комитета. Вместе с этим провожу большую общественную работу: организую в городе профсоюзы: водного транспорта и работников торговли. Руководжу культурно-просветительной работой. Организую драмкружок, клуб, библиотеку – вовлекаю молодежь города в проводимые мероприятия.

В 1919 году, в период VIII съезда РКП(б) вступаю в члены партии, а через месяц вместе с другими коммунистами, комсомольцами и членами профсоюза ухожу добровольцем на Восточный фронт — на борьбу против Колчака. Наш отряд воложен зачисляют в 266-й имени Мамышева стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии и формируют из нас 3-й батальон этого полка. Меня как специалиста назначают телефонистом в команду связи, а вскоре избирают Председателем бюро РКП(б)/полка. Перед наступлением на Омск Политотдел дивизии откомандировывает меня в 267 горный стрелковый полк на ту же должность.

С 267-м стрелковым полком прошел в суровые морозы по Сибирским дорогам до полного разгрома Колчаковской армии, наш полк имел 35 сражений и ни одного поражения. В городе Красноярске меня сразил сыпной тиф, а вслед за ним возвратный, и я выбыл из строя.

После выздоровления, в мае месяце 1920 года, как матроса-специалиста откомандировали в Москву в распоряжение Военно-морского штаба. В это время В.И. ЛЕНИН поставил задачу готовить мины для минирования Азовского и Черного морей. В Кронштадте создается отряд главного минера Кронштадтского порта, куда я и получил назначение. В отряде работал ответственным партийным организатором.

В сентябре 1920 года Политуправление Балтийского флота направляет меня на учебу в Петроградский краснофлотский учительский институт им. Толмачева. Будучи курсантом института в марте 1921 года принимал участие в подавлении Кронштадтского контрреволюционного мятежа. В июле 1921 года мобилизуют на продовольственную работу, на борьбу с голодом в Поволжье. Снова еду в родной город Тотьму. С этого времени моя трудовая деятельность проходила в вологодской, Архангельской, Кировской, Омской, Тюменской, и Пинской областях, связанная с социалистическим преобразованием сельского хозяйства и укреплением колхозного строя.

По приезде в г.Тотьму работаю в уездном Продовольственном отделе: заведующим заготовительным отделом, заместителем уездного продовольственного комиссара.

После призыва В.И. ЛЕНИНА “Учитесь торговать!”, меня направляют для работы в потребительскую кооперацию инструктором Тотемского районного отделения Северосоюза. В этот период ощущается соляной голод и в конце 1923 года Тотемский уездный исполнительный комитет назначает меня заведующим / директором/ Леденгского Солеваренного завода и курорта.

По приезде в Леденгск (п. Бабушкино) организую общество потребителей, членами которого явились заводские рабочие. Я

избираюсь председателем Леденгского общества потребителей и руковожу заводом и курортом.

В 1925 году соляной голод ликвидирован, вновь работаю в потребительской кооперации членом правления Тотемского Городского общества потребителей, заведу торговым отделом. Этот период характеризовался окончательным вытеснением из торговли частников. С 1926 по 1930 год сельскохозяйственный инспектор труда по Тотемскому и Вольскому уездам, а затем Вологодского губернского отдела труда. В данный период мне приходится участвовать в выполнении планов лесозаготовок и сплава, хлебозаготовок и гарцевого сбора, самообложения и мер по ограничению кулачества.

В феврале 1930 года откомандировывают для укрепления кадрами партийной организации Северо-Двинской партийной организации Северного края, в г. Великий Устюг, работаю инструктором-массовиком Велико-Устюгского рабоче-крестьянского общества потребителей. В июле месяце командируют в Подосиновский район, где избираюсь членом районного общества потребителей — заведу организационным отделом и избираюсь в бюро Райкома партии. В районе плохо обстояло с коллективизацией. В начале января 1931 года избираюсь председателем правления Райколхозсоюза.

В 1932 году за массовую организацию колхозов, их хозяйственное укрепление, за активное участие колхозников в общественном труде, развитие льноводства, организации и строительства животноводческих ферм, завоза породистого рогатого скота, свиней и коневодства, на состоявшемся краевом колхозном съезде Северного края, в г. Архангельске в июле 1932 года избран членом правления Севкрайколхозсоюза — руковожу колхозной торговлей. По ликвидации Колхозсоюза работаю в Областном земельном управлении Инструктором политического сектора.

В 1933 году организуется 1-я краевая колхозная ярмарка. Мне поручается организовать массовый завоз сельскохозяйственных продуктов из глубинных районов края. Это мероприятие было исключительно важным. На ярмарку было завезено масса продуктов, за что Исполнительный Комитет Северного края отмечает меня премией, а краевой Комитет ВКП/б. направляет на учебу в г. Москву, во Всесоюзную Академию Социалистического земледелия, которую закончил в 1936-м году и еду на работу в город Омск, где работаю начальником управления технических культур, а затем старшим агрономом Госстрахфонда. В 1938 году Комиссар продовольственного пункта железнодорожной станции Омск, а в 1939 году комиссар монитора "ЛЕНИН" Амурской Краснознаменной военной флотилии.

В 1939 году Советская армия освободила западные области Белоруссии и Украины, куда требовались опытные кадры и меня партия направляет на работу в Западную Белоруссию. Работаю заместителем начальника Пинского областного земельного отдела, опять организационный и хозяйственное укрепление колхозов. Здесь меня и застала война, ухожу добровольцем на фронт.

С первых дней Великой Отечественной войны до полной победы над гитлеровской Германией находился на фронте в должности комиссара-заместителя командира по политической части воинских частей на Центральном, Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 1-м Прибалтийском фронтах. Дважды был тяжело ранен, но по выздоровлению вступал в строй. Награжден двумя орденами Отечественной войны и пятью медалями.

С 1945 года живу во Львове, по июль 1952 года работал Инструктором сельскохозяйственного отдела Львовского областного Комитета КП Украины, затем председателем Львовского областного Комитета профсоюза рабочих совхозов. Обком профсоюза обслуживал все совхозы находившиеся на территории западных областей УССР.

В 1946 году при исполнении задания Обкома партии был тяжело контужен в Олесском районе. После контузии многие годы страдал припадками и в следствии тяжелой болезни вынужден был в 1954 году оставить работу и перейти на социальное обеспечение. Три года ушло на восстановление здоровья.

С 1957 года активно включился в общественную деятельность по пропаганде Ленинских идей среди молодого поколения, являясь пропагандистом. Выступаю в печати, по радио-

Д.И. Иванов в 1915 г. (слева) и в 1960-е гг.

вещанию и телевидению. 25 июля 1963 года выступал по центральному телевидению, в августе 1963 года участвовал в киносъемках документального фильма "В пламени и Славе", как ветеран прославленной дивизии в годы гражданской войны, в начале ноября 1965 года выступал по центральному телевидению в постановке: "Революция и поэты" посвященной героям 50-й годовщины со дня восстания моряков Балтийского флота в 1915 году на линкоре "Гангут".

Являюсь персональным пенсионером союзного значения, членом союза журналистов СССР, членом общества "Знание" членом военно-научного общества при центральном Военно-Морском музее, автор книги: "Это было на Балтике", почетный матрос Дважды Краснознаменного Балтийского и Краснознаменного Северного флотов.

Начиная с 1957 года выступаю перед молодежью и учащимися школ, пионерами ежегодно до ста пятидесяти раз. Бываю для встреч и выступлений у военных моряков Балтики, Северного Черноморского флотов, в частях пограничных войск, у воинов Советской армии и продолжаю заниматься творческой деятельностью, в связи с этим веду письменную связь с ветеранами Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войны, с участниками строительства социализма в нашей стране.

Дмитрий Иванович ИВАНОВ, член КПСС 1919 года,
1-го июня 1966 г. г. Львов-6
Проспект Ленина д. 6/8, кв. 40.

Совсем по другому сложилась судьба представителя элиты флота командира "Петропавловска" В.К. Пилкина. Владимир Константинович Пилкин родился 11 июля 1869 г. в Санкт-Петербурге в семье капитана 1 ранга. Его отец, впоследствии полный адмирал К.П. Пилкин (26.12.1824—12.01.1913) лейтенантом участвовал в знаменитой обороне Петропавловска от англо-французской эскадры, много плавал на Балтике и в Тихом океане, затем исключительно много сделал для развития в русском флоте торпедного оружия. Мальчик впервые увидел отца в трехлетнем возрасте — до того "морской волк" командовал отрядом клиперов в Тихом океане.

В семье было шестеро детей — пять сыновей и дочь. Старший и младший из мальчиков, Владимир и Алексей, избрали для себя морскую службу. Владимир получил прекрасное образование: после нескольких лет учебы в III военной гимназии поступил в Морское училище, которое окончил в 1890 г. по успеваемости и поведению 25-м из 35 человек в выпуске. В 1898 г. окончил Минный офицерский класс, наконец, в 1908 г. — Курс военно-морских наук Николаевской морской академии.

Первую свою после производства в офицеры летнюю кампанию молодой мичман совершил на черноморском броненосном корабле "Чесма". Но уже летом следующего, 1892 г. он получил лестное назначение — младшим штурманом отправлявшегося в Тихий океан крейсера II ранга "Разбойник". Владимир Константинович доверие оправдал, в течение почти четырех лет прекрасно справляясь с непростыми обязанностями. Кстати, за это время на крейсере сменилось четыре командира! С одним из них, будущим морским министром адмиралом Иваном Константиновичем Григоровичем, человеком крайне противоречивым, но немало сделав-

шим для русского флота, жизненный и служебный пути В.К. Пилкина пересекаются не раз. А возвращение из дальнего плавания совпало с еще одним праздником – производством 14 мая 1896 г., наравне с другими товарищами по Морскому училищу (с 1891 г. – Морскому корпусу), в лейтенанты.

Получив прекрасный практический опыт, Владимир Константинович в течение почти года, с 29 ноября 1896 г., служил в Главном морском штабе, а затем решил продолжить свое образование. Как истинный сын “патриарха торпедистов” осенью 1897 г. он поступил в находившийся в Кронштадте Минный офицерский класс.

Получив по окончании класса звание минного офицера 2-го разряда, В.К. Пилкин в августе 1898 г. вновь был назначен на “Разбойник”, на этот раз минным офицером. Конечно, торпед и мин заграждения на старом корабле не было, в ведении молодого специалиста было лишь электрооборудование, но предстояло новое, на этот раз годичное заграничное плавание! А по возвращении, как оказалось, ждало не менее приятное назначение, на этот раз уже тесно связанное со специальностью. После непродолжительного отдыха Владимир Константинович 27 января 1900 г. был командирован в Тулон для наблюдения по минной части за строительством эскадренного броненосца “Цесаревич” (приказом главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала С.О. Макарова от 16 октября того же года назначен минным офицером, а 21 марта 1901 г., вскоре после зачисления в минные офицеры 1-го разряда, – и старшим минным офицером этого корабля).

Новая служба была очень интересна. “Цесаревич” одним из первых больших кораблей русского флота получил радиотелеграфную станцию. Вот тут и пригодились знания, полученные от А.С. Попова!

Вступившему в августе 1903 г. в строй “Цесаревичу” не позволили зайти на Балтику, сразу из Тулона направив на Дальний Восток, в Порт-Артур. Вечером 26 января 1904 г., в первые же минуты развязанных Японией боевых действий, корабль получил тяжелую торпедную пробоину и вступил в строй после ремонта лишь в конце мая. Мичман Д.И. Дараган в письме к родным от 25 мая дал своему сослуживцу такую характеристику: “Минер Пилкин – сын адмирала. Немного загадочная для меня личность. Хороший специалист, умный, кажется, человек, холостой, довольно красивое лицо. Говорит мягко и приятно, очень любезен. Изредка проскакивают фразы: когда у нас будет республика или конституция. Вот тут-то я его и не понимаю. В общем очень милый господин. Артиллерист Ненюков покладистый, спокойный, русский человек. Большой друг Пилкина. Вместе читают французские романы”.

Во время решающего сражения с японским флотом 28 июля 1904 г., когда находившийся на “Цесаревиче” командующий эскадрой контр-адмирал В.К. Виттефт и чины его штаба уже были убиты или тяжело ранены, осколки очередного снаряда влетели в прорези боевой рубки, выведя из строя всех в ней находившихся. Первыми пришли в себя В.К. Пилкин и Д.В. Ненюков, оба имевшие серьезные ранения. Им и пришлось срочно восстанавливать управляемость корабля, вышедшего из строя и кружившегося под огнем боевых отрядов Х. Того. В ночь после сражения серьезно поврежденный броненосец ушел в германский порт Циндао, где и был интернирован до конца войны. Оправившийся от ранения Владимир Константинович, с разрешения немцев, в середине ноября выехал в Европейскую Россию для лечения. За отличие лейтенант был удостоен орденов Св. Георгия 4 ст. (7 августа 1906 г.) и Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (2 апреля 1907 г.).

После возвращения в Россию В.К. Пилкин был прикомандирован к Военно-морскому ученому отделению Главного морского штаба, а 13 мая 1905 г. получил во временное командование свой первый корабль – миноносец № 215. Осенью 1905 г. в Петербурге сложился круг единомышленников, желавших обобщить горькие уроки и принять все возможные меры для скорейшего возрождения флота – “Санкт-Петербургский морской кружок”. Капитан 2 ранга В.К. Пилкин стал его вице-председателем.

Между тем 5 июня 1906 г. Владимир Константинович был назначен старшим офицером минного крейсера “Стерегущий”, а осенью поступил на двухлетний Курс военно-морских наук Николаевской морской академии. В период обучения в летнюю кампанию 1907 г. он командовал миноносцем “Послушный” из состава

2-го Отряда минных судов Балтийского моря. Во второй год обучения в академии Владимир Константинович был привлечен к работе Морского Генерального штаба, “мозга флота”, о создании которого говорилось выше. Приказ о его прикомандировании был отдан 17 декабря 1907 г., в штат же штаб-офицером высшего оклада его зачислили 27 августа 1908 г., после окончания академии. Там трудились многие его товарищи по Санкт-Петербургскому морскому кружку – А.В. Колчак, М.М. Римский-Корсаков и др.

В 1909-1911 гг. Пилкин командовал на Балтике эскадренным миноносцем “Всадник”, сполна пройдя школу вице-адмирала Н.О. фон Эссена. В ноябре 1911 г. Владимир Константинович был назначен командиром строившегося линкора “Петропавловск”, а 6 декабря произведен за отличие в капитаны 1 ранга. Корабль вступил в строй уже после начала Первой мировой войны, а до того В.К. Пилкин совмещал наблюдение за его строительством с продолжением деятельности в Морском Генеральном штабе, где участвовал в разработке судостроительных программ, агитировал за выделение необходимых средств во время своих выступлений в комитетах Государственной Думы и на страницах печати, а в 1914 г. некоторое время исполнял обязанности помощника начальника МГШ вице-адмирала А.И. Русина. В 1913 г., для приобретения опыта в управлении большими кораблями, в течение нескольких месяцев временно командовал столь знакомым ему “Цесаревичем”.

Вступление нового дредноута в строй было не простым – требовалось отладить множество механизмов, устранить большое число неисправностей. Роль командира, как “дирижера” офицеров-специалистов и заводских инженеров, была крайне важна. Много сил уходило на создание экипажа, подбор офицеров. Не всегда все выходило гладко – из дневника В.К. Пилкина (запись за 19 августа 1920 г.) узнаем о подробностях назначения старшего артиллерийского офицера. Им 6 февраля 1915 г. стал Александр Николаевич Лушков, замечательный артиллерист, хорошо знакомый Пилкину по совместной службе на “Всаднике”. Временно исполнявший до этого обязанности старшего артиллерийского офицера Николай Николаевич Машуков, получивший впоследствии широкую известность своими действиями на Азовском море во время Гражданской войны, был обижен тем, что его не утвердили в должности – он так много сделал для наладки башен при вступлении корабля в строй. Но, по мнению Пилкина, Лушков “способнее Машукова, лучше его без сравнения управляет огнем”, что во время войны было важнее всего.

В конце 1914 г. вступившие в строй дредноуты перешли на зимовку в Гельсингфорс. На них продолжалось налаживание судовой жизни, обучение личного состава, велись работы по ликвидации недоделок и наладке механизмов. Корабли были сведены во 2-ю (с 5 апреля 1915 г. – 1-ю) бригаду линейных кораблей, с июня по декабрь 1915 г. входившую в состав Эскадры действующего флота, которой командовал вице-адмирал Л.Б. Кербер (держал флаг на “Петропавловске” с 17.08 по 10.12.1915), затем вновь находившуюся в непосредственном подчинении командующему флотом.

Начальник 1-й бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря контр-адмирал А.С. Максимов 1 сентября 1915 г. аттестовал Пилкина так: “Отличный офицер и реальный служака, всей душой преданный службе. Отлично управляет людьми и судном. Нравственен, здоров. Твердый и решительный характер. Воспитан и дисциплинирован. Дай Бог побольше таких офицеров, честных. Самоотвержен – приятный по службе своими идеальными взглядами”.

Впрочем, не все оценивали службу Владимира Константиновича столь высоко. Так, командующий Балтфлотом вице-адмирал В.А. Канин в письме морскому министру И.К. Григоровичу от 11 октября 1915 г. раздраженно писал о В.К. Пилкине: “Этот управляется хуже всех, не только дредноутов, а вообще хуже всех кораблей. Вполне признавая в нем высокие качества доблести и военно-морские знания, даже, может быть, талант, допускаю, что из него может выйти прекрасный начальник отряда, но командир он плохой, не смотря на наибольшую практику в управлении большими судами”. Спустя полтора месяца, когда возник вопрос о назначении капитана 1 ранга А.В. Колчака в штаб командующего Черноморским флотом, тот же Канин в письме Григоровичу от 2 декабря 1915 г. возражал против планируемого перевода и предлагал вместо него Пилкина или капитана 1 ранга А.П. Зеленого: “И

тот, и другой прекрасны. Но Пилкин старше и более подготовлен для настоящего военного времени". Складывается впечатление, что В.А. Канин, несомненно, не желавший отпустить от себя чрезвычайно деятельного Колчака, в то же время предпочел бы удалить В.К. Пилкина от себя подальше, обставляя это как повышение по службе. Этот план не осуществился.

В ноябре 1916 г. Пилкин получил новое назначение — командиром 1-й бригады крейсеров, а 6 декабря был произведен в контр-адмиралы. На этом посту Владимиру Константиновичу пришлось пережить тяжелые дни Февральской революции, когда он вместе с контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским всеми силами старался не допустить пролития крови в Ревеле, затем — тягостное ощущение постепенного неотвратимого развала флота. Вскоре после Моонзундского сражения, в октябре 1917 г., ему пришлось передать управление бригадой С.Н. Тимиреву. Диагноз врачей был страшен — чахотка.

Почти весь 1918 г. бывший адмирал провел в туберкулезном санатории Нуммела, находившемся в лесах, в более чем 100 км по железной дороге от Гельсингфорса. С конца 1918 г. он с семьей проживал в Гельсингфорсе, почти без средств для жизни и лечения, страдая от болезни и морально — от трагедии России. 6 января 1919 г. адмирал впервые встретился с генералом Н.Н. Юденичем, вернувшимся 3 января из поездки в Стокгольм, где он вел переговоры с представителями союзных держав в Швеции. Встреча положила своего рода фундамент доверия между Н.Н. Юденичем и контр-адмиралом В.К. Пилкиным. На этой основе постепенно сложилось не только тесное сотрудничество, но и дружба, выдержавшая и бури Гражданской войны, и тягостные годы эмиграции. Уже 11 мая 1919 г. в письме к контр-адмиралу М.И. Смирнову, управляющему Морским министерством у адмирала А.В. Колчака, Пилкин, говоря о генерале Юдениче, писал: "Наши отношения очень хорошие". Настолько, что адмиралу Пилкину удалось уговорить генерала Юденича "послать Колчаку извещение о своем, здесь в Финляндии, пребывании". Дело не ограничивалось этим советом. Из письма Пилкина Юденичу от 16 января 1921 г. ясно, что адмирал был в сношениях и с Колчаком, составляя по поручению Юденича телеграммы Верховному Правителю.

Нет сомнения, что на решение Колчака о назначении Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом и о переводе (из предосторожности — на личный счет генерала) значительных денежных сумм в иностранной валюте для Северо-Западной армии, повлиял хорошо ему известный еще по Порт-Артуру (а более — по Санкт-Петербургскому морскому кружку и совместной службе в Морском Генеральном штабе) и близкий ему контр-адмирал Пилкин.

Деловые, а затем и дружеские отношения с генералом Юденичем отразились на положении адмирала Пилкина. В связи с назначением 10 июня 1919 г. генерала Н.Н. Юденича адмиралом Колчаком "Главного командующим всеми Российскими сухопутными и морскими силами действующими на Северо-Западном фронте", в июле 1919 г. при штабе Юденича был создан Морской походный штаб во главе с В.К. Пилкиным.

10 августа 1919 г. английский генерал Марч потребовал немедленного формирования Северо-Западного правительства. Адмирал Пилкин, вслед за генералом Юденичем, вынужден был согласиться на вхождение в его состав, уступая требованиям англичан ради получения необходимого для Северо-Западной армии вооружения и снабжения. Характерно высказывание другого члена правительства, государственного контролера меньшевика-пленовника В.А. Горна, вспоминавшего, что каждый раз когда возникала дискуссия с генералом Юденичем, он "старался меньше высказываться и старательно прибегал к содействию своего коллеги адм[ирала] Пилкина, человека тонкого, умного и весьма хитрого...". "Всякий раз, — продолжает В.А. Горн, — как я начинал переговоры с генералом Юденичем, адм[ирал] Пилкин мгновенно появлялся в комнате, как из-под земли".

Адмирал В.К. Пилкин участвовал в осеннем походе на Петроград, подготовке восстания в бывшей столице, которое должно было начаться при выходе частей к Обводному каналу. Вместе с армией пережил прилив надежды, когда передовые подразделения уже видели купол Исаакиевского собора, а затем — горечь пора-

Командир линейного
корабля "Петропавловск"
капитан 1 ранга В.К. Пилкин

Командир 1-й бригады
крейсеров контр-адмирал
В.К. Пилкин

жения. Далее последовала трудная деятельность в Ревеле, где Владимир Константинович, входя в состав Ликвидационной комиссии, старался помочь бывшим товарищам по оружию. Наконец, 2 апреля В.К. Пилкин с семьей выехал в Гельсингфорс, а 10 апреля на пароходе отплыл во Францию. Затем — эмиграция, жизнь в Париже, выполнение отдельных поручений Н.Н. Юденича, участие в деятельности Особого комитета по оказанию помощи морским офицерам и их семьям (1920–1921 гг.).

Будучи во главе нишковой кают-компании морских офицеров, адмирал Пилкин по мере сил заботился о своих соратниках по флоту. В конце 1940 г. "Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке" сообщил своим читателям: "В Нишце, не смотря на крайне тяжелое положение там проживающих, в начале октября все же наши моряки отметили молебном в Соборе и весьма скромным обедом пятидесятилетие пребывания в офицерских чинах всеми глубоко уважаемого адмирала В.К. Пилкина".

Средиземноморский климат благоприятно сказался на здоровье Владимира Константиновича, он дожил до 6 января 1950 г.

Последние часы адмирала так описаны контр-адмиралом Н.Н. Машуковым: "Когда его дочь Вера Владимировна вошла в комнату, чтобы попросить отца к завтраку, она застала его без чувств, за писанием письма своему любимейшему офицеру и сотруднику, капитану 2 ранга А.Н. Лушкову. Вызванный врач успел привести адмирала в чувство. Открыв глаза, он сказал: "Как, я еще здесь? а я был уже Там! Как Там хорошо..." Несколько часов спустя повторный кризис окончательно оборвал жизнь этого, одного из самых образованных и просвещенных офицеров нашего многострадального флота, Георгиевского кавалера и человека-джентльмена".

На крышку гроба положили скрещенное оружие и пробитую в бою с японским флотом 28 июля 1904 г. фуражку. Владимир Константинович Пилкин покойся на русском кладбище Кокал.

Интересна судьба еще одного офицера служившего на балтийских дредноутах — С.П. Славинского. Сергей Петрович Славинский родился в Кронштадте 5 июня 1887 г. в семье поручика Корпуса флотских штурманов Петра Николаевича Славинского. Морской город. Морская семья. Прадед Сергея был протоиереем, а вот дед Николай Алексеевич, окончивший в 1840 г. Императорскую Медико-хирургическую академию, стал морским врачом. В 1850-е гг. он был врачом Бакинского морского лазарета, там появились на свет три его старших сына: Петр, Павел (близнецы, родились 10 июня 1851) и Порфирий (23 февраля 1855). После возвращения на Балтику служил в различных флотских экипажах, здесь в его семье появились дочери Ольга (10 июля 1861) и Вера (15 сентября 1876), сын Семен (1 сентября 1864). В 1873 г. коллежский советник Н.А. Славинский вышел в отставку, а скончался 6 августа 1881 г., 66-и или 67-и лет от роду.

Его сыновья Петр и Порфирий стали морскими офицерами. Петр закончил Штурманское училище (1871), с 1879 по 1890 г. служил старшим штурманом на балтийских броненосных кораб-

С.П. Славинский — кадет Морского корпуса (слева), в звании лейтенанта (в центре) и после увольнения со службы в конце 1930-х гг.

лях, затем командовал пожарным баркасом, в 1896 г. перевёлся на Дальний Восток, где был смотрителем инструментальной камеры Владивостокского порта, с 1899 г. командовал брандвахтой того же порта, в 1902–1903 гг. исполнял обязанности помощника директора маяков и лоции, затем был членом военно-морского суда Владивостокского порта; вышел в отставку с производством в полковники по Адмиралтейству 12 июня 1906 г., скончался 21 января 1917 г. Его брат-близнец Павел окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище и до выхода в отставку штабс-капитаном в 1880 г. служил в крепостных частях в Кронштадте. Порфирий в 1875 г. окончил курс Морского училища, а в 1880 г. — Артиллерийского офицерского класса, в 1889 г. переведён в чины по Адмиралтейству и служил до 26 апреля 1910 г., когда был уволен в отставку с производством в генерал-майоры.

Сергей начал учёбу в Кронштадте, а когда отец перевёлся на Дальний Восток, они с мамой Анной Михайловной переехали в Петербург — ближе к старшему брату Михаилу, уже заканчивавшему Морской кадетский корпус. В 1900 г. в то же учебное заведение поступил и Сергей. Первым кораблём, на котором довелось поплавать юному кадету, стало учебное судно «Моряк», за ним последовали «старички» — «Вестник», «Князь Пожарский», «Генерал-адмирал», «Адмирал Корнилов» и, наконец, сравнительно новый, но столь же далёкий от современных кораблей «Верный». И только после окончания корпуса и производства в корабельные гардемарины (20 апреля 1907 г.) Сергей попал на линейный корабль «Цесаревич», ветеран порт-артурской эпопеи. В составе Отдельного отряда Балтийского флота, назначенного для плавания с корабельными гардемаринами, будущие офицеры обошли ряд портов Средиземного моря. В фотоальбомах, хранящихся у дочери Сергея Петровича, и сейчас можно увидеть чудесные виды Гибралтара, Неаполя, Афин, Наваринской бухты, Мармариса и многих других памятных мест. Очередные экзамены — и вот 13 апреля 1908 г. морской министр подаёт императору на подпись долгожданный приказ о производстве очередного выпуска Морского корпуса в мичманы.

Первая должность — вахтенный офицер учебного судна «Николаев» в составе Учебно-минного отряда. Затем с августа по ноябрь 1909 г. С.П.Славинский служил на яхте «Алмаз». 31 марта 1910 г. судьба вновь забросила его на «Цесаревич» — сперва вахтенным офицером, затем, с мая 1911 г. — вахтенным начальником. 6 декабря того же 1911 г. вышел приказ о производстве в лейтенанты. Пора было выбирать специальность. В сентябре 1912 г. Сергей Петрович отправился в Кронштадт — сдавать вступительные экзамены в Минный офицерский класс. Знаний оказалось достаточно, и потянулись напряжённые месяцы занятий, а потом летних практических упражнений на уже знакомом «Николаеве». Наконец, 5 сентября С.П. Славинский был зачислен в минные офицеры 2 разряда, после чего получил назначение минным офицером на учебное судно «Двина» (бывший крейсер «Память Азова»). В мае-июле 1914 г. в такой же должности он поплавал на «Николаеве», с началом Первой мировой войны был переведён младшим минным офицером на родной «Цесаревич»,

но в августа того же 1914 г. получил чрезвычайно лестное назначение — старшим минным офицером достраивавшегося в столице линейного корабля «Петропавловск». 19 января 1915 г. Славинский был зачислен в минные офицеры 1 разряда.

В период службы на «Петропавловске» Сергей Петрович особенно сильно заинтересовался фотографией. Он увлекся ей и раньше, в период обучения в Морском корпусе и гардемаринского плаванья, но только на дредноуте, получив в своё распоряжение отдельную каюту и имея некоторое свободное время, занялся фотоделом всерьёз. И теперь мы имеем счастливую возможность увидеть, как выглядели внутренние помещения корабля, каюты и кают-компания, офицеры и матросы, как выполнялись различные судовые

работы и организовывался отдых личного состава. Конечно, фотографии были несколько идеалистическими. Чумазые матросы в немислимых «нарядах» весело улыбаются в объектив после тяжелейшей угольной погрузки!

Но размеренная жизнь окончилась после того, как вечером 3 марта 1917 г. был получен сигнал с «Императора Павла I»: «Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры уже арестованы». Вскоре на «Петропавловске» сброшенным тяжёлым грузом были ранены в головы лейтенанты С.П.Славинский и Н.И.Римский-Корсаков.

Тем не менее, Сергей Петрович остался служить во флоте — сперва при Временном правительстве, а затем и при большевиках. Успел получить звание старшего лейтенанта. В течение непродолжительного времени его карьера была весьма успешна: с 23 февраля 1918 г. он был флагманским минным офицером штаба бригады линейных кораблей Балтийского моря, с 20 октября того же года — помощником главного минёра Балтики, а с 28 мая 1921 г. — помощником главного минёра в штабе Морских сил Республики! Этому не помешали ни краткий арест в мае 1919 г., ни арест в 1921 г. при «фильтрации». И всё же в 1922 г. С.П.Славинский оставил строевую службу. С чем это было связано — уже намечавшейся общей политикой по уменьшению числа «бывших офицеров» на флоте или личными желаниями, сейчас сказать сложно. Новым местом службы стало Управление военно-морских учебных заведений, в котором Сергей Петрович являлся то начальником одного из отделений, то помощником начальника отделения, то начальником отдела. В 1927 г. он перешёл на преподавательскую работу на Специальные курсы командного состава ВМС РККА, в которых служил до 1935 г., когда перевёлся на должность штатного преподавателя в Училище связи Морских сил РККА. К 1938 г. он уже не имел нужных знаний, чтобы вести преподавание, и являлся начальником программно-методического отдела. Аттестации его становились всё хуже. Если в конце 1920-х начальство отмечало его энергию, настойчивость, аккуратность и трудолюбие, то потом в оценках стали преобладать указания на малую активность, отсутствие знания современной жизни флота и неудовлетворительное политическое развитие. Усугубляло ситуацию и то, что старший брат, Константин Петрович, бывший капитан 1 ранга, давно уже находился в лагерях. Потому случившийся в 1939 г. инфаркт, повлекший за собой увольнение со службы, был в те годы далеко не худшим исходом.

Семья Славинских (Сергей Петрович, его жена Анастасия Константиновна и две дочери) прожили в Ленинграде тяжелейшую первую блокадную зиму, и лишь в августе 1942 г. были вывезены в Алтайский край. После войны год они прожили в Вышем Волочке, так как их квартира была занята, но затем по суду удалось вернуть одну комнату (благодаря этому сохранились оставшиеся в Ленинграде вещи, в том числе фотоальбомы и книги, старый фотоаппарат, которым сделаны многие помещённые в этой книге снимки). Подорванное здоровье, однако, восстановить не удалось. Скончался Сергей Петрович Славинский 9 января 1949 г., похоронили его на Богословском кладбище.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов В.В. Броненосцы типа "Екатерина II". СПб.: Иван Федоров, 1994. 68 с.
2. Бажанов Д.А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в дни Февральской революции // Вестник молодых ученых. Серия "Исторические науки". 1999. №1(5). С.12-20.
3. Он же. События Февральской революции на линейном корабле "Цесаревич" по данным вахтенного журнала // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999. С.75-77.
4. Он же. Соединенный комитет 2-й бригады линейных кораблей – предтеча Центробалта? // Герценовские чтения 2000. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2000. С.56-58.
5. Он же. Судовые комитеты на I бригаде линейных кораблей Балтийского флота: структура и состав (лето – осень 1917 г.) // Герценовские чтения 2002. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2002. С.93-95.
6. Он же. "Матросы и берег" (1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе в 1914-1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Пятой ежегодной научной конференции. 23-25 апреля 2003 г. // Под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2004. С. 155-164.
7. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в н. XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 239 с.
8. Богданов А.В. Моряки – балтийцы в 1917 году. М.: Военное изд-во МО СССР, 1955. 242 с.
9. Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб.: Судостроение, 1993. 304 с.
10. Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л.: Лен. Высш. воен.-морск. инж. училище, 1972. 311 с.
11. Германские революционные матросы / Сост. И. Лудри // На вахте революции. Ч.2. Л.: Редакция Издательского Отдела Морского Ведомства, 1926. С.75-108.
12. Горденев М.Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии русского императорского флота. М.: Андреевский флаг, 1992. 79 с.
13. Дважды Краснознаменный Балтийский флот // Под ред. Н.А. Ступникова. М.: Воениздат, 1990. 340, [2] с.
14. Дрезен А.К. Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л., 1932.
15. Он же. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. №5. С.157-212.
16. Он же. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. №3. С.43-104.
17. Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март-октябрь). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 173, [1] с.
18. Дыгало В.В. Откуда и что на флоте пошло. М.: Крафт+, 2000. 384 с.
19. Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. [Докум. ист. очерк]. М.: Воениздат, 1963. 238 с.
20. Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 году. Петрозаводск: Карел. кн. изд., 1965. 223 с.
21. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб.: "Остров", 2001. 84 с.
22. Он же. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 350 с.
23. Лаптев Н.М. Военно-морская форма / The Naval Form 1917-1945. М., 2001. 108 с.
24. Мельников Р.М. Линейный корабль "Император Павел I" (1906 – 1925). Самара: Истфлот, 2005. 136 с.
25. Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М.: Наука, 1974. 319 с.
26. Мужеников В.Б. Линейные корабли типов "Кайзер" и "Кёниг" (1909 – 1918). Самара: Истфлот, 2005. 116 с.
27. Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825 – 1917. М.-Л.: изд. И 2-я тип. Изд-ва Акад. Наук СССР – 7-я тип. Воениздата в Мск., 1948. 608 с.
28. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 695 с.
29. Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л.: Наука, 1966. 268 с.
30. Петров М.А. Балтийского флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917-1922 гг. Петроград: тип. Морской Комиссии, 1922. [4], IV с. С.25-37.
31. Путеводитель по Гельсингфорсу. Гельсингфорс: акц. о-во Helsingin nimikirja O.-Y., 1915. 42 с. с илл.
32. Ралль Ю. Два линкора – частицы истории Красного Флота // На вахте революции. Ч.1. Л.: Редакция Издательского Отдела Морского Ведомства, 1924. 94, [1] с. С.52-56.
33. Ролльман Г. Война на Балтийском море. Т.2. М.: Воениздат, 1937. 384 с.
34. Сенинская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. М.РОССПЭН, 1999. 382, [1] с.
35. Она же. Человек на войне: историко-психологические опыты. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 226, [5] с.
36. Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М.: Военное изд-во Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. 280 с.
37. Скворцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". СПб.: "Гангут", "Техника молодежи", 2003. 48 с.
38. Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13-14 апреля 2006 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: РХГИ, 2007. С.22-34.
39. Он же. "Морской заговор" и адмирал А.В. Колчак // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. С.207-217.
40. Столяренко М.А. В.И. Ленин и революционные моряки. М.: Воениздат, 1970. 144 с.
41. Он же. Сыны партии – балтийцы. Л.: Лениздат, 1969. 183 с.
42. Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.-Л., 1965. 186 с.
43. Фирле Р. Война на Балтийском море. Т.1. М.: Воениздат, 1937. 387 с.
44. Флот в первой мировой войне. М.: Военное изд-во МО СССР, 1964. Т.1. 647 с.
45. Фрадли М.Г. Революционное движение в британском флоте // Морской сборник. 1932. №5. С.92-96.
46. Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М.: Наука, 1977. 176 с.
47. Хесин С.С. Падение влияния непролетарских партий на флоте в 1917 году // Вопросы истории. 1980. №9. С.35-46.
48. Он же. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. 487 с.

49. Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". Л.: Судостроение, 1983. 240 с.
50. Шацкило К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М.: Наука, 1968. 368 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Ostertag H. Bibliotheksbestände und literarische Interessen – Indikatoren für das Bildungsniveau im Offizierkorps im Kaiserreich 1871 bis 1918? // Militärgeschichtliche Mitteilungen 47 (1990), S. 57–69
2. Harding Ganz A. "Albion" – The Baltic Islands Operation // [Electronic resource] <http://www.jstor.org/>

ИСТОЧНИКИ

Публикации документов

1. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. [Сборник]. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1957. 457 с.
2. Письма лейтенанта А.И. Рогозина к жене (подг. и комм. С. Аникина) // [Electronic resource] <http://baltsea.chat.ru/page5.htm>
3. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны: 1914 – февраль 1917 / Сб. документов под ред. А.Л. Сидорова. М.: Наука, 1966. 467 с.
4. Революционное движение в русской армии в 1917 г. / Под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968.
5. Февральская революция на Балтийском флоте: из дневников И.И. Ренгартена // Красный архив. 1929. №1. С.88–124, №4. С.5–36.

Мемуарная литература

1. Анти-Наутикус. Революционные матросы Германии (Отрывки из воспоминаний) // Морской сборник. 1933. №3. С.99–105.
2. Антонов-Овсенко В.А. В революции: Воспоминания. М.: Политиздат, 1983. 176 с.
3. Граф Г.К. На "Новике". СПб.: Изд-во "Гангут", 1997. 488 с.
4. Он же. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб.: Изд. "Русско-Балтийский информационный центр "Блиц"", 2004. 688 с.
5. Грудачев П.А. Багряным путем гражданской. Симферополь, 1974.
6. Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб.: Облик-Вита, 1993. 280 с.
7. Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. Из воспоминаний о революции. М.: "Военный вестник", 1928. 238 с.
8. Он же. Мятежники. (Из воспоминаний о революции). Пг.: "Красная новь", 1923. 111 с.
9. Он же. Октябрь на Балтике: Воспоминания. Ташкент: Госиздат УзССР Воен. отд., 1934. 78, [1]с.
10. Залеский В.Н. Борьба за Балтийский флот. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925. 166 с.
11. Иванов Д.И. "Гангут" идет в штурм. Львов: , 1979.
12. Он же. Я – матрос "Гангута"! М.: Военное изд-во, 1987. 486, [6] с.
13. Он же. Это было на Балтике. Львов, 1965
14. Ильин-Женевский А.Ф. От февраля к захвату власти. 1, 1927.
15. Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. / Вступ. ст. Н.Н. Рутыч-Рутченко, примечания и комментарии А.Ю. Емелина. М.: Русский путь, 2005. 640 с.
16. Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Сб. произведений. Л., 1987.
17. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб.: "Цитатель", 1998. 191 с.
18. Хаазе Г. На "Дерфлингере" в Ютландском сражении / Корабли и сражения. СПб, 1995. Вып.2. С.38–73.
19. Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М.: Воениздат, 1966. 215 с.

20. Шеер Р. Германский флот в мировую войну. М.-СПб.: ИЗОГРАФУС; Terra Fantastica; ЭКСМО, 2002. 672 с.
21. Шульдц фон Г.К. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000. 90 с.

Периодические издания

- Биржевые ведомости. 1917. 9(22) марта.
Волна. 1917. №№ 8, 40, 43, 45, 47, 55.
Голос социал-демократа. 1917. №1.
Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта (с 22 апреля – Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих). 1917. №№ 9, 13–17, 19, 27, 29, 33, 37, 49, 61, 63, 65, 68, 72, 101, 109, 111, 117, 122, 123, 127, 132, 138, 142, 145, 157, 165, 171, 172, 175, 178.
Моряк. 1917. №№ 13, 14.
Речь. 1917. 8(21), 9(22) марта.
Социалист-революционер. 1917. №№ 3, 23. 12 (25) июля, 4 (17) августа.
Финляндская газета. 1915. №№ 2, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 21, 27, 28, 32, 36, 38, 39, 43, 47, 48, 52, 53, 55, 67, 68, 69, 71, 72, 75, 76, 77, 79, 81, 90, 97, 99, 102, 103, 104, 109, 116, 138, 146, 147, 148, 151, 152, 154, 160, 162, 171, 172, 173, 177, 181, 182, 184, 187, 191, 193, 194, 195, 202, 203, 206, 209, 210, 212, 214, 215, 216, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 234, 236, 238, 240, 242, 245, 248, 259, 261, 263, 275, 278; 1916. №№ 1, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 14, 17, 23, 31, 32, 34, 38, 39, 41, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 57, 64, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 79, 80, 82, 87, 89, 106, 108, 110, 115, 119, 145, 152, 159, 160, 161, 165, 167, 177, 188, 189, 190, 194, 196, 197, 199, 206, 208, 210, 212, 213, 214, 215, 218, 219, 222, 226, 230, 234, 236, 238, 239, 243, 244, 246, 248, 249, 250, 253, 255, 257, 258, 259, 261, 265, 268, 272, 275.

Архивные материалы

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ)

- Ф. 407 (Главное Военно-морское Судное Управление). Оп.1. Д.8141.
Ф. 417 (Главный Морской Штаб). Оп.3. Д. 3703, 3704, 3705, 3733, 3775, 3776; Оп.4. Д. 6254, 6256.
Ф. 477 (Штаб 1-й бригады линейных кораблей). Оп.1. Д. 1, 3, 20, 21, 25, 33, 35, 36, 37, , 40, 41, 45, 63, 68, 72, 79, 80, 92, 93, 108, 128, 129, 130, 131, 143, 144, 157, 158, 159, 162, 230, 232, 233, 234, 236, 237–240.
Ф. 479 (Штаб командующего флотом Балтийского моря). Оп.1. Д. 878–880, 1006, 1007, 1013, 1014, 1018–1021, 1071, 1270; Оп.2. Д. 655, 805, 1219, 1254, 1258.
Ф. 716 (Военно-морское управление при Верховном Главнокомандующем). Оп.2. Д. 47, 107.
Ф. 743 (Линейный корабль "Петропавловск"). Оп.1. Д. 7, 8, 9, 10, 14, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 36, 45, 46, 47.
Ф. 747 ("Полтава", линейный корабль Балтийского флота). Оп.1. Д. 1, 3, 7, 10, 37, 38.
Ф. 751 ("Гангут", линейный корабль Балтийского флота). Оп.1. Д. 28, 29, 48а, 52, 53, 54, 66, 67, 68, 71, 73, 74, 94, 95.
Ф. 755 (Изенбек С.А., капитан II ранга). Оп.1. Д. 6.
Ф. 759 (Начальник оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря Черкасский М.Б.). Оп.2. Д. 4.
Ф. 760 (Довконт Ф.Ю.). Оп.1. Д. 16.
Ф. 870 (Коллекция вахтенных и шканечных журналов). Оп.1. Д. 54435–54441, 54483, 54485, 54486, 54367, 54370, 54409–54411, 54413, 54415, 56993, 56994, 56997, 56998, 57028–57030, 57037, 57041, 57042, 57054, 57063, 57068, 57069, 60023–60026, 62054, 62055; Оп.5. Д. 32, 48; Оп.6. Д.1–4, 10–18.
Ф. 878 (Линейный корабль "Севастополь"). Оп.1. Д. 42, 57, 64, 69, 71, 80, 82, 83, 141, 148, 151.
Ф. р-29 (Морская историческая комиссия при Военно-Морской Академии). Оп.1. Д.153, 154, 200.

Ф. р-30 (Комиссия по систематизации и разработке материалов, касающихся истории революционного движения в Балтийском флоте при политическом отделе Балтийского флота). Оп.1. Д. 91, 92.

Ф. р-95 (Центральный комитет Балтийского флота). Оп.1. Д. 14, 16, 64, 102, 106, 154, 245.

Ф. р-224 (Линейный корабль "Октябрьская революция"). Оп.1. Д. 1, 91, 92.

Ф. р-266 (Линейный корабль "Марат"). Оп.1. Д. 2, 3, 4.

Ф. р-269 (Линейный корабль "Фрунзе"). Оп.1. Д. 6.

Ф. р-315 (Материалы по истории Советского военно-морского флота). Оп. 1. Д. 119.

Ф. р-402 (Центральный военно-морской музей). Оп.2. Д. 118, 194.

Ф. р-852 (Штаб начальника 1-й бригады линейных кораблей флота Балтийского моря). Оп.1. Д.1, 5, 11, 12.

Ф. р-2063 (Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих). Оп.1. Д.1, 2.

Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

Ф. 9618. Редакция "Истории Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов". Оп.1. Д. 108, 112, 113, 115.

Центральный военно-морской музей (ЦВММ)

Рукописно-документальный фонд. В-18992.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКГД – Временный Комитет Государственной думы

ГМШ – Главный Морской Штаб

ГУК – Главное Управление Кораблестроения

МГШ – Морской Генеральный Штаб

МТК – Морской Технический Комитет

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота

РК, Ревком – Революционный комитет Финляндии

ЦВММ – Центральный Военно-морской музей

ЦГА СПб – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга

Центрофлот – Центральный Комитет Военного Флота

ЦКБФ, Центробалт – Центральный Комитет Балтийского флота

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". Л., 1983. С. 23 – 28.

² Цит. по: Бескровный Л.Г. Армия и флот России в н. XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 223.

³ Подробнее см.: Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 79-80.

⁴ Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С. 37.

⁵ Там же. С. 40; Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". СПб., 2003. С. 9.

⁶ Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С. 48; Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С. 13.

⁷ Подробнее см.: Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С. 48 – 57.

⁸ Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С. 17.

⁹ Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.137.

¹⁰ См. например: Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Л., 1990. С.99.

¹¹ Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С.34.

¹² Там же. С.37.

¹³ Подробнее см.: Арбузов В.В. Броненосцы типа "Екатерина II". СПб., 1994. С.61-62; Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С.37-39.

¹⁴ РГАВМФ. Ф.р-29. Оп.1. Д.154.

¹⁵ Там же. Л.11.

¹⁶ Там же. Д.153.

¹⁷ Петров М. Балтийский флот в октябре 1917 года // Пять лет Красного Флота. 1917-1922. Петроград, 1922. С.25-37.

¹⁸ Там же. С.25-26.

¹⁹ Ралль Ю. Два линкора – частица истории Красного Флота // На вахте революции. Ч.1. Л., 1924. С.52-56.

²⁰ Там же. С.52.

²¹ Германские революционные матросы / Сост. И. Лудри // На вахте революции. Ч.2. С.75-108.

²² См. например: Дрезен. А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. №3. 43-104.

²³ Там же. С.47.

²⁴ Дрезен А.К. Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л., 1932. С.3.

²⁵ Дрезен А.К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. // Красная летопись. 1929. №5. С.157-202.

²⁶ Анти-Наутикус. Революционные матросы Германии (Отрывки из воспоминаний) // Морской сборник. 1933. №3. С.99-105; Фирле Р. Война на Балтийском море. Т.1. М., 1937; Ролльман Г. Война на Балтийском море. Т.2. М., 1937; Шеер Р. Германский флот в мировую войну. М.-СПб., 2002 (1-е изд. – М., 1940).

²⁷ Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. М., 1946.

²⁸ Богданов А.В. Моряки – балтийцы в 1917 году. М., 1955.

²⁹ Столяренко М.А. Сыны партии-балтийцы. М., 1969.

³⁰ Подробнее см.: Голос социал-демократа. 1917. №8. С.16.

³¹ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971.

³² Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. М., 1963.

³³ Сивков П.З. Моряки – балтийцы в 1917 году. С.74.

³⁴ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 279.

³⁵ Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. М., 1963.

³⁶ Сивков П.З. Моряки – балтийцы в 1917 году. С. 4.

³⁷ Богданов А.В. Моряки – балтийцы в 1917 году. С.48.

³⁸ Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л., 1966.

³⁹ Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. М., 1972.

⁴⁰ Хесин С.С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977.

⁴¹ Он же. Октябрьская революция и флот. С.27; Моряки в борьбе за Советскую власть. С.30-33.

⁴² Он же. С.43.

⁴³ Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". Л., 1983.

⁴⁴ Ostertag H. Bibliotheksbestände und literarische Interessen – Indikatoren für das Bildungsniveau im Offizierkorps im Kaiserreich 1871 bis 1918? // Militärgeschichtliche Mitteilungen 47 (1990), S. 57-69.

⁴⁵ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март – октябрь). Петроград, 1992.

⁴⁶ Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". СПб., 2003.

⁴⁷ Там же. С.40.

⁴⁸ Сковцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С. 40.

⁴⁹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. М., 1999; Она же. Человек на войне: историко-психологические опыты. М., 1997.

⁵⁰ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. С.60-61, 112.

⁵¹ Там же. С. 75-79.

⁵² Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; Он же. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

⁵³ Горденев М.Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии русского императорского флота. М., 1992; Дыгалов В.В. Откуда и что на флоте пошло. М., 2000.

⁵⁴ Harding Ganz A. "Albion" – The Baltic Islands Operation // [Electronic resource] <http://www.jstor.org/>

⁵⁵ Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 году. Петрозаводск, 1965; Столяренко М.А. В.И. Ленин и революционные моряки. М., 1970.

⁵⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.–Л., 1957; Революционное движение в армии и на флоте: 1914 – февраль 1917. / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1966.

⁵⁷ Граф Г.К. На "Новике". / Вступ. ст., комментарии В.Ю. Грибовского. СПб., 1997.

⁵⁸ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. / Введение, комментарии А.Е. Иоффе. СПб., 1998.

⁵⁹ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С.80.

⁶⁰ Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965; "Гангут" идет в штурм. Львов, 1979; Я – матрос "Гангута"! М., 1987.

⁶¹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966.

⁶² Дыбенко П.Е. Мы – мятежники. Пг., 1923; Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1928; Октябрь на Балтике: Воспоминания. Ташкент, 1934; Залесский В.Н. Борьба за Балтийский флот. М.–Л., 1925; Ильин-Женевский А.Ф. От февраля к захвату власти. Л., 1927.

⁶³ Антонов-Овсенко В.А. В революции: Воспоминания. М., 1983.

⁶⁴ Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. / Сост. И.П. Коссаковский. Л., 1987.

⁶⁵ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.17. Л.97об.

⁶⁶ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.8, 19, 21, 22, 29, 34, 39, 46, 57-60, 62, 63, 66; Ф.848. Оп.1. Д.64, 69, 83, 97; Ф.751 Оп.1. Д.28, 29, 71. 73, 74

⁶⁷ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.52, 66

⁶⁸ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.45, 74, 137

⁶⁹ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7, 24, 47; Ф.747. Оп.1. Д.3, 7; Ф.751. Оп.1. Д.30, 54; Ф.878. Оп.1. Д.37, 101

⁷⁰ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.80, 93

⁷¹ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.40; Ф.751. Оп.1. Д.87

⁷² Там же. Ф.747. Оп.1. Д.37

⁷³ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д. 158, 159.

⁷⁴ Там же. Ф. р-852. Оп.1. Д.8.

⁷⁵ Там же. Л.13.

⁷⁶ Там же. Л.55-56а.

⁷⁷ Там же. Ф. р-30. Оп.1. Д.91.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. р-30. Оп.1. Д.92.

⁷⁹ Там же. Ф. 417. Оп.4.

⁸⁰ Там же. Д.6254, 6255.

⁸¹ Там же. Д. 6256, 6339.

⁸² Там же. Ф. 417. Оп.3.

⁸³ Там же. Д.3703.

⁸⁴ Там же. Д.3775.

⁸⁵ Там же. Д.3704, 3705, 3733, 3776, 3777.

⁸⁶ РГАВМФ. Ф.479. Оп.1. Д.879. ЛЛ.20, 27.

⁸⁷ Там же. Ф.р-95. Оп.1. Д.106.

⁸⁸ Там же. Ф.р-95.Оп.1.Д.245.

⁸⁹ Там же. Ф.р-2063. Оп.1. Д.2. Л.23.

⁹⁰ РГАВМФ. Ф.р-29. Оп.1. Д.200.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.108. Стенограммы вечеров воспоминаний моряков Центробалтфлота об участии в революции 1917 г. ЛЛ.123-124.

⁹² Там же. Д.113. Воспоминания участников и очевидцев революции 1917 г. и гражданской войны. Т.4. ЛЛ.189-198.

⁹³ ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. В-18992.

⁹⁴ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54409. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л.24; Д.54435. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". Л.17; Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.102.

⁹⁵ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54367. Вахтенный журнал линейного корабля "Полтава". Л.39; Д.54410. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л.79; Д.54483. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". Л.15.

⁹⁶ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.1. Приказы начальника бригады. Л.1.

⁹⁷ Там же; Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.103.

⁹⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54409. Л.44; Д.54435. Л.49.

⁹⁹ Там же. Д.54409. ЛЛ.45-48; Д.54435. ЛЛ.57-60.

¹⁰⁰ Там же. Д.54409. Л.67; Д.54435. Л.76.

¹⁰¹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54409. Л.56; Д.54435. Л.64.

¹⁰² Шацлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 24.

¹⁰³ РГАВМФ. Д.54409. Л.79; Д.54410. Л.24; Д.54436. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". Л.24.

¹⁰⁴ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.20. Переписка о личном составе. Л.20.

¹⁰⁵ Там же. Д.3. Циркуляры штаба начальника 2-й бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря. ЛЛ.4,6-9,11-13,14об,16; Д.20. ЛЛ.27, 100об, 126, 154.

¹⁰⁶ Там же. Д.3. ЛЛ.17-38.

¹⁰⁷ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.20. Л.227; Д.27. Л.2об.

¹⁰⁸ Там же. Д.20. ЛЛ.218,221,222,225,228.

¹⁰⁹ Подробнее см.: РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.48а. Журнал входящих бумаг линейного корабля "Гангут". ЛЛ.75об,76об,77; Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.104.

¹¹⁰ Подробнее см.: Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.104-105; Скворцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С.18-20.

¹¹¹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54437. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". Л.24; Д.54411. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". ЛЛ.33-33об.

¹¹² Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54411. ЛЛ.41,46,48,50.

¹¹³ Там же. Л.63.

¹¹⁴ Там же. ЛЛ.66,68.

¹¹⁵ Там же. ЛЛ.79,81,83,87,92.

¹¹⁶ Подробнее см.: Скворцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С.20.

¹¹⁷ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54413. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". ЛЛ.25-26,37-39,42,44,46,50,55.

¹¹⁸ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.1. Л.13; Ф.870. Оп.1. Д.54413. ЛЛ.67,68.

¹¹⁹ Там же. ЛЛ.75,97.

¹²⁰ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.68. Переписка начальника 2-й бригады линейных кораблей флота Балтийского моря по хозяйственным вопросам. Л.248; Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 121.

¹²¹ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.27. Журнал входящих бумаг Штаба начальника 2-й бригады линейных кораблей. Л.36; Ф.870. Оп.1. Д.54437. ЛЛ.54,60.

¹²² Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54437. Л.91.

¹²³ См. например: РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54367. ЛЛ.31,39,45,61,69,75.

¹²⁴ Там же. ЛЛ.49,63.

¹²⁵ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.21. Общая переписка Штаба 2-й бригады линейных кораблей за 1914 год. ЛЛ.51,56.

¹²⁶ Там же. ЛЛ.119,150.

¹²⁷ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54369. Вахтенный журнал линейного корабля "Полтава". ЛЛ.24,43,55.

¹²⁸ Там же. ЛЛ.30,31,32.

- ¹²⁹ Там же. Л.75.
- ¹³⁰ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54369. Л.75.
- ¹³¹ Там же. Д.54438. Л.29; Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.37.
- ¹³² Подробнее см.: Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.106; Скворцов А.В. Линейные корабли типа “Севастополь”. С.21.
- ¹³³ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54440. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. ЛЛ.26, 35-37.
- ¹³⁴ Там же. ЛЛ.47,67.
- ¹³⁵ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54440. ЛЛ.92-93,95; Д.54441. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. ЛЛ.25-26; Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.107.
- ¹³⁶ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54370. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава”. ЛЛ.13-14,17,33,35,57.
- ¹³⁷ Там же. ЛЛ.51,54,60-61.
- ¹³⁸ Там же. ЛЛ.62,64,66,68.
- ¹³⁹ Там же. ЛЛ.80,82.
- ¹⁴⁰ Там же. ЛЛ.86-87; Ф.477. Оп.1. Д.68. Л.248.
- ¹⁴¹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.54483. ЛЛ.17,19,20,21.
- ¹⁴² Там же. Л.21.
- ¹⁴³ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54413. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. Л.86.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.29. Журнал входящих бумаг Штаба Начальника 2-й бригады линейных кораблей. Л.60б; Ф.743. Оп.1. Д.7. Книга приказов линейного корабля “Петропавловск” за 1914 год. ЛЛ.24,290б,340б,370б,380б.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф.870. п.1. Д.54486. Вахтенный журнал линейного корабля “Петропавловск”. Л.181.
- ¹⁴⁶ Там же. ЛЛ.22,53.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. ЛЛ.460б,500б,54.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.54486. ЛЛ.27,33,51,56,57.
- ¹⁴⁹ Там же. ЛЛ.62,64-67,72.
- ¹⁵⁰ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.6. Д.15. Вахтенный журнал линейного корабля “Петропавловск”. ЛЛ.112-220.
- ¹⁵¹ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.16.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же. С.17; РГАВМФ, Ф.870, Оп.6, Д.1. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. Л.138.
- ¹⁵⁴ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.18.
- ¹⁵⁵ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.158. Флагманский исторический журнал 1-й бригады линейных кораблей флота Балтийского моря. Л.34.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁵⁷ Там же; Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.35.
- ¹⁵⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁵⁹ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.176.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁶¹ Там же.; Ф.743. Оп.1. Д.67. Общая переписка командира линейного корабля “Петропавловск”. Л.15.
- ¹⁶² Там же. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁶³ Там же; Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1968. С.46.
- ¹⁶⁴ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.47; Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С.25.
- ¹⁶⁵ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.17.
- ¹⁶⁶ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁶⁷ Там же; Ф.477. Оп.1. Д.158.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.17-18.
- ¹⁷⁰ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁷¹ Там же. Д.9. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. Л.57.
- ¹⁷² Там же. ЛЛ.57-58.
- ¹⁷³ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.31.
- ¹⁷⁴ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп.1. Д.56993. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава”. Л.40.
- ¹⁷⁶ Там же. ЛЛ.40,60,71,89,99.
- ¹⁷⁷ Там же. ЛЛ.43,69.
- ¹⁷⁸ Там же. ЛЛ.40,50,58,71,74,90,98.
- ¹⁷⁹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.41. Книга приказов штаба начальника эскадры флота Балтийского моря по 1-й бригаде линейных кораблей. Л.290б,31.
- ¹⁸⁰ Там же. ЛЛ.350б-36.
- ¹⁸¹ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.56994. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава” ЛЛ.27,28,29,30.
- ¹⁸² Там же. Л.55.
- ¹⁸³ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. ЛЛ.87,102.
- ¹⁸⁴ Там же. ЛЛ.1080б,1100б.
- ¹⁸⁵ Там же. Л.1290б.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.76. Переписка о матросах линейного корабля “Гангут”. Л.339.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. Переписка штаба 2-й бригады со штабом командующего флотом Балтийского моря. Л.88.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.66.
- ¹⁸⁹ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.57041. Вахтенный журнал линейного корабля “Петропавловск”. Л.17; Д.56994. ЛЛ.75,76,79; Д.57028. Л.66,72,76.
- ¹⁹⁰ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.590б.
- ¹⁹¹ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. Л.10.
- ¹⁹² Там же. Ф.878. Оп.1. Д.71. Сведения о нижних чинах на 1915 г. ЛЛ.28,29,33,34,44,46; Ф.751. Оп.1. Д.76. Л.324,350,373,402.
- ¹⁹³ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.45. Переписка за 1916 г. Л.91; Ф.747. Оп.1. Д.3. Книга приказов за 1915 г. ЛЛ.690б-700б.
- ¹⁹⁴ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.45. ЛЛ.139-141а; Ф.747. Оп.1. Д.3. ЛЛ.1580б,166.
- ¹⁹⁵ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.33. Приказы начальника 2-й бригады линейных кораблей. ЛЛ.34-340б.
- ¹⁹⁶ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. Л.322; Ф.870. Оп.1. Д.57063. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. Л.91.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.63. ЛЛ.63,91,103; Ф.870. Оп.1. Д.57041. ЛЛ.18-180б; Д.57029. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. ЛЛ.37,38,39,44,46,47,54,56.
- ¹⁹⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57029. ЛЛ.71,78,92.
- ¹⁹⁹ Там же. Л.96; Ф.477. Оп.1. Д.63. Л.3.
- ²⁰⁰ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.57030. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. ЛЛ.26,27,48.
- ²⁰¹ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.63. ЛЛ.3,91; Ф.870. Оп.1. Д.56996. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава”. Л.95; Д.57030. ЛЛ.91,93.
- ²⁰² Там же. Ф.477. Оп.1. Д.63. ЛЛ.63,103; Ф.870. Оп.1. Д.57063. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. ЛЛ.54,55.
- ²⁰³ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.56997. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава”. ЛЛ.89,91.
- ²⁰⁴ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С.18.
- ²⁰⁵ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.56997. ЛЛ.18-180б,190б.
- ²⁰⁶ Подробнее см.: Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1990. С.100; Флот в первой мировой войне. Т.1. С.185.
- ²⁰⁷ Подробнее см.: Скворцов А.В. Линейные корабли типа “Севастополь”. С.43.
- ²⁰⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57035. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. ЛЛ.85,87.
- ²⁰⁹ Там же. Д.56997. ЛЛ.180б,19.
- ²¹⁰ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.63. ЛЛ.91,103; Ф.870. Оп.1. Д.56997. Л.180б.
- ²¹¹ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С.27.
- ²¹² Подробнее см.: РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.56997. ЛЛ.20-21.
- ²¹³ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.56997. Л.20-21; Д.57003. Вахтенный журнал линейного корабля “Полтава”. ЛЛ.41,51,72,80-82; Д.57068. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. ЛЛ.24,25,57,68.

- ²¹⁴ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.63. ЛЛ.3,63,103; Ф.870. Оп.1. Д.56997. Л.20об.
- ²¹⁵ Флот в первой мировой войне. Т.1. С.194.
- ²¹⁶ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57069. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". ЛЛ.72-89; Подробнее ход операции см.: Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.139; Флот в первой мировой войне. Т.1. С.195.
- ²¹⁷ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57070. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". ЛЛ.81-90; Подробнее см.: Цветков И.Ф. Линкор "Октябрьская революция". С.139-140; Флот в первой мировой войне. Т.1. С.197.
- ²¹⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57037. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". ЛЛ.43-45,49,51,53-54,80,83,91.
- ²¹⁹ Там же. Д.56997. ЛЛ.21об-22; Д.57004. Вахтенный журнал линейного корабля "Полтава". ЛЛ.89,91,93; Д.57005. Вахтенный журнал линейного корабля "Полтава". ЛЛ.24,28,59,61,62-63,65; Скворцов А.В. Линейные корабли типа "Севастополь". С.21.
- ²²⁰ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.37. Книга приказов начальника 1-й Бригады линейных кораблей Эскадры Балтийского моря за 1916 и 1917. Л.1.
- ²²¹ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.62055. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". ЛЛ.13об,18об,22об,24об,27об.
- ²²² Там же. Ф.477. Оп.1. Д.80. Книга для записи исходящих телефонограмм за 1915 и 1916 гг. Л.46; Ф.870. Оп.1. Д.62055. ЛЛ.33об-34,35.
- ²²³ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.62055. ЛЛ.39об-40об,42.
- ²²⁴ Там же. ЛЛ.54об-55,58об-59; Ф.477. Оп.1. Д.80. Л.48.
- ²²⁵ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.60023. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". ЛЛ.7об-8,18об-20,24об-25,27об-29,43об-45,48об-49,57об-59; Д.62055. ЛЛ.65об-66,74,79об-80,82об-85,92об-98.
- ²²⁶ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.60023. ЛЛ.24об-25,48об-49; Д.62055. ЛЛ.82об-84,93об-96,97об-98.
- ²²⁷ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.60023. ЛЛ.75об-77,78,80,82об-83,84об,87.
- ²²⁸ Там же. ЛЛ.90об-92.
- ²²⁹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.60024. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". ЛЛ.14об-16,17об-18об,19об-23.
- ²³⁰ Там же. ЛЛ.29об-30,64об-66.
- ²³¹ Там же. ЛЛ.32,62.
- ²³² Там же. Ф.870. Оп.5. Д.48. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л.7.
- ²³³ Там же. ЛЛ.9об,11об,13,15,22об-23.
- ²³⁴ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.60023. ЛЛ.13об-14,23,25,26,29,30,31,32,33,35,36об.
- ²³⁵ Там же. ЛЛ.71об-73.
- ²³⁶ РГАВМФ. Ф.870. Оп.5. Д.48. ЛЛ.30,61,88-93.
- ²³⁷ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.45. Л.154.
- ²³⁸ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.67. Л.53.
- ²³⁹ Там же. Ф.р-266. Оп.1. Д.4. "Переписка по личному составу, ремонту и снабжению". Л.26.
- ²⁴⁰ Там же. Ф.р-224. Оп.1. Д.91. "Переписка о переменах в личном составе". Л.51.
- ²⁴¹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.131. "Санитарный годовой отчет линейного корабля "Севастополь" за 1916 год". Л.11.
- ²⁴² Там же. Ф.477. Оп.1. Д.131. Л.12.
- ²⁴³ Там же. Д.127. "По медицинской части". Л.38. "Рапорт судового врача линейного корабля "Гангут" от 5 ноября 1916 года о взвешивании нижних чинов".
- ²⁴⁴ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.157. Переписка о личном составе 1-й бригады линейных кораблей. Л.10-10 об.
- ²⁴⁵ Там же. Д.158. ЛЛ.22 об, 38.
- ²⁴⁶ Довольно подробный анализ был проведен Е.С. Сеньявской. Ей, правда, более удачным оказался термин "фронтовой быт". Однако, принимая во внимание возможность привлечения дредноутов к военным операциям и размытость самого понятия "фронт" применительно к морскому театру, полагаем, что параллели и в нашем случае допустимы. Подробнее см.: Сеньявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. С. 74.
- ²⁴⁷ Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965. С.126.
- ²⁴⁸ Финляндская газета. 1915. №10. 14/27 января.
- ²⁴⁹ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. / Предисловие и биографический справочник А.Е. Иоффе, В.Н. Фотуньянц. СПб., 1993. С. 206-208.
- ²⁵⁰ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С. 39.
- ²⁵¹ Там же. С.126.
- ²⁵² Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С.207.
- ²⁵³ РГАВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.805. Общая переписка. ЛЛ.202-203.
- ²⁵⁴ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.45. Л.244.
- ²⁵⁵ Финляндская газета. 1915. №210. 1/14 октября.
- ²⁵⁶ Там же. 1916. №47. 1/14 марта.
- ²⁵⁷ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.39.
- ²⁵⁸ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.145.
- ²⁵⁹ Там же. С.126.
- ²⁶⁰ Шульц, фон Г.К. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000. (далее – С английским флотом...) С.9.
- ²⁶¹ Там же. С.10.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Там же. С.9.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ Там же. С.19.
- ²⁶⁶ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.25. ЛЛ.167, 176.
- ²⁶⁷ Финляндская газета. 1915. №212. 4/17 октября.
- ²⁶⁸ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.79. Тетрадь для записи входящих телефонограмм. 1915 и 1916 г. Л.3.
- ²⁶⁹ Там же.
- ²⁷⁰ Там же. Д.80. Л.27об.
- ²⁷¹ Шульц, фон Г.К. С английским флотом... С.9, 19.
- ²⁷² РГАВМФ. Ф.755. Оп. 1. Д. 6. Дневник капитана 2 ранга Изенбек. 1916 – 1917. ЛЛ. 10, 28об.
- ²⁷³ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.80. Л.37; Д.137. Л.45.
- ²⁷⁴ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.130.
- ²⁷⁵ РГАВМФ. Ф.417. Оп.3. Д.3705. Переписка о распределении денежных средств на пополнение судовых библиотек. ЛЛ.1-2.
- ²⁷⁶ Там же. ЛЛ.30-31.
- ²⁷⁷ Там же. Л.4.
- ²⁷⁸ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.20. Л.80; Ф.р-266. Оп.1. Д.4. ЛЛ.231, 233.
- ²⁷⁹ Там же. Ф.417. Оп.3. Д.3733. Положение о судовых офицерских библиотеках. Л.33.
- ²⁸⁰ Там же. Л.33об.
- ²⁸¹ РГАВМФ. Ф.417. Оп.3. Д.3733. Л.6.
- ²⁸² Там же. Ф.751. Оп.1. Д.48а. Л.25об.
- ²⁸³ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.10. Переписка о нижних чинах. 1914 год. Л.58.
- ²⁸⁴ Там же. Д.13. Входящий журнал линейного корабля "Петропавловск" за 1914 год. Л.154об.
- ²⁸⁵ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. ЛЛ.56, 95, 208.
- ²⁸⁶ Там же. Л.159.; Д.68. Л.330.
- ²⁸⁷ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.68. Л.135а.
- ²⁸⁸ Ostertag H. Bibliotheksbestände und literarische Interessen – Indikatoren für das Bildungsniveau im Offizierkorps im Kaiserreich 1871 bis 1918? // Militärgeschichtliche Mitteilungen 47 (1990), S. 64-65.
- ²⁸⁹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.45. Л.43.
- ²⁹⁰ Там же. Ф.р-224. Оп.1. Д.92. Приказы командира линейного корабля "Гангут" за 1917 год. Л.5.
- ²⁹¹ Шульц, фон Г.К. С английским флотом... С.10.
- ²⁹² РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.33; Иванов Д.И. "Гангут" идет в штурм. Львов, 1979. С.206.

- ²⁹³ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.54. Книга приказов командира линейного корабля "Гангут" за 1915 год. Л.35об.
- ²⁹⁴ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.1. Приказы командира линейного корабля "Полтава" за 1915 год. Л.69об.
- ²⁹⁵ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.127.
- ²⁹⁶ Дыбенко П.Е. Мы - мятежники. Пг., 1923. С. 17.
- ²⁹⁷ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.25. ЛЛ.9, 136; Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.147.
- ²⁹⁸ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.25. Л.207.
- ²⁹⁹ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 208.
- ³⁰⁰ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С.19
- ³⁰¹ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.127
- ³⁰² Финляндская газета. 1916. №276. 25 декабря / 6 января.
- ³⁰³ Там же. 1915. №2. 3/18 января
- ³⁰⁴ Там же. №6. 9/22 января.
- ³⁰⁵ Там же. №10. 14/27 января; №19. 24 января/6 февраля.
- ³⁰⁶ Финляндская газета. №39. 19 февраля/4 марта; №79. 12/25 апреля; №75. 8/21 апреля; №245. 17/30 ноября.
- ³⁰⁷ Там же. 1915. №7. 10/23 января; №11. 15/28 января.
- ³⁰⁸ Там же. 1915. №68. 31 марта/13 апреля; №69. 1/14 апреля; №71. 3/16 апреля; №76. 9/22 апреля; №77. 10/23 апреля; №81. 15/28 апреля; №90. 26 апреля/9 мая.
- ³⁰⁹ Там же. 1915. №102. 16/29 мая; №104. 19 мая/1 июня; №116. 3/16 июня.
- ³¹⁰ Там же. 1915. №191. 5/18 сентября; №224. 19 октября/1 ноября; №225. 21 октября/3 ноября; №226. 24 октября/6 ноября; №234. 3/16 ноября; №236. 5/18 ноября; №238. 7/20 ноября; №248. 30 ноября/3 декабря.
- ³¹¹ Финляндская газета. 1915. №225. 21 октября/3 ноября; №226. 24 октября/6 ноября; №237. 7/20 ноября; №242. 12/25 ноября.
- ³¹² Там же. 1915. №187. 1/14 сентября.
- ³¹³ Там же. 1915. №198. 16/29 сентября; №202. 18 сентября/1 октября; №211. 3/16 октября.
- ³¹⁴ Там же. 1915. №209. 30 сентября/13 октября.
- ³¹⁵ Там же. 1916. №69. 27 марта/9 апреля.
- ³¹⁶ Там же. 1916. №12. 16/29 января; №38. 17 февраля/1 марта.
- ³¹⁷ Там же. 1916. №52. 6/19 марта; №82. 15/28 апреля.
- ³¹⁸ Там же. 1916. №167. 4/17 августа.
- ³¹⁹ Там же. 1916. №194. 8/21 сентября.
- ³²⁰ Там же. 1916. №206. 27 сентября/10 октября; №226. 25 октября/7 ноября; №261. 6/19 декабря; №268. 16/29 декабря.
- ³²¹ Финляндская газета. 1916. №6. 9/22 января; №9. 13/26 января; №10. 14/27 января; №12. 16/29 января; №14. 19 января/1 февраля; №23. 29 января/11 февраля; №31. 9/22 февраля; №38. 17 февраля/1 марта.
- ³²² Там же. 1916. №47. 1/14 марта; №48. 2/15 марта; №51. 5/18 марта; №55. 10/23 марта; №64. 20 марта/2 апреля; №67. 24 марта/6 апреля; №69. 27 марта/9 апреля; №79. 8/21 апреля; №82. 15/28 апреля.
- ³²³ Подробнее отзывы критиков см.: Там же. 1916. №15. 20 января/2 февраля; №33. 11/24 февраля.
- ³²⁴ Там же. 1916. №9. 13/26 января; №52. 6/19 марта; №64. 20 марта/2 апреля; №71. 30 марта/12 апреля; №80. 9/22 апреля; №82. 15/28 апреля.
- ³²⁵ Там же. 1916. №9. 13/26 января; №31. 9/22 февраля.
- ³²⁶ Там же. 1916. №197. 14/27 сентября; №258. 3/16 декабря.
- ³²⁷ Финляндская газета. 1916. №236. 5/18 ноября; №243. 13/26 ноября; №244. 16/29 ноября; №257. 2/15 декабря; №261. 6/19 декабря.
- ³²⁸ Там же. 1916. №206. 27 сентября/10 октября; №210. 1/14 октября; №213. 7/20 октября; №219. 14/27 октября; №226. 25 октября/7 ноября; №239. 9/22 ноября; №257. 2/15 декабря; №258. 3/16 декабря; №272. 21 декабря/3 января 1917 г.
- ³²⁹ Там же. 1916. №190. 4/17 сентября; №196. 13/26 сентября; №197. 14/27 сентября; №208. 29 сентября/12 октября; №253. 27 ноября/10 декабря.
- ³³⁰ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С.19.
- ³³¹ Путеводитель по Гельсингфорсу. Гельсингфорс, 1916. С.21.
- ³³² Финляндская газета. 1916. №189. 3/16 сентября.
- ³³³ Там же. 1915. №194. 10/23 сентября; №261. 6/19 декабря; 1916. №249. 23 ноября/6 декабря; Путеводитель по Гельсингфорсу. С.21.
- ³³⁴ Финляндская газета. 1915. №194. 10/23 сентября; №242. 12/25 ноября.
- ³³⁵ Там же. 1915. №55. 11/24 марта.
- ³³⁶ Там же. 1916. №1. 1/14 января; №5. 8/21 января; №10. 14/27 января.
- ³³⁷ Там же. 1915. №194. 10/23 сентября.
- ³³⁸ Там же. 1916. №249. 23 ноября/6 декабря; №259. 4/17 декабря.
- ³³⁹ Там же. 1915. №52. 7/20 марта.
- ³⁴⁰ Там же. 1915. №103. 17/30 мая; №154. 18/31 июля; 1916. №23. 29 января/11 февраля.
- ³⁴¹ Там же. 1915. №173. 19 августа/1 сентября; №206. 25 сентября/8 октября; №229. 28 октября/10 ноября; №245. 17/30 ноября.
- ³⁴² Финляндская газета. 1915. №154. 18/31 июля; 1916. №23. 29 января/11 февраля.
- ³⁴³ Там же. 1916. №23. 29 января/11 февраля; №55. 10/23 марта; №268. 16/29 декабря.
- ³⁴⁴ Там же. 1915. №259. 4/17 декабря; 1916. №57. 12/25 марта.
- ³⁴⁵ Там же. 1916. 5/18 июня.
- ³⁴⁶ Там же. 1916. №5. 8/21 января; №238. 8/21 ноября.
- ³⁴⁷ Там же. 1916. №196. 13/26 сентября.
- ³⁴⁸ Там же. 1916. №213. 7/20 октября; №215. 9/22 октября.
- ³⁴⁹ Финляндская газета. 1916. №214. 8/21 октября; №218. 13/26 октября.
- ³⁵⁰ Там же. 1916. №248. 20 ноября/3 декабря.
- ³⁵¹ Там же. 1916. №236. 5/18 ноября.
- ³⁵² Там же. 1916. №246. 18 ноября/1 декабря.
- ³⁵³ Там же. №257. 2/15 декабря.
- ³⁵⁴ Там же. №253. 27 ноября/10 декабря
- ³⁵⁵ Там же. 1916. №222. 18/31 октября.
- ³⁵⁶ Там же. 1916. №234. 3/16 ноября.
- ³⁵⁷ Там же. 1915. №181. 23 августа/5 сентября; 1916. №145. 7/20 июля.
- ³⁵⁸ Там же. 1915. №148. 11/24 июля; 1916. №106. 18/31 мая; №177. 18/31 августа.
- ³⁵⁹ Финляндская газета. 1916. №23. 29 января/11 февраля; №218. 13/26 октября.
- ³⁶⁰ Письма лейтенанта А.И. Рогозина к жене (подг. и комм. С. Аникина) // [Electronic resource] <http://baltsea.chat.ru/page5.htm>
- ³⁶¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1, 9, 15; См. также: Бажанов Д.А. "Матросы и берег" (1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе в 1914-1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Пятой ежегодной научной конференции. 23-25 апреля 2003 г. / Под ред. В.Н. Барышниковой, С.Ю. Трохачева. СПб., 2004. С. 155-164.
- ³⁶² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1, 9, 15.
- ³⁶³ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С. 159.
- ³⁶⁴ Он же. Я – матрос "Гангута"! М., 1987. С. 17-18.
- ³⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 870. Оп.6. Д.1,9,15.
- ³⁶⁶ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.41. Книга приказов штаба начальника эскадры флота Балтийского моря по 1-й бригаде линейных кораблей. Л.1.
- ³⁶⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.71. Л.2.
- ³⁶⁸ Фрадлин М.Г. Революционное движение в британском флоте // Морской сборник. 1932. №5. С.95.
- ³⁶⁹ РГАВМФ. Ф. р-266. Оп.1. Д.3. Переписка по личному составу линейного корабля "Петропавловск". Л. 362.
- ³⁷⁰ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.36. Л.153.
- ³⁷¹ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.170.

- ³⁷² РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.68. Книга приказов за 1915 год линейного корабля "Гангут". ЛЛ.10об,17-17об.
- ³⁷³ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С. 127.
- ³⁷⁴ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.128.
- ³⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 8. Отчеты о деятельности розыскного отделения оперативной канцелярии Штаба командующего флотом Балтийского моря. Л. 13.
- ³⁷⁶ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С. 33; Дыбенко П.Е. Мы – мятежники. С. 15.
- ³⁷⁷ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.129.
- ³⁷⁸ Там же. С.174.
- ³⁷⁹ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.25. Линейный корабль "Петропавловск". О личном составе и прочая переписка. Л.20б.
- ³⁸⁰ Финляндская газета. 1915. №28. 6/19 января.
- ³⁸¹ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.25. Л.152; Ф.751. Оп.1. Д.84. Переписка о личном составе линейного корабля "Гангут". Л.121.
- ³⁸² Там же. Ф.747. Оп.1. Д.38. Выписка из частного письма командира линейного корабля "Полтава". Л.1.
- ³⁸³ Там же.
- ³⁸⁴ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.25. Л.53.
- ³⁸⁵ Финляндская газета. 1915. №77. 10/23 апреля.
- ³⁸⁶ Там же. 1915. №53. 8/21 марта; №148. 28 июня/11 июля; №160. 26 июля/8 августа; №184. 27 августа/9 сентября; №195. 5/18 сентября; №216. 10/23 октября; №261. 6/19 декабря.
- ³⁸⁷ Финляндская газета. 1915. №152. 16/29 июля; №184. 27 августа/9 сентября.
- ³⁸⁸ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.41. ЛЛ.12-12об.
- ³⁸⁹ Там же. Л.22.
- ³⁹⁰ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.105; Ф.477. Оп.1. Д.25. ЛЛ.116,269; Д.35. Циркуляры штаба начальника эскадры по 1-й бригаде линейных кораблей. Л.6; Д.41. Л.33; Д.72. Дело флагманского врача штаба начальника 2-й бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря. Л.51.
- ³⁹¹ Финляндская газета. 1915. №146. 9/22 июля.
- ³⁹² Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.174; Он же. "Гангут" идет в штурм. С.88,122.
- ³⁹³ Он же. "Гангут" идет в штурм. С.96.
- ³⁹⁴ Финляндская газета. 1915. №171. 11/24 августа.
- ³⁹⁵ Там же. 1916. №160. 26 июля/8 августа.
- ³⁹⁶ Там же. 1916. №161. 27 июля/9 августа.
- ³⁹⁷ Финляндская газета. 1916. №17. 22 января/4 февраля; №54. 9/22 марта; №64. 20 марта/2 апреля; №70. 29 марта/11 апреля; №159. 24 июля/6 августа; №165. 2/15 августа; №183. 25 августа/7 сентября; №197. 14/27 сентября.
- ³⁹⁸ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.108. ЛЛ.48, 66.
- ³⁹⁹ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.46. Л.119.
- ⁴⁰⁰ Там же. Д.47. Л.101.
- ⁴⁰¹ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.95; Ф.751. Оп.1. Д.52. Л.26об; Ф.878. Оп.1. Д.57. ЛЛ.84,97об-98,101-102,103об,109.
- ⁴⁰² Там же. Ф.743. Оп.1. Д.29. Дело №2 корабельного суда линейного корабля "Петропавловск" о кочегаре I статьи Василии Григорьеве, обвиняемом в первом со службы побеге. Л.61; Д.8. Дело №1 корабельного суда линейного корабля "Петропавловск" о машинисте II статьи Н. Крутикове, обвиняемом в первом со службы побеге. Л.6об.
- ⁴⁰³ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.33. Л.20об.
- ⁴⁰⁴ Там же. Л.34.
- ⁴⁰⁵ Там же. Д.72. Л.187.
- ⁴⁰⁶ Финляндская газета. 1915. №187. 1/14 сентября.
- ⁴⁰⁷ Там же. 1915. №214. 8/21 октября; №223. 18/31 октября; №228. 27 октября/9 ноября.
- ⁴⁰⁸ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.72. Л.133.
- ⁴⁰⁹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.72. ЛЛ.134,176.
- ⁴¹⁰ Там же. Д.234. ЛЛ.2-10. 48-50.
- ⁴¹¹ Там же. Ф. р-266. Оп.1. Д.3. ЛЛ.244-249.
- ⁴¹² Петров М. Балтийский флот в октябре 1917 г. // Пять лет Красного Флота. 1917-1922 гг. С.25.
- ⁴¹³ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.42. ЛЛ.10,12,13,21.
- ⁴¹⁴ Там же. Д.57. Приказы командира линейного корабля "Севастополь" за 1914 год. ЛЛ.84,97об,98,101-102,103об,109.
- ⁴¹⁵ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.10. Л.287.
- ⁴¹⁶ Там же. Д.42. Переписка о наложении взысканий на нижних чинов и их претензии. ЛЛ.48,54-55,57; Д.57. ЛЛ.17об,34-61об,92,98,103об-104.
- ⁴¹⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.42. Л.57; Д.57. ЛЛ.34,103об-104.
- ⁴¹⁸ Там же. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.33.
- ⁴¹⁹ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.57. ЛЛ.92,103об-104.
- ⁴²⁰ Там же. Л.104.
- ⁴²¹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.57. Л.98; Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.54об.
- ⁴²² Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. ЛЛ.105,186.
- ⁴²³ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.54. Л.42; Д.90. Л.32.
- ⁴²⁴ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.33. Л.25об; Ф.751. Оп.1. Д.90. Переписка командира линейного корабля "Гангут". Л.31об.
- ⁴²⁵ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.1. Л.8.
- ⁴²⁶ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.24. Книга строевых приказов линейного корабля "Петропавловск". ЛЛ.4об,45.
- ⁴²⁷ РГАВМФ. ЛЛ.81об,153об; Д.24. Л.27.
- ⁴²⁸ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.71. Дело корабельного суда линейного корабля "Гангут" о матросе I статьи I роты Федоре Федорове Василенко, обвиняемом в оскорблении на словах унтер-офицера своей роты Ивана Бараблина. Л.7 Справка о взысканиях; Подробнее см.: Там же. Д.54.
- ⁴²⁹ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.72.
- ⁴³⁰ Цит. по: Дрезен А.К. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году // Красная летопись. 1929. №3. С.43-104.
- ⁴³¹ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. д.47. Книга приказов за 1916 год. ЛЛ.18об,68.
- ⁴³² РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.108. Секретные дела за 1916 год. ЛЛ.39-40.
- ⁴³³ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.47. ЛЛ.107,119об,126об.
- ⁴³⁴ Там же. ЛЛ.47об,93,172.
- ⁴³⁵ См. например: РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.47. ЛЛ.98об,-107,130об,135,137.
- ⁴³⁶ Там же. Л.100.
- ⁴³⁷ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.47. Л.167об.
- ⁴³⁸ Там же. ЛЛ.39,39об,42.
- ⁴³⁹ Там же. ЛЛ.113,157,191.
- ⁴⁴⁰ Там же. ЛЛ.33об-34.
- ⁴⁴¹ Там же. Л.118.
- ⁴⁴² Там же. Л.124.
- ⁴⁴³ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.3. ЛЛ.97,168об; Д.7. Книга приказов за 1916 год. Л.143об.
- ⁴⁴⁴ РГАВМФ. Ф.747. Оп.1. Д.7. Л.45.
- ⁴⁴⁵ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.52. ЛЛ.2-3.
- ⁴⁴⁶ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.21. Дело №14 корабельного суда линейного корабля "Петропавловск" о машинисте I статьи Алексее Никифорове Анишкине, обвиняемом в оскорблении на словах начальника; Д.24. ЛЛ.5-5об,12,13-15; Ф.747. Оп.1. Д.1. ЛЛ.94об-96об,101об-102.
- ⁴⁴⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.64. Дело корабельного суда линейного корабля "Севастополь" о мотористе I статьи Василии Кирове, обвиняемом в оскорблении фельдфебеля 4 роты Козлова.
- ⁴⁴⁸ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.71. Л.4.
- ⁴⁴⁹ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.64. Л.3.
- ⁴⁵⁰ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.71. Л.4; Ф.878. Оп.1. Д.64. Л.4.
- ⁴⁵¹ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.68. Л.2.
- ⁴⁵² РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.68. Л.5.
- ⁴⁵³ Там же. Л.4.
- ⁴⁵⁴ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.68. Л.6.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л.11.
- ⁴⁵⁶ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.64. ЛЛ.3-4.
- ⁴⁵⁷ Там же. Л.5.
- ⁴⁵⁸ Там же. ЛЛ.8-9.

⁴⁵⁹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С.112.

⁴⁶⁰ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.21. ЛЛ.16, 22, 15,16об,17,20,22.

⁴⁶¹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.57. Л.98.

⁴⁶² Там же. Ф.743. Оп.1. Д.24. ЛЛ.5,5об.,13,15, 51; Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825 – 1917. М., 1948. С.510-511.

⁴⁶³ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.74. Дело корабельного суда линейного корабля “Гангут” о матросе II статьи 7 роты Андрее Иванове Балашеве, обвиняемом в дерзком и неуважительном отношении к ротному командиру. ЛЛ.4-5.

⁴⁶⁴ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. ЛЛ.85об,132,155; Д.22; Д.24. ЛЛ.24об-25,56об; Ф.747. Оп.1. Д.1. ЛЛ.43,51,86.

⁴⁶⁵ РГАВМФ. Ф.747. Оп.1. Д.1. ЛЛ.43,51,86.

⁴⁶⁶ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.22. Дело №15 корабельного суда линейного корабля “Петропавловск” о матросе II статьи Иване Фаддееве Яковлеве, обвиняемом в воровстве и мошенничестве. ЛЛ.7-8; Д.24. Л.25.

⁴⁶⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.83. Дело корабельного суда. Л.1,22.

⁴⁶⁸ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.132.

⁴⁶⁹ Там же. ЛЛ.139,143.

⁴⁷⁰ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.8; Д.29; Ф.751. Оп.1. Д.28.

Дело корабельного суда линейного корабля “Гангут” о машинисте II статьи 6 роты Василии Алексееве Алексееве, обвиняемом в самовольной отлучке в военное время; Д.29. Дело корабельного суда линейного корабля “Гангут” о матросе I статьи 4 роты Гавриле Иванове Коновалове, обвиняемом в самовольной отлучке в военное время, во время кампании.

⁴⁷¹ Там же. Д.7. ЛЛ.131об,166об; Д.19. Дело №12 об охотнике флота, матросе II статьи Владимире Александрове Юргенсе, команды линейного корабля “Петропавловск”, преданного суду Особой комиссии по обвинению в первом со службы побеге в военное время; Ф.751. Оп.1. Д.73; Ф.878. Оп.1. Д.69.

⁴⁷² Там же. Ф.743. Оп.1. Д.7. Л.225.

⁴⁷³ Там же. Л.103; Ф.747. Оп.1. Д.1. Л.61; Ф.751. Оп.1. Д.53. Входящий журнал. Линкор “Гангут”. Л.9; Д.68. Л.68об; Ф.878. Оп.1. Д.80. Книга приказов по хозяйственной части. Л.155об; Ф.477. Оп.1. Д.35. ЛЛ.1об,2,9; Д.37. Л.30; Д.41. Л.57; Д.45. ЛЛ.1-3,16-17,21-22.

⁴⁷⁴ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.8. Дело №1 корабельного суда линейного корабля “Петропавловск” о машинисте II статьи Н. Крутикове, обвиняемом в первом со службы побеге. Л.2,3,6; Д.29. Дело №2 корабельного суда линейного корабля “Петропавловск” о кочегаре I статьи Василии Григорьеве, обвиняемом в первом со службы побеге. Л.6.

⁴⁷⁵ Там же. Л.12; Д.29. Л.13.

⁴⁷⁶ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.28. Л.2.

⁴⁷⁷ Там же. Л.10.

⁴⁷⁸ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.10. Л.225.

⁴⁷⁹ РГАВМФ. Ф.743. Оп.1. Д.19. ЛЛ.4,6,14.

⁴⁸⁰ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.35. ЛЛ.1-2,16-17,21-22; Д.45. Л.3.

⁴⁸¹ Там же. Ф.743. Оп.1. Д.45. Л.264.

⁴⁸² Там же. Ф.751. Оп.1. Д.73. Дело корабельного суда линейного корабля “Гангут” о матросах I статьи Алексее Сергееве и II статьи Василии Сосновском, обвиняемых в самовольной отлучке во время войны в районе военных действий во время кампании. ЛЛ.3-4.

⁴⁸³ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.6254. О предании суду за революционную деятельность и об отправлении заключенных в тюрьмы и на фронт. ЛЛ.135об,137.

⁴⁸⁴ Там же. ЛЛ.390,507.

⁴⁸⁵ Там же. Д.6256. Материалы о списании с судов, политически неблагонадежных матросах, предании суду рядовых флота за уголовные преступления. ЛЛ.82об-83,132,163.

⁴⁸⁶ Там же. Д.6254. Л.541.

⁴⁸⁷ Шеер Р. Германский флот в мировую войну. М.-СПб., 2002. С.97-98.

⁴⁸⁸ Фирле Р. Война на Балтийском море. Т.1. М., 1937. С.152.

⁴⁸⁹ Ролльман Г. Война на Балтийском море. Т.2. М., 1937. С.37.

⁴⁹⁰ Harding Ganz A. “Albion” – The Baltic Islands Operation // [Electronic resource] <http://www.jstor.org/>

⁴⁹¹ Флот в первой мировой войне. Т.1. С.246.

⁴⁹² См. например: Революционное движение в армии и на флоте. 1914 - февраль 1917 / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1966. С.317.

⁴⁹³ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57068. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. ЛЛ.5,7,58,65,67,86,87,93,94.

⁴⁹⁴ Там же. Д.57069. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. Л.29.

⁴⁹⁵ РГАВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.57069. ЛЛ.30,31.

⁴⁹⁶ Там же. Л.31.

⁴⁹⁷ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.46.

⁴⁹⁸ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.186.

⁴⁹⁹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.130. Отчет о движении больных на линейном корабле “Петропавловск” за 1916 г. Л.13. Распорядок питания на неделю.

⁵⁰⁰ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.47; РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Восстание на линейном корабле “Гангут”. Л.25. Воспоминания о выступлении Козьмина; Л.37. Лагуткин Д. Мои воспоминания о днях военно-морской службы и каторги; Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.147.

⁵⁰¹ Хаазе Г. На “Дерфлингере” в Ютландском сражении / Корабли и сражения. СПб, 1995. Вып.2. С.73.

⁵⁰² Мужеников В.Б. Линейные корабли типов “Кайзер” и “Кёниг” (1909 - 1918). Самара, 2006. С.68-71.

⁵⁰³ Анти-Наутикус. Революционные матросы Германии (Отрывки из воспоминаний) // Морской сборник. 1933. №3. С.99-100.

⁵⁰⁴ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.25.

⁵⁰⁵ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.48; РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.1. Д.194. ЛЛ.25,37.

⁵⁰⁶ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.26.

⁵⁰⁷ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.48.

⁵⁰⁸ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.50.

⁵⁰⁹ Революционное движение в армии и на флоте. 1914 – февраль 1917. С.328; Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.192.

⁵¹⁰ Революционное движение в армии и на флоте. 1914 – февраль 1917. С.328-329; РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. ЛЛ.38-39.

⁵¹¹ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.39; Ф.716. Оп.2. Д.107. ЛЛ.55-57; Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С.50.

⁵¹² Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.148.

⁵¹³ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.1. Д.194. Л.40.

⁵¹⁴ Там же. Л.26.

⁵¹⁵ Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.197.

⁵¹⁶ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.40.

⁵¹⁷ Анти-Наутикус. Указ. соч. С.101.

⁵¹⁸ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.194. Л.41; Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.204.

⁵¹⁹ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.57069. Л.39.

⁵²⁰ РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.6254. О предании суду за революционную деятельность и об отправлении заключенных в тюрьмы и на фронт. Л.504с; Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.149.

⁵²¹ См.: Там же. Ф.407. Оп.1. Д.8141. ЛЛ.90-90а. Заключение следственной комиссии; Ф.716. Оп.2. Д.107. Материалы о восстании на линейном корабле “Гангут”. ЛЛ.54-56. Обвинительный акт; Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825 – 1917. С.550; Цветков И.Ф. Линкор “Октябрьская революция”. С.152-153.

⁵²² РГАВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.6254. Л.606.

⁵²³ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.108. Секретные дела за 1916 год.

ЛЛ.25,64; Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825 – 1917. С. 535-536.

⁵²⁴ Там же. Ф.р-30. Оп.1. Д.9. Именные и тематические карточки к делу Главного военно-морского судного управления о Главном судовом коллективе РСДРП. ЛЛ.9,31,41,57.

⁵²⁵ Граф Г.К. На "Новике". С. 249-250.

⁵²⁶ Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С.150.

⁵²⁷ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Книга приказов командира линейного корабля "Севастополь". Л. 56-57.

⁵²⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л. 215.

⁵²⁹ Там же. Л. 216.

⁵³⁰ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д.158. Л.36

⁵³¹ Там же. Л. 36 об.

⁵³² Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". Л. 219; Д. 9. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". Л. 204.

⁵³³ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. М.-Л., 1957. (далее – Балтийские моряки...) С. 17; РГАВМФ. Ф. 477. Оп.1. Д.158. Л.37а; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март-октябрь 1917 г.). Петрозаводск, 1992. (далее – Гельсингфорский Совет...) С. 22.

⁵³⁴ РГАВМФ. Ф. 477. Оп.1. Д.158. Л.38.

⁵³⁵ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 221.

⁵³⁶ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 38; Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 221; Д. 9. Л. 205.

⁵³⁷ Балтийские моряки ... С. 19; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб, 2005. С. 383.

⁵³⁸ Подробнее см. например: Колбин И. Балтийский флот в 1917 году. Л., 1933.

⁵³⁹ Балтийские моряки... С.22; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С. 383.

⁵⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 477. Оп.1. Д. 158. Л. 39.

⁵⁴¹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 222.

⁵⁴² РГАВМФ. Ф. 477. Оп.1. Д.158. Л.386. Примерно так же действовал в Севастополе в это же время и командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак. Однако решающим обстоятельством оказалась близость к революционной столице. Подробнее о деятельности А.В. Колчака в дни Февральской революции см. например: Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб, 1993. С. 87-89; Смолин А.В. "Морской заговор" и адмирал А.В. Колчак // Политическая история России первой четверти XX века. СПб, 2006. С. 207-217.

⁵⁴³ Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13-14 апреля 2006 г.) / Под ред. В.Н. Барышниковой, П.А. Кротова. СПб, 2007. С.22.

⁵⁴⁴ Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. С.150; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. С. 555-561.

⁵⁴⁵ Цит. по: Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. С.156. В отношении кораблей, находившихся в Моонзунде, эта тактика имела успех. На линейном корабле "Цесаревич" и крейсере "Адмирал Макаров" об отречении узнали утром 4 марта. Столкновений между матросами и офицерами на этих кораблях не было. Подробнее см.: Бажанов Д.А. События Февральской революции на линейном корабле "Цесаревич" по данным вахтенного журнала // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб, 1999. С. 75-77.

⁵⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 477. Оп.1. Д. 158. Л. 39.

⁵⁴⁷ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 77.

⁵⁴⁸ Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917

г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С.23.

⁵⁴⁹ ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.108. Стенограммы вечеров воспоминаний моряков Центробалтфлота об участии в революции 1917 г. Л.10б.

⁵⁵⁰ Там же. Д.112. Воспоминания участников и очевидцев революции 1917 г. и гражданской войны. Т.3. Л.116. Автобиография М.А. Кониная.

⁵⁵¹ Цит. по: Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С. 24.

⁵⁵² ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.115. Воспоминания участников и очевидцев революции 1917 г. и гражданской войны. Т.6. Л.122.

⁵⁵³ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 40; Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 214; Д. 1. Л. 223; Д. 15. Л. 225.

⁵⁵⁴ Граф Г.К. На "Новике". С. 269.

⁵⁵⁵ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С.43.

⁵⁵⁶ Граф Г.К. На "Новике". С. 269-270, 274-275, 279; Мельников Р.М. Линейный корабль "Император Павел I" (1906 - 1925). Самара, 2005. С.49-50; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С.24-25.

⁵⁵⁷ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.15. Л.226.

⁵⁵⁸ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 78.

⁵⁵⁹ Там же. С. 79.

⁵⁶⁰ Балтийские моряки ... С. 30-31; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41; Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 227; Д. 9. Л. 215; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 77.

⁵⁶¹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.41.

⁵⁶² ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.108. Л.124. Воспоминания А.С. Штарёва.

⁵⁶³ Балтийские моряки ... С. 31; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43.

⁵⁶⁴ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 222; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С. 25.

⁵⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 12. Черновики выступлений, наброски, записи. Л. 5-6; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 78.

⁵⁶⁶ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.41 об.

⁵⁶⁷ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 224.

⁵⁶⁸ Балтийские моряки ... С. 31; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41-42.

⁵⁶⁹ Балтийские моряки ... С. 31-32; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42об.

⁵⁷⁰ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп.1. Д.200. Дневник I мировой войны на Балтийском морском театре И.И. Ренгартена. Л.17.

⁵⁷¹ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 78.

⁵⁷² Балтийские моряки... С.32; Биржевые ведомости. 1917. 9 марта; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С.26.

⁵⁷³ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42-42об.

⁵⁷⁴ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 227.

⁵⁷⁵ Балтийские моряки ... С. 33-34; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 45.

⁵⁷⁶ См. также: Бажанов Д.А. 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в дни Февральской революции // Вестник молодых ученых. Серия "Исторические науки". 1999. №1(5). С. 12-20.

⁵⁷⁷ Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С.27-28.

⁵⁷⁸ Граф Г.К. На "Новике". С. 261.

⁵⁷⁹ Там же. С.262.

⁵⁸⁰ Балтийские моряки ... С. 36; РГАВМФ Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43-44.

⁵⁸¹ РГАВМФ Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 46.

⁵⁸² ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.108. Л.124.

⁵⁸³ Пилкин В.К. Два адмирала // Он же. В Белой борьбе

на Северо-Западе: Дневник 1918-1920. / Вступ. ст. Н.Н. Рутыч-Рутченко, примечания и комментарии А.Ю. Емелина. М., 2005. С.486.

⁵⁸⁴ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 227-228.

⁵⁸⁵ Он сам пишет об этом (см. подробнее: Грудачев П.А. Багряным путем гражданской. Симферополь, 1974. С. 3-4). Этой версии придерживается и В.Ю. Грибовский (см., например, комментарии к гл. 2 воспоминаний Г.К. Графа: Граф Г.К. На "Новике". СПб., 1996. С. 456). Однако описание П.А. Грудачева несколько противоречит другим свидетельствам (например, флаг-офицера лейтенанта барона П. Тирбаха), поэтому мы полагаем, что оно может быть и не достоверно. Утверждение же А.В. Смолина, что "по словам Тирбаха, который находился с Непениным до последних минут жизни адмирала, а потом перевозил покойного на квартиру, матрос Грудачев принимал непосредственное участие в убийстве командующего флотом" (Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3-4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. С.28.) абсолютно не соответствует действительности (рассказ П. Тирбаха см. подробнее: Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 227-228.).

⁵⁸⁶ Цит. по: Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 226.

⁵⁸⁷ Речь. 1917. 8 (21) марта.

⁵⁸⁸ Граф Г.К. На "Новике". С. 353.

⁵⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 227; Д. 9. Л. 225; Д. 1. Л. 222.

⁵⁹⁰ Там же. Ф.477. Оп. 1. Д. 158. Л. 45 об.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 228.

⁵⁹² Там же. Л. 230.

⁵⁹³ Там же. Л. 232; Д. 15. Л. 233; Д. 1. Л. 227.

⁵⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 63.

⁵⁹⁵ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 236; Д. 9. Л. 235; Д. 1. Л. 231.

⁵⁹⁶ Залеский В.Н. Борьба за Балтийский флот. М.-Л., 1925. С. 14.

⁵⁹⁷ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.2. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". ЛЛ.50б, 60б; Д.10. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". Л.99.

⁵⁹⁸ Там же. Д.2. Л.200б; Д.11. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". ЛЛ.150б-16; Д.14. Вахтенный журнал линейного корабля "Полтава". Л.220б; Д.16. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л.200б.

⁵⁹⁹ Там же. Д. 2. ЛЛ.130б, 160б, 230б.

⁶⁰⁰ Там же. Л.29.

⁶⁰¹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.2. ЛЛ.18, 320б; Д.11. Л.120б; Д.14. Л.210б; Д.16. ЛЛ.180б, 26.

⁶⁰² Там же. Ф.870. Оп.6. Д.16. ЛЛ.210б, 220б, 270б, 280б.

⁶⁰³ Там же. Д.2. Л.120б.

⁶⁰⁴ Там же. Д.11. Л.170б.

⁶⁰⁵ Там же. Л.360б.

⁶⁰⁶ Там же. Ф.870. Оп.6. Д.2. Л.410б.

⁶⁰⁷ Там же. Л.56; Д.11. Л.470б; Д.14. Л.600б; Д.16. Л.610б.

⁶⁰⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.14. ЛЛ.390б, 470б, 520б, 540б, 590б, 60.

⁶⁰⁹ Там же. Д.2. ЛЛ.370б, 440б, 580б; Д.16. ЛЛ.500б, 590б, 650б.

⁶¹⁰ Там же. Д.11. Л.570б.

⁶¹¹ Там же. Д.2. Л.43; Д.11. Л.450б; Д.14. Л.720б; Д.16. Л.45.

⁶¹² Там же. Ф.477. Оп.1. Д.158. ЛЛ. 580б-59, 75-750б.

⁶¹³ Там же. Л.930б.

⁶¹⁴ Там же. ЛЛ.59, 94.

⁶¹⁵ Там же. Л.69.

⁶¹⁶ Там же. Ф.479. Оп.1. Д.1018. Журнал входящих телефонограмм, принятых из Гельсингфорса. Л.174; Ф.р-2063. Оп.1. Д.2. Протоколы заседаний Гельсингфорского Совета. Л.23.

⁶¹⁷ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 234. Материалы о проведенных дознаниях по несчастным случаям. Л. 80б.

⁶¹⁸ Там же. Л. 9.

⁶¹⁹ Там же. Л. 6-11.

⁶²⁰ П.З. Сивков дал ему, например, такую характеристику: "Вице-адмирал Максимов, "пойка" (финск. мальчик), как называли его матросы и офицеры за либерализм и слабоволие, был подходящей фигурой, через него Центробалт мог сравнительно легко проводить свои решения". (См: Сивков П.З. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., 1946. С. 99)

⁶²¹ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 154. Штарев А.С. История революционного движения во флоте за 1917 г. Л. 9.

⁶²² Дрезен А.К. Балтийский флот в Октябрьской революции и Гражданской войне. С.3.

⁶²³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11. Л. 76; Ф.477. Оп. 1 Д.158. Л.95; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.92.

⁶²⁴ РГАВМФ. Ф. 477, Оп. 1. Д. 158. Л. 96; Ф.р-29. Оп. 1 Д.154. Л.10-11; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.93. Граф Г.К. На "Новике". С. 323.

⁶²⁵ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 879. Документ о революционных событиях июня-августа 1917 г. на флоте. Л. 8; Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 110.

⁶²⁶ Известия... 1917. № 68. 7 июня (20 июня); Волна. 1917. №55. 5 июня (18 июня).

⁶²⁷ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 879. Л. 8.

⁶²⁸ Там же. Л. 12; Ф. р-29. Оп. 1. Д. 154. Л. 21.

⁶²⁹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11. Л. 79 об; Д. 14. Л. 78 об.

⁶³⁰ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 880. Протоколы переговоров с представителями ЦКБФ и других флотских и судовых комитетов. Л. 1.

⁶³¹ Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. С.57.

⁶³² РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 880. Л.1.

⁶³³ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 880. ЛЛ.2-3.

⁶³⁴ Балтийские моряки... С. 99-100; РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д. 11. Л. 980б; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.95; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С. 99, 103.

⁶³⁵ РГАВМФ. Ф.870. Оп. 6. Д. 12. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". Л. 60б; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 95-96.

⁶³⁶ РГАВМФ. Ф.479. Оп. 1. Д. 880. ЛЛ. 3-5.

⁶³⁷ РГАВМФ. Ф.479. Оп. 1. Д. 880. Л.6.

⁶³⁸ Балтийские моряки... С. 121; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 97.

⁶³⁹ Измайлов Н.Ф. Пухов А.С. Центробалт. С.72.

⁶⁴⁰ Известия... 1917.. № 101. 16 (29) июля; Иванов Д. И. Я – матрос "Гангута"! С. 98; Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С.129; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С.106-108.

⁶⁴¹ Измайлов Н.Ф. Пухов А.С. Центробалт. С.73; Богданов А.В. Моряки-балтийцы в 1917 году. С. 68.

⁶⁴² Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 98-99; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С. 84.

⁶⁴³ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д. 2. Л. 780б; Д.12. Л.30; Д. 17. Вахтенный журнал линейного корабля "Севастополь". Л.260б.

⁶⁴⁴ Дыбенко П.Е. Октябрь на Балтике. С. 52.

⁶⁴⁵ РГАВМФ. Ф. р-852. Оп.1. Д.8. Флагманский исторический журнал штаба бригады. Л.31.

⁶⁴⁶ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. / Сб.: О времени и о себе. Л. 1987. С. 146.

⁶⁴⁷ РГАВМФ. Ф.870. Оп. 6 Д. 14. Л. 810б.; Д.16. ЛЛ. 770б-78.

⁶⁴⁸ Там же. Д.12. Вахтенный журнал линейного корабля "Петропавловск". Л.150б.

⁶⁴⁹ Там же. Д. 3. Вахтенный журнал линейного корабля "Гангут". Л.150б.; Д.17. ЛЛ. 160б., 230б.-24, 250б.

⁶⁵⁰ РГАВМФ. Ф.477. Оп. 1. Д.159. Флагманский исторический журнал. Л. 32.

⁶⁵¹ Там же. Ф.870. Оп.6. Д. 3. ЛЛ. 24,26; Д.12. Л.460б.; Д.17. ЛЛ. 920б., 940б.

⁶⁵² Там же. Ф.р-95. Оп. 1. Д.16. Л.14.

⁶⁵³ Там же. Ф.870. Оп.6. Д. 3. ЛЛ. 450б, 470б, 480б, 520б.

- ⁶⁵⁴ Там же. Д.12. ЛЛ. 62об, 69, 74об.
- ⁶⁵⁵ Там же Д.17. ЛЛ. 56об, 58об, 62об, 68об, 74 об.
- ⁶⁵⁶ Там же. Д.3. Л.52об; Д. 12 Л.71об; Д. 17 Л. 65об.
- ⁶⁵⁷ Иванов Д. И. Я – матрос “Гангута”! С 105.
- ⁶⁵⁸ Балтийские моряки... С.188; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С.127-128.
- ⁶⁵⁹ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С.127-128.
- ⁶⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д.151. Протоколы заседаний судового комитета. Л. 6.
- ⁶⁶¹ Там же. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 8. Л.56.
- ⁶⁶² Там же. Ф. р-95 Оп. 1 Д. 14. Резолюции и постановления. Л. 168; Граф Г.К. На “Новике”. С. 326.
- ⁶⁶³ Граф Г.К. На “Новике”. С. 326.
- ⁶⁶⁴ Там же. С. 327; РГАВМФ. Ф. р-852. Оп.1. Д.8. Л. 55об.
- ⁶⁶⁵ РГАВМФ Ф.р-95. Оп. 1. Д.14. Л. 169.
- ⁶⁶⁶ Граф Г.К. На “Новике”. С.328.
- ⁶⁶⁷ ЦГА СПб. Ф.9618. Оп.1. Д.108. Л.104об-105.
- ⁶⁶⁸ Граф Г.К. На “Новике”. С. 328-329.
- ⁶⁶⁹ РГАВМФ. Ф. р-852. Оп.1. Д.8. Л. 56 а.
- ⁶⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп.1. Д.113. Воспоминания участников и очевидцев революции 1917 г. и гражданской войны. Т.4. Л.193.
- ⁶⁷¹ Дрезен А.К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г.// Красная летопись. 1929. №5. С.194.
- ⁶⁷² Граф Г.К. На “Новике”. С.329.
- ⁶⁷³ Там же. С. 330.
- ⁶⁷⁴ РГАВМФ. Ф.479. Оп.1. Д.879. Л.20 .
- ⁶⁷⁵ Там же. Л. 29 .
- ⁶⁷⁶ Там же. Ф. р-29. Оп 1. Д. 200. Л.47; Граф Г. К. На “Новике”. С. 332.
- ⁶⁷⁷ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. С. 166.
- ⁶⁷⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп. 6. Д. 3. ЛЛ. 70об-72; Д. 12. ЛЛ. 94об-96об; Д.17. ЛЛ. 88об –90об.
- ⁶⁷⁹ Там же. Д.3. Л. 76; Д. 12. Л 99; Д.17. Л. 94.
- ⁶⁸⁰ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С.113-114.
- ⁶⁸¹ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С. 108.
- ⁶⁸² Измайлов Н.Ф., Пухов А.С. Центробалт. С. 100.
- ⁶⁸³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3. ЛЛ. 77об, 78об, 79об.
- ⁶⁸⁴ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Д.17. ЛЛ. 97об, 99об.
- ⁶⁸⁵ Там же. Д. 18. Вахтенный журнал линейного корабля “Севастополь”. ЛЛ. 9об; 12-13, 17, 20, 27об; Ф. 878 Оп. 1. Д.151. ЛЛ. 16, 19, 22.
- ⁶⁸⁶ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3. ЛЛ. 87об, 93об, 94об.
- ⁶⁸⁷ Там же. Ф.р-95. Оп. 1. Д. 16. Резолюции. ЛЛ. 17-31 .
- ⁶⁸⁸ Там же. Л. 27.
- ⁶⁸⁹ Там же. Ф. 878. Оп. Д. 151. Л.24.
- ⁶⁹⁰ Граф Г. К. На “Новике”. С. 333
- ⁶⁹¹ РГАВМФ. Ф.479. Оп.1. Д. 878. Записи разговоров командующего флотом по оперативным и политическим вопросам. Л. 55.
- ⁶⁹² Там же. Ф.870. Оп. 6. Д. 4. Вахтенный журнал линейного корабля “Гангут”. Л. 9об.
- ⁶⁹³ Там же. Д.4. Л. 14об; Д.18. Л. 34об.
- ⁶⁹⁴ Там же. Д.4. Л.12об; Д.18. Л. 32; Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л. 18.
- ⁶⁹⁵ Там же. Ф.870. Оп. 6. Д. 4. Л.13 .
- ⁶⁹⁶ Там же. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 73.
- ⁶⁹⁷ Там же. Ф.870. Оп. 6. Д. 4 Л. 24об; Д. 18. Л. 45об; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. С.109.
- ⁶⁹⁸ РГАВМФ. Ф.870. Оп. 6. Д.4. ЛЛ. 26-27об; Д. 18 Л. 50об; Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С. 117.
- ⁶⁹⁹ РГАВМФ. Ф.870. Оп.6. Л 29об; Д. 18 Л. 58; Иванов Д. И. Я – матрос “Гангута”! С. 117.
- ⁷⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 4. Л. 29об; Д. 18. Л. 58 .
- ⁷⁰¹ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С. 118-119.
- ⁷⁰² Там же. С. 120.
- ⁷⁰³ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 159. Л. 15.
- ⁷⁰⁴ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 16. Л.89об; Д.14. Л.89об.
- ⁷⁰⁵ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 159. Л. 18.
- ⁷⁰⁶ Там же. Л.22.
- ⁷⁰⁷ РГАВМФ. Ф.870.Оп.6. Д.3. Л.8об, 15об, 17об; Д.12. Л.19об, 26об, 28; Д.17. Л.18об, 25, 27.
- ⁷⁰⁸ Там же. Д. 3. Л. 23 об, 27об, 31об; Д.12. Л.32об, 35об, 39, 43об, 46об, 49об; Д. 17. Л. 51об.
- ⁷⁰⁹ Там же. Ф.479. Оп.1. Д. 1014. Журнал исходящих телеграмм. Л. 64об.
- ⁷¹⁰ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д.3. Л 44об, 48об; Д. 17. Л.64 .
- ⁷¹¹ Там же. Л. 58об-59; Д.12. Л.83об-84; Д. 17.Л. 73 .
- ⁷¹² Там же.
- ⁷¹³ Там же. Д. 4. Л. 14об, 18; Д. 18. ЛЛ. 35, 39об.
- ⁷¹⁴ Там же. Ф. 477. Оп.1. Д. 162. Л.71.
- ⁷¹⁵ Там же. Ф.870. Оп. 6. Д. 4 Л. 24об; Д. 18. Л. 45об.
- ⁷¹⁶ РГАВМФ. Ф.479. Оп 1. Д. 878. Л. 39.
- ⁷¹⁷ Там же. ЛЛ. 33-34.
- ⁷¹⁸ Там же. Л. 32.
- ⁷¹⁹ Там же. Д.1270. О награждении нижних чинов. Л. 107.
- ⁷²⁰ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л. 32.
- ⁷²¹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 4 ЛЛ. 23об, 30об. 34об; Д. 18, ЛЛ. 47об, 59об, 64об.
- ⁷²² Там же. Д.11. Л.82; Д.12. Л.14.
- ⁷²³ Там же. Д.16. ЛЛ. 74, 81; Д. 17. ЛЛ. 10, 11 .
- ⁷²⁴ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д.2. Л.99об.
- ⁷²⁵ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 14. ЛЛ.85, 87об, 88, 94.
- ⁷²⁶ Там же. Д.17.ЛЛ. 19, 26 .
- ⁷²⁷ Там же. Д.12. Л.61об, 68, 86, 90; Д. 17, Л.78об.
- ⁷²⁸ Иванов Д.И. Я – матрос “Гангута”! С. 78; Граф Г.К. На “Новике”. С.310.
- ⁷²⁹ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 64. Переписка по разным вопросам. Л. 22.
- ⁷³⁰ Там же. Д. 102. Соединенный комитет 2-й бригады линейных кораблей. Л. 5-7; См. подробнее: Бажанов Д.А. Соединенный комитет 2-й бригады линейных кораблей – предтеча Центробалта? // Герценовские чтения 2000. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2000. С.56-58.
- ⁷³¹ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д.102. Л. 8.
- ⁷³² Там же. Л. 7-8.
- ⁷³³ Там же. Л. 6.
- ⁷³⁴ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д.102. Л. 10.
- ⁷³⁵ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. С.103. Ещё дальше пошёл несколько ранее Ю.С. Токарев. Подробнее см.: Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март-октябрь 1917 г.). М.-Л., 1965. С. 63-65.
- ⁷³⁶ РГАВМФ. Ф.878. Оп. 1. Д. 148. Л.115.
- ⁷³⁷ Там же. Л.116.
- ⁷³⁸ Там же. Д.151. Л.4.
- ⁷³⁹ РГАВМФ. Ф.878. Оп. 1. Д. 151. ЛЛ. 74-75, 122об-123.
- ⁷⁴⁰ Там же. ЛЛ. 122об-123.
- ⁷⁴¹ Там же. Л. 22.
- ⁷⁴² РГАВМФ. Ф.878. Оп. 1. Д. 148. ЛЛ. 74об-75, 122об-123.
- ⁷⁴³ См. подробнее: Бажанов Д.А. Судовые комитеты на 1 бригаде линейных кораблей Балтийского флота: структура и состав (лето – осень 1917 г.) // Герценовские чтения 2002. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2002. С.93-95
- ⁷⁴⁴ РГАВМФ. Ф.878. Оп. 1. Д. 148. Л. 60.
- ⁷⁴⁵ Там же. Л.61.
- ⁷⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 232. Переписка о присвоении званий рядовым и представлении их к наградам. Л. 79.
- ⁷⁴⁷ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Претензии нижних чинов. Л. 16 .
- ⁷⁴⁸ Там же. Ф.479. Оп.1. Д.1018. Л.174.
- ⁷⁴⁹ РГАВМФ. Ф.747. Оп.1. Д.37. Книга приказов по лич-

ному составу. Л.82; Ф.878.Оп.1. Д.141. Переписка судового комитета. ЛЛ.25-27.

⁷⁵⁰ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 62.

⁷⁵¹ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.37. Л.103об.

⁷⁵² Там же. Ф.751. Оп.1. Д.94. Копийная книга докладных записок, рапортов, командировок по личному составу. Л.494.

⁷⁵³ РГАВМФ. Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.439об.

⁷⁵⁴ Там же. Л.17.

⁷⁵⁵ Там же. Л.49.

⁷⁵⁶ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.141. ЛЛ.25, 39; Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.496.

⁷⁵⁷ Тимирёв С.Н. Воспоминания морского офицера. С.79; Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году (возникновение и начальный период деятельности). М., 1974. С.250.

⁷⁵⁸ Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. С.26.

⁷⁵⁹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.148. ЛЛ.74об-75.

⁷⁶⁰ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.402об.

⁷⁶¹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.141. Л.69.

⁷⁶² Подробнее см.: Там же. ДД. 141, 148, 151.

⁷⁶³ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.141. Л.74.

⁷⁶⁴ Известия... 1917. №14. 29 марта.

⁷⁶⁵ Там же. 1917. №15. 30 марта.

⁷⁶⁶ РГАВМФ. Ф.р-29. Оп.1. Д.200. Л.20об.

⁷⁶⁷ Известия... 1917. №№9,13-17,19. 22,28 марта-1 апреля, 7 апреля.

⁷⁶⁸ РГАВМФ. Ф.479. Оп.1. Д.1006. Журнал входящих телеграмм. Л.17.

⁷⁶⁹ Там же. ЛЛ.163-164.

⁷⁷⁰ Там же. Ф.р-95. Оп.1. Д.64. Л.72; Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1928. С.24.

⁷⁷¹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.89.

⁷⁷² Известия... 1917. №27. 16 апреля.

⁷⁷³ Там же. №29. 20 апреля.

⁷⁷⁴ Там же. №37. 29 апреля (12 мая); Волна. 1917. №45. 25 мая (7 июня).

⁷⁷⁵ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.66.

⁷⁷⁶ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.473.

⁷⁷⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.111.

⁷⁷⁸ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.95. Л.178.

⁷⁷⁹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.148. ЛЛ. 116-117.

⁷⁸⁰ Там же. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Протоколы заседаний судового комитета и общих собраний линейного корабля "Полтава". Л.3.

⁷⁸¹ Известия... 1917 г. №111. 27 июля (9 августа).

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Л.8.

⁷⁸⁴ Известия ... 1917 г. № 128. 17 августа (30 августа); №132. 23 августа (3 сентября).

⁷⁸⁵ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.21.

⁷⁸⁶ Там же. Л.23.

⁷⁸⁷ Там же.

⁷⁸⁸ Известия... 1917 г. № 157. 23 сентября (6 октября).

⁷⁸⁹ РГАВМФ. Ф.р-224. Оп.1. Д.1. Переписка о личном составе. ЛЛ. 427-430.

⁷⁹⁰ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.2.

⁷⁹¹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.1.

⁷⁹² Там же. ЛЛ. 26-27.

⁷⁹³ Там же. Ф.870. Оп.6. Д.12. Л.15об; Д.3. Л.15об.; Д.17. ЛЛ. 16об., 23об.-24, 25об.

⁷⁹⁴ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.29.

⁷⁹⁵ Известия ... 1917. №123. 11 (24) августа.

⁷⁹⁶ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Л.18.

⁷⁹⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. ЛЛ. 3,5.

⁷⁹⁸ Известия ... 1917. №132. 23 августа (3 сентября).

⁷⁹⁹ Там же. 1917 г. № 142. 4 (17) сентября.

⁸⁰⁰ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.5.

⁸⁰¹ Там же. Л.8.

⁸⁰² Там же. ЛЛ. 12-14.

⁸⁰³ Там же. Л.10.

⁸⁰⁴ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 116.

⁸⁰⁵ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.27.

⁸⁰⁶ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Л.8.

⁸⁰⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.21.

⁸⁰⁸ Там же. Ф.р-95. Оп.1. Д.14. Л.372.

⁸⁰⁹ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.143. ЛЛ. 20, 61.

⁸¹⁰ Там же. ЛЛ. 25-29.

⁸¹¹ Там же. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Л.3.

⁸¹² Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.4.

⁸¹³ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.143. Л.92; Ф.479. Оп.1. Д.1014. Л.118.

⁸¹⁴ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.143. Л.102.

⁸¹⁵ Там же. ЛЛ. 4-5.

⁸¹⁶ Там же. Ф.р-402. Оп.2. Д.118. Л.15.

⁸¹⁷ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.27; Известия... 1917 г. № 165. 3 (16) октября.

⁸¹⁸ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.6; Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С. 114.

⁸¹⁹ РГАВМФ. Ф.479. Оп.1. Д.878. Л.3.

⁸²⁰ Там же. Ф.р-29. Оп.1. Д.200. Л.73.

⁸²¹ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.151. Л.6.

⁸²² РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.230. Переписка об офицерском составе. Л.154.

⁸²³ Там же. Л.153.

⁸²⁴ Измайлов Н. Ф. Пухов А. С. Центробалт. С. 90-91

⁸²⁵ Там же. С. 112-113; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет... С.131.

⁸²⁶ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.116; Измайлов Н. Ф. Пухов А. С. Центробалт С. 91.

⁸²⁷ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.151. ЛЛ. 11-29.

⁸²⁸ Иванов Д.И. Я – матрос "Гангута"! С.116.

⁸²⁹ Там же. С.117; Измайлов Н. Ф. Пухов А. С. Центробалт С. 124.

⁸³⁰ Революционное движение в русской армии в 1917 г. / Под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968. С. 36.

⁸³¹ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.58об.

⁸³² Там же. Л.59.

⁸³³ Там же. Ф.759. Оп.2. Д.4. Личные документы. Л.12; Ф.760. Оп.1. Д.16. Наброски и черновики писем. Л.5.

⁸³⁴ Там же. Ф.878. Оп.1. Д.148. Л.62.

⁸³⁵ РГАВМФ. Ф.878. Оп.1. Д.141. Л.59.

⁸³⁶ Там же. ЛЛ.50, 64.

⁸³⁷ Подробнее см. гл.2, § 2, дело кочегара "Севастополя" Г. Касперовича.

⁸³⁸ РГАВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1258. Сведения о численности и некомплекте рядового состава судов. ЛЛ.22-23.

⁸³⁹ Там же. Л.24.

⁸⁴⁰ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.233. Переписка по личному составу. ЛЛ.90-92.

⁸⁴¹ Там же. Л.91.

⁸⁴² РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.233. Л.93.

⁸⁴³ Там же. Ф.479. Оп.2. Д.1258. Л.31.

⁸⁴⁴ Там же. Ф.р-852. Оп.1. Д.5. Приказы и циркуляры по бригаде. ЛЛ.6-15.

⁸⁴⁵ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.158. ЛЛ.75, 93об.

⁸⁴⁶ Там же. Ф.751. Оп.1. Д.94. Л.493.

⁸⁴⁷ Там же. Ф.477. Оп.1. Д.233. ЛЛ.71-72; Ф.747. Оп.1. Д.37. Л.79об.

⁸⁴⁸ Там же. Ф.479. Оп.2. Д.1258. Л.24.

⁸⁴⁹ РГАВМФ. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.56; Ф.747. Оп.1. Д.37. Л.85; Ф.751. Оп.1. Д.95. ЛЛ.137-140.

⁸⁵⁰ Там же. Ф.747. Оп.1. Д.37. ЛЛ.106-106об; Ф.479. Оп.1. Д.1006. Л.225.

⁸⁵¹ Там же. Ф.р-29. Оп.1. Д.200. Л.22.

⁸⁵² Там же. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.75об.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

В составе Балтийского флота (3), Революционное выступление моряков “Гангута” (7),
В огне двух революций (14), В гражданской войне (20), Литература и источники (21).

Глава II. ЩИТ ПЕТРОГРАДА

Предисловие (22)

Часть I. В годы войны (1914 г.-февраль 1917 г.)

§1. Война и служба (30), §2. Организация досуга (38), §3. Преступления и проступки (50).

Часть II. От февраля к октябрю (март-октябрь 1917 г.)

§1. Изменения в служебном распорядке (62), §2. Деятельность судовых комитетов (77),
§3. “Революционная дисциплина” (86), Заключение (97).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Как был устроен линейный корабль “Гангут” (99)

Приложение № 2. Людские судьбы” (112)

Литература и источники (117), Примечания (119)

*Обложка. На 1-й стр. “Полтава” в походе; на 2-й стр: “Полтава” в доке;
на 3-й стр. “Петропавловск” в боевом походе; на 4-й стр. на шкафуте линкора “Полтава” .
Текст. На 1-й стр: линейный корабль “Севастополь”*

Книги серии “**Боевые корабли мира**” Вы можете заказать
по почте. Заявки следует посылать по адресу:

190121, г. С.-Петербург-121,

До востребования Арбузову В.В.

E-mail: bkm-istflot@yandex.ru

Наши книги Вы можете приобрести:

г. Москва. М. «Красные Ворота», ул. Каланчевская д. 1. Магазин «Транспортная книга».

г. Москва. М. «Лубянка», ул. Мясницкая д. 6/3, строение 5. Магазин «Библио-Глобус».

г. Москва. М. «Библиотека им. В.И. Ленина», ул. Новый Арбат д. 8.

Магазин «Московский Дом Книги».

г. Москва. М. «Проспект Мира», с/к «Олимпийский», 7 подъезд, 3 этаж. Торговый
дом “Новый Колизей”, магазин “Техника Молодежи” (т. 933-64-41).

г. С.-Петербург. М. «Елизаровская», пр. Обуховской обороны, д. 105.

ДК им. Н.К. Крупской, крытый павильон № 3, место № 7.

г. С.-Петербург. М. «Василеостровская», В.О. 7-я линия, д. 10,

магазин “Старая Техническая книга”.

г. Екатеринбург. По тел. (8-343) 378-12-58. Селезнев. В.И. E-mail: celeznevev@wtn.ru

г. Красноярск. Проспект Мира д. 85. «Книжный Мир».

Тех. редактор Ю.В. Родионов

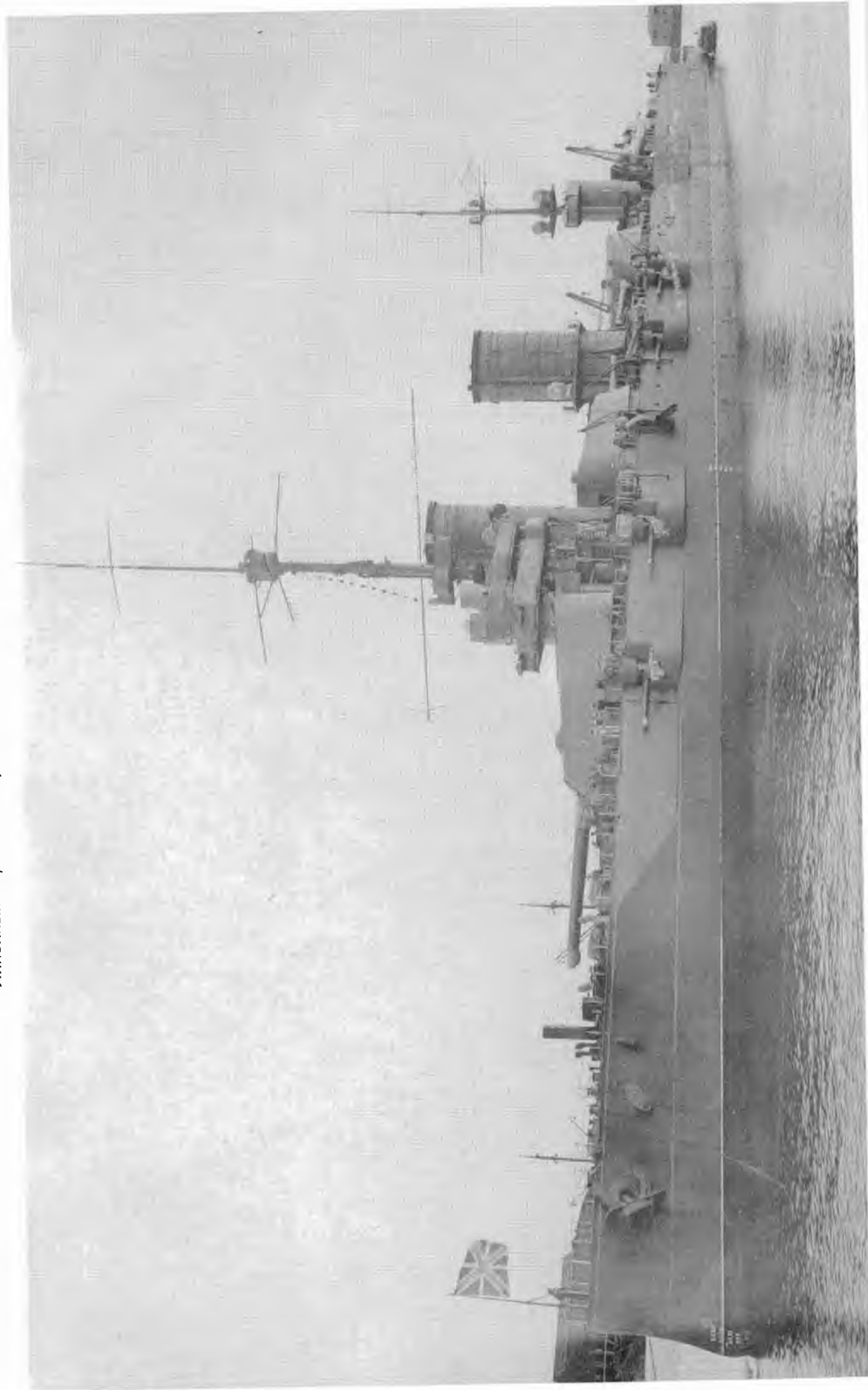
Лит. редактор С.В. Смирнова

Корректор В.С. Волкова

Цветков Игорь Федорович
Бажанов Денис Александрович
Дредноуты Балтики

Сдано в набор 22. 04. 2009 г. Подписано к печати. 22. 10. 2009 г.
Формат 60х90/8. Усл. печ. лист. 25 (в. т.ч. 8,5 п.л. вклейки). Печать офсетная.
Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика на ООО “Ресурс”
С.-Петербург. 2009 г.

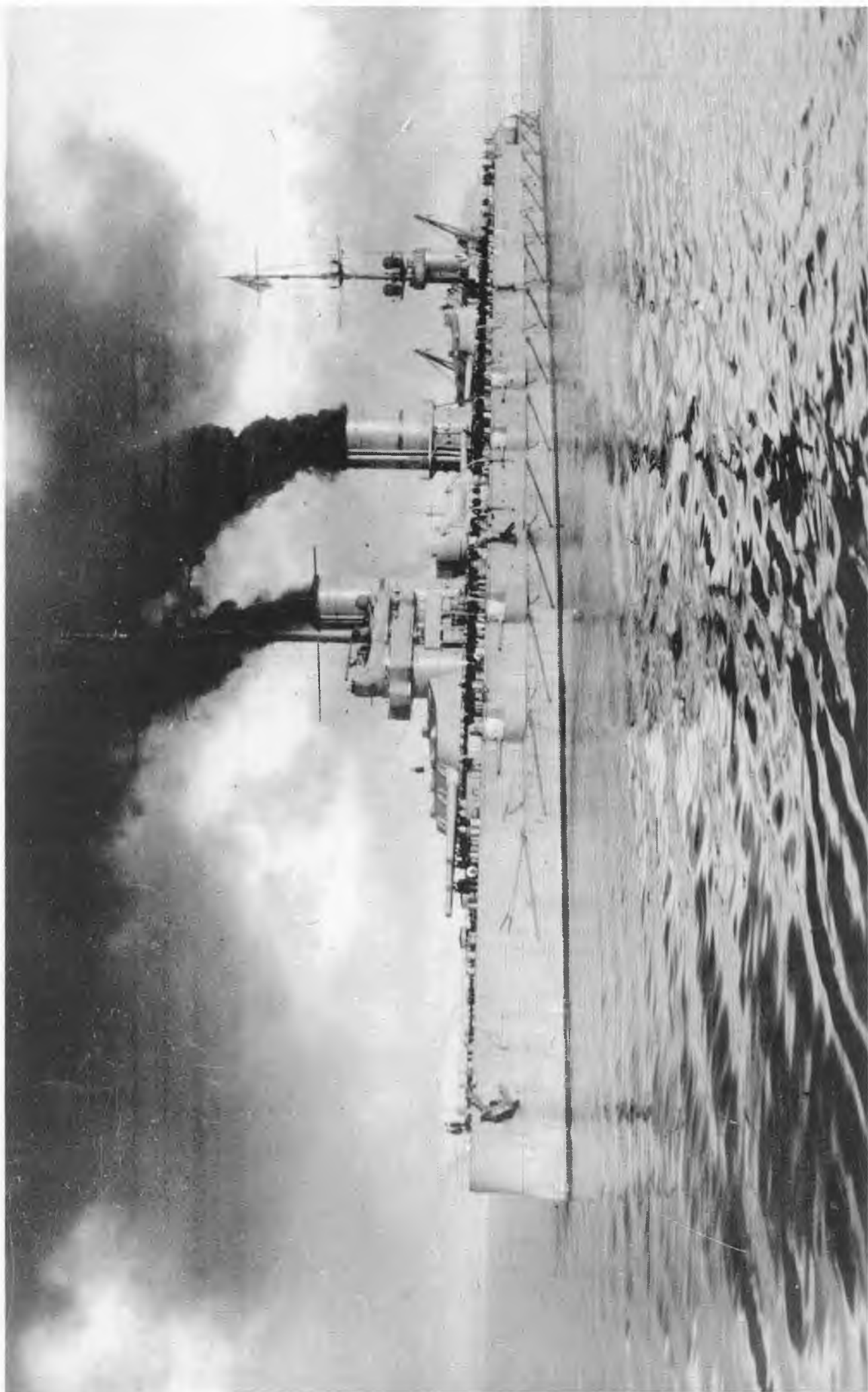
Линейный корабль "Петропавловск" после вступления в строй

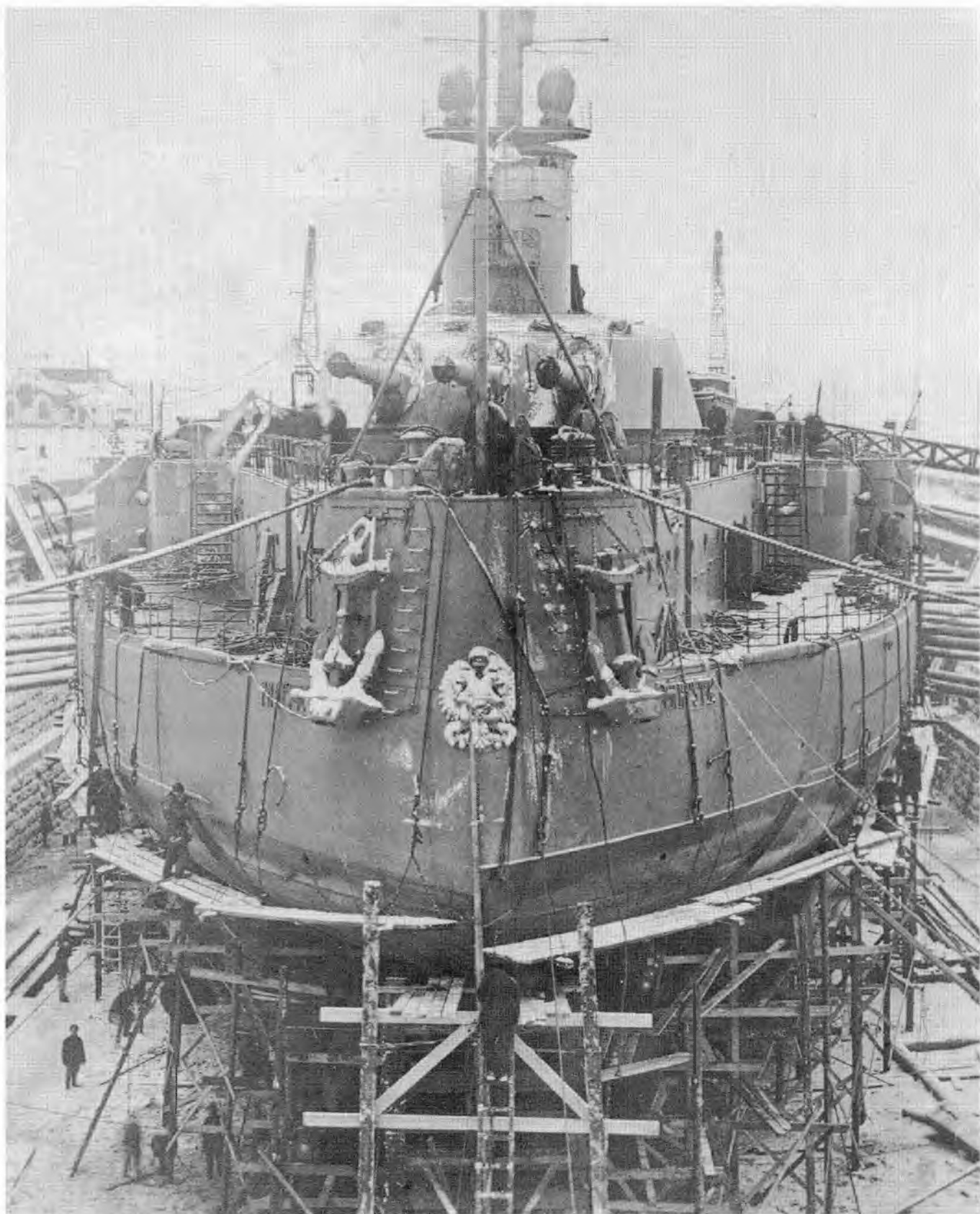
Дредноуты Балтики. 25 июля 1915 г. Головным в строю стоит линейный корабль "Гангут" (вверху)
"Гангут" на Кронштадтском рейде (внизу)

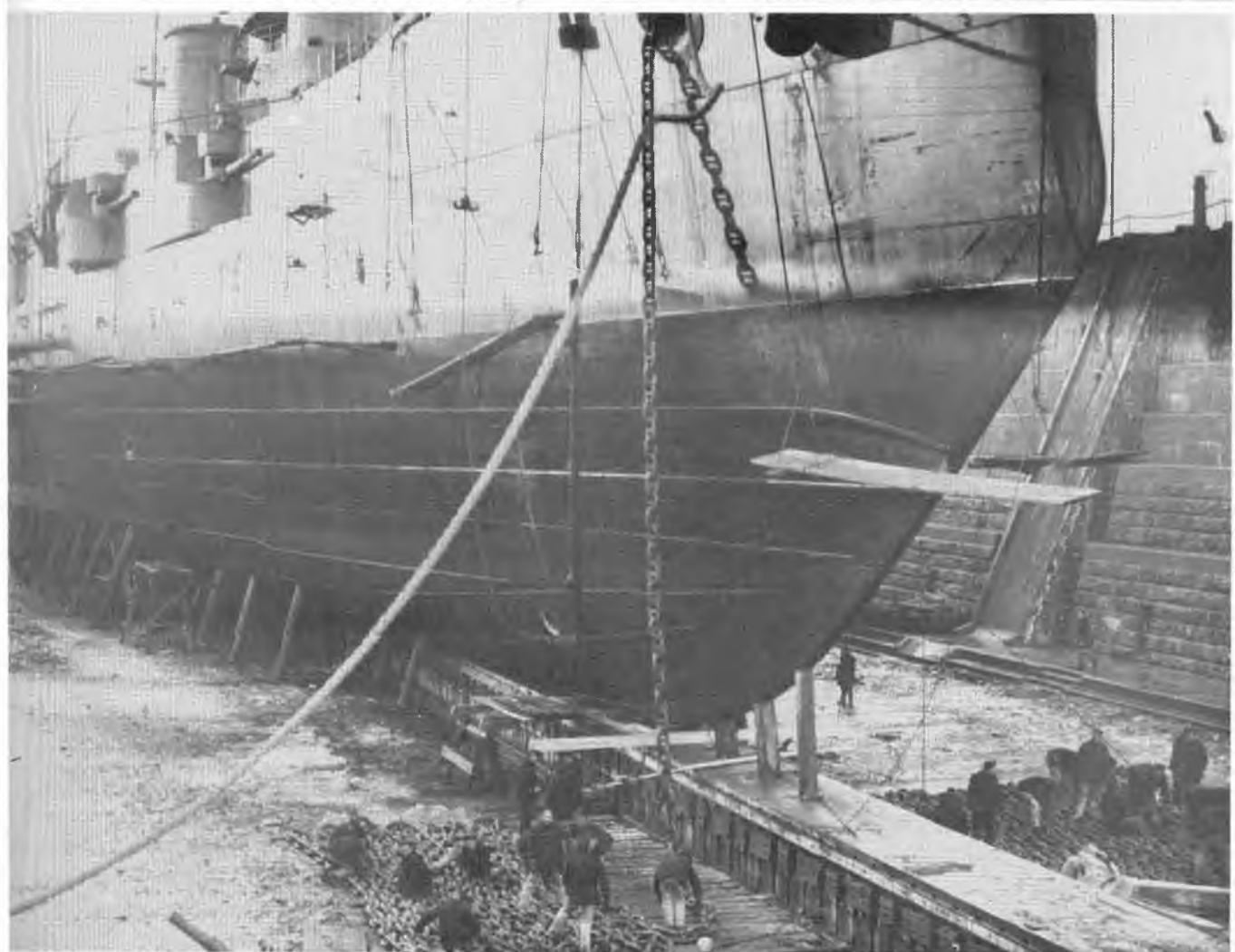
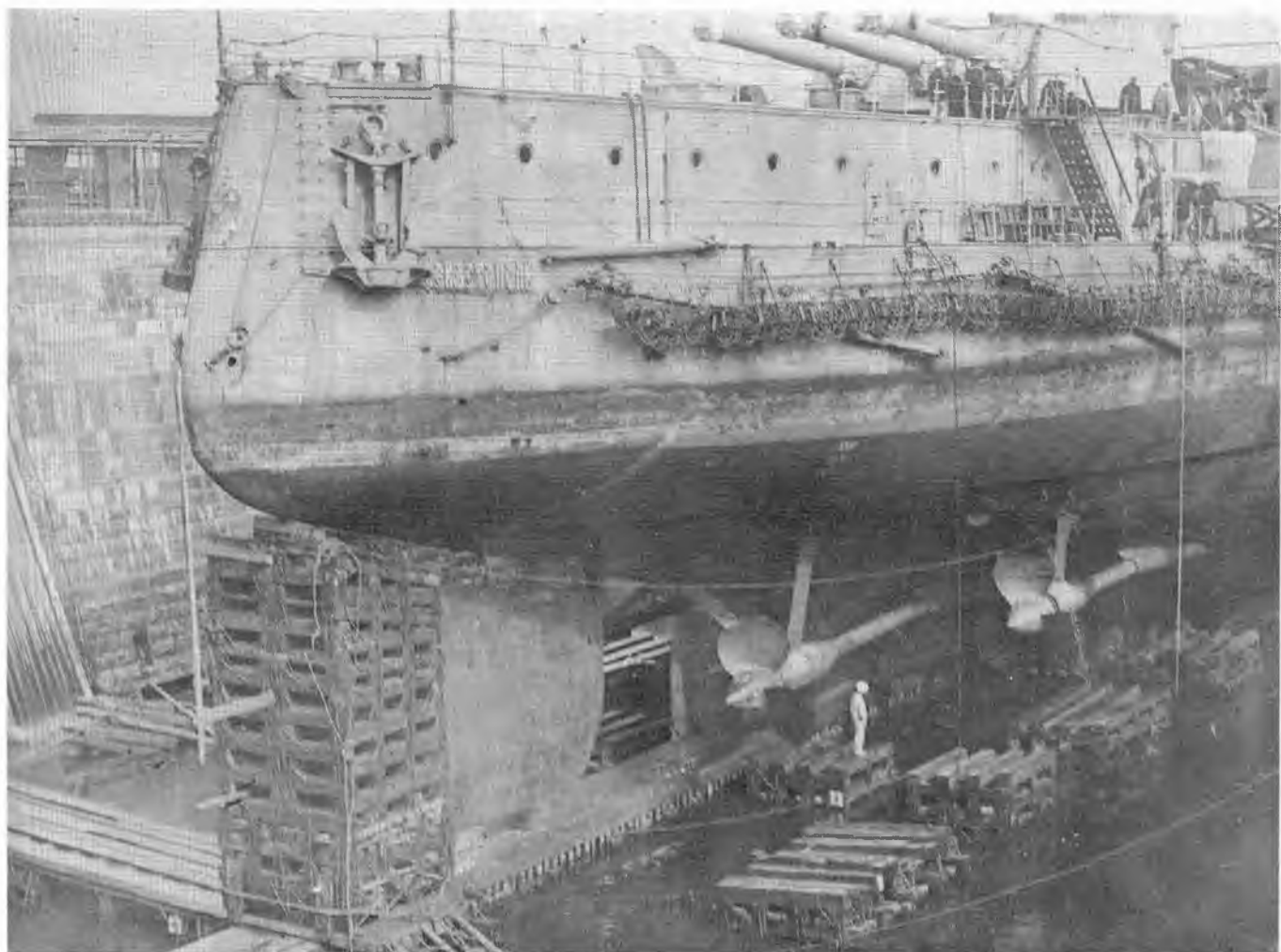

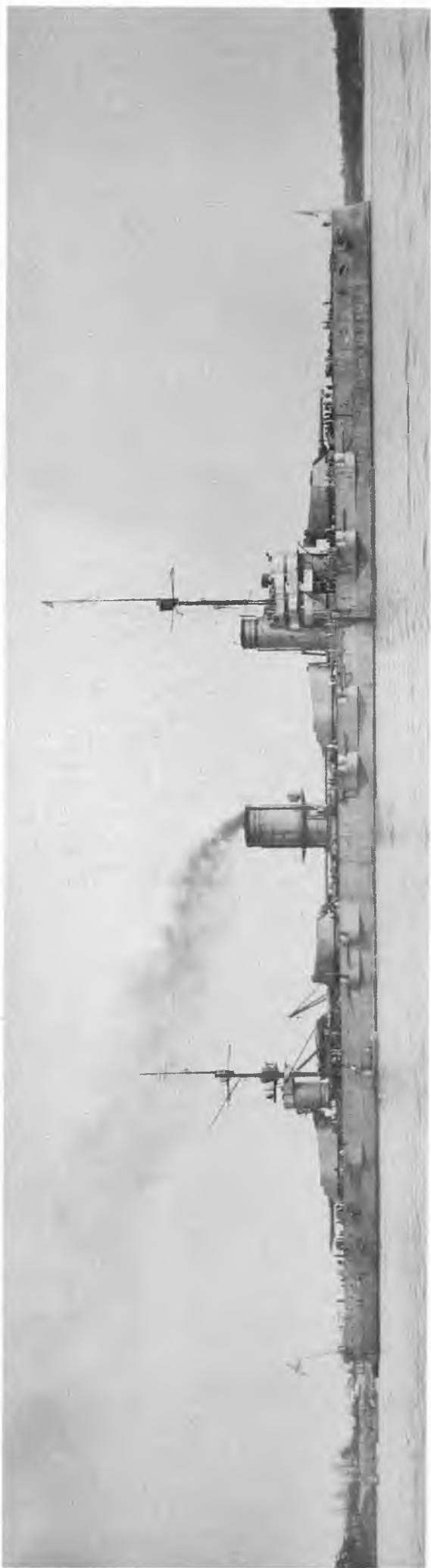
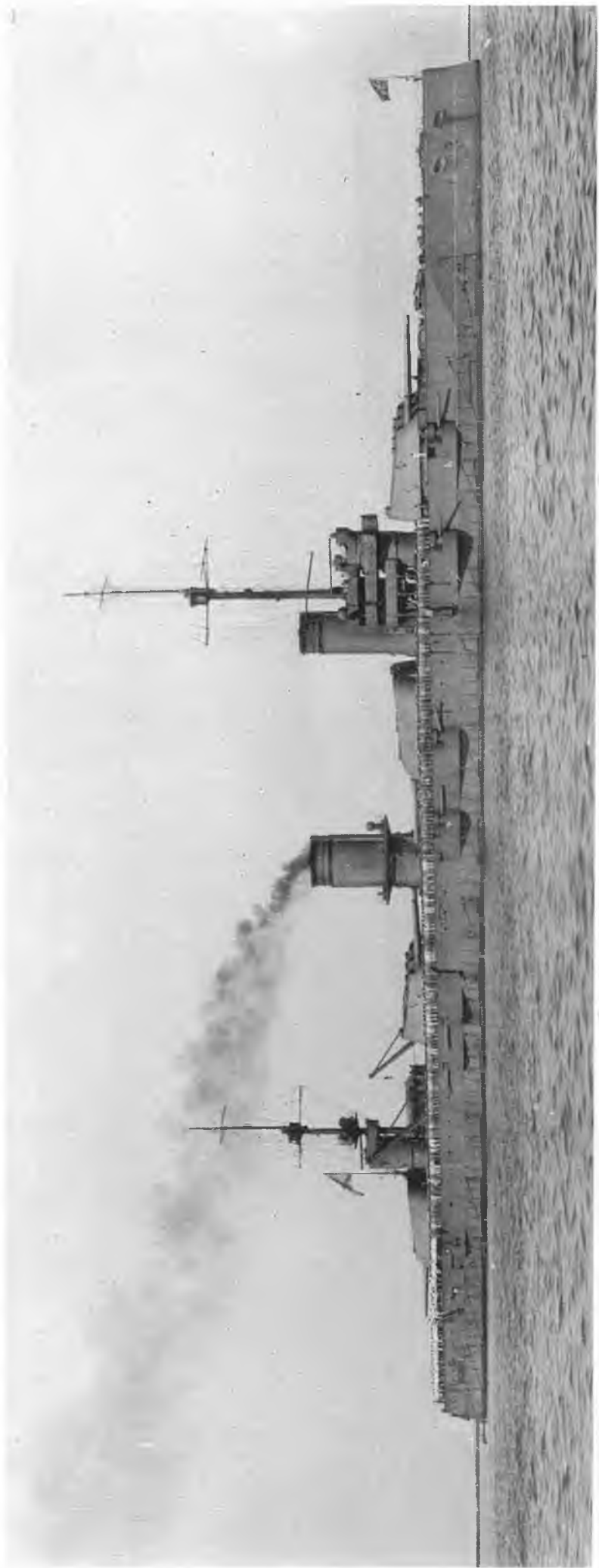

Линейный корабль
"Полтава" в различные
периоды службы

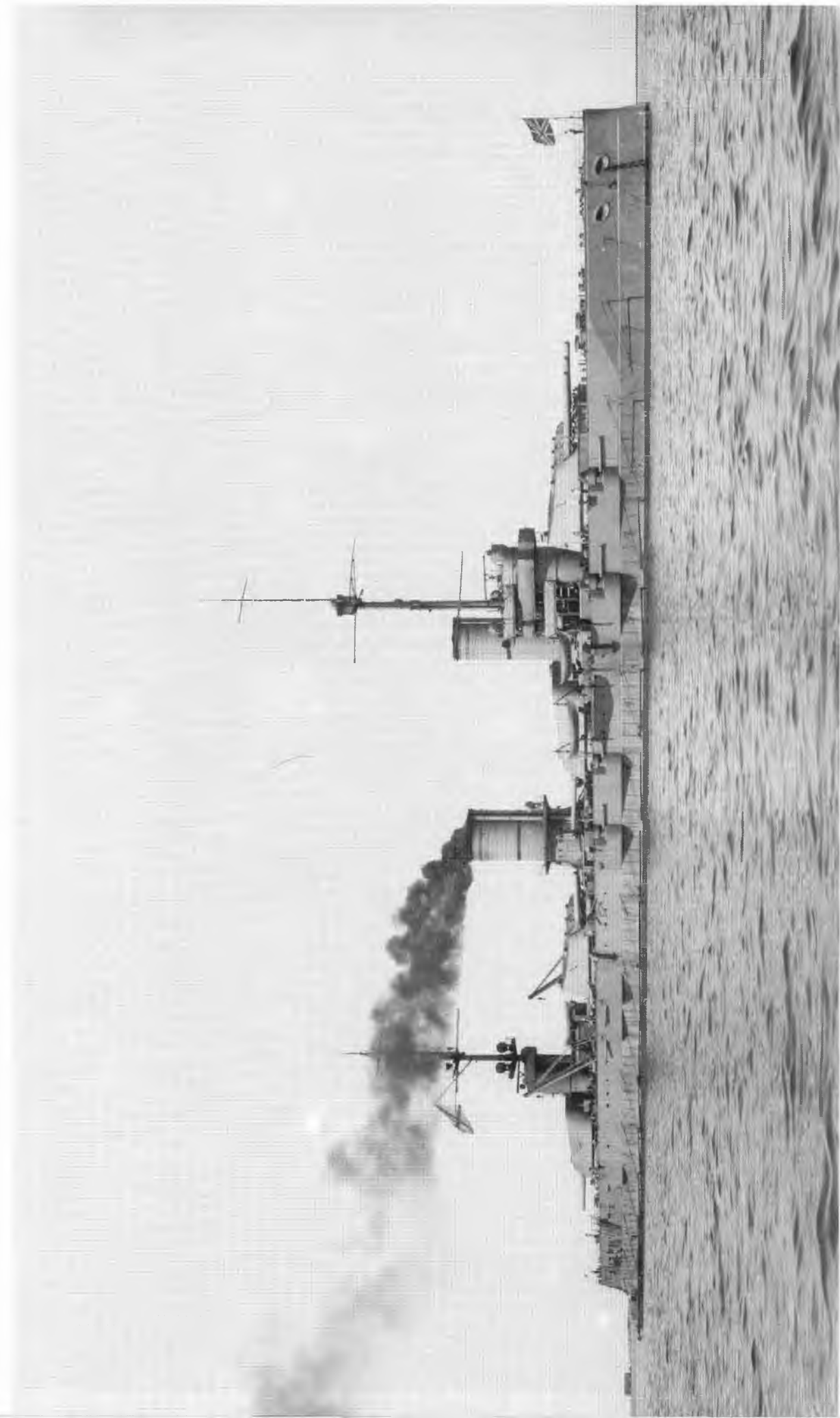
Линейные корабли "Гангут" (вверху) и "Севастополь" в доке

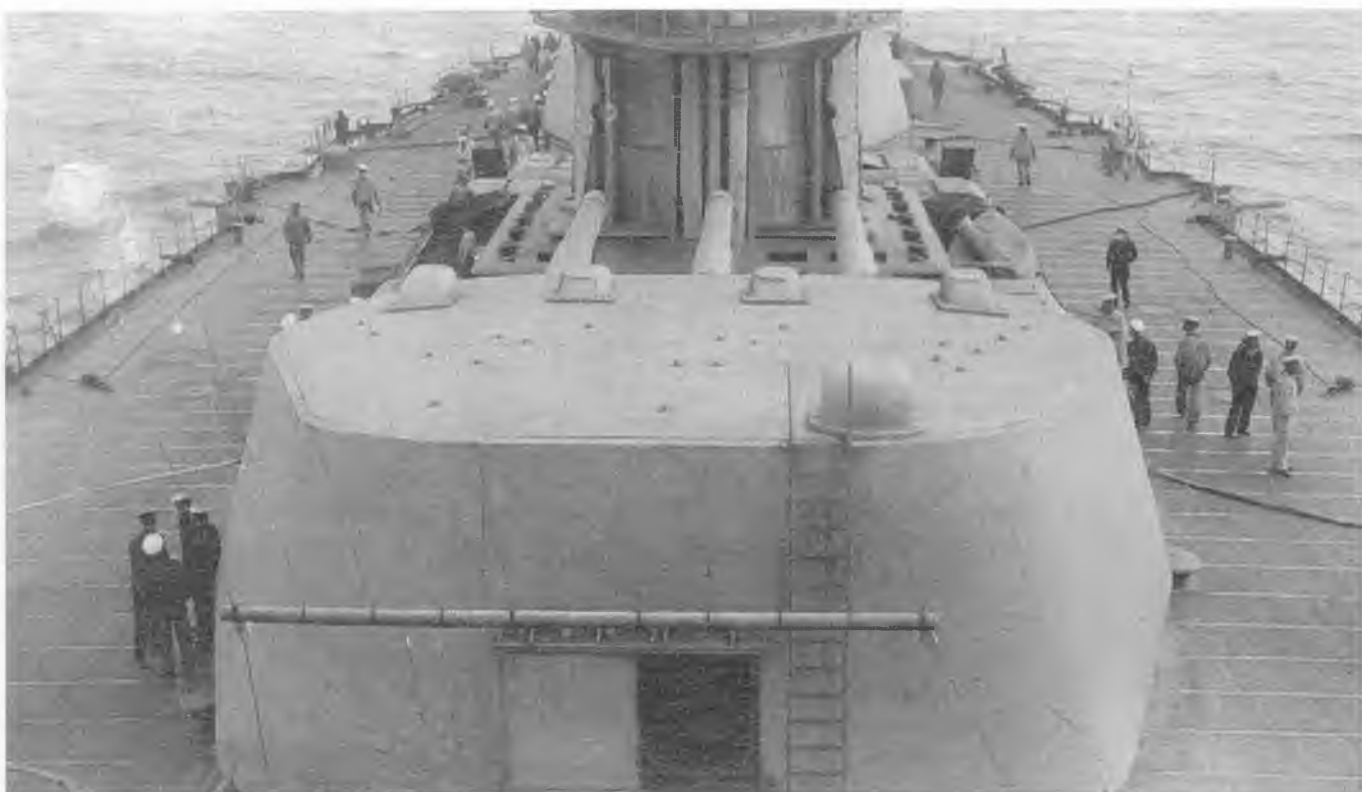
Линейные корабли "Гангут". 1914-1916 гг. (вверху)
"Петропавловск" (в центре) и "Севастополь". 1914-1916 гг. (внизу)

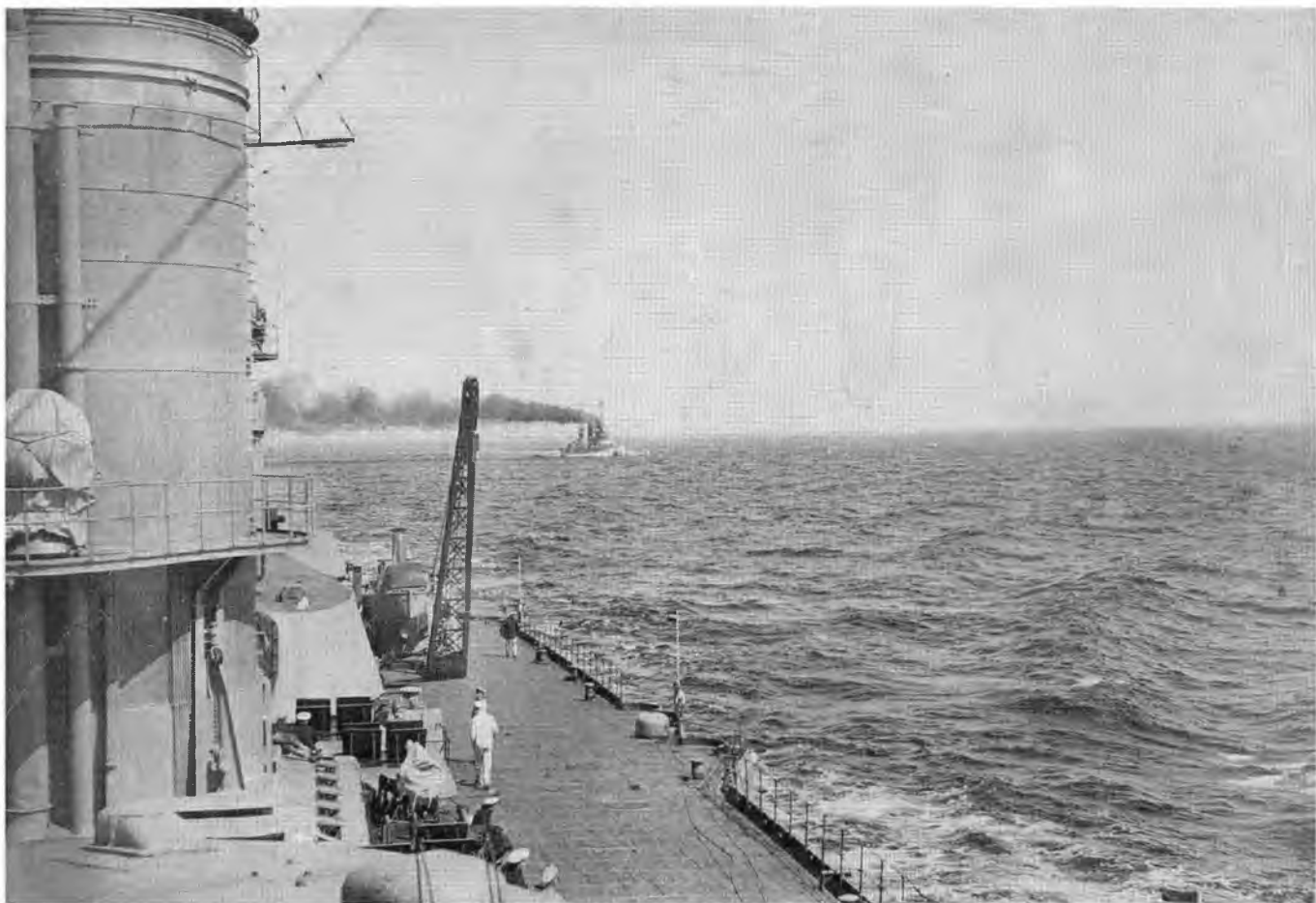
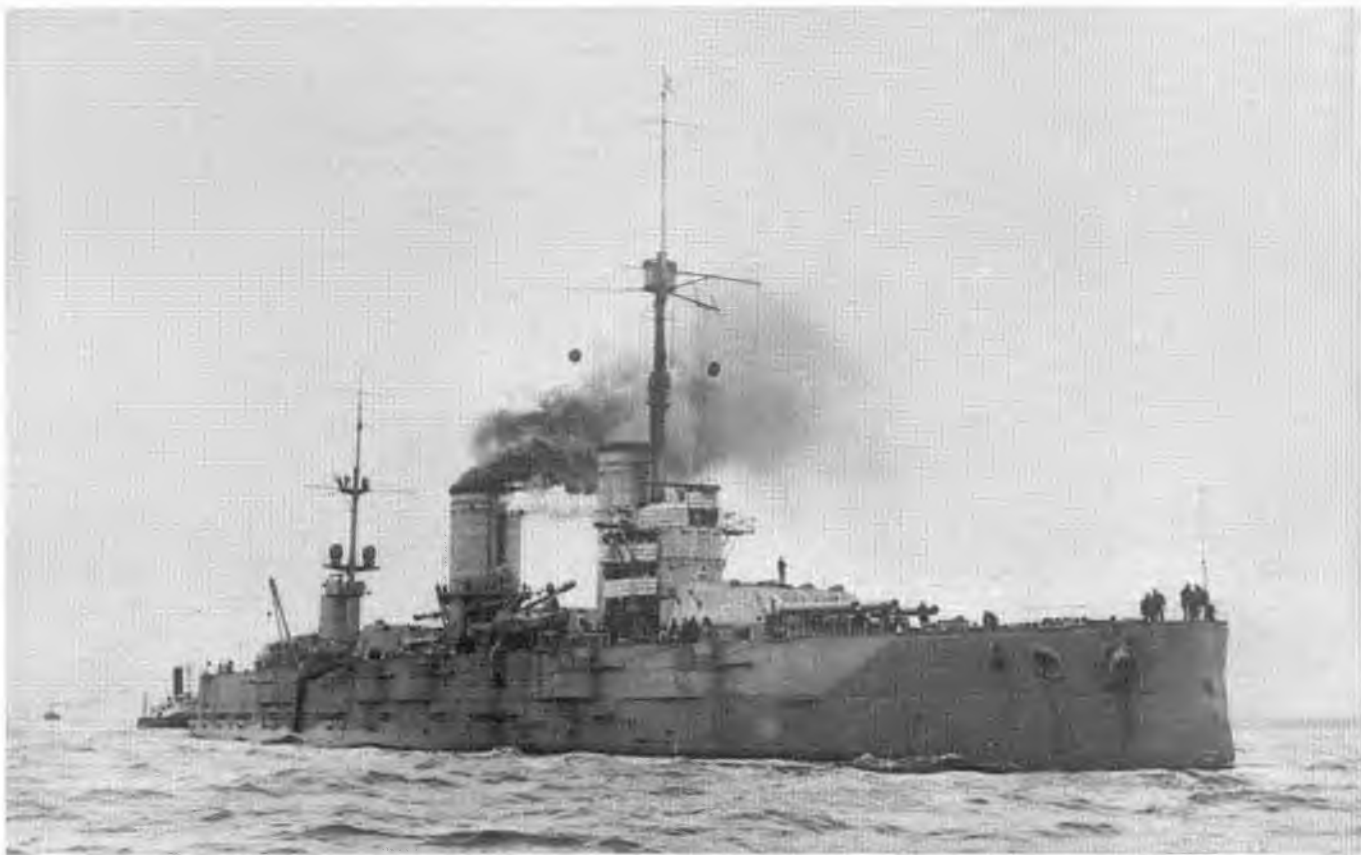

Линейный корабль
"Полтава" в различные
периоды службы

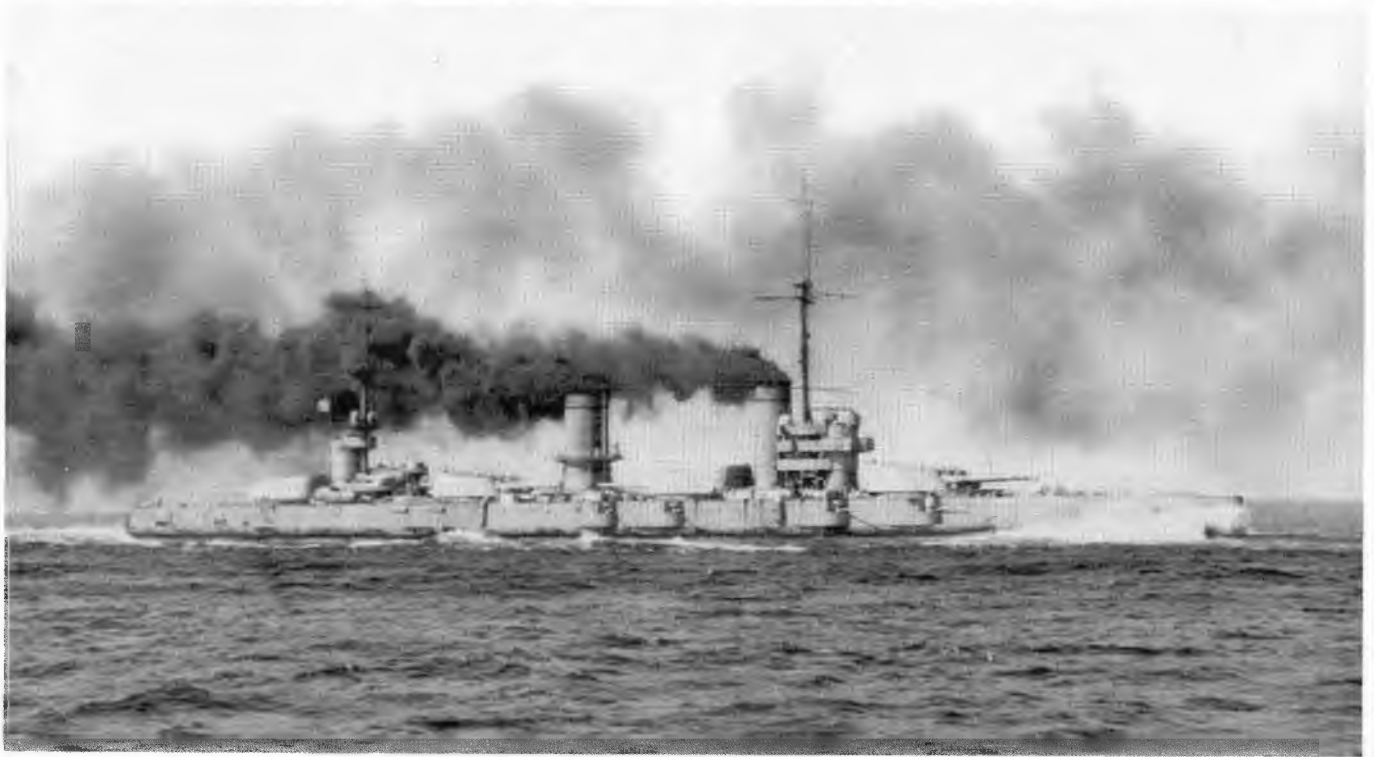
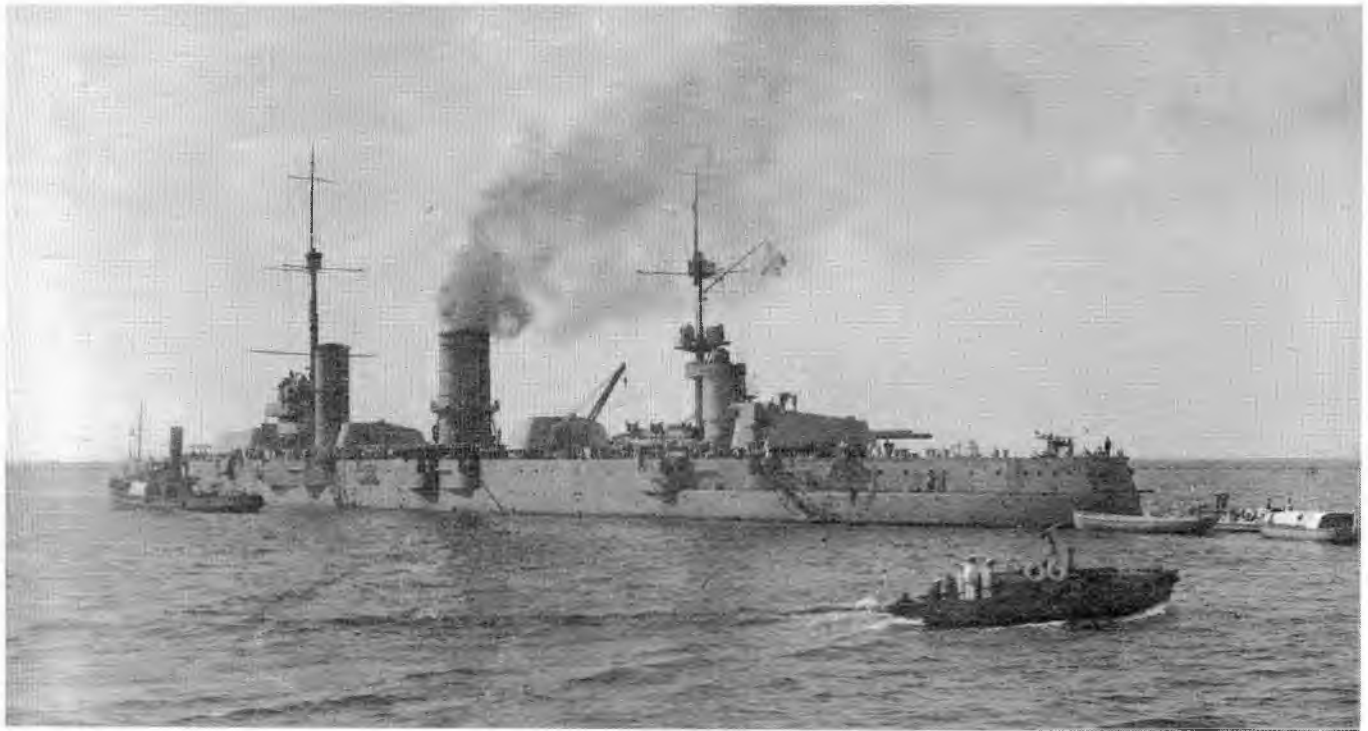

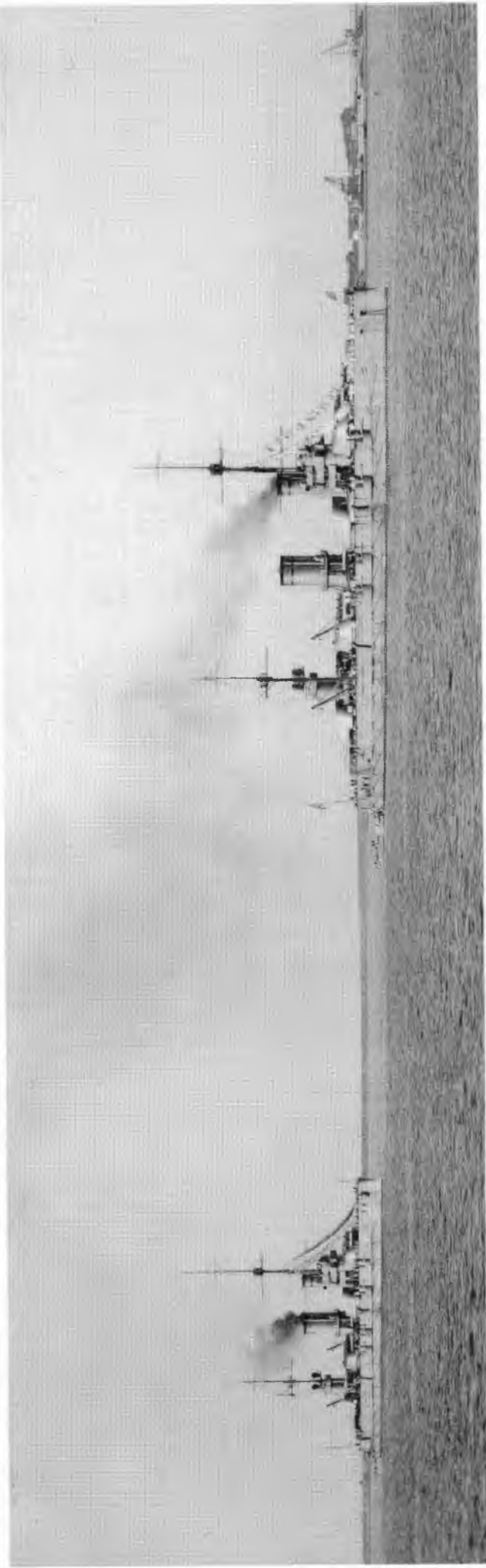
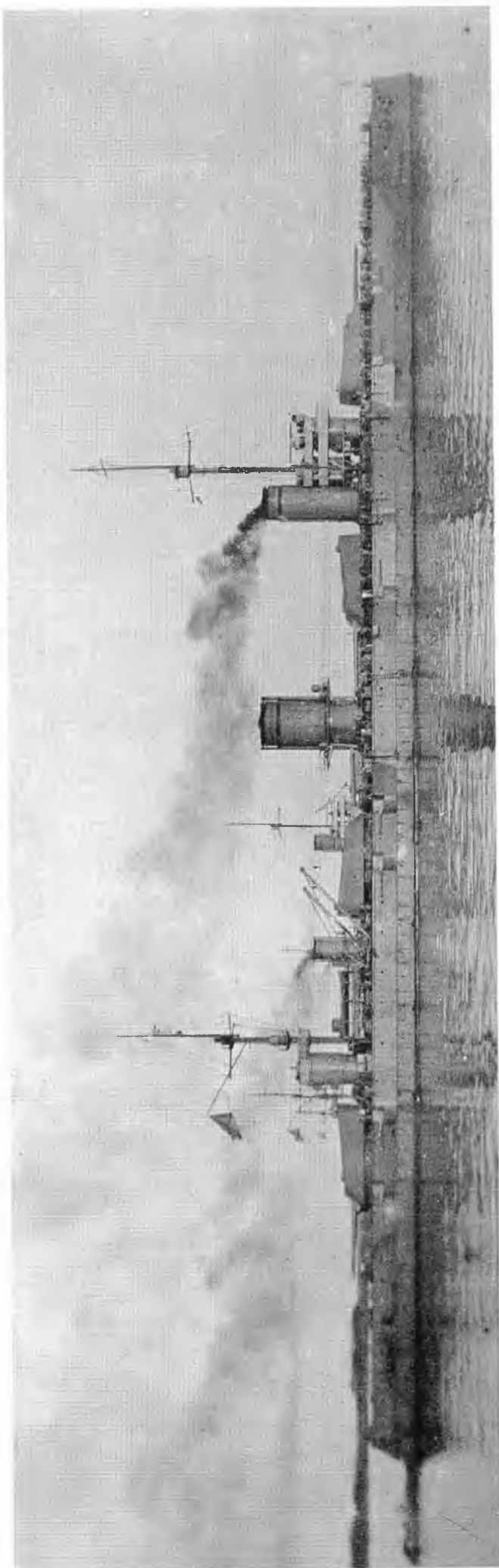
На линкоре "Гангут": в походе (вверху) и в базе
 Справа: линейные корабли "Полтава" (вверху), "Гангут" (в центре) и "Петропавловск" (внизу)

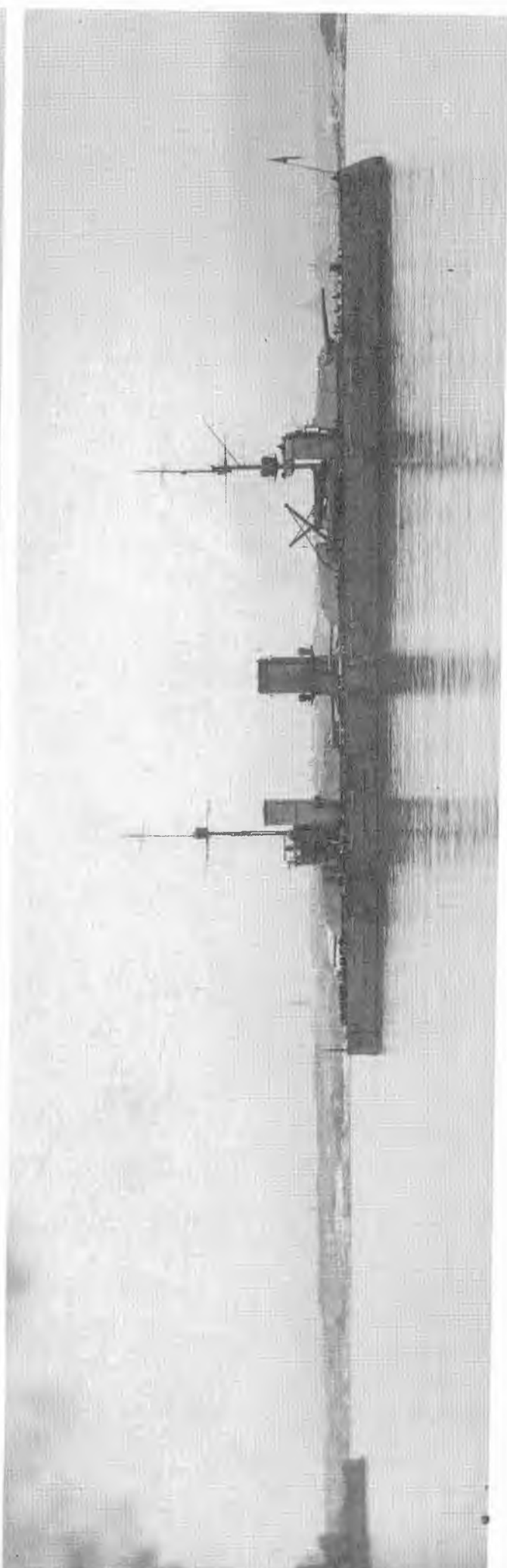
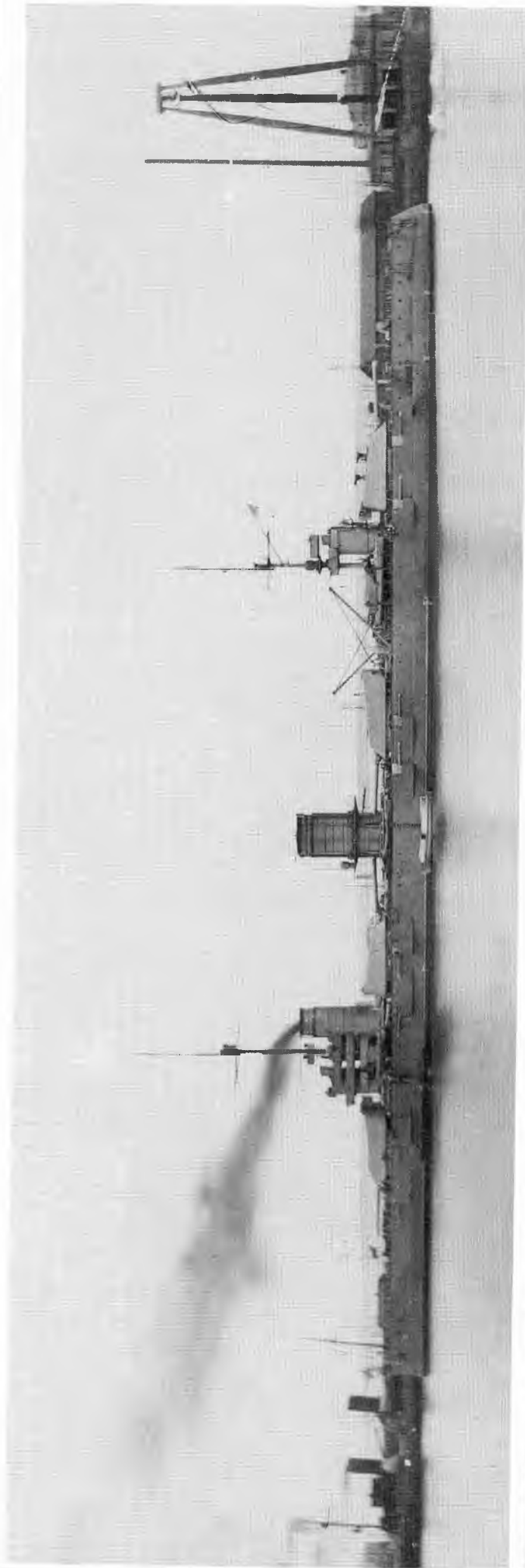
*"Гангут" снялся с якоря и покидает рейд (вверху). "Гангут" в боевом походе (внизу)
Справа: линейные корабли "Гангут" (2 фото вверху) и "Полтава"*

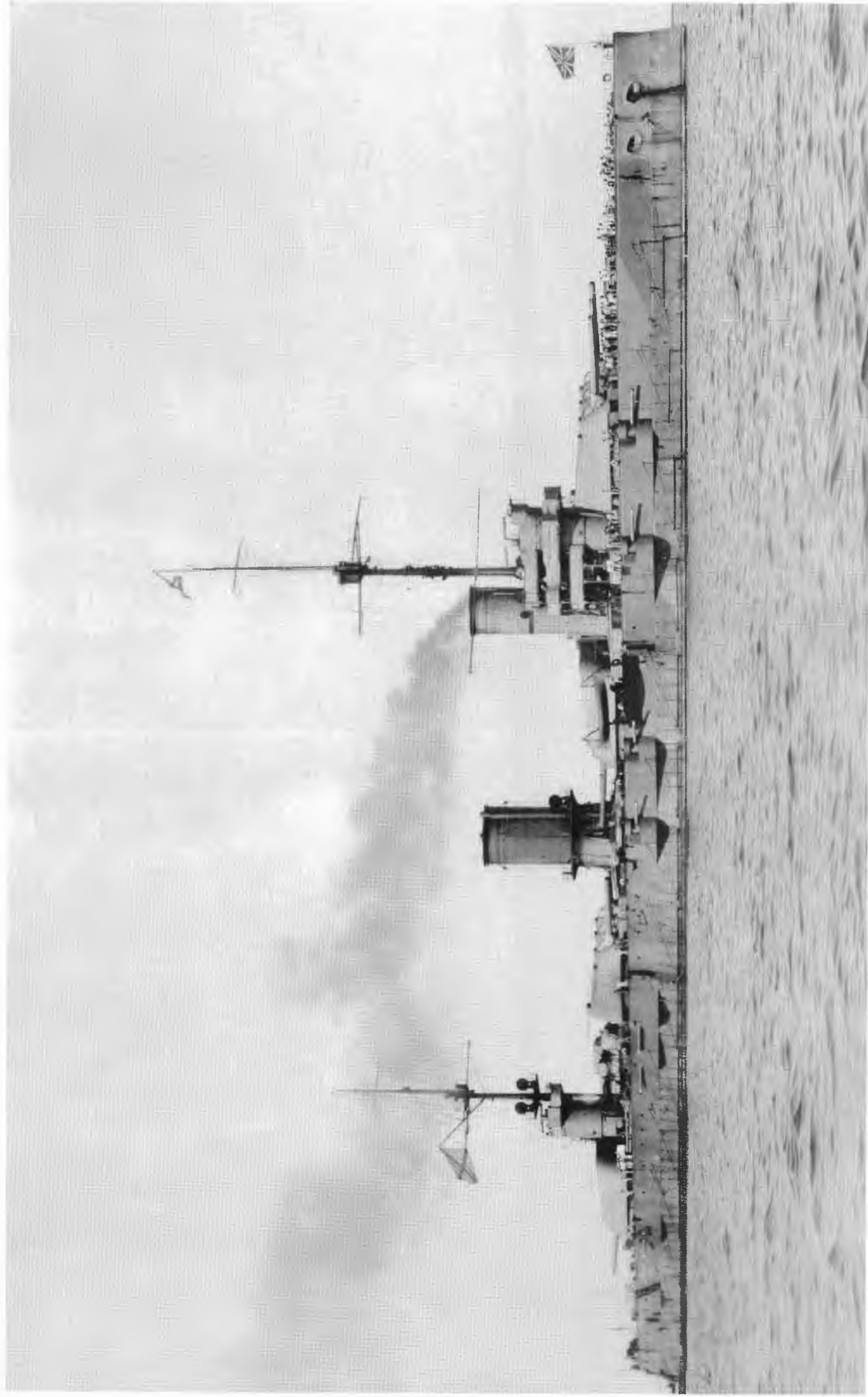

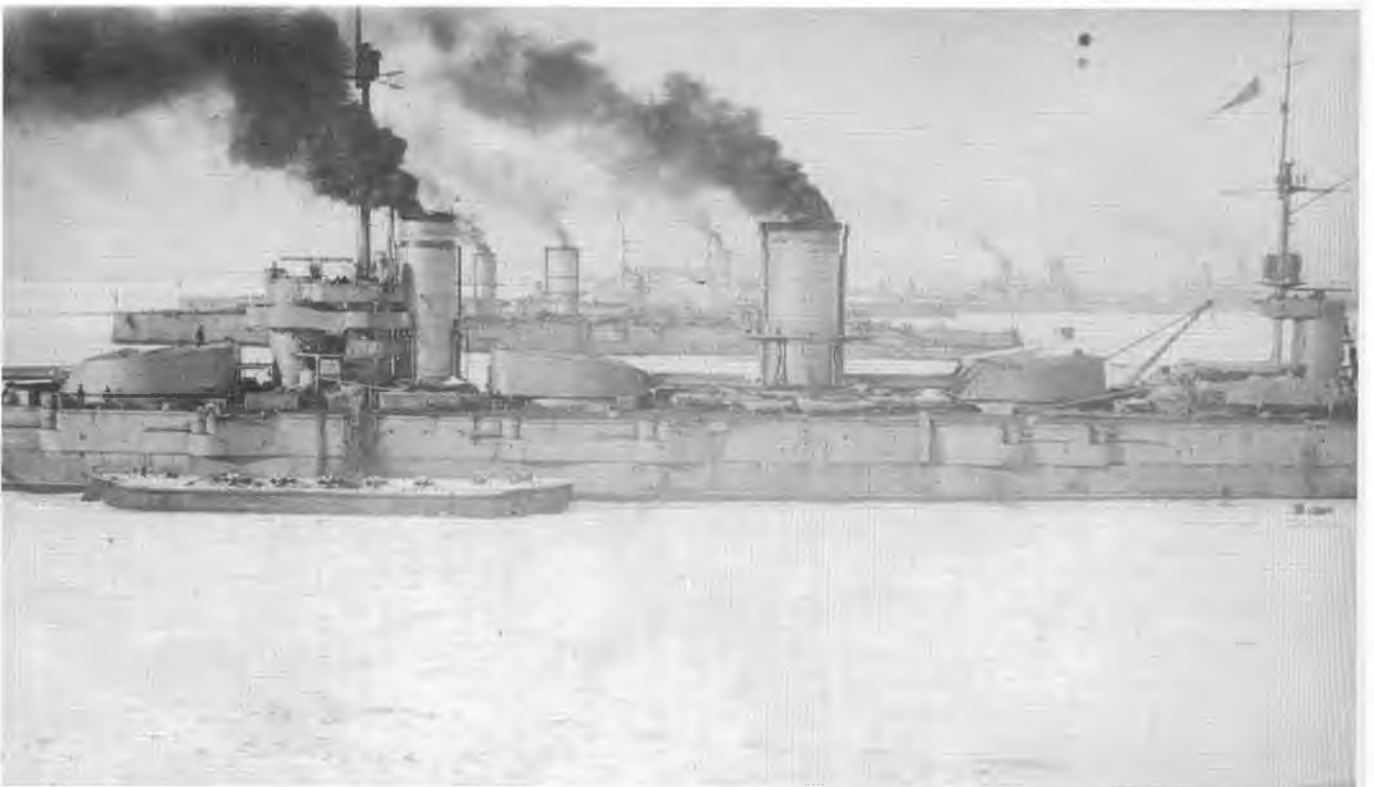
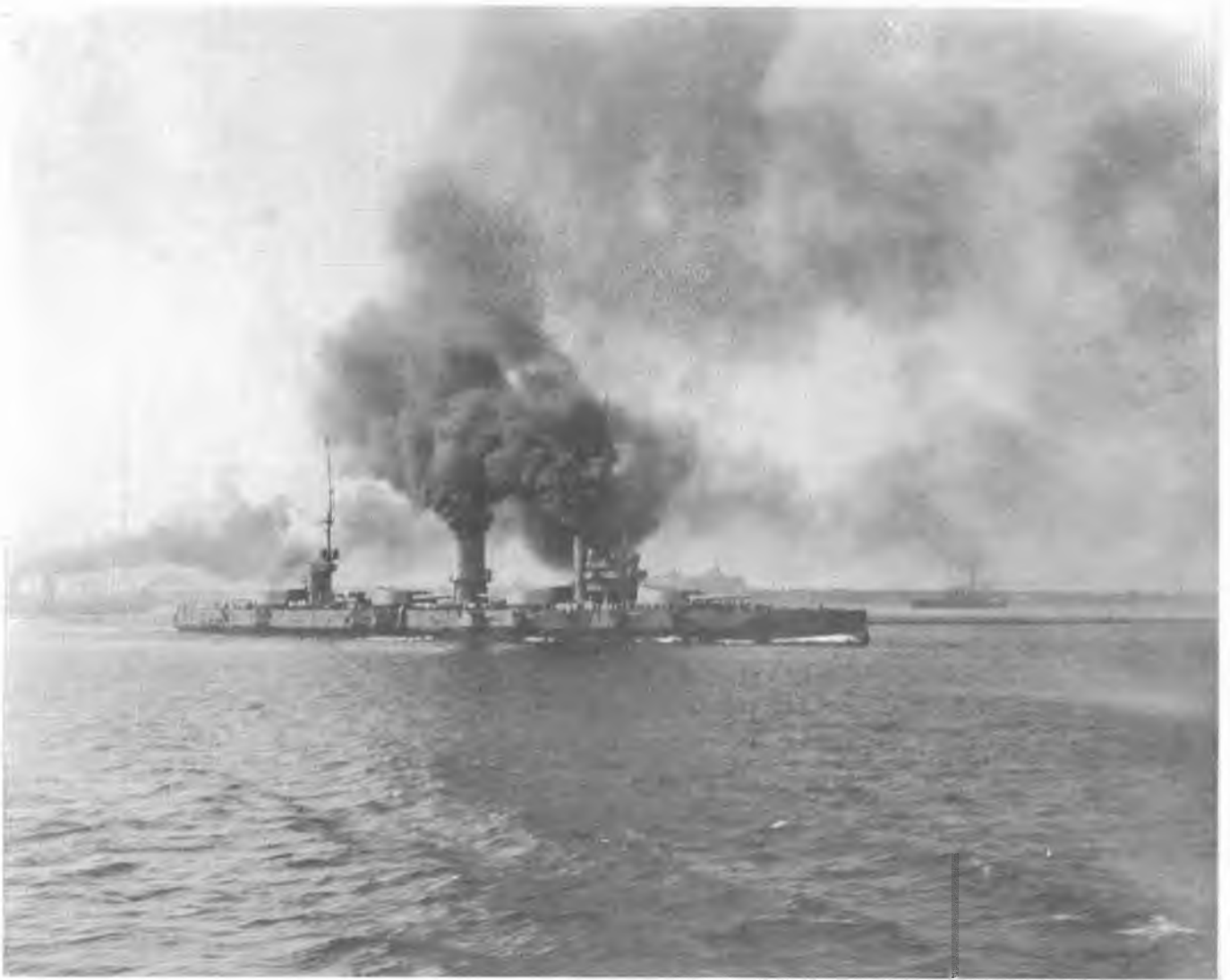
Линейный корабль "Гангут" 1914-1916 гг. (вверху)
"Севастополь" на полном ходу. 1914-1916 гг.

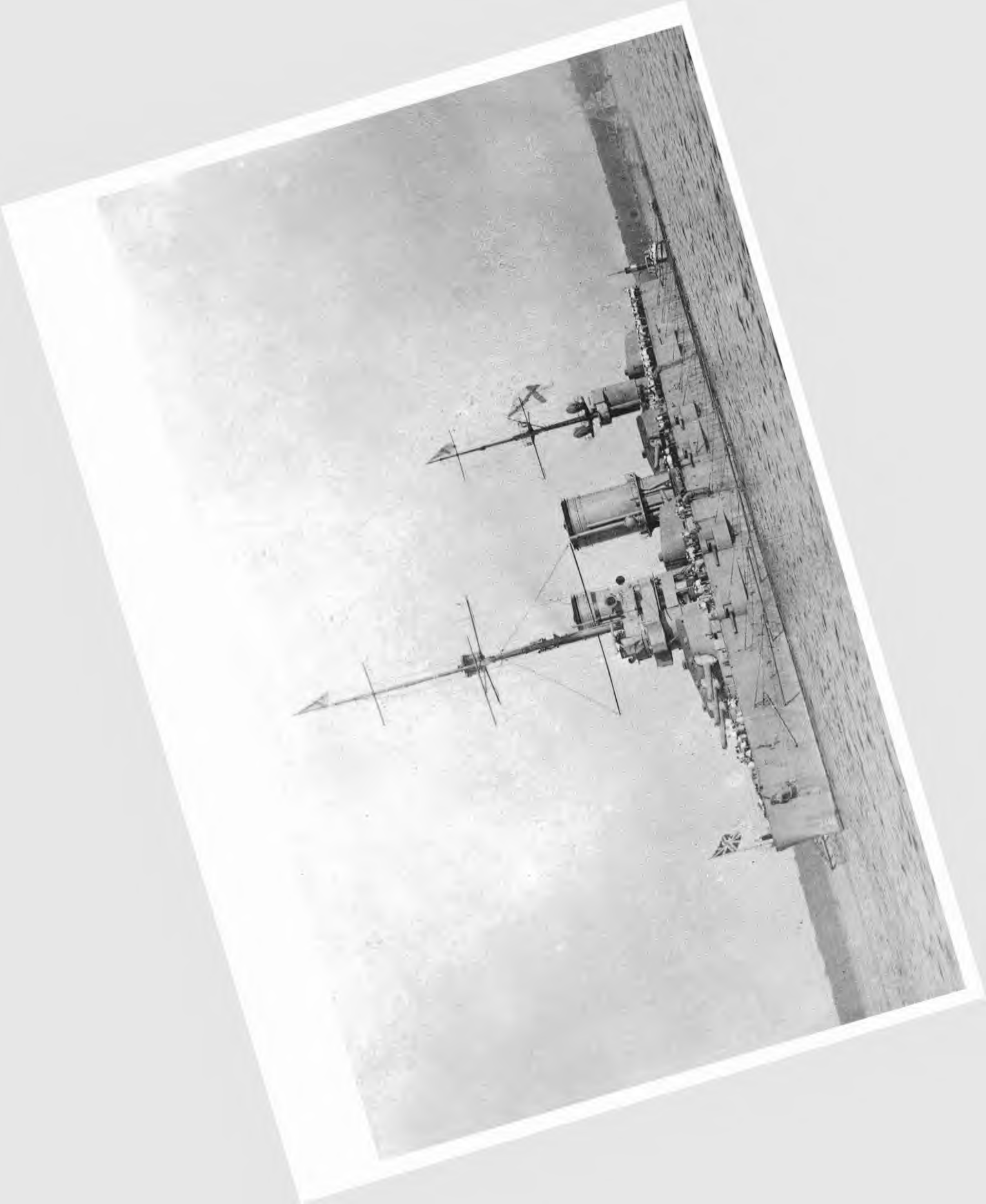

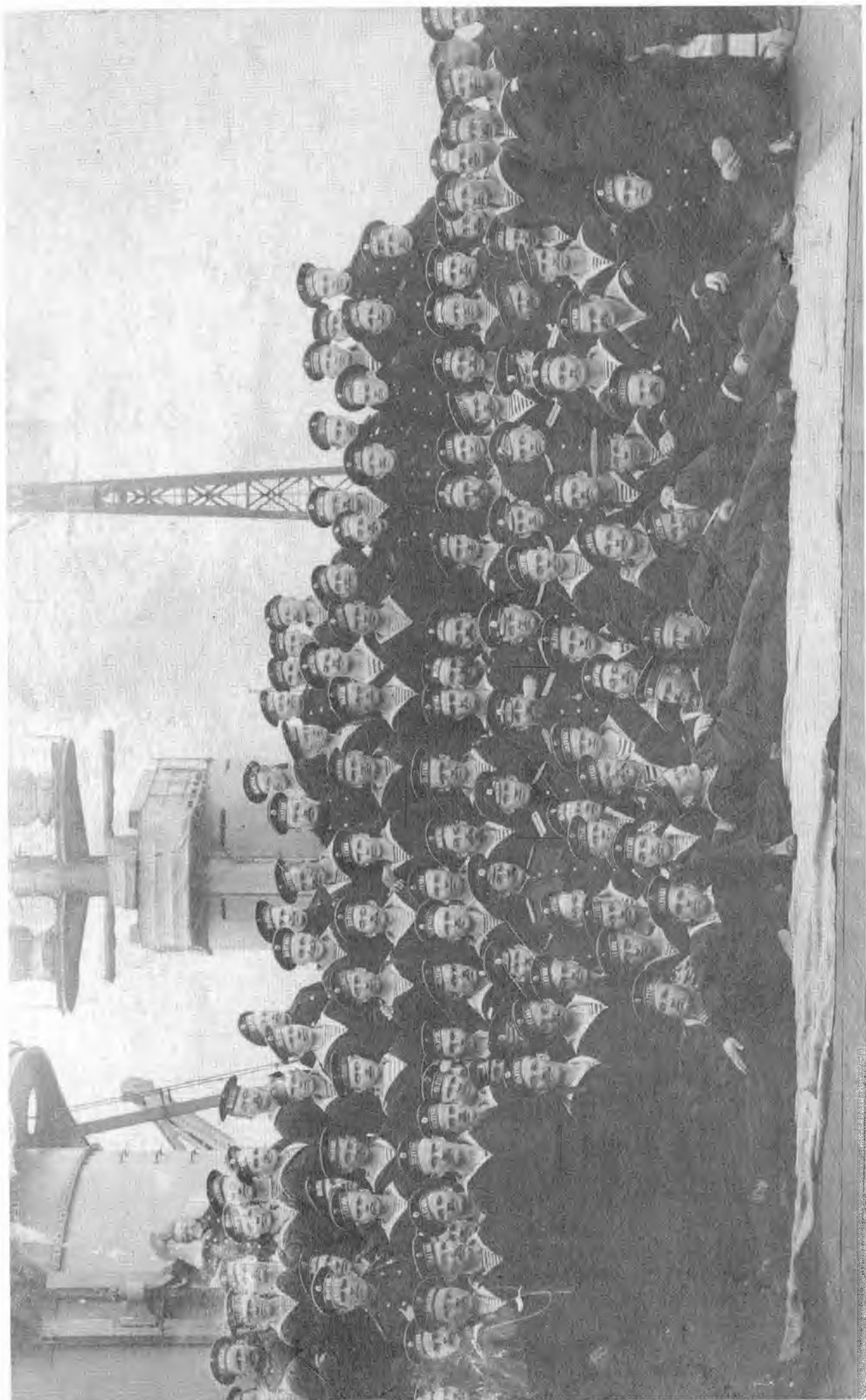
Линейный корабль "Севастополь". 1914-1916 гг.

*Линейные корабли "Полтава" (вверху) и "Петропавловск"
Справа: "Петропавловск" в Гельсингфорсе*

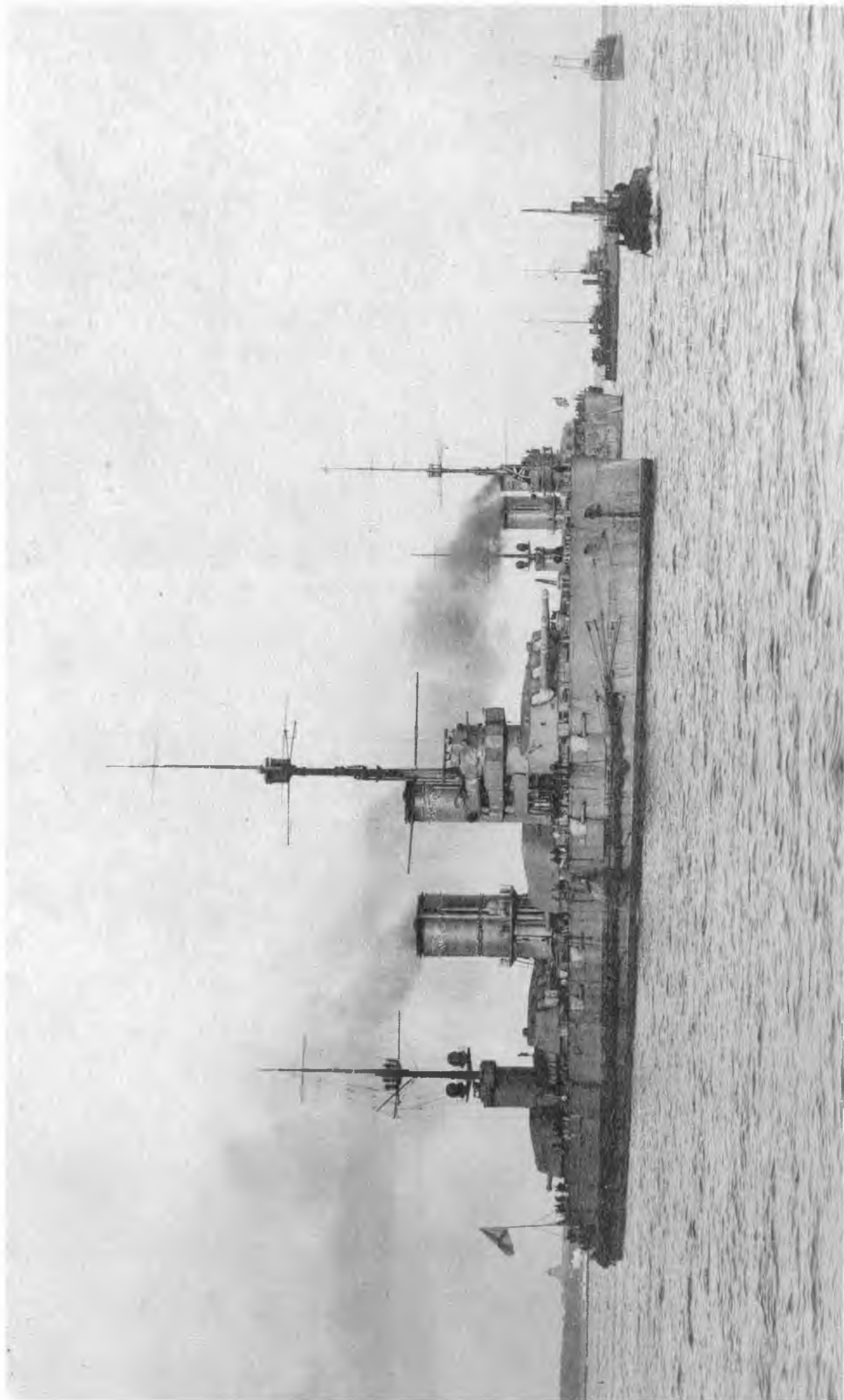
Моряки Балтики. Экипаж линкора "Полтава"

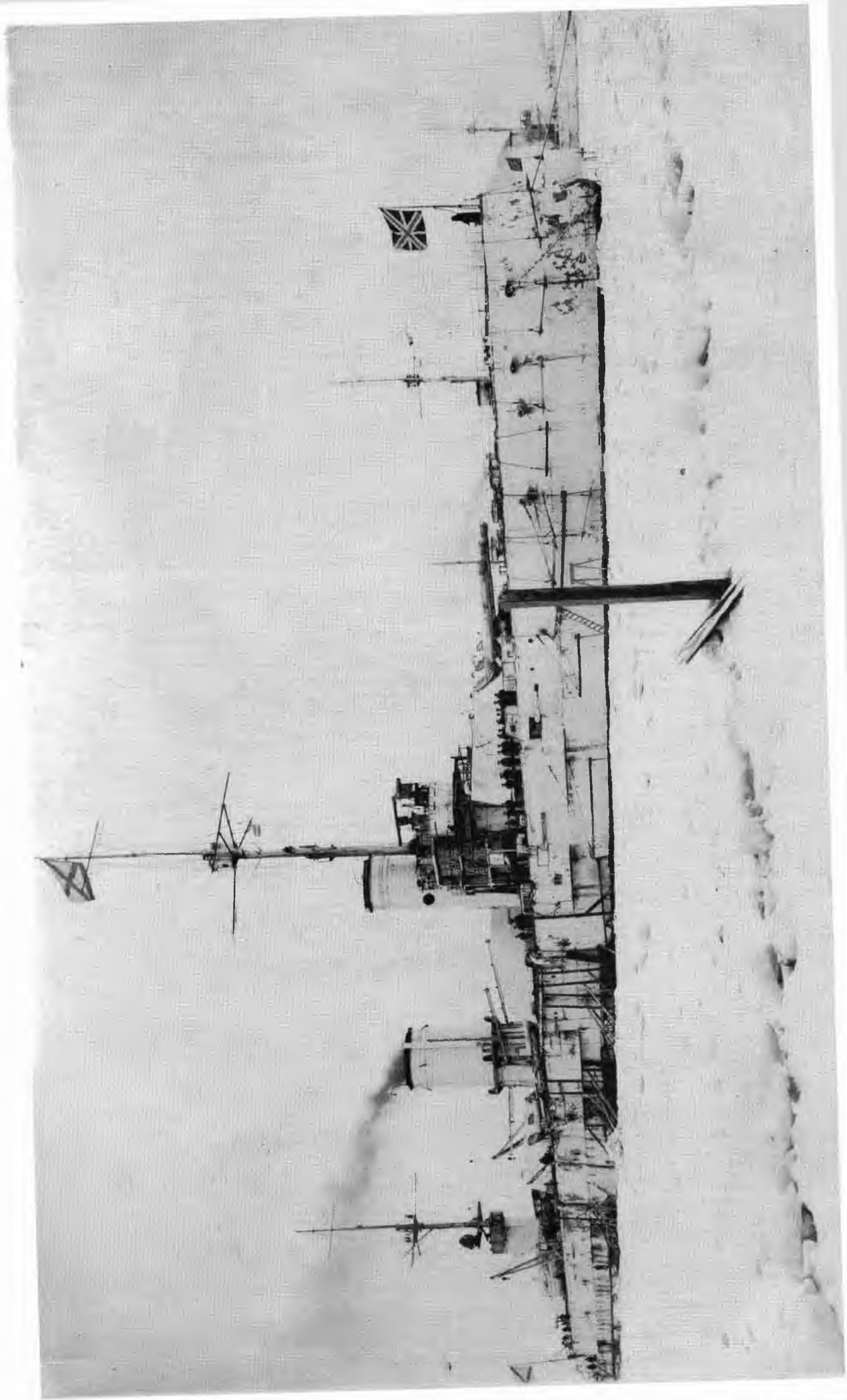
Во время работ и
отдыха: на **"Севастополе"** (вверху) и
"Полтаве" (в центре
и внизу)

Справа: Линейный
корабль **"Полтава"**.
25 марта 1916 г.

Во время зимней стоянки в Гельсингфорсе
 Справа: "Севастополь" в Гельсингфорсе. Зима 1916/1917 гг.

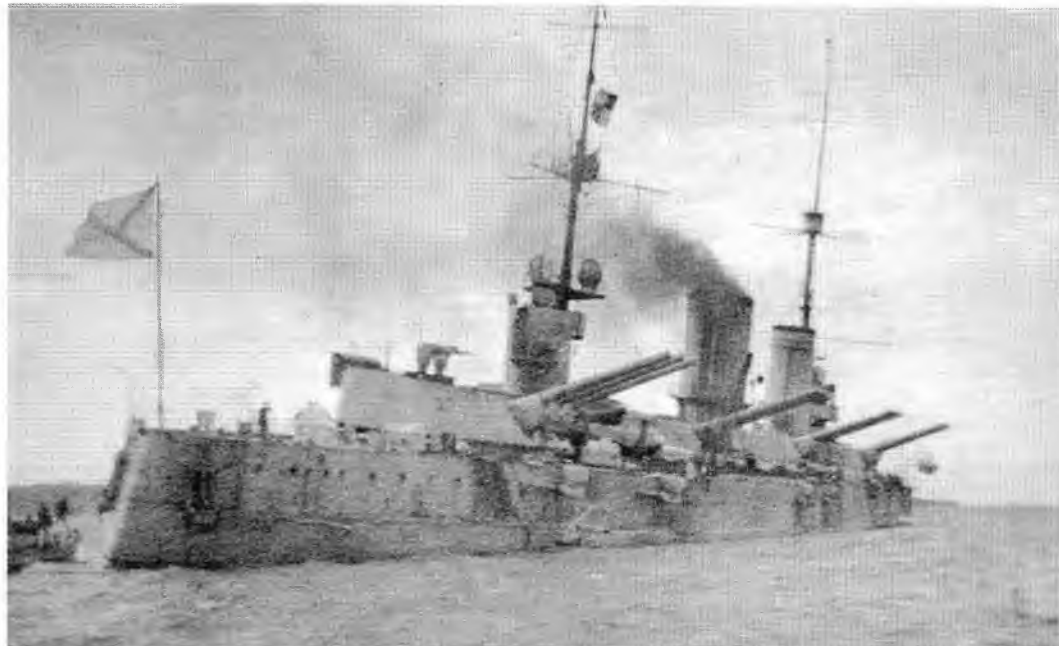
*Линейный корабль "Севастополь" (вверху)
 Во время митинга на "Севастополе". Март 1921 г. В центре у борта стоит
 председатель Центробалта П.Е. Дыбенко.*

Здесь, и далее помещены фотографии сделанные лейтенантом с линкора "Петропавловск" С.П. Славинским в период с 1915-1916 гг.

На "Петропавловске" во время купания команды (2 фото вверху) и креновании при определении метацентрической высоты.

“Петропавловск” во время кренования при определении метацентрической высоты

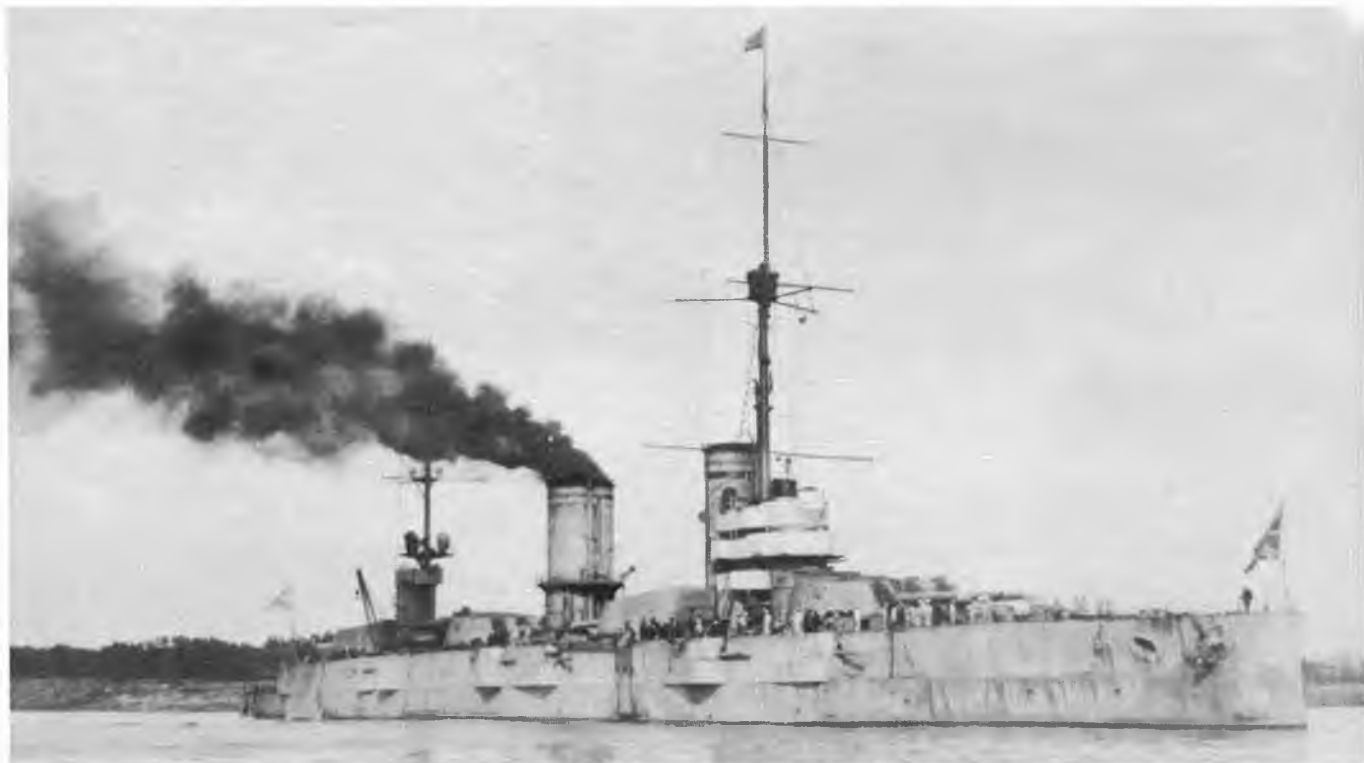

На "Петропавловске" во время кренования при определении метacentрической высоты и перед стрельбой главным калибром

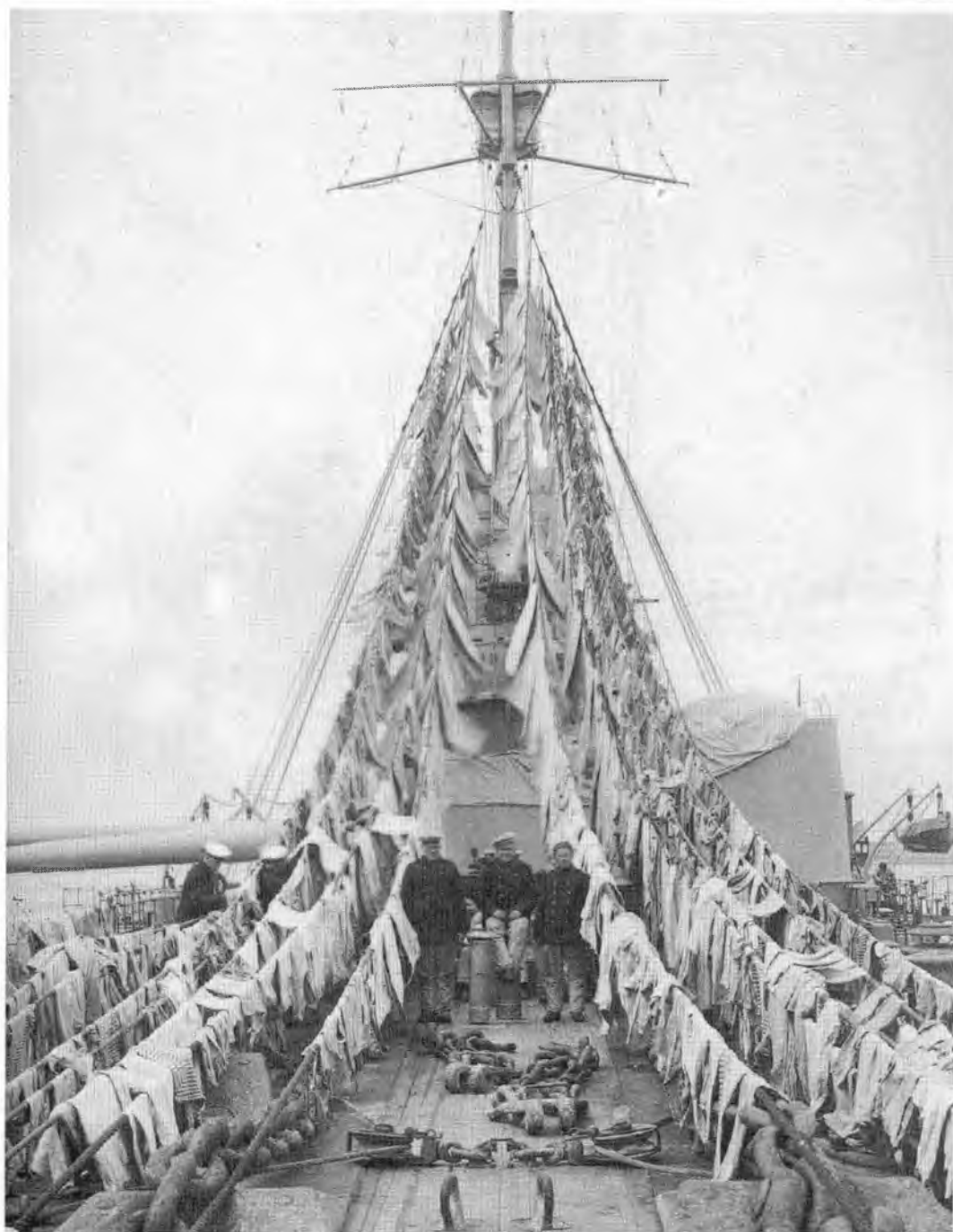

*"Петропавловск"
в походе*

На якорь

*На баке после
большой приборки*

Перед построением
на юте

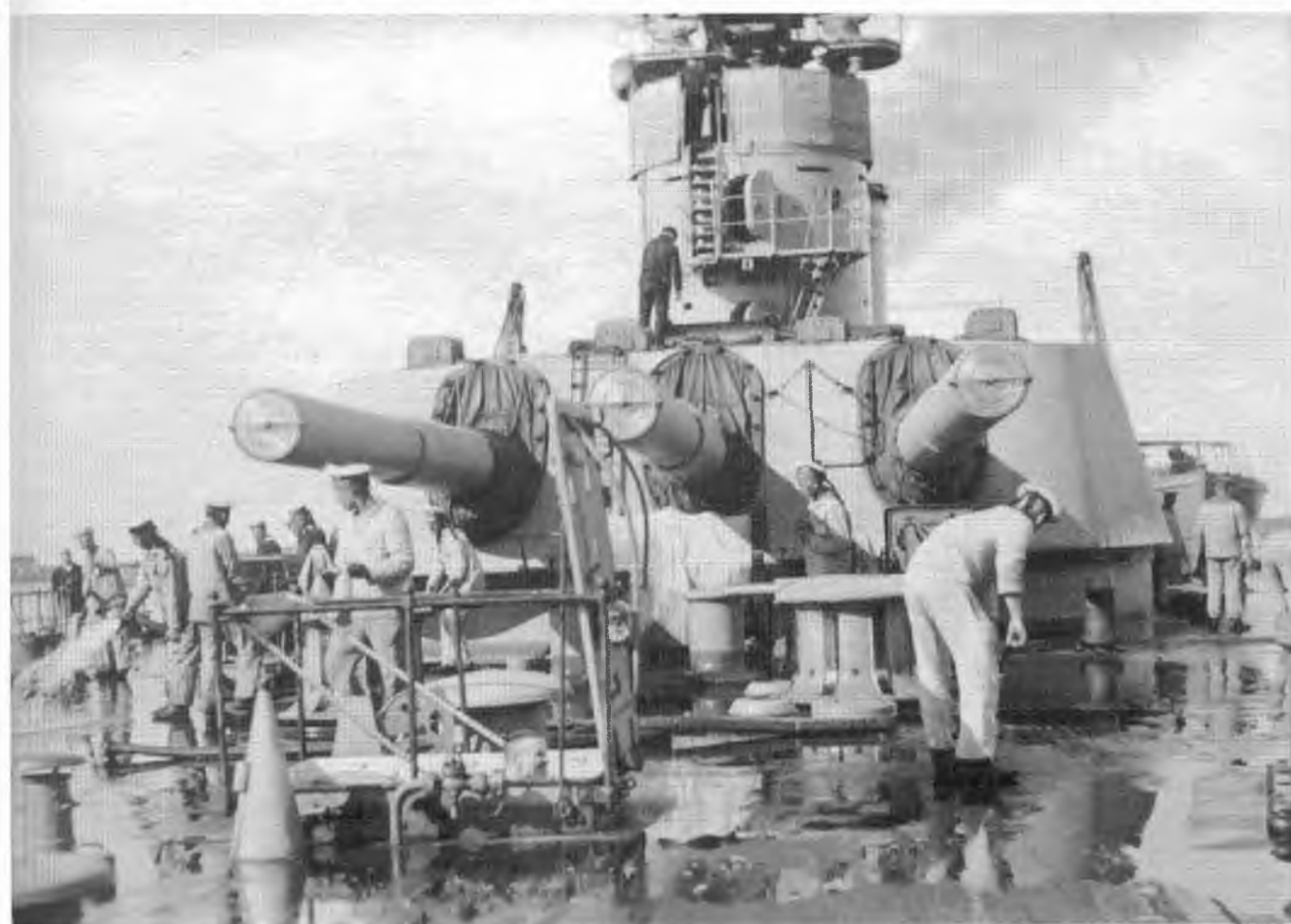

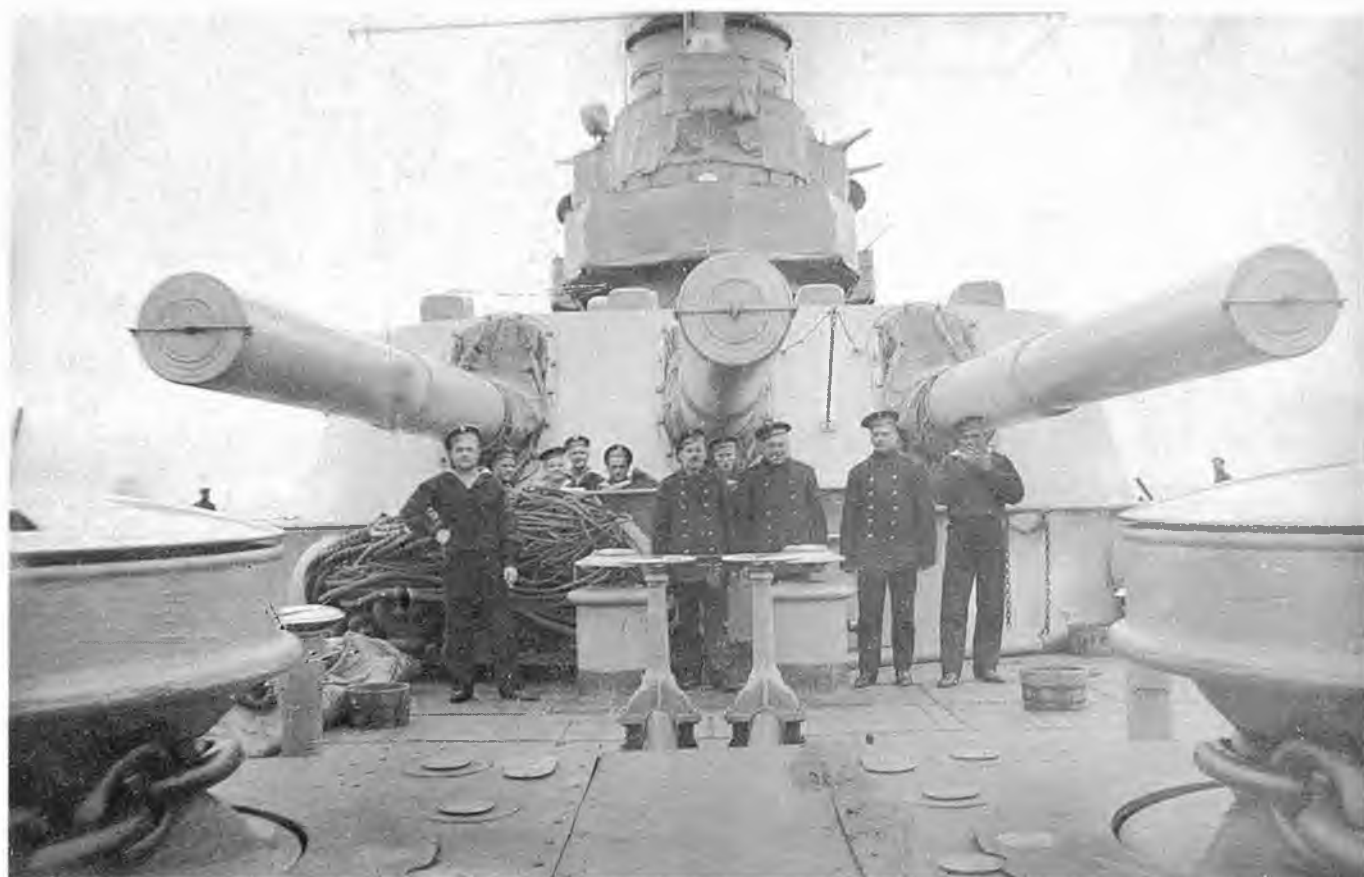

При проведении
спортивных меропри-
ятий и перед уволь-
нением на берег

*Сфицеры "Петропавловска" (вверху). Построение на шкафуте.
Справа: на баке и юге линкора*

Боцманская команда на баке "Петропавловски" (вверху).
Построение на юте

Двойку шпатлюють.

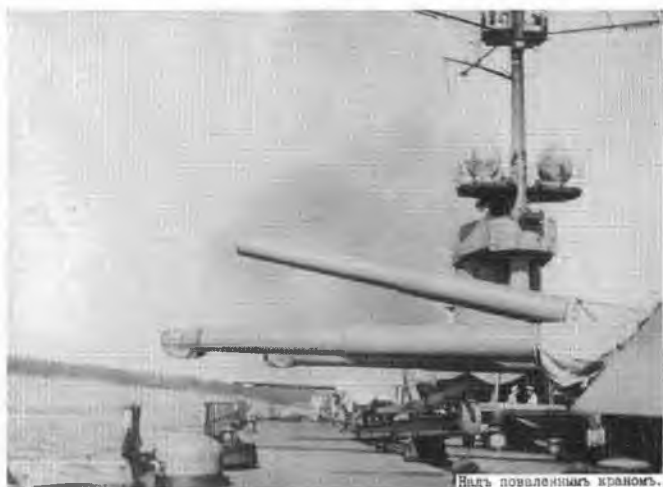
Вибирають на "ШАВАЛІ" "

Сидять и калечат.

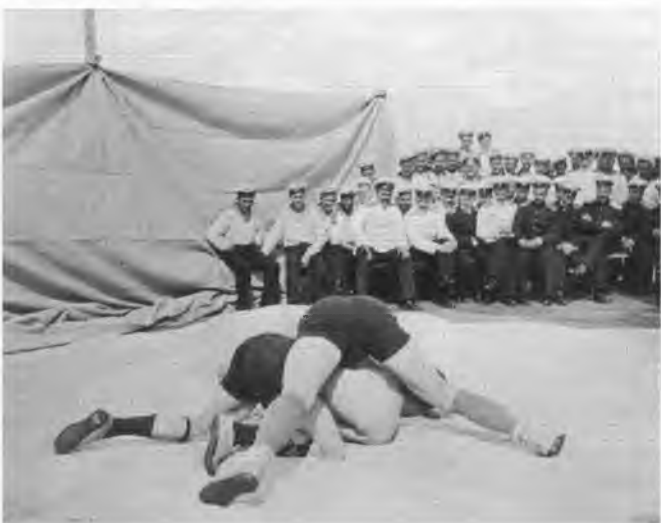
Обученіє наводки.

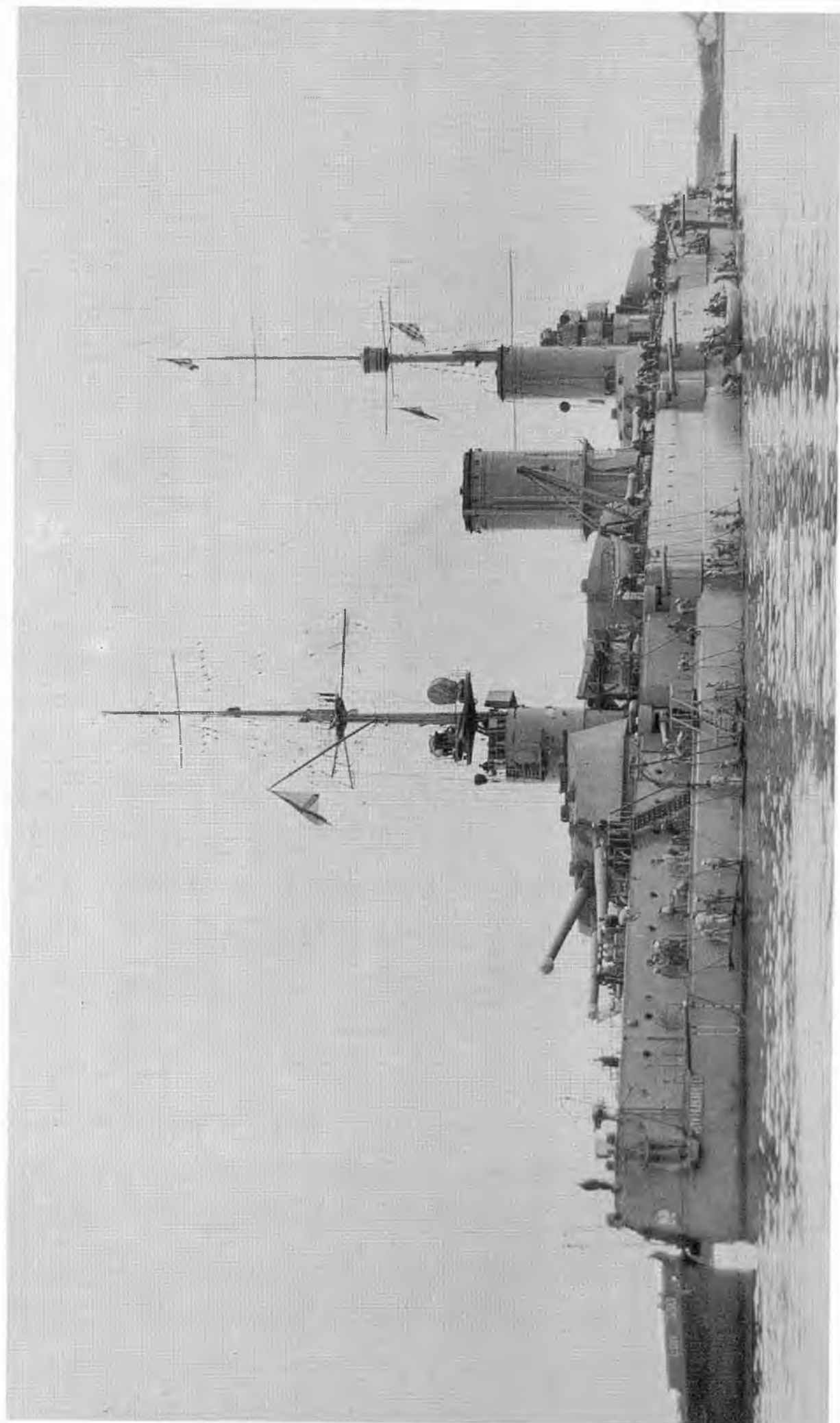
Надъ поваленнымъ краномъ.

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Корабельные будни

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Во время отдыха
Справа: на Большом Кронштадтском рейде

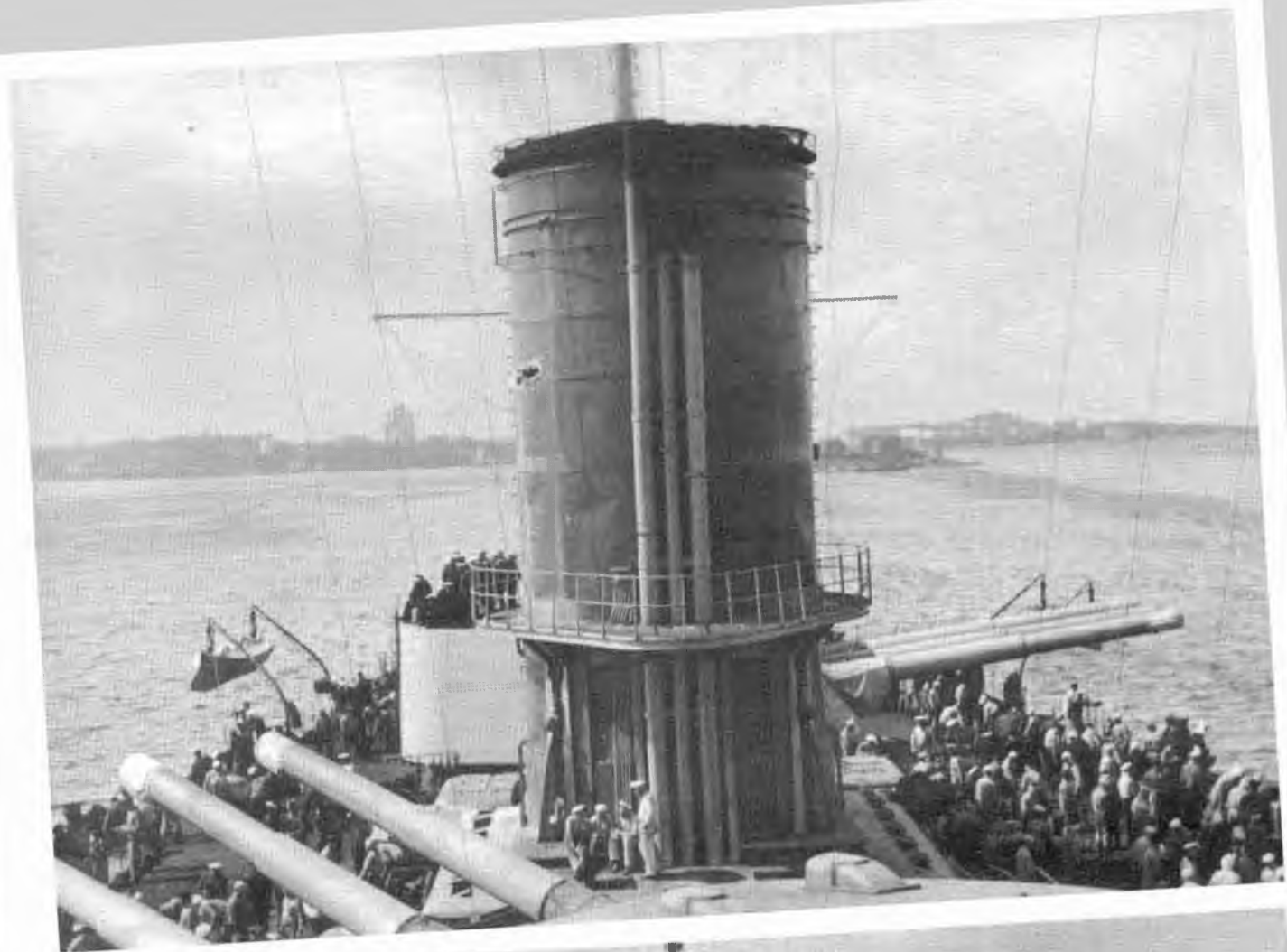

Корабельные будни

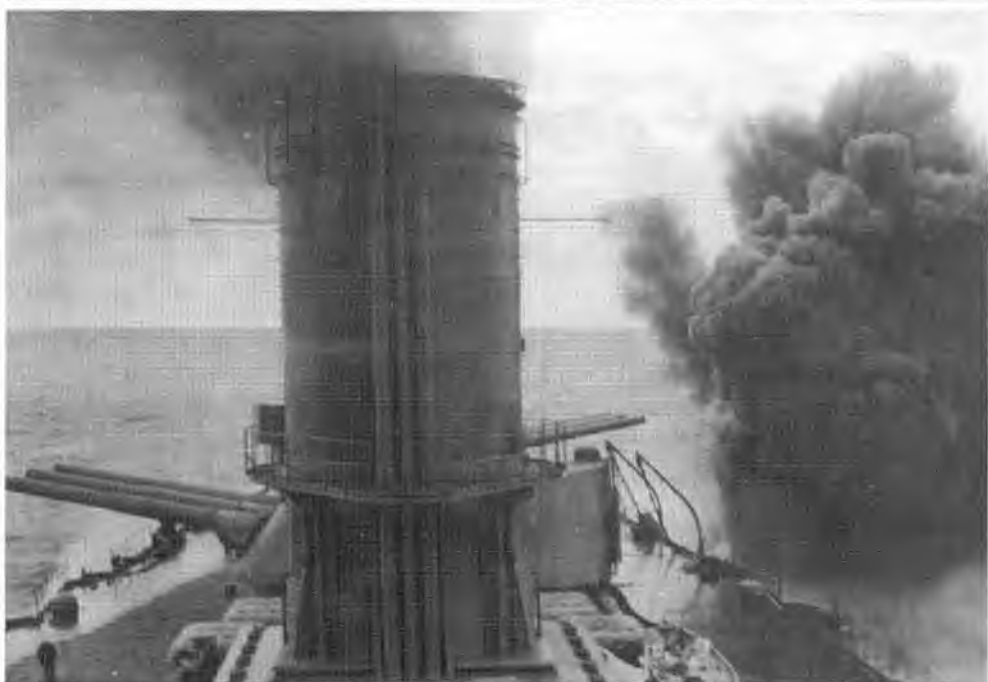
Справа: "Петро-
павловск" уходит в
поход

Линейный корабль
"Петропавловск".
1915-1916 гг.
Стрельба из орудий
главного калибра

Линейный корабль
 "Петропавловск".
 1915-1916 гг.
 Стрельба из орудий
 главного калибра

Молебствие въ судовой праздникъ.

Чарка за Государя.

Линейный корабль
"Петропавловск".
1915-1916 гг.
Корабельные будни

Линейный корабль
 "Петропавловск".
 1915-1916 гг.
 В походе

Линейный корабль
"Петропавловск".
1915-1916 гг.
Во время
погрузки угля

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Корабельные будни

Линейный корабль
"Петропавловск".
1915-1916 гг.
Корабельные будни

Увольнення команди на берегъ.

у аэроплавныхъ пушекъ.

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
В боевых походах и учениях

Автопортрет из пorthола
просектора Пошпотова

"ЗАГАСИТЬ"

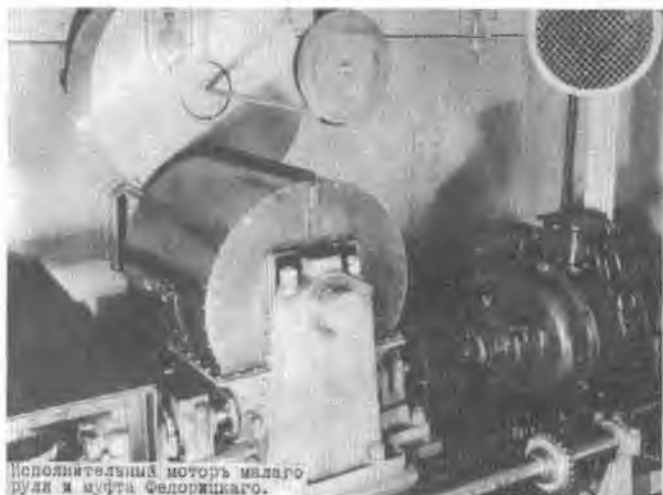
Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Тренировки сигнальщиков и артиллеристов

Конденсаторы дизеля.

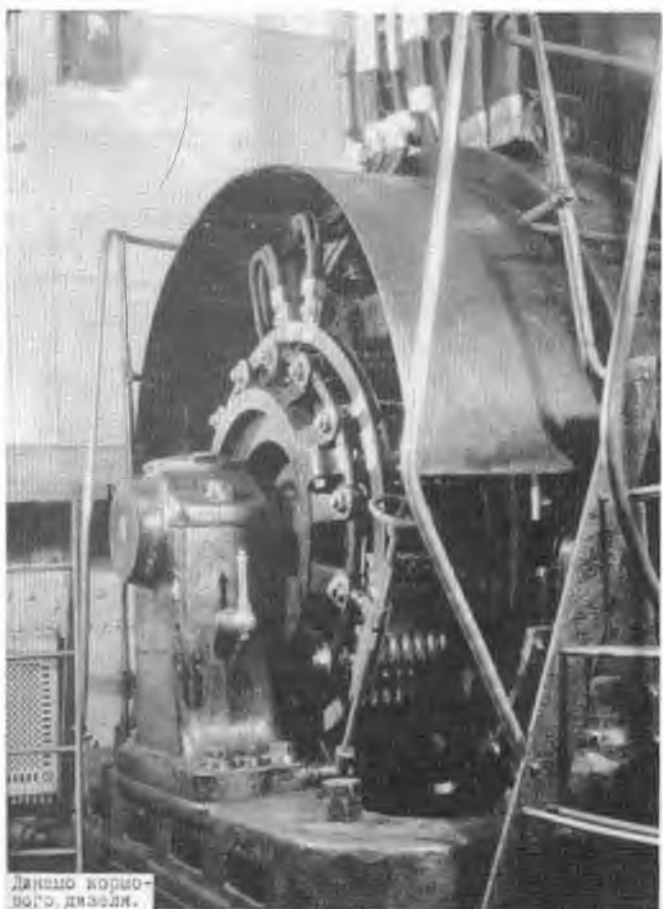
Главный кранъ

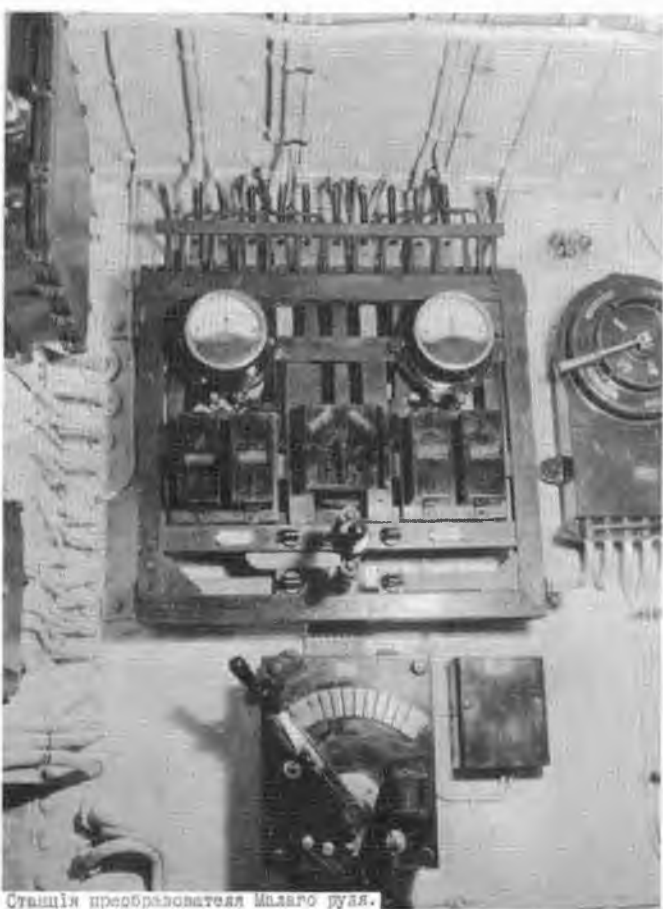
Исполнительный моторъ малого руля и муфта Федоричаго.

Преобразователь поворота крана.

Данное кормового дизеля.

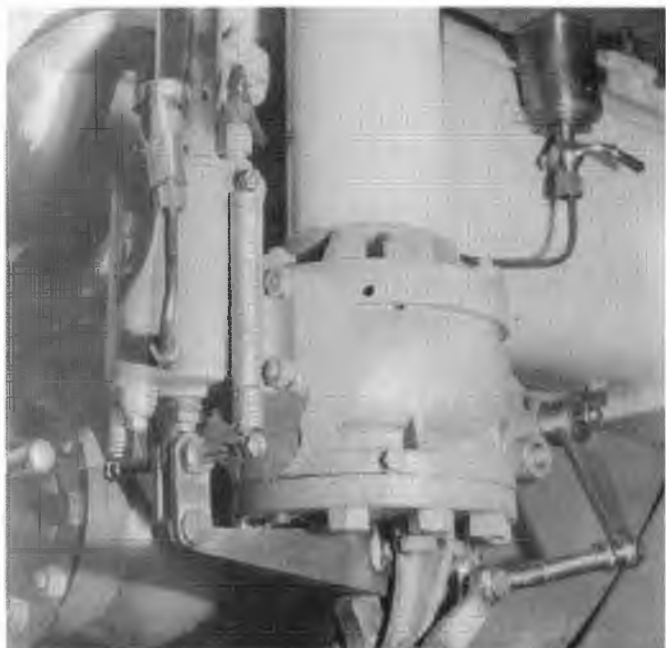
Станція преобразователя Малаго руля.

Боевой механический пост.

Нижняя площадка котельной.

Линейный корабль "Петропавловск", 1915-1916 гг.
Боевые посты корабля

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

Вид из каюты на корабль

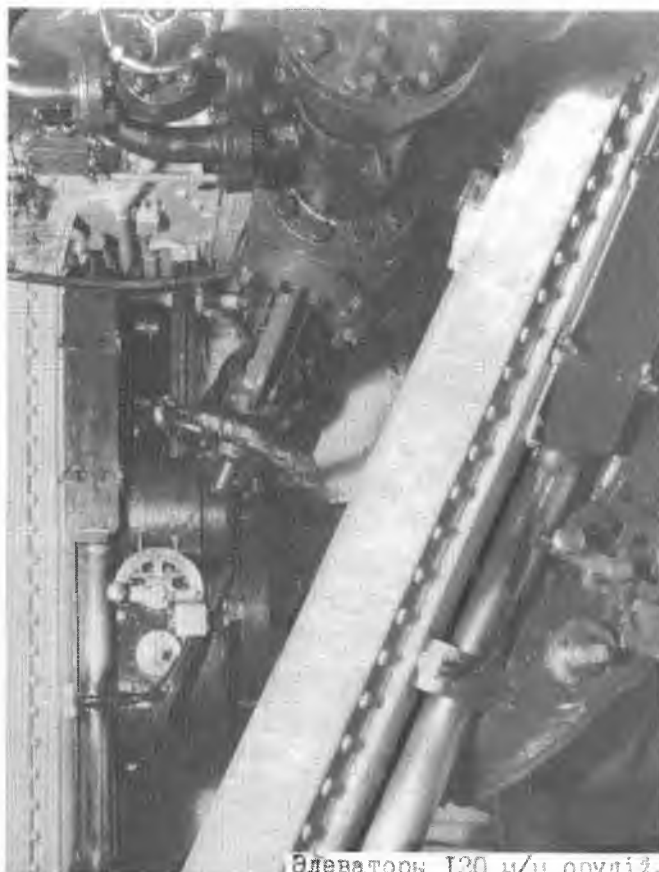
Вид из каюты на корабль

Воздухомагнетельный насос Уайтхеда.

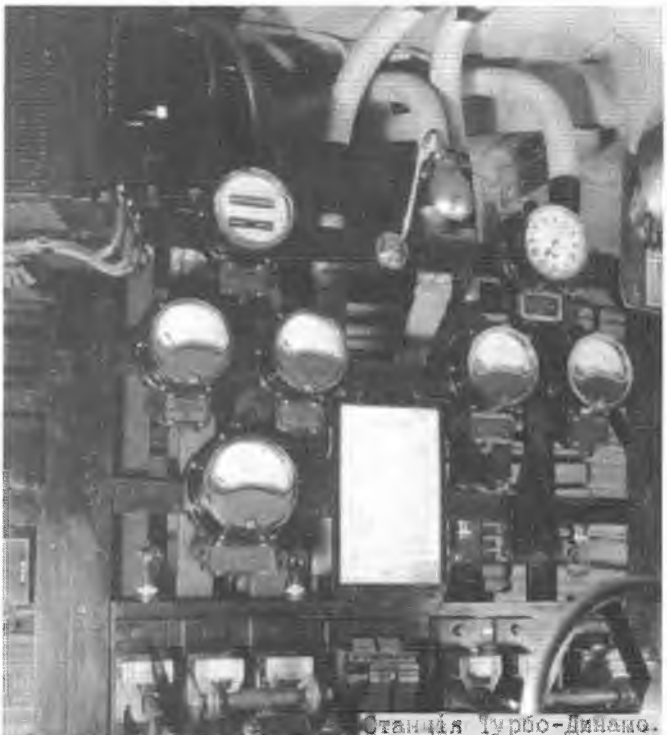
Верхняя площадка котельной.

Элеваторы 130 м/м. орудий.

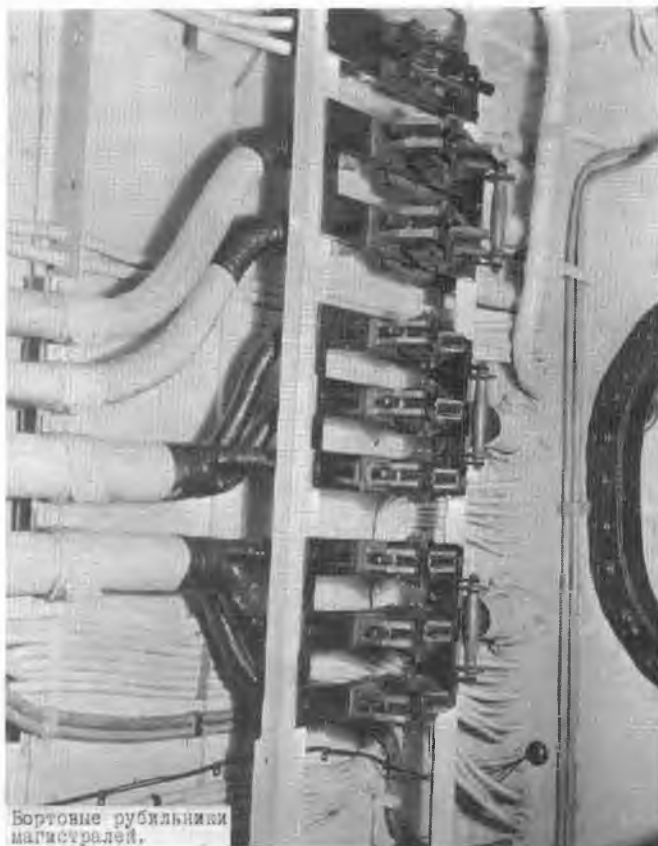
В помещении головы
Большого руля.

Станция Турбо-Динамо.

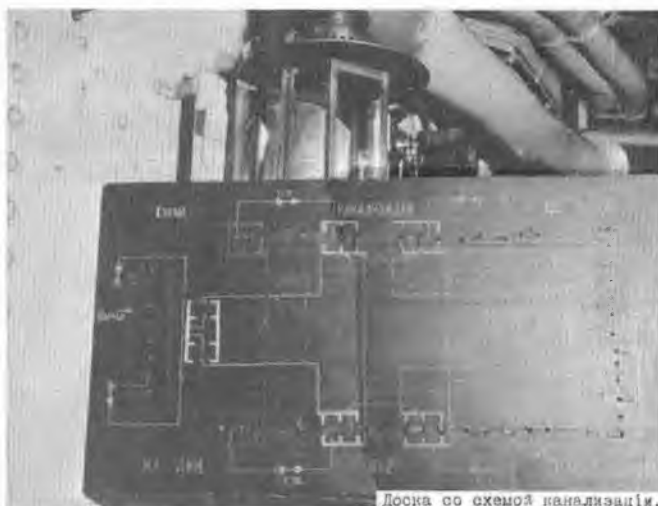
Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Боевые посты корабля

Бортоние рубильники
магистралей.

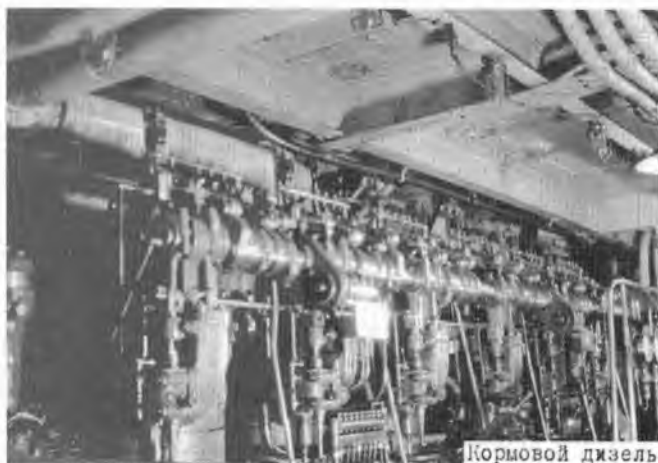
Вентиляторъ въ
25000 кубиковъ.

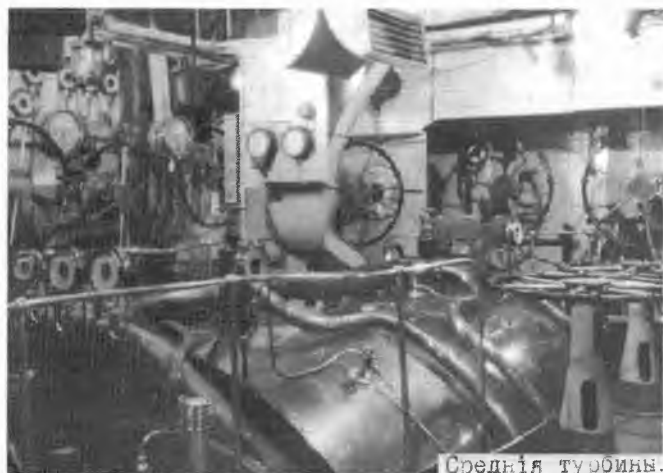
Доска со схемой канализации.

Послѣд центральныя посты.

Кормовой дизель

Среднія турбины.

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
Боевые посты корабля

Линейный корабль "Петропавловск". 1915-1916 гг.
 Во время построений
 Справа: офицеры "Петропавловска"
 На обороте: в каютах офицеров и кают-компания

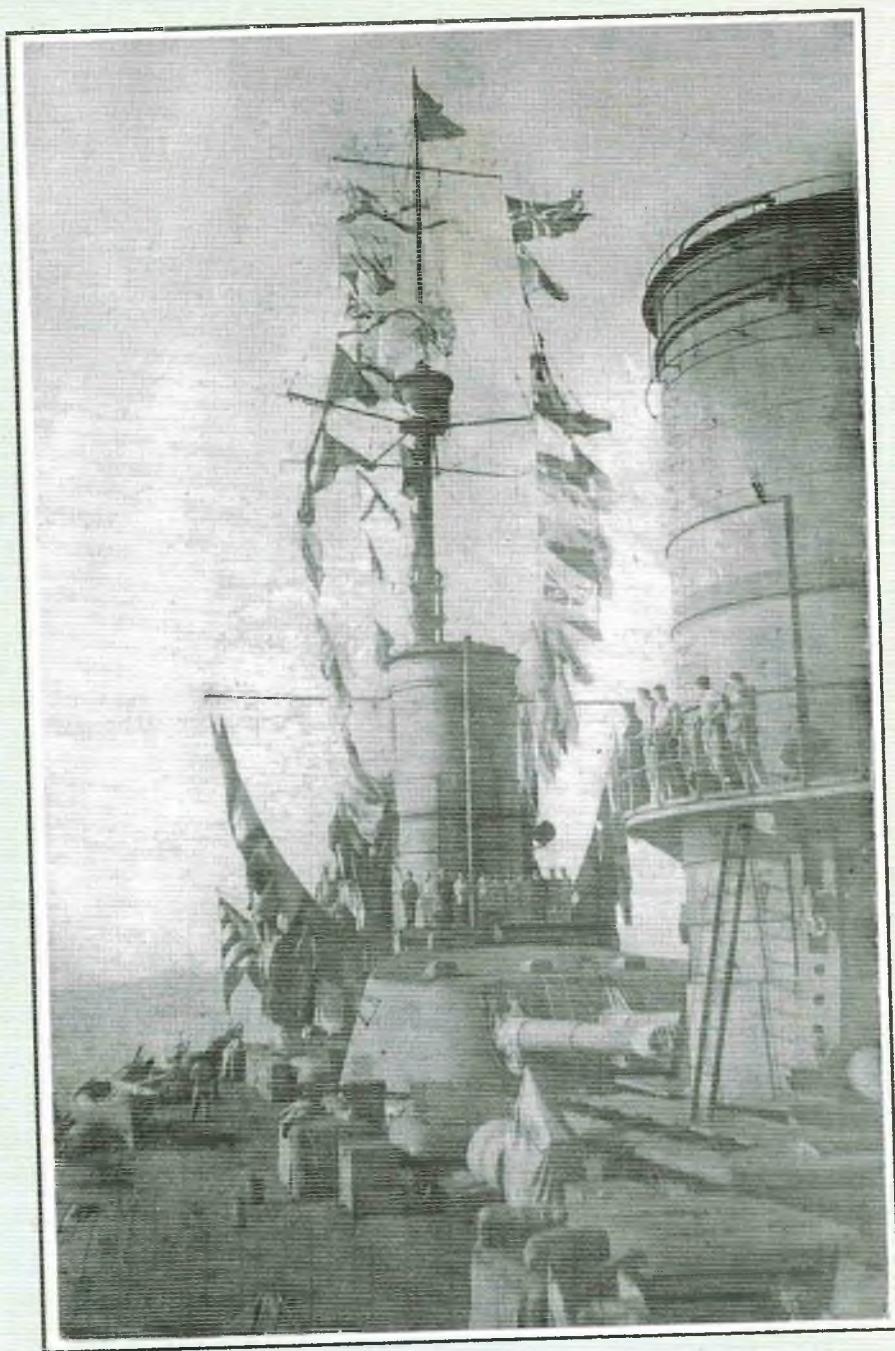
Моя каюта.

Судовий святини.

15 октября с линейного корабля "Гангут" сошел последний отряд моряков на борьбу с Юденичем, наступавшим на Петроград и уже занявшим Ямбург, Красное Село и Гатчину. Они влились в состав 7-й армии, оборонявшей подступы к Петрограду. Опустевший линкор, безжизненный и холодный, стоял у стенки завода. Линкоры "Петропавловск" и "Севастополь" после подавления мятежа на фортах Красная Горка и Серая Лошадь были оставлены на длительное хранение в Кронштадте. В середине ноября 1919 г. завершился разгром белогвардейцев и иностранных интервентов на подступах к Петрограду. В декабре последний корабль английских интервентов был вынужден покинуть воды Финского залива.

Балтийский флот до конца выполнил свой революционный долг перед страной.